

Ю.М. Резник

ФИЛОСОФИЯ КОТА КУЗИ

Часть 3

Москва 2023

Рецензенты:

Доктор философских наук, профессор Б.В. Марков

Кандидат социологических наук, доцент В.Г. Николаев

Доктор социологических наук, профессор В.Н. Щербина.

Редакторы-корректоры: Д.А. Шевелева, И.В. Силина, С.В. Бутенко.

Резник Ю.М. ФИЛОСОФИЯ КОТА КУЗИ (ДИАЛОГИ). Часть 3. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2023. – 348 с.

Третья часть книги является продолжением публикации диалогов автора со своим воображаемым собеседником – котом Кузей. Она составлена из бесед, размещённых на Фейсбуке с 2020 г. по 2021 г., а также подготовленных позже в период 2022-2023 гг. Основной предмет обсуждения остаётся прежним – мир людей, меняющийся в эпоху глобального кризиса. Книга состоит из пяти разделов – «Философия для людей и котов», «Актуальные проблемы», «Человек и его нравы», «Что значит запечатлеться?» и «Философские персоналии», каждый из которых содержит диалоги разной тематической направленности.

Автор посвящает книгу своим друзьям-философам из Санкт-Петербурга. Она предназначена для широкого круга читателей – как философов-профессионалов, так и любителей популярной философии.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
------------------	---

О наших друзьях и о времени, в котором мы живём.

Время жить или выживать (вместо введения) (27.09.20; 05.06.23)	5
--	---

Раздел I. ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ И КОТОВ

1.1. Зачем нам нужна философия и зачем мы нужны философии? (07-08.12.21)	22
---	----

1.2. Образы философов в современном кинематографе: от реального к желаемому (29.11.20)	30
---	----

Раздел II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

2.1. «Короче, блин». Немного о сленге и культуре общения молодых виртуалов (01.01.20)	41
--	----

2.2. На чём или на ком сегодня «держится» Россия? (10.10.20)	54
--	----

2.3. Кто и зачем делит людей на группы? От формального разделения к принудительному (часть 1) (04-05.02.21)	68
--	----

2.4. Кто и зачем делит людей на группы? От формального разделения к принудительному (часть 2) (06-07.02.21)	90
--	----

2.5. «Игры в демократию» и то, ради чего стоит жертвовать собой (13-14.02.21)	110
--	-----

2.6. О войне и мире (российский контекст) (21-22.01.22)	123
---	-----

Раздел III. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРАВЫ

3.1. Другой – свой или чужой? (16.01.20)	136
--	-----

3.2. Пути к добру, которые мы не всегда выбираем (26.11.20)	145
---	-----

3.3. Человек рго. Альтернативные версии «расширенного» или дополненного» человека (03.12.20)	159
---	-----

3.4. Ничто или Иное? (08.01.21)	174
---------------------------------------	-----

3.5. Человек как жертва. Ещё раз о том, зачем и ради чего стоит жертвовать (13.02.21; 08.04.21)	182
--	-----

3.6. О доверии (13.03.21; 08.05.21)	202
---	-----

3.7. Свой среди чужих, чужой среди своих (05-07.01.22)	210
--	-----

Раздел IV. ЧТО ЗНАЧИТ ЗАПЕЧАТЛЕТЬСЯ?

4.1. Что такое запечатление? (29.05.21)	231
4.2. Запечатление с собой и своим ближним кругом (12.06.21)	241
4.3. Запечатление с Другим (другими) (15.06.21; 23.10.21; 27.10.21)	250
4.4. Запечатление со страной и государством (15.07.21; 08.09.21; 09.11.21; 14.12.21; 14.02.22)	261
4.5. Запечатление со Вселенной (08.09.21; 05.03.22; 12.04.22)	280

Раздел V. ФИЛОСОФСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ

5.1. Жил-был Борис Васильевич (к 75-летию Б.В. Маркова) (02-04.02.21)	289
5.2. Илья Игоревич такой, каким мы его не знаем (к 50-летию И.И. Докучаева) (17-19.12.21)	301
5.3. «Большой брат» из Рязани (новогодние фантазии о взглядах Н.А. Степанова) (01-02.01.22)	314
5.4. Константин Семёнович Пигров как эпикуреец нашего времени (к 85-летию) (25-26.05.23)	326
Шевченко В.Н. О философии Кузи (вместо заключения)	340
Именной указатель	343
Content	345

О НАШИХ ДРУЗЬЯХ И О ВРЕМЕНИ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЁМ. ВРЕМЯ ЖИТЬ ИЛИ ВЫЖИВАТЬ (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Дорогие друзья! Этот диалог начался в сентябре 2020 г. и окончился три с половиной года спустя (в самом начале июня 2023 г.). За это время много воды утекло. Мы стали старше, но вряд ли мудрее. Мы пережили ковид, а теперь переживаем события на Украине.

Но в политическом плане в стране мало что изменилось. Тот же Президент, примерно те же, хотя и в дополненном составе, депутаты Госдумы и члены Правительства. Можно и далее перечислять незначительные перемены, происшедшие в стране. Однако в целом система и её институты не претерпели принципиальных изменений. Это относится и к большинству людей, включая нас самих, которые остались на своих местах. И, слава Богу, что нынешняя ситуация, несмотря на тревожные настроения, позволяет нам вести привычный образ жизни.

Кто-то считает, что подобная ситуация свидетельствует о стабильности и развитии («оптимисты»), а кто-то видит в этом элементы застоя и не верит в перемены («пессимисты» или «скептики»). Но, наверное, как тех, так и других, беспокоит будущее России, которая оказалась сегодня в ситуации острой конфронтации с западной цивилизацией. Причём «оптимисты», как и «скептики», в зависимости от культурной ориентации подразделяются на еврооптимистов или евроскептиков, с одной стороны, и пророссийских, в т.ч. евразийских, оптимистов или скептиков, с другой. А по основанию «субъект – место» их можно разделить также на эгоцентричных и экоцентричных оптими-

стов или скептиков. Здесь и далее я специально избегаю употребления неоднозначного по смыслу термина «топос», который чаще всего трактуется в философии и культурологии как образ культуры или того места, в котором существует человек.

Третью часть книги мы с Кузей решили посвятить нашим друзьям-философам из Санкт-Петербурга. Так уж случилось, что с ними нас связывают особые отношения, сложившиеся ещё в 1990-е – 2000-е гг. Для меня Питер – это, прежде всего, они (Константин Семёнович Пигров, Борис Васильевич Марков, Илья Игоревич Докучаев, Никита Всеволодович Кузнецов, Дмитрий Кириллович Богатырев и др.). Иначе говоря, это город близких мне по духу людей. Конечно, круг друзей у нас с Кузей значительно шире. Но в предисловии мы решили поговорить, прежде всего, о них.

Я спросил Кузю, что он думает о нынешнем времени и о друзьях, которые знакомы с нашей книжки «Философия кота Кузи» [2; 3]. И вот что он мне ответил.

Предисловие

Кузя: О времени говорить не буду. Не стану оригиналом, если скажу, что в масштабах Вселенной вся наша жизнь – всего лишь одно краткое мгновенье. А о людях повторю уже сказанное в первой части нашей книжки: «Люди, как люди, не хорошие и не плохие. Все сделано из одного теста и все, как один, боятся смерти» (см. [2, 77-82]).

Что касается предложенной тобой социально-психологической типологии, то я занимаю скорее позицию экологического скептика, чем оптимиста. Грустно смотреть на потуги одних людей оправдать нынешнюю ситуацию кризиса, а других – видеть в этом особую миссию России в обустройстве мира. По моему убеждению, для того, чтобы противостоять Западу, нужно быть экосистемой имперского типа, как например, Российская империя или бывший СССР. А вы свою империю разрушили до основания, а теперь пытаетесь из оставшихся осколков собрать бывшее могущество. Нельзя дважды за одно столетие радикально менять общественное устройство, не рискуя окончательно разрушить культурные устои и развалить экосистему.

Ещё хочу отметить, что, чем ближе вы оказываетесь к моменту массовой гибели (например, к ядерной катастрофе), тем больше у вас притупляется чувство страха смерти. Теперь каждый из вас

боится умереть в одиночку – на улице, больничной койке или в домашней постели. А умереть внезапно вместе с половиной человечества, наверное, не так уж и страшно. Вот такой получается парадокс.

Наши друзья – в целом симпатичные люди, несмотря на сложное время, в котором мы живём и которое каждый переживает по-своему. Они принадлежат примерно к одной социальной категории – группе гуманитарной интеллигенции, которая остро воспринимает социальное неблагополучие и то, что ты называешь кризисом человеческого развития. А кризисная ситуация явно понизила градус общественных настроений и пессимистов, возможно, стало больше, чем оптимистов.

Я: Ну а мне при таком раскладе подобает быть «экооптимистом», хотя оснований для такой позиции остаётся всё меньше и меньше. Мир неудержимо скатывается в пропасть, переходя «красные линии», за которыми скрывается экологическая катастрофа. Конечно, для меня лучшее будущее для России – экоевразийская цивилизация. Но об этом мы поговорим с тобой как-нибудь в другой раз.

Видимо, я неслучайно назвал вторую часть нашей с тобой книжки «Антропологией с точки зрения кота» [3]. У тебя, Кузя, прослеживается явный интерес к проблемам человеческого существования, что подтверждает содержание и третьей части книги.

Кузя: А я это и не скрываю. Вы интересны мне не только как объект наблюдений, но и как источник творческого вдохновения. Правда, есть у наших друзей и читателей один общий недостаток. В силу перегруженности и хронического цейтнота они не очень-то отзывчивы на сказанное нами, в т.ч. по их поводу. Большинство из них предпочитает беглый просмотр наших текстов. И лишь единицы ставили лайки в Фейсбуке и погружались в наши диалоги, за что им отдельная благодарность. К ним я отношу в первую очередь Шевченко Владимира Николаевича и Маркова Бориса Владимировича.

Я: Ну разве это недостаток? Это, скорее, одна из тенденций нашей быстротекущей жизни. Никто не хочет и не может отвлекаться на то, что не связано с его выживанием и привычным жизненным ритмом. Ты же сам как-то говорил, что нужно жить экономно, т.е. по своим возможностям, не растрачивая себя по пустякам.

Кузя: Ничего себе пустяк – жизнь! Экономить можно на всём, чём угодно. Однако, не стоит экономить на том, что относится к жизни. И в ней мелочей не бывает. Это раз. Мы все живём в одном

мире, хотя и в его разных сегментах или сферах. Это два. И этот мир задаёт нам свои жизненные и временные стандарты, хотим мы этого или нет. И это три.

Я: Что касается природы времени, то об этом в разные эпохи писали многие философы. Проблема времени оказалась в центре одной из дискуссий Московско-Петербургского философского клуба [1]. Могу лишь сказать, что субъективно оно переживается нами по-разному. Каждый из нас располагает собственным психологическим временем, которое не совпадает с социальным временем и т.д. К тому же оказывается, что мы живём в разных временах. Как правило, человек предпочитает жить в своём времени, сообразуясь со временем жизни других людей. И мы с тобой, мой дорогой собеседник, находимся чаще всего на периферии их карты социального и психологического времени. Но у меня есть ощущение, что с друзьями нам всё-таки удаётся согласовать эту карту, а тем самым оказаться на одной временной орбите.

Кузя: Пожалуй, соглашусь с тобой. Жить в одном (конвенциональном) времени – отличительная черта дружбы. Но мне иногда кажется, что некоторые из них повинуются не собственным жизненным ритмам, а социальным, выполняя массу нужных и не очень нужных (прежде всего им самим) обязательств перед разными сообществами. В результате практически у каждого из них образуется своя «долговая социальная яма» – не сданные вовремя статьи, отложенные встречи, невыполненные обещания и т.д. Так их жизнь превращается в колесо нескончаемых обязательств, которые тянутся длинным шлейфом за ними вплоть до самой кончины. Я это вижу по тебе. А потом, когда человека уже не стало, эти обязательства переходят к другим людям (их родственникам, друзьям или коллегам) и начинают снова усложнять им жизнь. Может быть стоит прервать этот порочный круг и остановить или перезапустить двигатель машины социального времени?

Я: Остановить ход времени нельзя. Мы, люди, так устроены, что без «машины социального времени» нам не обойтись. Поэтому мои друзья, как и я, перегружены работой и домашними делами, которые продолжают расти как снежный ком. Но парадокс нашего, переживаемого вместе, времени также заключается в том, что мы сами часто служим друг для друга социальными драйверами, обращаясь в первую очередь к друзьям с различными просьбами.

Иногда мы уподобляем их (и самих себя) водителям, которые перегоняют автомобиль из одного места в другое, т.е. побуждаем совершать малозначимые действия или второстепенные дела. А проблема зачастую состоит не только в том, что нам элементарно не хватает помощников, ассистентов и мы вынуждены обращаться к близким людям или друзьям, но и в том, что мы откладываем решение проблем, затрачивая все силы на обустройство своего места.

Кузя: А может быть, не стоит подчинять себя месту и связанным с ним социальным обязательствам, не оставляя времени на свободное общение с друзьями (например, с котами)?

Дружба – экзистенция или местобытие?

Я: Тебя послушать, так получается, что настоящая жизнь людей – это дружба с котами. Всё остальное – пустая трата времени и сил. А что же остаётся в жизни и дружбе каждого из нас за вычетом обязательств?

Кузя: Далеко не каждый человек может позволить себе такую роскошь, как общение с котом. Считаю, что тебе повезло.

А остаётся в вашей жизни как раз то, что ты называешь экзистенцией, которую не следует подменять социальными обязательствами и обслуживанием места, которое каждый из вас занимает. И именно в размышлениях о смысле, бренности и конечности своей жизни заключается важная сторона дружбы. Мы, коты, умеем дружить и находим для этого время, поскольку пребываем в экзистенциальном состоянии практически двадцать четыре часа в сутки. А вы, люди, бежите от экзистенции семимильными шагами, подменяя потребность в дружбе стремлением к потреблению мнимых благ или социальными предрассудками.

Я: Я счастлив, Кузя, что ты у меня есть. Мне, действительно, повезло. Но что ты хотел сказать, заняв не свойственную тебе позицию экзистенциалиста?

Кузя: То, что хотел, не скажу, а то, что скажу, тебе может не понравиться. Да, это твоя позиция, а не моя. Она изложена тобой в книге «Феноменология человека. Бытие возможного» (М., 2017). Я лишь пытаюсь её конкретизировать применительно к теме нашей беседы. Могу добавить, что экзистенция есть форма проецирования психологического измерения бытия на его социальное бытие. А дружба предполагает движение, идущее изнутри, в котором ка-

жда из сторон отталкивается от своего субъективного опыта, но действует в общей (конвенциональной) системе временных координат и в единой логике целеполагания. Ей противостоят деловые отношения, являющиеся частным случаем системной интеграции с присущими ей признаками формальной включённости и «внешнего» (заданного извне) целеполагания.

Кроме того, дружба как феномен экзистенции выступает в форме взаиморефлексии, формируя ситуацию встречного движения людей друг к другу, связанных общностью ценностей и целей. А вы часто подменяете дружбу деловыми встречами, обсуждая на встречах типичные социальные проблемы, возникающие, как правило, в профессии, на работе и т.д. Так что получается, что ваша дружба не всегда является экзистенцией, становясь зачастую оборотной стороной системно-социальной интеграции, правила которой переносятся на личные отношения.

Я: Дело в том, что дружба является не только экзистенцией, но и социальным амортизатором. Она помогает преодолевать стрессовые ситуации, порожденные деструктивными факторами среды.

Кузя: Ты обращаешь внимание на вспомогательные вещи, в т.ч. на то, что у вас называется «плакаться в жилетку». Но не в этом состоит назначение дружбы. Это обычные приятели могут себе позволить разговор о пустяках, в т.ч. обсуждать текущие новости, прогноз погоды, футбольные матчи и пр. Но у друзей экзистенциальные проблемы находятся в центре внимания.

Вот ты посвятил нашу книгу друзьям из Санкт-Петербурга. Тем самым ты подчёркиваешь, что экзистенциальное (дружба) для тебя важнее системно-социального, в т.ч. делового. А это значит, что давным-давно ты уже сделал в отношении них свой экзистенциальный выбор, т.е. запечатлелся с ними (см. 4 и 5 разделы книги). При этом с каждым из них у тебя сложились уникальные и глубоко личные отношения.

Я: Да, я ценю своих питерских друзей за ту атмосферу, которую они создают в ходе наших немногочисленных, к сожалению, встреч. Но я бы хотел дополнить свой подход, обоснованный в книге «Феноменология человека». Теперь мне представляется, что понятия «экзистенция» и «трансценденция» не выражает всей полноты бытия человека, акцентируя внимание в первом случае на аутентичности каждого человека (стремлении быть самим собой), а

во втором – на приобщении к абсолюту или божественному. И они нуждаются в опосредующей инстанции – местобытии, которое соединяет в себе обе стороны духовности.

Нам нужна сегодня «диктатура места», где каждый человек находится на своём месте и делает всё от него зависящее. А дружба как раз и есть «место встречи, которое изменить нельзя», если у её участников возникает гармония между двумя духовными (экзистенциальным и трансцендентным) измерениями бытия. Поэтому благодаря этому месту мы и поддерживаем многолетние дружеские связи.

Кузя: И что же ты предлагаешь – изъять экзистенцию из дружбы и строить место для своих друзей, соответствующее трансцендентному (национально-патриотическом традициям и божественному духу)?

Я: Нет. Не следует ничего изымать. Нужно всего лишь поменять угол зрения и признать многообразие форм человеческого бытия. На мой взгляд, экзистенция как непосредственная данность сознанию человека его бытия-в-мире, которое переживается им как присутствие (М. Хайдеггер), соотносится с местобытием, понимаемым как «сращенность» или связанность человека и места в бытии, как частное с общим. Экзистенция, как и трансценденция, является одним из духовных векторов местобытия.

При таком подходе в драматический для страны период истории на первый план выступает место бытия, а не конкретный человек с его экзистенцией. Именно место определяет характер взаимодействия экзистенциальных и трансцендентных начал бытия человека. Поэтому и дружба для меня есть, прежде всего, особая форма местобытия, в котором переплетаются жизненные ландшафты и связанные с ними судьбы друзей.

Кузя: А я думаю, что экзистенцию ничто не может заменить, даже самое значимое место. Люди всегда будут мечтать, влюбляться, дружить и радоваться жизни, в т.ч. в самые тяжёлые времена своей жизни. Вспомни многочисленные примеры из опыта участников войн и военных конфликтов. Они не переставали любить и верить, находясь в нечеловеческих условиях и подвергая каждый день свою жизнь опасности.

Я: Но кто же это отрицает? Я лишь утверждаю, что в те или иные моменты человеческого существования, в т.ч. дружбы, соотношение между экзистенциальным и трансцендентным началами мо-

жет быть разным. Но многое в их жизни зависит от обстоятельств места и времени, от ландшафта, т.е. уникального и неповторимого социоприродного комплекса.

Кузя: И чем же твоё местобытие существенно отличается от экзистенции? Ведь ты мне сам говорил, что Хайдеггер рассматривал экзистенцию как сущностную характеристику присутствия или вот-бытия человека. Бытие «присутствиеразмерно». Оно есть бытие того сущего, которое есть «здесь-и-сейчас» (актуальное бытие) и в то же самое время выступает как «бытие-впереди-самого-себя» (возможное бытие). И философы, по Хайдеггеру, должны стать местоблюстителями бытия. Извини, но мне приходится в нашем разговоре проигрывать до конца свою ролевую позицию твоего оппонента.

Я: Вот именно местоблюстителями, а не системосозидателями, изобретающими рецепты «вечного мира» или «всечеловеческого счастья» для всех времен и народов. Они иногда забывают, что быть местоблюстителем – это значит охранять и оберегать конкретное местобытие, в т.ч. своё собственное, а не бросаться во все тяжкие ради поиска какой-то пресловутой истины.

Но, как считается, экзистенцию нельзя познать средствами науки или философии. Она всякий раз ускользает от субъекта познания. И, следовательно, найти истину экзистенции невозможно. Кроме того, она обнаруживает себя в тяжёлые моменты жизни человека и дана только ему одному. Не случайно К. Ясперс полагал, что экзистенция открывается человеку лишь в пограничных ситуациях. Это – «движение от человека к месту» или наполнение места личностным содержанием. А местобытие является следствием освоения (а не присвоения) человеком места своего существования. Оно дано ему изначально и предполагает движение «от места к человеку», т.е. проецирует на него обстоятельства места. Поэтому в нём субъект вторичен, будучи встроенным в бытие как его органическая часть.

Кузя: Вот именно, что в тяжёлые периоды. А сегодня то, что с вами происходит, разве не является драмой – исторической, семейно-родовой и индивидуальной? Именно поэтому так обострился экзистенциальный кризис.

Но вернемся к теме друзей. Ведь ваше взаимное тяготение с друзьями также не случайно. Вам не просто нравится быть друг с другом. Несмотря на социальные и возрастные различия, у вас есть общее экзистенциальное содержание, которое нельзя заменить ни-

какими социальными драйверами и амортизаторами, присущими местобытию. Каждый из вас стремится участвовать в построении особого экзистенциального ландшафта личных отношений. Разве это не есть местобытие вашей дружбы?

Я: Я хочу сказать, что экзистенция, как и трансценденция, подчинены местобытию и совершаются внутри него. Экзистенциальные проблемы (самоопределение, поиск смысла жизни, преодоление одиночества, страх смерти и пр.), разумеется, влияют на местобытие дружбы. Но сами по себе они редко становятся предметом обсуждения между друзьями. Чаще всего мы анализируем их в контексте тех или иных обстоятельств места и времени, понимание которых зачастую сближает нас друг с другом сильнее, чем совпадение наших экзистенций. Местобытие – это не просто точка в пространстве, в которой находится человек в данный момент времени (пространственно-временной континуум), а сфера жизни людей, породнившихся со средой своего существования, в т.ч. с её природными, социальными и культурными условиями. Именно место, а не сам человек, является объектом экзистенциальной и трансцендентной проекций.

Так я воспринимаю своих друзей из Санкт-Петербурга. Где бы они ни были, я всегда рассматриваю их в комплексе с этим, экзистенциально окрашенным и трансцендентно наполненным местом. Каждый из них привязан к нему невидимыми нитями. Не учитывать последние, это значит не понимать суть дружбы. С этой точки зрения, мы дружим не личностями (посредством трансэкзистенции), а своими местами или домами, привнося в наши отношения не только свой духовный (экзистенциально-трансцендентный) опыт, но и особенности взаимодействия с освоенной нами средой существования.

Кузя: А разве то, что связывает друзей с тобой, нельзя объяснить только экзистенцией? Место местом, а экзистенцию как живое присутствие в мире конкретного человека, близкого тебе по духу, нельзя заменить чем-то другим. Тебя ведь привлекает в первую очередь индивидуальное своеобразие друзей, а не их привязанность к месту, каким бы оно замечательным и уникальным не было. Именно это ты ценишь, прежде всего, в каждом из них. Разве не так?

Я: Ну почему же надо обязательно вычленять из местобытия его экзистенцию? Местобытие есть осознанная человеком проекция

места (среды) на его существование. Оно задаёт иной вектор развития – «от места к человеку». И сегодня, когда кризис, обусловленный цивилизационным противостоянием с Западом, затронул всех и каждого, нам приходится в дружеских отношениях делать больший акцент на местобытии. Забота о нём – единственная возможность сохранить жизнь друзей и близких в экстремальных условиях.

Кузя: Но какое отношение всё это имеет к твоим питерским и прочим друзьям? Неужели ты оцениваешь их по месту, которое они занимают в мире, и имеющемуся у них опыту взаимодействия с социоприродной средой?

Я: Я лишь подчёркиваю тот факт, что человека, помимо прочего (в т.ч. экзистенции), следует рассматривать вместе с его местом, т.е. как человеко-место. А значит необходимо учитывать весь комплекс условий его местобытия, а не только экзистенциальные или трансцендентные особенности. Ведь те, кто остался в стране в эпоху нарастающей конфронтации с Западом, должны объединяться ради сбережения своего местобытия. Поэтому нелепо заниматься поисками личного счастья, когда твоей стране в целом и твоей семье, в частности, угрожает реальная опасность.

Кузя: Не стоит преувеличивать, мой друг. Но я вдруг представил себе, как профессор Марков Борис Васильевич, будучи таким человеко-местом, переезжает в начале ежегодного отпуска из Санкт-Петербурга в свой деревенский дом в Вологодской области. Он что, вместе со своим «местом» перемещается, увозя с собой не только весь свой духовный опыт, но и университетскую кафедру, квартиру и всё причитающееся ему имущество? Или он, спасаясь от опасности, перевозит на своём автомобиле все наличные социальные статусы и награды? А можно взять в качестве другого примера профессора Докучаева Илью Игоревича, который, по твоим словам, регулярно ездит в командировки с типичным дорожным набором. Как ему удаётся перевозить своё «место» в одной сумке или рюкзаке?

Я: Не стоит, Кузя, иронизировать и играть с понятиями. Ведь всем и так понятно то, о чём идёт речь. Место, о котором я говорю, нельзя увидеть или пощупать. Но оно постоянно находится с человеком, определяя содержание и направленность его действий. Место всегда экзистенциально окрашено и трансцендентно опосредовано, и подобно ореолу, который окружает человека, освещает ему путь. Это то, благодаря чему человек оказывается укорё-

нённым в культуру своего края и становится частью окружающей социоприродной среды. Поэтому место всегда находится с человеком, обрамляя его существование тонкой оболочкой, напоминающей воздушный шар.

Кузя: Задень когтем и твой шарик лопнет. Однако твоё место напоминает мне ментальное тело.

Я: Не только. В него входят разные тела человека – физическое и биологическое, социальное и психологическое или ментальное. Место и есть сосредоточие или целокупность разных тел человека, которые позволяют ему быть тем, кем он есть.

Кузя: А чем же тогда шары-ореолы твоих питерских друзей отличаются, например, от шаров-ореолов сибирских товарищей? Они какие-то особенные?

Я: Опять ты взялся за своё любимое дело – иронизировать. Не надо всё переиначивать. Шар есть целокупность тел, а ореол – это образ этого места или шара. Не хочу опять же прибегать к понятию топоса, чтобы не запутывать читателей. У каждого из моих питерских друзей имеется не только место (шар), но и свой особый ореол, т.е. совокупный образ того места, с которым их связывают разные духовные проблемы и жизненные обстоятельства. Так, например, я не могу представить себе Пигрова Константина Семёновича без канала Грибоедова (бывший Екатерининский), рядом с которым стоит его дом. Мы часто там прогуливались, ведя задушевные беседы. Я вспоминаю некоторые детали этих бесед только благодаря месту, где они проходили.

А ещё местом встречи, которое изменить нельзя, является для нас философский факультет СПбГУ (ныне – Институт философии), который находится на Менделеевской линии в правом крыле здания бывшего Новобиржевого гостиного двора, входящего в ансамбль «Стрелки Васильевского острова». Каждый раз, входя на первый этаж факультета, я вспоминаю значимые встречи с Пигровым и другими друзьями, которые проходили обычно на кафедре социальной философии. А, поднимаясь на второй этаж, нельзя было пройти мимо двери кабинета декана (директора), которая всегда была открыта. Деканы факультета уходили и приходили, но мне посчастливилось пообщаться с тремя из них. Это – Солонин Юрий Никифорович (декан факультета в 1989-2010 гг.), Дудник Сергей Иванович (декан факультета в 2010-2014 гг., а с 2014 г.

по 2021 г. – директор института философии) и ныне здравствующий Кузнецов Никита Всеволодович (директор института с 2021 г. по н.в.). Времена меняются, но атмосфера, созданная ими вместе с коллективом преподавателей, остаётся такой же, как и прежде, приподнятой и одухотворённой.

А с недавних пор у меня появилось ещё одно место в Питере, куда неизменно влечёт. Это – Российская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, расположенная на набережной реки Фонтанки. В ней проводятся много интересных встреч, на которых часто бывают мои друзья. С балкона, примыкающего к кабинету радушного хозяина и ректора Академии, профессора Богатырёва Дмитрия Кирилловича, открывается прекрасный вид на реку и город. Не побывать там и не выкурить трубку на балконе, беседуя с хозяином через открытую дверь о разных проблемах, это большое упущение лично для меня.

Так что местобытие дружбы я рассматриваю как совокупность мест, в которых мы встречаемся, и с которыми так или иначе связана наша судьба. Могу также предположить, что структура местобытия дружбы, в отличие от типичного дорожного набора путника, является в каждом конкретном случае исключительно индивидуальной. И её можно воспроизвести только с одним человеком (другом). Поэтому с каждым другом нас связывают накопленный вместе духовный опыт и уникальные обстоятельства места/времени, которые и составляют местобытие нашей дружбы.

Для меня Санкт-Петербург (Питер) – это не просто город из камня с реками, мостами и прорытыми в нём каналами. Он живёт историей и в первую очередь – историей близких нам людей, которые в нём находятся, оставляя на стенах каменных зданий прикосновения своих рук и следы дыхания. Это уникальная совокупность мест и тел, которые их наполняют, создавая каждый раз реальность живого присутствия.

Кузя: Ну и что вы там надышали вместе? Меня не перестаёт удивлять ваше неистовое желание увековечить самих себя, оставить любой ценой «след на земле», хотя бы в виде примеси воды и углекислого газа. И для этого вы используете разного рода симулякры, т.е. образы или копии, не имеющие в реальности оригинала. Мне кажется, что твоё местобытие с его шарами-телами и образами-ореолами как раз и является таким симулякром.

А мне Питер представляется холодным, мрачным и призрачным. Город-призрак, в котором по узким улицам длинными ночами бродят тени прошлого. Он пережил сотни поколений людей, но только единичные представители из них увековечены табличками на зданиях. Но разве это так важно? Гораздо важнее то, что следы вашего соприсутствия в этом городе являются признаком бытия экзистенции, которой, в конце концов, также суждено рассеяться во мраке большого города. Ничто не вечно под Луной. А ещё, как говорил Экклезиаст, «нет ничего нового под Солнцем».

От тебя же я слышал, что у вашего историка и поэта Н.М. Карамзина есть такие строки:

*Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет век.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек,
И прежде был он жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.*

Тебе не кажется, что экзистенциальный кризис сопровождает всю историю людей, кровь которых проливается в нескончаемой борьбе за место под Солнцем? Вам, людям, во все времена не хватает места. И вы не находите ничего иного, как отобрать его у других пусть даже кровавой ценой. А потом наступает время разочарований и сожалений.

Я: Да. Очень актуальные стихи. Но не нужно понимать место-бытие буквально. Оно не материально и не может служить предметом вожделений других людей, так как не представляет для них никакой ценности. Мы не можем отобрать у людей то, что органично срослось с ними, стало частью их бытия (совокупностью тел). Ты, наверное, имеешь в виду другое – территорию как жизненное пространство людей, за которое ведутся войны и совершаются другие злодеяния.

Кузя: Что бы я не имел в виду, факт остаётся фактом. По-видимому, вы боретесь не за саму территорию жизни, как мы, коты, а за контроль над производством симулякров. Вам важны не сами объекты (места), как таковые, а чувства обладания и власти над ними. Иначе зачем империи или сверхдержавы расширяют своё

жизненное пространство за счет новых территорий? Ведь тот, кто управляет миром, должен в совершенстве владеть искусством манипулирования чувствами и производства симулякров.

Я: Полагаю, что наш дальнейший спор бессмыслен, поскольку ты, Кузя, всё время иронизируешь и не желаешь принять очевидное.

Местобытие – это не симулякры как ты утверждаешь, а «сращенность» человека со значимым для него местом (местами). Ещё раз подчёркиваю, экзистенцию и трансценденцию следует рассматривать как два духовных полюса местобытия человека: соответственно «от человека к месту» (экзистенция как присутствие) или «от абсолюта к месту» (трансценденция как миропонимание). А местобытие в целом – это обратное движение «от места к человеку». Оно включает разные тела человека и уже впитало в себя все возможные проекции духовного опыта и воздействия социоприродной среды. Чтобы понять человека, нужно узнать о его месте бытия.

Таким образом, в дружбе переплетаются между собой места всех участников, образуя особое и особенное местобытие, соединяющее в себе духовные грани бытия (экзистенциальное и трансцендентное), а также различные обстоятельства места и времени. Такова экософия дружбы. Она вбирает в себя экзистенцию и трансценденцию каждого участника, налагая их в виде проекций на социокультурный и природный ландшафт их совместного существования. Именно поэтому мы так дорожим местами наших постоянных встреч. В известном смысле они становятся сакральными для нас.

Надеюсь, наши друзья это поймут и не осудят нас за подобные интеллектуальные игры. Ведь каждый из них мог бы добавить изрядную долю аргументов в пользу той или иной позиции.

Однако ни одна из концепций нашей жизненной философии (экзистенциальная, трансцендентная или экософская) не способна объяснить всю сложность дружбы, которая чаще всего случается с нами по неведомым причинам. Но только вместе с дружбой приходит и ответственность за тех, с кем мы подружались. А это и есть ответственность за место, которое занимают наши друзья. Мы обязаны помогать им сохранить и приумножить его, не умаляя нисколько их экзистенциального выбора и предпочтений в области трансцендентного. Конечно, каждый из нас желает своим друзьям благополучия. Но наша бескорыстная помощь им не может ограничиваться простыми советами. Она нуждается в подкреплении по-

ступками, совершаемыми ради упрочения их местобытия. А вместе с этим мы укрепляем местобытие нашей дружбы.

Приведу пример из практической психологии. Многие знакомы с выражением «Я – окей и ты – окей». Оно даже вошло в название недавно вышедшей книги, где автор – известный представитель транзактного анализа в западной психологии [4]. Но в книге содержится также анализ манипулятивных межличностных отношений, при которых благополучие одних людей зачастую строится за счёт неблагополучия других т.д. «Окей» – это дежурная фраза, скрывающая страх показаться слабым или уязвимым для окружающих. Но в дружбе, в отличие от деловых и иных отношений, всё происходит иначе. Здесь не нужно демонстрировать свою силу и устойчивое положение. Достаточно того, чтобы твой друг уверенно стоял на земле, т.е. имел надёжное место бытия. Тогда и тебе будет хорошо. И здесь точкой отсчёта является его место, а не твоё. Только так, помогая друг другу, можно обрести местобытие дружбы.

Местобытие и время выживания

Кузя: Но всё-таки. Не хочешь ли ты сказать, что сейчас наступило время забыть о своих экзистенциальных проблемах и слиться в экстазе со своей страной (местобытием в широком смысле этого слова), разделив с ней все тяготы и невзгоды? А это значит, что, если ситуация глобального кризиса перейдёт в стадию глобальной катастрофы, то мы все рискуем оказаться в ином мире. Неужели пришло время умирать? И мы уже никогда не сможем вернуться ко времени прежней жизни?

Я: Как говорится, никогда не говори никогда, хотя мы не всегда можем выбирать время жизни или смерти. Но от нас зависит то, как мы будем жить и как, если придётся, станем умирать. Возможно, сейчас настало время выживать, отстаивая до последнего своё местобытие. Ведь нам не безразлично то, где и как нам предстоит жить в ближайшем будущем. Но для начала надо постараться выжить, сохранив себя, своих близких и круг друзей. А это без общей заботы о местобытии нельзя сделать. Вот об этом, в частности, я хотел поговорить со своими питерскими друзьями.

Кузя: Мне кажется, что это ты как раз всё усложняешь и драматизируешь. А мне лично по душе обсуждать перспективу счастливой жизни. И здесь без экзистенциального выбора никак не

обойтись. Твоё представление о местобытии предполагает логику выживания, а не полноценной жизни.

Я: Местобытие человека зависит напрямую от исторической ситуации. Поэтому в нём могут реализоваться разные стратегии и логики жизни («быть или иметь», «жить или выживать» и пр.). Увы, время счастливой, беззаботной и размеренной жизни на данный момент прошло. И лучше предпочесть ему время выживания, чтобы принять самый худший вариант развития событий в стране и в мире. Выжить в одиночку уже не получится.

Кузя: А по мне, так выжить можно только в одиночку, не полагаясь на поддержку друзей. В тяжелые времена им будет просто не до нас. Например, хорошо, что у Бориса Васильевича Маркова есть свой дом в деревне. Туда можно вовремя уехать и затеряться, если опасность постучится в окна городских квартир.

Я: Проблема заключается в том, что опасность уже постучалась к нам во все квартиры и дома. Спрятаться от неё уже нельзя, да и негде. И затеряться не получится. Вычислят. Теперь нужно думать о мерах коллективной безопасности. А это и есть реальная забота о местобытии всех и каждого в отдельности, что соответствует позиции экооптимистов, которые не боятся смотреть опасности в лицо и предпочитают искать оптимальный выход. Если мы дружим домами, то и оберегать их нужно вместе. Повторяю, спастись в одиночку уже не получится.

Кузя: Ты что же, предлагаешь создавать со своими друзьями новые колонии или поселения, находящиеся от мегаполисов на безопасном расстоянии? И там заниматься решением экзистенциальных проблем?

Я: Наверное, экзистенцией придётся «заниматься» по мере поступления трудностей. А вот переселение или поиск безопасных зон на индивидуальном или групповом уровне не решают проблему выживания. Ведь вся сегодняшняя Россия – это сплошная небезопасная зона. Нужно помочь ей стать безопасной в экологическом (в широком смысле) плане, а также комфортной для человека цивилизацией. И в этой великой миссии могут принять участие отечественные философы, в т.ч. наши питерские друзья.

Кузя: Неужели ты теперь будешь убеждать своих питерских друзей принять участие в реализации данной миссии? А мне казалось, что друзья нужны для удовлетворения экзистенциальных потребностей.

Я: Хотя мы с тобой, Кузя, и поменялись в этот раз позициями экзистенциалиста и местоблюстителя бытия, но ты так меня до конца и не понял. И вряд ли я смогу далее отвечать серьёзно на твои несерьёзные вопросы.

Давай лучше не будем забегать вперёд и предварять своими комментариями содержание всей книги. Предоставим теперь читателям возможность самим познакомиться с книгой и сделать собственные выводы. Не исключаю, что они нас смогут рассудить.

Дорогие читатели! В настоящей книге собраны тематически разные тексты, которые пронизаны нашей общей заботой о бытии, открывающемся нам не столько в экзистенции, сколько в конкретном месте (местобытии), которое вбирает в себя наиболее значимые для человека обстоятельства его духовной и социоприродной жизни. И за это место стоит побороться, если мы хотим сохранить свой образ жизни, культурные устои и дружеские связи. Никакие западные философские концепции нам не помогут найти стратегию выживания страны, а также сохранения лучших традиций дружбы. В ситуацию цивилизационного противостояния с Западом нам нужно формировать собственную философию жизни, соответствующую логике нашей культуры и отвечающую на мировоззренческие запросы российских людей.

А напоследок надо поблагодарить тех, кто принял участие в подготовке этой книги, прежде всего, моего постоянного оппонента и советчика Шевченко Владимира Николаевича, редакторов Шевелёву Дарью, Силину Ирину и Бутенко Сергея. Отдельная благодарность моим друзьям и официальным рецензентам Маркову Борису Васильевичу, Николаеву Владимиру Геннадьевичу и Щербине Виктору Николаевичу, а также моему другу и художнику Щербине Вячеславу Вячеславовичу, который создал дизайн обложки книги, и Николаеву Максиму Викторовичу, взявшего на себя обязанности по её вёрстке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Время конца времен. Время и вечность в современной культуре. – М.: Московско-Петербургский философский клуб, 2009. – 176 с.
2. Резник Ю.М. Философия кота Кузи (диалоги и эссе). – М.: АНО НИГО, 2019. – 168 с.
3. Резник Ю.М. Философия кота Кузи (диалоги и эссе). Часть 2. – М.: АНО НИГО, 2020. – 264 с.
4. Харрис Т. Я – Окей, Ты – Окей. – М.: Академический проект, 2023. – 255 с. (Серия «Психологические технологии»).

27.09.2020 г.; 05.06.2023 г.

Раздел I. ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ И КОТОВ

1.1. Зачем нам нужна философия и зачем мы нужны философии?

Друзья! Предлагаю вам в качестве начала третьей части книги «Философия кота Кузи» диалог с Кузей о том, зачем нам нужна философия и зачем мы нужны ей. В этот раз в нашу компанию влились кот Хотя и его младшие собратья – Рыжик и Черныш.

Философия для нас

Я: Как вы думаете, мои наимудрейшие коты, зачем нужна философия людям и котам? Сначала предоставлю слово самым нетерпеливым – Рыжику и Чернышу.

Рыжик: С философией я только начал знакомиться. И, честно говоря, не вижу в ней особого толка. Мне хватает здравого смысла. А вот людям она, наверное, нужна для того, чтобы морочить голову друг другу и нам, бедным котам. Кроме того, им нужна идейная основа для самооправдания своего существования. Они не могут просто так жить, как другие разумные существа. Им, видите ли, нужно увидеть во всём какой-то смысл. А потому человек всё время задает себе один и тот же вопрос: «Зачем я живу?». Так и проходит его жизнь, а, умирая, он, наконец, осознает, что смысл жизни заключается в том, чтобы проложить дорогу новым поколениям.

Я: Ты, Рыжик, скептик и пессимист. Теперь предоставим слово Чернышу.

Черныш: А я как раз вижу смысл в этом вопросе. Философия нужна нам всем, котам и людям, для того, чтобы глубже постичь мир, в котором мы живём, а заодно понять и самих себя. Если мы сможем ответить на вопрос, что такое мир и кто мы в нём, то тогда и роль философии для нас прояснится. Когда мы с Рыжиком были совсем маленькими, то думали что мир специально был создан для нас, чтобы дать на пищу для ума и тела.

Но по мере взросления мы поняли, что мир гораздо «старше» и больше нас. И остаётся лишь надеяться, что своим появлением на свет мы сделали его немножко лучше и разнообразнее. Ещё я

слышал от Кузи, что философия – это любовь к мудрости. Однако я предпочитаю пока любить сам мир, а не мудрость о нём, а также любить себя как живое существо, а не одно лишь представление о самом себе. Наверное, я ещё не стал философом.

Я: Всё у тебя впереди, мой чернявый дружок. Послушаем теперь Хотю.

Хотя: Я редко участвую в ваших дебатах. Мне скучно говорить об одном и том же, хотя и разными словами. Полагаю, что философия как раз нужна там и тогда, где и когда исчерпывается здравый смысл. Ты мне как-то говорил, что здравый смысл, по Аристотелю, это – способность души животного или человека использовать для ориентирования в мире окружающих вещей и явлений общие характеристики или чувства. У него это нечто среднее между чувственным восприятием и рациональным познанием. Гегель же связывал его с предрассудками той или иной эпохи.

Однако, мы, коты, предпочитаем не философствовать, а реально смотреть на вещи. Наверное, нам свойственен в большей степени эмоциональный и практический интеллект.

Я: Философия, на мой взгляд, начинается тогда, когда возможностей здравого смысла уже не хватает и нужен принципиально другой способ целостного постижения мира. Последний рассматривается как вся совокупность бытия, которую нельзя «почувствовать» или объять рассудком. Её можно только создавать и воссоздавать в своём воображении, причём каждый раз заново. Философия – это удел людей, ощущающих неполноту своего бытия и желающих её восполнить посредством размышлений о всеобщем. И реализм, Хотя, это – тоже философия. А что скажет товарищ Кузя?

Кузя: Ты специально оставил меня для заключительного слова. Но я вынужден тебя разочаровать. Мне философия нужна, чтобы разоблачать ваши, т.е. людские и антропоцентристские по сути конструкции смыслополагания. Не случайно нашу (кошачью) философию вы обозначаете уничижительным словом «котософия». Тем самым вы, люди, хотите показать, что «истинная» философия доступна лишь вам и вашему интеллекту.

Я: Бог с тобой, Кузя. С чего ты взял такое? Так думают, возможно, те немногие из нас, кто не сумел оценить вашу премудрость.

Кузя: И всё же, несмотря на твою легкую иронию, я закончу

свою мысль. Философия для меня – путешествие в идеальном мире. Еще Гегель писал, что философ строит мир таким, каким он должен быть, а не таким, каким он есть на самом деле. Последним, возможно, занимается наука, построенная во многом на основе здравого смысла.

Я: Что-то я не помню в точности такого высказывания Гегеля. Ты, скорее всего, его дополнил или трансформировал. К тому же такую философию некоторые коллеги называют валютивной (ценностно обусловленной). А ещё они выделяют рефлексивную или рефлективную философию (К.Х. Момджян и др.). Как известно, философия, по Гегелю, не выходит за пределы современного мира. Она выражает мировоззрение данной эпохи. И если это так, то она скорее является валютивной, выражая идеалы своего времени, а также переосмысливая так называемые «вечные ценности».

Кузя: Пусть будет так. Дополнил я Гегеля или обогатил. И я другой философии, кроме валютивной, не признаю. Но она имеет смысл для меня лишь тогда, когда выходит за пределы своей эпохи и становится сверхзнанием. Зачем мы тогда изучаем античную или древневосточную философию? Только ради удовлетворения своей любознательности?

Я: А, так ты, Кузя, воспроизводишь мысли Платона об идеях или чистых формах (эйдосах) и вещах, образованных из бесформенной материи. Но позволю тебе завершить свою мысль.

Кузя: Мысль моя, как и у Платона, проста: Истина, Красота и Любовь – вот те силы, на которых зиждется идеальный мир.

Я: Да, Платон полагал, что все мы должны выйти из «пещеры» к свету идей и тем самым обрести способность видеть иной, идеальный мир.

Кузя: Кстати, ты никого не перебивал до этого. Я хочу завершить свою реплику следующим образом. Философия нужна нам не просто для проникновения в мир идей, который уже существует или существовал задолго до нас. Она открывает каждый раз этот мир заново, дополняя его новыми идеями и понятиями. Философ же есть не кто иной, как проводник в идеальный мир, который сконструирован им и его братьями по цеху не только для «внутреннего» пользования, но и для тех, кто стремится к обретению сверхзнания.

Я: Спасибо всем участникам беседы за содержательные репли-

ки. Я не буду оспаривать сегодня мнения моих домашних философов. Давайте продолжим теперь разговор и поговорим о нашей роли в философии.

Мы для философии

Я: Мои дорогие собеседники! Философия – это не только область знания, но и форма коммуникации (в значении философствования), сообщество, а также институт (сфера образования и науки). В известном смысле нас с вами можно рассматривать как философскую ячейку. Многие коллеги считают, что философия есть не только профессия, но и призвание. Причём философами как рождаются (например, вы, коты), так и становятся (это относится к большей части людей, которые профессионально занимаются философией).

Я искренне считаю, что коты – философы от рождения. Им многое дано изначально. Ведь что отличает настоящего философа? Прежде всего, склонность постоянно формулировать «вечные» проблемы и ставить предельные вопросы («предельное вопрошание»), а иногда и запредельные («тяга к трансцендентному»), давать по возможности ответы на них; стремление докапываться до сути вещей и явлений, поднимаясь на самый высокий уровень абстрагирования (философ мыслит универсальными понятиями или категориями); желание быть проводником среди людей в мире знания о всеобщем. Философию и религию влечёт к запредельной сущности бытия, в т.ч. к тому, что будет после смерти. В этом смысле они представляют собой две части одной метафизической системы человека. И, в отличие от религии, философия, как известно, пытается рационально осмыслить мир трансцендентного.

В первой части нашего диалога речь шла о том, что философия (и философы) нужна каждому из собеседников для того, чтобы в той или иной мере удовлетворить их метафизические потребности. Способность к здравомыслию не позволяет это сделать. Нужны другие механизмы, связывающие нас с миром трансцендентного (например, удивление, интуиция, преодоление границ очевидного, фантазирование и пр.). Вспомним крылатую фразу Шопенгауэра: «Человек – единственное существо, которое удивляется своему собственному существованию» («Мир как воля и представление», том II, гл. 17). Но не только человек является метафизическим животным, но и коты. И наряду с отдельными группами людей (жрецы,

священники и философы) они участвуют в удовлетворении наших метафизических потребностей. Как это они делают, мы обсудим в другой раз.

А теперь попытаемся ответить на вопрос: зачем мы нужны философии? Мы – это люди, коты и другие разумные животные, которые посредством философии реализуют свои метафизические потребности, в т.ч. потребности в трансцендентном (запредельном) и непостижимом.

Могу предположить, что философии мы нужны как:

1) мыслители, производящие новое знание или продуцирующие для своей эпохи фундаментальные идеи («фундаторы»);

2) философы-аналитики и эксперты философских (образовательных, исследовательских, просвещенческих и иных) практик («аналитики»);

3) носители, трансляторы и пропагандисты философского знания («преподаватели»);

4) служители, исполнители и проектировщики философских институций или сообществ («организаторы»);

5) учащиеся, любители и сочувствующие философии («самодельные философы»);

6) противники и критики той или иной философии, философских доктрин («критики»);

7) заинтересованные или нейтральные наблюдатели («философская массовка»).

Рыжик: Лично я не нужен философии, как и она мне. Пока, по крайней мере. Поэтому размышлять на эту тему не хочу. Могу лишь претендовать на роль нейтрального наблюдателя.

Я: Понял. Имеешь право. Поговорим тогда, когда созреешь или захочешь включиться в наш разговор. А ты, Черныш, что скажешь?

Черныш: Наверное, я тоже философии не особенно нужен. Ну какая ей от меня польза? Я не знаю ни философской классики, ни текстов современной философии. А значит не могу быть носителем или транслятором философского знания. Поэтому пока ещё рано говорить о моей связи с философией. Надеюсь, что в будущем из меня получится благодарный слушатель и ученик. Меня также устраивает роль наблюдателя или «представителя народа» («массового слушателя»).

Я: Спасибо. Но ведь народная, обыденная или самодель-

ная философия также существует. Учиться философии никогда не поздно. А на участника «массовки» или статиста ты совсем не похож. Слово снова предоставляется Хоте.

Хотя: Думаю, что философии как форме сознания, сфере профессиональной деятельности или области знания мы, коты, точно не нужны. Там и без нас хватает своих «мыслителей». А вот большинство из вас, людей, нужны философии как институту в качестве адептов, агентов, исполнителей и пр. Ещё вы нужны как сторонники (условный «электорат») лидерам философских сообществ для формирования общественного мнения в их пользу. Ты вот, например, работаешь в Российском философском сообществе и тебе нужны соратники и группы поддержки, чтобы реализовать различные научные и социальные проекты.

Я: Да, но я служу философии на общественном поприще и не стесняюсь этого. Кто-то же должен создавать организационные условия для проектной деятельности философов. А что скажет товарищ Кузя?

Кузя: Ох и скажу сейчас, мало не покажется. Если мы благодаря философии удовлетворяем свои метафизические потребности, то философия как энергоинформационная и духовная структура реализует свои потребности в адептах и служителях. И с этой функцией она в последние десятилетия справляется с большим трудом. Насколько я знаю, популярность философии в обществе потребления не очень велика. Это – удел узких профессионалов и любителей-фанатов, которые имеются в любой сфере человеческой деятельности.

Я: И в чем же ты, Кузя, можешь быть лично полезен философии? Что-то на адепта ты не очень похож.

Кузя: В том, чему ты меня учил – в критике онтологических и социокультурных оснований философских доктрин. Так, с марксистской точки зрения, все они без исключения служат интересам определенных социальных классов или групп. Например, либерально мыслящие философы выполняют социальный заказ класса крупных собственников и капиталистов. И что бы они ни говорили о правах и свободах человека, демократии, рынке и прочих «завоеваниях» западной цивилизации, мы знаем, чьи классовые интересы за этим стоят.

Я: С каких это пор ты, Кузя, стал критиком философии и сто-

ронником классового подхода?

Кузя: Скорее я – сторонник критической и рефлексивной теории, которая представлена не только марксистами. Потом, ты сам мне недавно говорил, что существует метафилософия (или «философия философии»), которая исследует как фундаментальные основания философского познания, так и логику становления и предназначение философии в современном мире.

Я: В любом случае это лучше, чем антифилософия, которая пытается уподобить философию искусству [3].

Кузя: Я не стану вдаваться в дискуссию и оперировать неизвестными мне терминами, а завершу свою мысль. Беда человеческой философии состоит в её нескрываемой антропоцентричности и претензии на универсальность. Даже в мире людей существует множество разных философий. И у нас, котов, имеется своя философия, которую, повторяю, вы пренебрежительно называете котософией. Или несколько философий. Так что я не буду претендовать на роль мыслителя. Мне достаточно занимать критическую позицию, а мыслителем мы с моими братьями назначим тебя. Вот ты и думай, Чапай.

Я: Спасибо, Кузя, за доверие. Но мне больше нравится аналитика в философии (не путать с «аналитической философией»). При этом меня интересует не логика анализа, а в первую очередь то, что именно мы исследуем, когда мы занимаемся философией, и каким образом расчленяем предмет своей мысли, чтобы затем воссоздать его в целостности. Приведу пример экзистенциальной аналитики М. Хайдеггера, проделанный авторами коллективной монографии, в котором я выделяю цифрами этапы их анализа [1].

Аналитика *Dasein* в «Бытии и времени» включает в себя, по мнению авторов, следующие первоначальные шаги (§9). (1) *Dasein* – особое сущее. Прежде всего, бытие этого сущего «всегда мое». (2) Далее, в бытии этого сущего оно само относится к своему бытию. «Сущность» этого сущего лежит в его быть (S. 42). Или иначе – «сущность» *Dasein* заключена в его экзистенции (*ibid.*). При этом Хайдеггер делает оговорку: экзистенция в применении к *Dasein* не тождественна традиционному толкованию термина *existentia*, где превалировал внешний эффект «наличности». Речь идет, согласно Хайдеггеру, о способе быть, которое специфично именно для *Dasein*. (3) Существенно, что это *Dasein*, т.е. «здесь»-(тут)-бытие: указание на «присутствие здесь», действительно, приобретает ис-

ходное значение. (4) Однако не менее важен следующий момент: здесь-(тут-)бытие, согласно Хайдеггеру, есть такое сущее, которое не просто бывает среди прочего сущего. Этому сущему присуще то, что вместе с его бытием и через его бытие само бытие раскрыто для него. Уразумение бытия само есть определенность “здесь-бытия”.

Итак, Dasein есть бытие, наделенное сознанием, есть здесь-(тут-)бытие, т.е. присутствие. Но такое здесь-присутствие, через которое “говорит” само бытие» (см. прим. 1). Другими словами, Dasein-аналитика у Хайдеггера предполагает последовательную дифференциацию и определение взаимосвязанных элементов предметной области исследования, т.е. Dasein. Последнее есть не что иное как мыслящее себя бытие («бытие-для-себя»), которое отличает себя от иного бытия собственным способом существования (экзистенция или «самобытие»), находится здесь-и-сейчас, т.е. в присутствии (вот-бытие) и открыто для другого бытия («бытие сущего среди другого сущего»).

Экзистенциальная аналитика детально разработана мной в монографии «Феноменология человека. Бытие возможного» [2]. Но философская аналитика в целом – это тема отдельного обсуждения.

Кузя: Спасибо. Я бы не стал на твоём месте продолжать в таком же духе. Посмотри, Рыжик и Черныш уже уснули, а Хотя ушел по своим делам. Да и мне как самому терпеливому слушателю пора отдохнуть.

Я: Я понял, Кузя. Предоставим теперь читателям возможность разобраться с тем, зачем они нужны философии. А, может быть, для них этот вопрос вовсе не является актуальным. И им достаточно просто наслаждаться философствованием или чтением добротных философских текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. История философии. Запад-Россия-Восток. Книга 4 / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2000. – 448 с.
2. Резник Ю.М. Феноменология человека: Бытие возможного. – М.: Канон+, 2017. – 632 с.
3. Ройс Борис. Антифилософия, или философские реди-мейды // Философско-литературный журнал «Логос». – 2013. – Вып. 6 (96). – С. 1-6.

Примечания

1. См.: <https://terme.ru/termin/filosofija-martina-haideggera-analitika-dasein.html> (дата обращения – 01.12.21).

07-08.12.2021 г.

1.2. Образы философов в современном кинематографе: от реального к желаемому

Дорогие друзья! Популярность философов в российском обществе не столь велика, как хотелось бы. С их мнением редко считается власть. Их не приглашают на политические шоу. Им не всегда удаётся повлиять на общественное мнение. Наконец, их редко снимают в кино. Но, если бы ситуация в обществе изменилась для них к лучшему, то какими они могли бы предстать на экране? Ответ на этот и другие вопросы мы постараемся дать в предлагаемом диалоге.

Фильмы о знаменитых философах

Я: Кузя! Давай начнем с краткого обзора философской фильмотеки. В интернете имеется список, состоящий из около двух десятков фильмов об известных философах. Перечислю некоторые из них.

«Авиценна» (1957, СССР, реж. Камил Ярматов).

«Галилео Галилей» (1968, Италия, Болгария, реж. Лилиана Кавани).

«Старый дом»: фильм об А. Герцене (1969, СССР, реж. Борис Бунеев и Валерий Белякович).

«Сократ» (1971, Италия, Испания, Франция, реж. Роберто Росселлини).

«Блез Паскаль» (1972, Италия, Франция, реж. Роберто Росселлини).

«Августин из Иппоны» (1972, Италия, реж. Роберто Росселлини).

«Джордано Бруно» (1973, Италия, Франция, реж. Джулиано Монтальдо).

«Декарт» (1974, Италия, Франция, реж. Роберто Росселлини).

«По ту сторону добра и зла»: фильм о Ницше и Поле Рэ (1977, Италия, Франция, ФРГ, реж. Лилиана Кавани).

«Лев Толстой» (1984, СССР, Чехословакия, реж. Сергей Герасимов).

«Витгенштейн» (1993, Великобритания, Япония, реж. Дерек Джармен).

«Последние дни Иммануила Канта» (1996, Франция, реж. Филипп Коллин).

«Дни пребывания Ницше в Турине» (2001, Бразилия, реж. Жулио Брессане).

«Деррида» (2002, США, реж. Кирби Дик).

«Истр», фильм о философах, объясняющих философию Мартина Хайдеггера (2004, Австралия, реж. Дэниэл Росс).

«Жижек!» (2006, США, Канада, реж. Лоуренс Коннер).

«Когда Ницше плакал» (2007, США, реж. Пинчас Перри).

«Исследуемая жизнь». Фильм-интервью у Жижека, Батлера, Ронелл и др. (2008, Канада, реж. Астра Тайлер).

«Конфуций» (2009, Китай, реж. Ху Мэй).

«Альбер Камю» (2010, Франция, реж. Лоран Жауи).

«Ханна Арендт» (2012, Германия, Франция, Израиль, реж. Маргарете фон Тротта).

Режиссёры сплошь и рядом итальянцы или французы, значительно реже – немцы и англоязычные представители. Исключение составляют фильм «Конфуций» и фильмы Камила Ярматова «Авиценна», а также Сергея Герасимова «Лев Толстой», хотя последних не всегда именуют философами.

Кузя: Ну и что ты хочешь этим сказать?

Я: А только то, что даже из этого списка видно, что, во-первых, фильмы о философах снимают крайне редко. Во-вторых, нам предлагают определённый набор философских фигур, представляющих в основном страны Западной Европы. Круг этих стран, которые можно условно назвать философскими, достаточно узок: Франция, Италия, Германия, Англия. В-третьих, среди философов XX века выбираются те, кто привлёк к себе внимание экстравагантными выходками или политическими авантюрами. Так, например, Мартин Хайдеггер в годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами, был ректором университета. Не меньшей экстравагантностью обладала и его подруга Ханна Арендт, которое принимала активное участие в общественной жизни. Популярностью у французских философов и их коллег из других западных стран пользуются философы постструктурализма (Деррида и пр.). Это новомодное течение проникло из лингвистики не только в философию, но и в театр, кинематограф. Именно оно стало идейной почвой для постмодернистской трансформации западных стран.

Кинематограф, не теряя признаков искусства, уже давно превратился в бизнес. В нём сложились свои каноны и требования к

главным героям. Философ редко попадает на киноэкраны, так как его образ трудно запечатлеть. Он выбивается из канона. Чаще всего он изображается вечным скитальцем в мире идей, отрешенным от реальности и неприспособленным к повседневной жизни. Этаким чудаком в шляпе и плаще, который бродит по улицам и ищет ответы на не существующие для большинства обычных людей вопросы.

В этих случаях получить признание массового зрителя и солидный доход от проката фильма бывает крайне трудно. Поэтому большинство фильмов о философах снимаются по заказу соответствующих компаний или на спонсорские средства. Но и здесь нужны те философские фигуры, которые могут привлечь внимание какой-то части зрительской публики. Именно такими выступают философы-революционеры в мире идей, находящиеся в гуще политических событий (Камю, Арендт и др.).

Кузя: Ты утверждаешь, что о философах снимают фильмы, если они находятся в тренде. Кому интересен, например, академический или кабинетный философ, который ничем не проявил себя в публичной сфере? Другое дело тот, кто оказался в эпицентре политических событий, стал жертвой репрессивного режима или, напротив, пошёл на сделку с ним.

Я: Я лишь утверждаю, что философы – не очень популярные для кинозрителя герои. Фильмы о них смотрят немногие, а заказывают вообще единицы и главным образом те, кто стремится продвинуть свою национальную философию.

Философские фильмы

Кузя: Но есть ведь ещё и философские фильмы. Ты как-то мне рассказывал о некоторых из них.

Я: Да, их тоже не так много. В том же интернете упоминаются следующие. Это фильм «Верёвка», снятый по одноименной пьесе Патрика Гамильтона (1948, реж. Альфред Хичкок).

«Источник» (1949, реж. Кинг Видор).

«Седьмая печать» (1957, реж. Ингмар Бергман).

«Сладкая жизнь» (1960, реж. Федерико Феллини).

«Ночь у Мод» (1969, реж. Эрик Ромер).

«Любовь и смерть» (1975, реж. Вуди Аллен).

«Будучи там» (1975, реж. Хэл Эшби).

«Мой ужин с Андре» (1981, реж. Луи Маль).

«Бегущий по лезвию» (1982, реж. Ридли Скотт).
«Бартон Финк» (1991, реж. братья Коэн).
«Зависимость» (1995, реж. Абель Феррара).
«Шоу Трумана» (1998, реж. Питер Уир).
«Матрица» (1999, реж. Вачовски).
«Помни» (2000, реж. Кристофер Нолан).
«Вечное сияние чистого разума» (2004, реж. Мишель Гондри).
«Фонтан» (2006, реж. Даррен Аронофски).
«Философы. Урок выживания» (2013, реж. Джон Хаддлес).
Кузя: А какой фильм о современных философах тебе запомнился?
Я: Смотрел как раз недавно «Философы. Урок выживания»

(2013). Но он скорее не о философах, а о психологах или о тех, кто считает себя психологами. Преподаватель философии в колледже предлагает студентам провести мысленный эксперимент на тему, кто из них достоин остаться в подземном бункере в момент ядерной катастрофы. Студенты перемещаются из места в место, переживая разные драматические ситуации. Никакого отношения к философии этот фильм, на мой взгляд, не имеет. Главный герой, испытывая студентов, сам стоит перед выбором: то ли продолжить работать преподавателем, то ли покончить жизнь самоубийством.

Кузя: Ну и зачем этот фильм назвали «Философы», если в нём нет философских мотивов, а философия подменяется экспериментальной социальной психологией?

Я: Думаю, чтобы напустить туман на зрителей. У фильма нет целостного замысла. Он не о философах, а о подростках, которые попали в экстремальную ситуацию и ведут себя в соответствии с их возрастом – ссорятся, влюбляются, рискуют и т.д.

Кузя: А какой сценарий фильма о современных философах, учитывающего разнообразные вкусы зрительской аудитории, предложил бы ты?

Я: У меня к тебе тот же вопрос. Но для начала попробую я.

Философ-исследователь или философ-революционер

Я: Я вижу, как минимум, два сценария. Первый – о «внутренних» проблемах развития философского сообщества, о рабочих буднях современного философа, который занимается исследовательской практикой. Трудность заключается в том, что в этом он мало чем

отличается от ученого. За одним единственным исключением. В 1950-1960-е гг. было модно снимать фильмы об ученых-атомщиках, которые участвуют в опасных экспериментах и каждый день рискуют своей жизнью. А чем рискует сегодняшний философ, кроме своей репутации? Кому из зрителей (за исключением узких специалистов) интересны его размышления о смыслах бытия и другие результаты исследований, выполняемых по плановой теме? Поэтому этот вариант придётся отклонить. Вряд ли фильм оправдает вложенные в него средства. Уж больно образ такого главного героя оказывается «постным».

Второй сценарий. Фильм о философе, который активно участвует в общественно-политической жизни и пытается применить свою концепцию на практике, наталкиваясь на преследования властей и непонимание сослуживцев. Этаким философ-революционер или бунтарь из эпохи конца XIX – начала XX вв. Таким был, например, Александр Иванович Герцен, который изображен в фильме «Старый дом». Интересный фильм получился бы о Михаиле Александровиче Бакунине, теоретике социального анархизма. Чуть менее привлекательна в этом плане фигура Георгия Валентиновича Плеханова. Он более академичен. И всё же его образ получился бы.

Кузя: А ты мог бы назвать кого-нибудь из современных философов, которые хоть как-то повлияли на ход постсоветской истории и оставили свой след в общественно-политической жизни вашей страны?

Я: Могу предположить, что таким философом был Александр Александрович Зиновьев (1922-2006), участник войны, автор оригинальной концепции логики и знаменитого романа «Зияющие высоты». Однако и его с трудом можно назвать философом-революционером. В молодые годы он сформировался как антисталинист, а в зрелые заслужил репутацию диссидента и критика реального коммунизма. Был вынужден эмигрировать в Западную Европу, где опубликовал множество книг и статей. Затем, после развала СССР, стал занимать позицию критика западнизации и глобализации. Вернулся в Россию и стал участвовать в жизни философского сообщества. Его последние годы прошли в переосмыслении исторического опыта современной России. Однако фильм о нем «Я – суверенное государство», снятый в начале 2000-х гг., так и не вышел на широкий экран.

Мне также довелось встречаться с ним не один раз. И у меня не сложилось впечатление о нём как о революционере. Скорее, в своих работах он выразил протест против социальной действительности. Но фигура крайне интересная и самобытная. К тому же не многие знают, что он был помимо прочего ещё и прекрасным художником. Моё интервью с ним было опубликовано в журнале «Личность. Культура. Общество» [1].

Кузя: И всё? Больше нет других кандидатур? Неужели вашу зрительскую публику интересуют только бунтари или критики режисса?

Я: Не знаю. Наверное, есть документальные фильмы об официальных философах. Но запоминаются почему-то именно «неформалы», которые не очень-то вписывались в институциональные коридоры. Таким был, например, Георгий Петрович Щедровицкий (1929-1994), создатель организационно-деятельностной методологии, широко пропагандировавший методы практического философствования. Помнят также рано ушедшего из жизни Генриха Степановича Батищева (1932-1990), последователя Э.В. Ильенкова, за оригинальную концепцию творчества, а также Владимира Вениаминовича Бибахина (1938-2004), за его замечательные переводы Хайдеггера и комментарии к ним. Были и другие, не менее известные философы, которые соединяли философские и религиозные, философские и политические позиции. У некоторых из них мне удалось взять интервью (см. прим. 1).

Философ или политик? Иного не дано

Кузя: Ты говоришь, что философы, как правило, не участвуют в политике и политических шоу пропагандистского характера. Но ведь по твоим словам часть участников «Воскресного вечера Владимира Соловьева» имеют ученые степени кандидатов или докторов философских наук. Вот, что мне известно из твоих слов.

Владимир Жириновский, лидер партии ЛДПР – доктор философских наук (защита диссертации прошла в 1998 г. на социологическом факультете МГУ);

Геннадий Зюганов, лидер КПРФ – доктор философских наук (защита диссертации прошла в 1995 г. в МГУ);

Сергей Михеев – выпускник философского факультета МГУ (1999).

Ариэль Коэн – доктор философии (1993).

Часть из них, например, Сергей Кургинян и Дмитрий Куликов, пишут статьи и книги на философские или околофилософские темы.

Я: Я бы не стал путать политических деятелей и политологов с философами. Зачем им были нужны ученые степени или философское образование – вопрос риторический. По признанию самого Сергея Михеева, которое он сделал недавно на очередной передаче у Владимира Соловьёва, он не относит себя к философам. Поэтому таких людей, как он, можно считать «случайными людьми» в философии. Они давно потеряли с ней связь. Большинство из них не «живут в философии» и никак не идентифицируют себя с нею, предпочитая слыть политологами.

Однако между философией и политикой по-прежнему лежит пропасть. Времена, когда философы будут управлять государством, о чём мечтал в своё время Платон, ещё не наступили.

Кузя: Тогда получается, что философ и политик живут в разных мирах. А где же их место встречи? Может быть, это и есть телевизионные шоу и передачи?

Я: Согласен. Философы обязаны активнее включаться в публичное пространство своей страны. А философия как профессия должна расширить свои возможности. В нашем философском сообществе не хватает талантливых ораторов и организаторов общественно значимых дискуссий. Нам нужны не только философы-исследователи, но и философы-управленцы, философы-публицисты и др. Тогда можно будет подумать о новых сценариях фильмов о них.

Ну а теперь твоя очередь, Кузя. Какие бы ты предложил фильмы о современных философам? Конечно, меня интересуют в первую очередь образы их главных героев.

Философ-шут

Кузя: Ну так уж и сценарии. Нашел киносценариста. Я лежу на боку 20 часов в сутки. И всё думаю о насущном. Меньше всего меня волнует судьба ваших философов и, уж тем более, съемки в кино. Но если бы мне пришлось по какому-то невероятному стечению обстоятельств заниматься столь неблагородным делом, то я бы предложил следующие киноверсии героев философии.

1-я версия «Философ-шут». Причём шут не при дворе государя, а базарный или, говоря современным языком, публичный шут.

Я: Ты имеешь в виду обыкновенного уличного или горохового шута?

Кузя: Ну почему же? Я же объяснил.

Я: Но ведь всякий шут обязан развлекать гостей или прохожих забавными шутками или забавами.

Кузя: Философ-шут должен жонглировать не вещами, а словами, наполняя их новыми смыслами. Он как мастер практической мудрости может находить и показывать парадоксы или противоречия в речах окружающих, а также подводить их к неожиданным выводам.

Я: Кого-то это мне напоминает. Таким философом-шутком был в известной степени Сократ. Мы с тобой уже беседовали о нём. Только такие философы, как он, рождаются один раз в тысячу лет. Где мы возьмём такого философа сегодня. Да и время совсем другое.

Кузя: Время тут совершенно ни при чём. В конце концов, можно использовать для выражения своих философских взглядов ваш интернет. Но вы ведь и в нём не преуспели, мой друг. Ваши сайты и блоги не привлекают массовую аудиторию подписчиков. Шутовство или иная форма юмора претит вашим академическим философам.

Я: Зачем же ты тогда предлагаешь нам такую форму?

Кузя: Ты же сам попросил меня предложить киносценарий. Как же ещё вам вызвать общественный резонанс и привлечь внимание к судьбам философов? Ведь большинство граждан России даже не подозревает об их существовании. Не потому ли, что они занимают слишком заумными вещами и мало связаны с повседневными нуждами людей.

Я: Ничего себе способ привлечь к себе внимание. Стать шутами и обслуживать публику.

Философ-проповедник

Кузя: Есть и другой способ. Версия № 2. «Философ-проповедник». Это мыслитель, который демонстрирует своим образом жизни истинность своего учения. Речь идёт не о «хождении в народ», а о более тесных контактах с обычными людьми, которым нужна помощь в решении мировоззренческих проблем. Но много ли таких философов в России, которые могли бы исполнить такую роль?

Я: Блюстителей высокой нравственности и так хватает среди священников или многочисленных гуру и «учителей жизни». Зачем философам брать на себя такую миссию и выступать в роли проповедников?

Кузя: Ты же сам мне говорил, что философы по роду своей деятельности относятся к духовному производству. Стоит ли тогда отдавать эту сферу священнослужителям или самым обычным проходимцам?

Я: Философ не должен бороться за сферу влияния. Иначе он перестанет служить истине и очень скоро займётся её имитацией ради продвижения своих взглядов на общественно-политической арене.

Кузя: Ты представляешь философа как одиночку, занятого в тиши кабинета непрерывным поиском истины или решением абстрактных проблем. А как же служение обществу, о котором ты мне всё время толкуешь? Кто тогда будет выходить в «поле» и вести беседы с простыми людьми, которые ищут свои ответы на свои вопросы? Ты предоставляешь эту работу пропагандистам и всякого рода демагогам. Хорошо. Пусть верующие находят ответы в храме. А как же быть большинству людей, которые ходят в храм только по праздникам или предпочитают довольствоваться зомбоящиками?

Я: Философы и так занимаются преподавательской и просветительской деятельностью. Хотя я согласен с тобой, что философское просвещение в стране недостаточно развито.

Кузя: В тебе сейчас говорит человек корпорации. Ты прекрасно знаешь, что никакой системы философского просвещения в вашей стране нет. А усилия отдельных подвижников не принимаются в расчёт.

Философ-проводник

Я: Хорошо. Это тема для отдельного обсуждения. А какая у тебя версия № 3?

Кузя: Образ «философа-проводник», который идёт своим путём, ориентируясь исключительно на свои убеждения и опыт. При этом все, кто желает найти выход из сложных ситуаций, могут присоединиться к нему. Но в данном случае он не вещает и не призывает пойти за ним или его учением, а сам прокладывает путь среди терний.

Я: Значит в этом случае он не является одиночкой, ищущим свой путь в океане жизни?

Кузя: Конечно же, нет. У него могут быть спутники и последователи, идущие за ним.

Я: И чем же такой философ-проводник может помочь другим путникам? У него есть карта пути или особая технология ориентирования в мире?

Кузя: Ты как-то рассказывал мне о таком философе, который рассматривает философию как своего рода навигацию. У тебя с ним даже было интервью [2].

Я: Но это в теории, а как быть на практике? И как ты видишь сюжет фильма о таком философе?

Кузя: Не стоит представлять проводника буквально как человека, который едет в поезде «Москва-Владивосток», встречаясь по дороге с интересными людьми и ведя с ними душевные беседы. Для этого не обязательно быть философом. Прокладывать путь по маршруту под названием «Жизнь» можно и по-другому. Достаточно указать на ориентиры, которые помогут сориентироваться на местности («территории жизни»). А ещё лучше, как учит твой коллега С.А. Смирнов, научить своих путников навыкам навигации или освоить их вместе с ними по ходу движения по указанному маршруту.

Я: Тогда какой же он проводник, если он знает и умеет не больше остальных путников?

Кузя: В этом и заключается «секрет успеха». Нельзя навязать другим свою схему движения. Однако можно вместе с ними выработать маршрут, опираясь на опыт каждого путника.

Я: И как это будет происходить в фильме?

Кузя: Не знаю, я не сценарист или режиссер. Я всего лишь твой спутник жизни, который идёт вместе с тобой, разделяя все радости и тяготы пути. Могу предположить, что суть такой философии заключается в том, чтобы «вместе идти по жизни» к новым вершинам познания, руководствуясь определённой исследовательской (поисковой) платформой.

Я: Ты предлагаешь создавать что-то вроде кружков по интересам?

Кузя: Почему бы и нет? Группы интересов пока не запрещены вашим законодательством.

Я: Мне они напоминают туристические группы, где в качестве гида выступает философ. И сколько таких «групп интересов» нужно создать, чтобы побудить общество к самотрансформации?

Кузя: А это не является конечной целью их движения. Каждый философ, который чувствует в себе призвание проводника в мире идей, образует вместе с другими путниками сетевое сообщество, которое базируется на общей поисковой программе, но не имеет заранее предписанных ориентиров движения. Сами ориентиры являются предметом коллективного (внутригруппового) обсуждения и последующего проектирования.

Я: Но всё-таки, как бы мог выглядеть сюжет фильма о философе-проводнике?

Кузя: Зачем ты ко мне привязался как репей? Пусть этим занимаются профессионалы кино. А я свою задачу выполнил: обрисовал общие контуры замысла. Ты же постоянно твердишь, что философия – это не только система знаний, но и практика, в т.ч. проектная. Давай будем рассматривать для начала три возможных проекта практической философии и соответствующие им позиции философов: философия с юмором или шутливая философия, просветительская философия и ориентирующая философия (или философия навигации).

Я: Твой подход мне чем-то напоминает труд К. Ясперса «Философия». Первый том у него так и называется «Философское ориентирование в мире», второй – «Просветление экзистенцией», а третий «Метафизика».

Кузя: Про ориентирование ещё понимаю. А при чём тут просветление экзистенцией и метафизика?

Я: А при том, что я как раз понимаю проповедничество в философии как просветление экзистенцией. Только своим жизненным примером и просветлённой экзистенцией философ может наставить других на истинный путь.

Кузя: Ты можешь думать о чём угодно и как тебе угодно, а меня в свои философские игры не втягивай. И метафизику оставь себе.

Я: Как скажешь, мой любезный друг. А посему давай заканчивать наш затянувшийся разговор. Пора и о сне подумать. Пусть тема кино о современных философах немного отложится в сознании. Может быть, появятся и другие, сопутствующие мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мой путь в науке (интервью Ю.М. Резника с проф. А.А. Зиновьевым) // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. – Вып. 4. – С. 278-334.
2. Философия как антропология навигации человека. Самоопределение философа (беседа Ю.М. Резника с С.А. Смирновым, 18 июня 2019 г.) // Личность. Культура. Общество. – 2019. Т. XXI. – Вып. 3-4 (№№ 103-104). – С. 308-319; 2020. – Т. XXII. – Вып. 1-2 (№№ 105-106). – С. 265-278.

Примечания:

1. См.: <https://iphras.ru/page21839284.htm> (дата обращения – 28.11.2020).

29.11.2020 г.

Раздел II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

2.1. «Короче, блин!?!». Немного о сленге и культуре общения молодых виртуалов

Дорогие друзья! Не зря говорят, что «язык наш – враг наш». То, что мы говорим, отнюдь не всегда безобидно. Оно может вредить окружающим или засорять культурную среду. В нашем языке полно всяких фразеологизмов, пришедших к нам из разных субкультур.

С одной стороны, мы часто используем, не задумываясь, выражения из воровского жаргона. Существует даже целый пласт литературы, музыки на блатном жаргоне и пр. С другой стороны, в нашем языке встречаются матерные слова. Матерная речь в ряде социальных групп уже давно вытеснила «великий и могучий, правдивый и свободный русский язык». Не секрет, что многие представители мужского пола умудряются употреблять в одном предложении до 2/3 матерных слов. Мне приходилось слышать такую речь в электричках, поражаясь тому, как можно часами общаться на матерном языке, состоящем всего из каких-то 10-15 слов.

Но есть ещё один сленг, который принадлежит той части молодёжи, которую я условно буду называть виртуалами, т.е. теми, кто не живёт своей настоящей жизнью, а придумывает себе (или принимает извне) другой, более упрощённый и примитивный мир. С ними соотносятся так называемые «реалисты», язык которых также пестрит жаргонными словами, заимство-

ванными из разных субкультур. Но, в отличие от виртуалов, последние «твёрдо стоят на земле» и «резво смотрят на мир», в котором живут, или, по крайней мере, думают, что именно так «стоят» или так «смотрят». Их же жизненные стратегии вырабатываются и реализуются в ситуации здесь-и-сейчас, т.е. на нашей грешной земле, а не в заоблачных далях.

Что же касается виртуалов, то у них нет чётких жизненных планов в реальном мире. Они создают себе альтернативный идеальный мир, заимствуя его атрибуты из весьма размытых представлений о должном, которое существует либо в далеком и манящем будущем (например, при коммунизме), либо за границей (западные стандарты свободной жизни), либо, наконец, в сети. Так, например, виртуалами были многие советские люди, которые верили в светлое будущее. К ним примыкали те, кто был убежден, что где-то там существует «рай на земле», изобилующий жизненными благами (к примеру, «свободный и преуспевающий Запад»). А сегодня виртуалами можно считать многих молодых людей, которые выстраивают для себя параллельную реальность, убегая от жизненных невзгод в реальном мире.

Сленг же нужен виртуалам для того, чтобы воспринимать друг друга и говорить на одном языке, подчёркивая тем самым свою избранность или исключительность. При этом окружающие люди не должны быть посвящены в тайную жизнь виртуального сообщества. Я помню, как в детстве мы придумывали всякие новые слова, значения которых были известны только нам самим и непонятны взрослым. Это был своего рода эзопов язык. Так, мы сохраняли свои «секреты» от старших. Нечто подобное делают и виртуалы, защищая свой образ жизни от внешнего мира.

Я: Но перейду к делу. Буквально на днях меня удивили две девушки (лет так 18-20). Судя по всему, студентки московских вузов. По дороге от вокзала домой я случайно стал свидетелем их разговора. Был поздний вечер, и они держались на небольшом расстоянии от меня, чтобы чувствовать себя в безопасности. По-видимому, я своей бородой внушал им доверие и вполне мог послужить громоотводом. В их разговоре я сначала ничего не разобрал и мне даже показалось, что они говорят на иностранном языке. Но потом прислушался и понял, что они разговаривают на сленге.

Попытаюсь воспроизвести фрагмент их беседы, который мне удалось случайно услышать. Да, да, подслушивать, не хорошо. Но ведь не закрывать же уши, когда «материал» сам идёт, что называется, в руки. Вы бы тоже не упустили такой случай.

Блондинка: Слушай, блин. Меня сегодня закоротило на занятиях. Препад стал нести всякую чушь. На нём такой деревенский шмот. И сам он ещё тот из себя бумер. Наверное, жена часто ему изменяет. Так вот этот куколд шеймит нас всюю, а ещё при этом чеканит. Не даёт нам спокойно чилиться. Не понимаю, за что я им только деньги плачу?

Брюнетка: Короче, а на меня идут постоянные наезды. Преподы как читеры последние ищут повод, чтобы развести нас на деньги, а тех, кто сопротивляется, начинают троллить. Устроили настоящий буллинг. В общем, сплошной зашквар. Пора уносить оттуда ноги, а то я уже лалкой себя начинаю чувствовать.

Блондинка: Слушай, а к нам сегодня пришёл на курс такой нуб. Сразу видно, полный зумер, а ещё прикидывается думером. Я только и делала, что лопила над ним всю пару. А мой Жорж на меня весь день так смотрел, так смотрел... Какой краш! Сасный парень. Я сказала своей падре, чтобы она на него не пялилась, а то рыпнется. Знаю я её. Ещё та шкура. Так и хочется ей втащить.

Брюнетка: Сорян. Не знаю, как ты, а я недавно слэмилась в Посаде. Туда приезжала группа из Питера. Всяю флэксилась. Такой был хайп.

Блондинка: Да, это жиза. Не то, что у меня. Родаки совсем зашизели. Не дают гамать. Я уже не помню, когда последний раз юзала. Остаётся только ванговать в одиночку. Меня это жутко бомбит.

Я: Потом они, дойдя до перекрестка, попрощались («чмоки-чмоки») и разошлись в разные стороны. Ну а я продолжил свой путь, обдумывая услышанное. Вы что-нибудь поняли, друзья из разговора двух девушек-виртуалок? А ты, Кузя?

Кузя: Стоит ли понимать этот бред. Залезь в интернет. Там есть словарь сленга определённой части молодёжи, которую ты называешь виртуалами (см. прим. 1). Быстро освоишься. Лучше скажи: ты всё это придумал или, действительно, видел этих девиц? Такое количество жаргонных слов редко встретишь в одном разговоре, да ещё на улице. Обычно эти молодые люди уединяются или собираются на закрытых тусовках.

Я: Не только видел, но и слышал на протяжении 10-15 минут, пока шёл за ними. Правда, не скрою, пришлось немного приукрасить их разговор, насытив его для пущей убедительности другими жаргонными словечками. Но меня удивил сам факт такого разговора на сленге. Ты прав, такое редко бывает. Считай, что мне повезло. Конечно, сказывается их место жительства – среднее Подмосковье. Если бы они жили, например, в Москве, то наверняка говорили «крч», а не «короче», «оч», а не «очень», «пжт», а не «пожалуйста». Да и слово «рестик» (ресторан) им не очень-то, видимо, знакомо. Приходится каждый день ездить на учебу и домой. Да и бюджета родителей не хватает на походы в рестораны. Не услышал я от них также певучего выражения «топ, топчик» («самое, самое лучшее»), ласкового «тупа, тупик» (тупой) и вальяжного «у меня лапки» (оправдание своей беспечности и бездействия).

Кузя: Скажи мне, прежде чем мы перейдем к детальному анализу, а кто такой виртуал? Какими чертами он обладает?

Я: К сожалению, у виртуала нет своего лица, чтобы о нём говорить что-то определённое. Его лицом выступает виртуальное сообщество (неформальные объединения молодёжи), располагающее негласным этическим кодексом и «символами веры». Именно по ним виртуала узнают в толпе. В то же время его отличают инфантильность (он так и не вышел окончательно из своего детства), страх перед реальностью мира и житейскими трудностями, нежелание брать на себя ответственность за своё собственное будущее, идентификация с конкретным виртуальным сообществом посредством особого сленга и специфической символики, псевдополитичность как стремление к защите устоев идеального мира (коммунизм, свободное общество и пр.), образ которого у него сформировался понаслышке, без учёта собственного опыта. Следовательно, виртуал предпочитает жить в вымышленном мире, отгораживаясь от противоречий реального мира и выстраивая защитный барьер между ними в виде сленга и символики.

Кузя: Не знаю. Мне кажется, что ты придаёшь словам отдельных представителей сегодняшней молодёжи повышенное значение. Ты их окрашиваешь в эмоциональные цвета. А они всего лишь являются искажением или сокращёнными вариантами английских слов или выражений, что связано в первую очередь с экономией времени. Никто из виртуалов не хочет, да и не может говорить соч-

но и витиевато. Это в XIX веке молодые люди любили писать друг другу длинные письма, вести дневники и говорить большие речи. А сейчас все куда-то бегут. Они даже миниязык изобрели для общения впопыхах. Ведь неслучайно сленгом называют язык более низкого происхождения или вульгарного стиля.

Я: Ты лишь добавляешь аргументы в пользу моего анализа. Но в таком сленге искажаются не только слова, но и смыслы. Молодые виртуалы говорят чаще всего о чём-нибудь и как-нибудь, используя слова-суррогаты. Но ни одного слова о главном – о том, что относится к смыслам их собственной жизни. А регулярное применение суррогатных слов приводит, в конце концов, к суррогатному мышлению и поверхностному общению. Не надо вникать в суть сказанного другим. Достаточно ответить на типовой вопрос таким же типовым образом. Поэтому виртуалы не слышат и не понимают друг друга по-настоящему, а воспринимают лишь типовые значения жаргонных слов. Они превращаются в машины по передаче суррогатных слов и выражений. Содержательная канва и интимный характер общения вообще теряют здесь всякий смысл. Роскошь человеческого общения – это не про них сказано.

Вот скажи, пожалуйста, какое значение имеет у виртуалов слово «блин»? Сегодня уже не говорят «блин горелый» или что-то в таком же роде, как это было в наше время. «Блин!?» или «О, блин!?» – этим, казалось бы, сказано всё, а по сути ничего существенного, кроме выплеска негативных эмоций. Экономят не только слова, но и сами эмоции. Мало кто из этих молодых людей настроен долго и глубоко размышлять. Да и движения у них стали какими-то типичными, а потому – размытыми и неопределёнными. Даже половые признаки нивелировались. Я, например, со спины не всегда могу определить, кто идёт впереди меня – парень или девушка. Поэтому сегодняшний виртуал мне представляется как бесполое существо, изрекающее суррогатные слова, не имеющие смысла, и слившееся с компьютером или смартфоном в каком-то диком и необъяснимом экстазе.

Но, прежде всего, у этой части молодого племени нет собранности, целеустремленности и энергичности. Двигается она чаще всего из ниоткуда и в никуда. Любой идущий виртуал не знает точно, каким маршрутом он идёт. За него всё решает приложение в смартфоне (навигатор). Движение в толпе или в игровом простран-

стве не имеет особого смысла для личности самого виртуала. Оно хаотично или подчинено правилам игры, а не самого играющего. Это движение без личной цели. Задел кого-то по ходу движения – ну и что. Если это чей-то аватар, то можно не обращать на него внимание. А если живой человек, то можно бросить ему вслед, не оборачиваясь, «сорян». Вот и всё общение. Никаких тебе «извините» или «простите». К чему тратить время на этикет, который уже давно заменили этикетки и брэнды. У виртуалов нет никаких чувств и эмоций, кроме накопившихся усталости и раздражения. Отсюда много жаргонных слов, выражающих их ненависть к миру и немотивированную ярость в отношении чужаков («агриться» – ненавидеть, «бомбит» – раздражает, «горит» – злит и т.д.). Всё и все вокруг, кроме своих, виртуала раздражают, вызывают у него отторжение. А понимать что-либо или кого-либо, вникая в причины и мотивы, – у него нет уже ни желания, ни сил.

Кузя: Вот ты и запел старую, как мир, песню о «никудышной» молодёжи. Стареешь, мой друг, стареешь. Одно успокаивает, ты говоришь лишь об отдельных группах молодёжи («виртуалах»), а не обо всех сразу. Ну ведь и ты в юности не был идеалом. Вспомни себя в 1970-е гг., когда ты только вырослел и наверняка участвовал в разных молодёжных группировках, которые также были по-своему виртуальными. Ты, правда, уже не застал стилияг, но тогда были ещё в ходу разные жаргонные словечки, пришедшие из 1950-1960-х гг., – «котлы» (часы), «хилить» (прогуливаться), «Бродвей» (центральная улица города), «мани» (деньги), «стилять» (танцевать), «облом» (неудача), «кайф» (удовольствие) и др. (см. прим. 2). Вся эта атмосфера замечательно передаётся в фильме Валерия Тодоровского «Стиляги» (2008), который мы с тобой недавно смотрели. Поразительное и само окончание фильма, когда главный герой узнаёт, что стилияг в Америке уже нет, а может быть, и не было никогда в том виде, в котором они были у нас. Какое разочарование... Так были ли стилияги на самом деле? Или это виртуалы в квадрате?

Я: Да, я хорошо помню этот фильм и слова героев. А стилияги, действительно, были. Они появились у нас где-то в середине 1950-х, после смерти Сталина. И это одно из относительно поздних поколений советских виртуалов. До них уже были виртуальные герои сталинской эпохи, победители соцсоревнований, легендарные лётчики, герои-колхозники, строители и пр. Но, в отличие от

последних, свой специфический язык стилиаги заимствовали извне (в основном, как им казалось, из «свободной Америки»). А в конце 1960-х – начале 1970-х к нам приходит другой отголосок «свободного» Запада – хиппи, и сленг пополняется такими словами, как «герла» (девушка), «фейс» (внешний вид), «прикид» (одежда), «стрематься» (пугаться), «стилиться» (танцевать) и пр.

Честно говоря, я не испытал на себе влияние этой субкультуры. Возможно, потому, что был, как говорят виртуалы в подобных случаях, «комсой» (прилежным учащимся, комсомольцем). Но, скорее всего, мне не хотелось тусоваться на улицах г. Макеевки, расположенной рядом с Донецком, где территория города в 1970-е гг. была поделена местными бандами на зоны влияния. И каждый раз, сталкиваясь с очередной группировкой по дороге в школу или магазин, мне приходилось либо откупаться, либо драться и убегать. Помню, в 9 классе я постоянно ходил с синяками, а маму регулярно вызывали в школу, как будто она могла мне чем-то помочь. В 10-м я уже нашел «взаимопонимание» со школьными и местными блатными, и меня оставили в покое. Но я так и не стал для них своим.

Чтобы говорить о молодёжных субкультурах, надо представить себе тогдашнюю атмосферу шахтерских городов Донбасса. Так, в дни получения зарплаты вокруг шахт дежурила конная милиция. Я это видел собственными глазами. Шахтёры – народ горячий. Не помогали даже разные забегаловки и пивнушки, расположенные по пути с работы домой. Между шахтёрами часто происходили стычки. На крик «Наших бьют!» приходили практически все работники шахты. Нередко случались настоящие побоища. Были жертвы – убитые и тяжело раненые. Власть, как правило, закрывала на это глаза. Наверное, считала, что пусть выпустят пар. Устраивать разборки с шахтёрами тогда никто не решался. К тому же от их имени часто выступали криминальные группировки, а у них разговор был короткий. Поэтому представить себе хиппи или других виртуалов на улицах Донецка или Макеевки в то время мне крайне трудно. С ними бы быстро разобрались блатные или сами шахтёры. Во всяком случае я с ними никогда не сталкивался и узнал о существовании хиппи только в Москве, когда их движение уже пошло на спад.

Ещё тогда я усвоил одну простую истину, что там, где доминируют криминалитет и бесшабашная энергия советского рабочего, виртуалам или неформалам делать нечего. Они могли выжить

лишь в относительно благоприятной среде, в т.ч. в столице и других крупных культурных центрах страны, где на их «баловство» население и власти смотрели сквозь пальцы.

В начале 1980-х, когда я уже учился в Москве, стали появляться новые слова, связанные с такими молодёжными субкультурами или группами виртуалов, как «панки», «волновики» («ньювейверы»), «гопники», «любера» (молодые люди из Люберец) и пр., в т.ч. «обломаться» (пасть духом), «утюг» (фарцовщик), «мочалка» (не очень красивая девушка), «система» или «системники» (самоназвание неформалов), «систер» (системная девушка), «быки» (боевики криминального мира), «гопота» (махачи), «аскать» (просить деньги у прохожих), «дринчать» (выпивать), «дурка» (психбольница), «зашуганный» (напуганный), «комса» (название комсомольских работников), «пионер» (новичок), «фанат» (приверженец чего-либо), «телага» (телогрейка, основная одежда гопников), «тусовка» (место времяпровождения), «хардкор» (настоящий, правильный человек или поступок) и пр. Но они так и не прижились в студенческой среде того времени. Виртуалы продолжали существовать в вымышленном (или кем-то придуманном для них) мире, а мы тогда учились до «потери пульса». Поэтому наши дороги с ними как-то не пересекались.

А в 1990-е гг. мы имели дело уже со словами другого виртуального сленга молодёжи («бомжи», «лох», «Макдак», «прив», «кульно» и пр.). Но тогда я уже считал себя взрослым и старался выжить со своей семьёй. Мне было не до общения с виртуалами. Возможно, об этом мы поговорим с тобой как-нибудь в другой раз.

Кузя: Давай всё-таки признаем, что сленгу подвержены далеко не все молодые люди. И надо принять тот факт, что некоторые из нынешних политических и финансовых лидеров страны прошли в юности путь виртуала и это нисколько не повлияло на их дальнейший карьерный рост. Но труднее всего найти общий язык между собой участникам разных неформальных объединений. Они разделены более жесткими культурными границами, чем с внешним миром. Ты можешь представить себе разговор стилиаги и представителя субкультуры 1970-х, например, хиппи или, как их тогда называли, хиппарями? Даже они не смогли бы совсем понять друг друга. А что уж говорить о нынешних молодых виртуалах. Попробую привести пример общения между ними.

Стиляга: Я тут недавно был на барахолке. Там такие котлы видел, зачухаешься. Потом хилили по Бродвею, зашли в «Аист», а там сплошные барухи с венчиками. Мы долго с ними стилились. Давно такого кайфа не было.

Хиппи: А я фейс одному факмену начистил. Он тут стебался над моей герлой, просил у неё фенечку. Так я сорвал с него хайратник. Правда, и он мой прикид немного попортил. Прибежали его системники, пришлось нам скипнуть. Вот такой получился хардкор.

Я: Я думаю, что им, в конце концов, удалось бы договориться между собой. А вот разговор хиппи и панка вряд ли получился бы, хотя обе субкультуры дистанцировались от государства, и каждая по-своему выражала стремление к свободе самовыражения. Я помню, в Москве они враждовали друг с другом. При этом панки были более агрессивными по сравнению с длинноволосыми и в целом добродушными босяками. Их субкультура оказалась более наступательной и не терпящей иных.

Наша речь зависит во многом от того, что мы читаем. В своё время мы зачитывались, кроме русской и советской классики, романами «Убить пересмешника» Харпера Ли, «Над пропастью во ржи» Дж. Селинджера и пр. А что читает нынешняя подростковая молодёжь? «Гарри Поттера» Дж.К. Роулинг или «Милые кости» Э. Сиболд? И читает ли вообще? Или рубится целыми днями в компьютерные игры? Так, появился компьютерный сленг, используемый многими молодыми людьми, пришедшими на смену «старым» виртуалам («бродилка», «видюха», «скил», «юзер», «мясо», «перс», «рак», «изи», «ору», «слив», «читер», «ламер», «лузер», «флудер», «спамер», «геймер», «банить», «конфа», «лол», «тролль», «флуд», «школота» и др.). Что это как не цифровая субкультура? У меня нет времени, чтобы подробно анализировать этот сленг. Но его краткость в данном случае не является сестрой таланта. Причём это не стоит путать с примитивизмом в культуре или наивным искусством. Всё стало гораздо проще. Одним словом, появилось новое поколение виртуалов, которые живут уже не в мире грёз и фантазий, придерживаясь при этом определённой символики, как прежние поколения, а в мире, созданном специально для них компьютерными гениями. Я бы назвал этих молодых людей квазивиртуалами, поскольку их мир даже отдалённо не напоминает реальность.

Кузя: С этими вопросами лучше обращаться не ко мне. Я предпочитаю не читать, а слушать. Могу иногда слышать, когда мне что-то нравится или приятно ласкает слух. К сожалению, музыка, которую слушает нынешняя молодежь, меня не очень услаждает. Да и с компьютером у меня не случился роман. Мои лапы плохо справляются с клавишами. Выражаясь языком виртуалов, «у меня лапки».

Я: Ты всё о себе, да о себе, мой друг. Даже музыка, которую слушают нынешние виртуалы, синтезирована при помощи компьютерных программ. Она лишь имитирует звучание реальных музыкальных инструментов. И зачем им читать книги, если всю нужную информацию можно взять в интернете. Но информация не содержит личностных смыслов. Она визуальна, анонимна и чаще всего безадресная, поскольку обращена к массе, а не к конкретному человеку. В ней нет ответов на сложные вопросы бытия. Для этой цели необходимо глубокое, а не поверхностное чтение. Виртуалы далеки от чтения добротной литературы, которая заставляет думать и совершать поступки. А им достаточно имитировать чужие действия, как в любой компьютерной игре, а не осуществлять собственные.

Кузя: Снова ты завёл свою шарманку. Может быть, у вашей молодёжи имеются свои приоритеты развития. Каждая эпоха порождает запрос на новую культуру, своих кумиров и язык. И всегда будут те, кто отличается от прочих. Иные. Пусть ты их считаешь виртуалами. Но они облачают свою деятельность в форму субкультуры, в основе которой лежит, прежде всего, протест против господствующей культуры. Сделав же своё дело, т.е. расшатав её устои, они снова растворяются во тьме веков. Так ушли в прошлое многие поколения виртуалов (стиляги, хиппи и другие молодёжные субкультуры), но в памяти современников остался воссозданный ими стиль эпохи, а также отдельные фразеологизмы. Наверняка бабочка прилетает на свет свечи не для того, чтобы сгореть в её пламени. А, возможно, для того, чтобы запечатлеться в восприятии присутствующих. И людям в молодом возрасте так важно запечатлеться в сознании современников, оставить свой неповторимый след.

Я: Хотелось бы в это верить. Но как можно запечатлеться экстравагантными причёсками или примитивными выражениями, заимствованными из чужой виртуальной культуры? Ведь это всё так вульгарно и даже пошло. Но главное, за этим стоят попытки

отдельных групп молодёжи, которых я называю виртуалами, упростить или примитивизировать культуру, а также их нежелание принимать последнюю во всём богатстве и стилевом многообразии. Ведь куда проще придумать выхолощенный мир, в котором нет места сложным реалиям, а вместо живых и настоящих людей присутствуют аватары, геймеры, флудеры и прочие имитаторы жизни. Виртуалы скорее притворяются другими людьми, а не живут своей жизнью. Что это, как не пример самоманипулирования, заменившего собственный жизненный выбор?

Кузя: Не думаю, что ты всё-таки ухватил суть проблемы. Ты продолжаешь упорствовать в своём непонимании, не учитывая таких феноменов, как буйство молодости и неистребимое желание отличаться от других. То, что взрослые люди, вписавшиеся давно в культуру, считают подражательством или отсутствием вкуса (примитивностью), является не чем иным, как вызовом существующим традициям и демонстрацией несогласия с устоявшимися нормами.

К тому же не надо отказывать молодым виртуалам в искреннем стремлении породить новую культуру или трансформировать старую. В известной мере их можно считать предвестниками будущего.

Я: Ты, Кузя, скоро договоришься до того, что виртуалы со своим языком являются чуть ли не генераторами новой культуры. Но они ничего не создают, а только потребляют. И, по-моему, то, что они делают или пытаются делать, можно отнести к примитивным проявлениям и упрощениям культуры. Скорее всего, молодые виртуалы не хотят воспринимать мир во всей его сложности, предпочитая чилиться (расслабляться), а не заниматься делом, скипнуть (сбежать), а не держать ответ перед другими, чалиться (пребывать в местах лишения свободы), а не заниматься делом, юзать (пользоваться), а не создавать. Ещё раз подчёркиваю, по большому счёту они не живут своей жизнью, а имитируют чужую, прибегая к разного рода ловушкам сознания и к самообману. И надо признать, что таких виртуалов среди молодых людей становится с каждым годом всё больше и больше. Ситуация же с коронавирусом только усугубляет их положение.

Конечно же, проблемы молодежи на этом не заканчиваются. Ведь чем дальше от столицы, тем выше криминализация населения. Где-нибудь в Забайкалье группировки АУЕ (так называемое «арестантское уголовное единство») могут терроризировать целые

поселения. А это уже другой уровень социальной опасности, требующий отдельного рассмотрения.

Сформулирую вместо выводов концептуальные итоги нашего диалога.

1. Виртуалами не рождаются, ими становятся, не находя у окружающих людей (прежде всего, у родителей и близких) готовых решений собственных проблем реальной жизни. Стремление к свободе самовыражения оборачивается на практике бегством из настоящего мира. Виртуальный же мир, независимо от того, чем он наполняется, есть мир грёз и фантазий, несбывшихся желаний и влечений.

2. В основе виртуального образа жизни молодых людей лежат не столько протест против существующей культуры и стремление её перестроить под себя, сколько их не всегда осознанные желания найти более комфортный мир, в котором они смогут реализовать себя и получить недостающие знаки внимания к своей персоне. Поэтому виртуалы не выступают против прежней системы, а лишь пытаются пристроиться к ней, достроить здание общества сбоку или снизу. Их действия редко выходят за границы культурной периферии. Дефицит же внимания к себе у них замещается чувством исключительности и непохожести на других. Лучше считать себя избранным среди своих, чем неудачником в обычной жизни.

3. Группы виртуалов, как правило, не совместимы с криминальными молодёжными группировками и не способны защитить себя от их экспансии. В отличие от криминальных структур, виртуалы не проявляют деструктивной активности в отношении окружающих людей. Они отличаются повышенной чувствительностью к насилию и демонстративностью своих акций, направленных на утверждение их образа жизни. Поэтому их существование не наносит прямой физический или моральный ущерб обществу. Однако принадлежность к виртуальным сообществам ведёт к усилению инфантилизма и отвлекает от решения задач творческого развития личности.

4. Язык виртуалов, будучи феноменом культурной периферии, меняется от одной эпохи к другой, от поколения к поколению. Каждая эпоха, в зависимости от актуальных социальных противоречий, формирует запрос на своих виртуалов и особый язык общения между ними (сленг), который сохраняет своё маргинальное положение по отношению к базовой или основной культуре. Владение

словарём виртуального сленга является одним из условий допуска в круг «избранных» наряду с внешней атрибутикой и символикой. Вместе с тем при помощи сленга виртуалы исключают себя из большого мира, оставаясь в целом маргинальной группой инфантильных людей.

5. Виртуальный сленг упрощает и выхолащивает общение между сверстниками или «системниками», делая его по сути предсказуемым и примитивным. За жаргонными словами скрываются, как правило, самые элементарные импульсы-желания самих говорящих («блин», «короча», «трэш», «изи», «скил» и пр.). Поэтому не стоит искать в сленге глубокой рефлексии происходящего или всего богатства человеческого общения. Он по-прежнему остаётся вульгарным стилем, выступая своего рода камуфляжем для упрощённых стандартов поверхностного общения.

Кузя: Да ты тут целую концепцию предлагаешь. Неужели ты, проделав такой анализ феномена виртуального сленга сегодняшней молодёжи, не нашёл ничего положительного в нём?

Я: Почему же. Быть виртуалом – это намного лучше по сравнению с разного рода криминальными практиками, а точнее – безопаснее для себя и общества. А виртуальный сленг куда предпочтительнее матерной речи или воровского языка. Опять же с точки зрения социальной экологии. В обществе и так много культурного мусора. Однако всё познаётся в сравнении. Лучше всё-таки быть самим собой и заниматься тем, что тебе интересно в жизни и вместе с тем полезно для общества. Взрослость – это такое состояние, когда человек находит и удерживает свою «середину» (или баланс) между желаемым и реально-возможным, беря на себя всю ответственность за совершаемое. Пора, наконец, молодым виртуалам немного повзрослеть. А, может быть, это такой «переходный» возраст? И каждый из нас, став взрослым, должен сохранить в себе элементы виртуальной культуры, на которые затем наслаивается корпоративная культура. Не уверен.

А что вы думаете, друзья, о новых субкультурах современной молодёжи? Возможно, я всё преувеличиваю или, напротив, упрощаю. Тогда помогите нам с Кузей разобраться в проблеме. Боюсь, что нам вдвоём не справиться. Поправьте наши суждения и скажите, что всё обстоит не так, а совсем даже по-другому. Мы будем только рады вашему участию. Ждём Ваши отзывы и комментарии.

Примечания

1. Приведу некоторые пояснения. Блин – это знак возмущения, шмот – одежда, шеймить означает стыдить кого-то, чилиться – расслабляться. Куколд – рогоносец. Бумер – представитель старшего поколения. Родаки – родители. Раньше их называли предками. Чиртер – мошенник или вымогатель. Троллить – издеваться, провоцировать, унижать кого-то. Кекать – насмехаться. Буллинг – травля. Зашквар – позор, недостойное поведение. Лалка – девушка, попавшая в неловкую ситуацию. Нуб – неопытный новичок. Зумер – подросток. Думер – молодой пессимист. Лолить – громко смеяться. Краш – человек, которого обожают или беззаветно любят. Сасный – милый, сексуальный. Рыпнуться – умереть, сгинуть. Шкура – распущенная девушка. Втащить – ударить, побить. Сорян – извини. Слэмиться – болтаться на концертах или вечеринках. Хайп – шумиха, ажиотаж. Флэксить – шумно веселиться, танцевать. Жиза – то же, что и жизнь, жизненно. Гамать – гулять, играть на компьютере. Юзать – пользоваться чем-либо, лазить по интернету. Ванговать – предвидеть или предсказывать события. Бомбит – бесит, раздражает.

2. См.: <https://www.kp.ru/daily/26761.3/3790678/>; <https://yandex.ru/turbo/anews.com/s/p/131249527-molodezhnyj-sleng-2020> (дата обращения – 30.09.20).

01.01.2020 г.

2.2. На чём или на ком сегодня «держится» Россия?

Дорогие друзья! Этот диалог состоялся в октябре 2020 г., еще задолго до событий 2022 г. В последние полгода 2020 г. в нашей стране было относительно затишье, если не считать борьбы с коронавирусом. И вдруг произошло сразу несколько драматических событий – митинги в Беларуси, война в Нагорном Карабахе, затем оранжевая революция в Киргизии. К этому ещё нужно добавить непрекращающийся конфликт на Донбассе, который, как станет известно позже, перерастёт в начале 2022 г. в специальную военную операцию. Перед этим была попытка государственного переворота в Казахстане.

Но всё это будет потом. А в конце 2019 г. – начале 2020 г. Россия оказалась в кольце воюющих или переживающих политический кризис стран. И хотя военные конфликты иногда сменялись временным перемирием, положение России нельзя назвать завидным. Такое ощущение, что мир вокруг неё стал рушиться, а правящие элиты некоторых бывших советских республик как будто бы «сошли с ума». Возникает вопрос: а что станет с Россией, если опасные тенденции будут нарастать такими же темпами? И второй, более важный вопрос: кто

же продолжает удерживать Россию как социокультурную целостность в состоянии равновесия?

Россия в «огненном кольце». Чем нам грозят конфликты в странах ближнего зарубежья?

Я: Кузя! А как ты думаешь, почему наши соседи вошли в полосу политического напряжения и даже открытых военных конфликтов? И как это угрожает безопасности России?

Кузя: Ты же знаешь ответ на первый вопрос. Прежде всего, потому, что вам достались в наследство нерешенные политические и этнокультурные проблемы Советского Союза. Деление регионов страны по национальному признаку – это мина замедленного действия. Рано или поздно она должна была взорваться. И это произошло в то или иное время почти во всех бывших республиках СССР. К тому же у многих из них не было опыта собственной государственности, а так называемая политическая элита заботилась больше о своих интересах, чем об интересах своего народа.

Однако, России же угрожают не столько конфликты между нашими соседями, сколько те, кто стоит за ними на геополитическом фоне – США, а также возглавляемые ими страны НАТО и террористические группировки Ближнего Востока. И те, и другие, хотя и разными способами, стремятся ослабить влияние России, разрушить её целостность и, в конечном счёте, уничтожить.

Я: Должен с тобой согласиться, но с одним уточнением. Ты говоришь о советском наследии, как это у нас принято. А есть ещё такой фактор как идеология страны, благодаря которой в СССР был решён на тот момент национальный вопрос. К этому нужно добавить и вполне идеологический феномен – дружбу народов, которую не стоит недооценивать. В 1990-е гг. в отсутствие идеологии как раз и обострились межнациональные конфликты, заложенные ещё в глубокой древности, а вовсе не в советское время.

А что должно отличать, на твой взгляд, политическую элиту страны, отстаивающую суверенитет своего государства?

Кузя: Мне, коту, это неизвестно. В идеале любой сильный лидер общества всегда несёт ответственность за целое, а уже затем думает о себе. Но это в идеале, а на практике чаще всего происходит иначе. Мне кажется, нынешние лидеры служат интересам политической элиты, с которой они связывают свою жизнь в обществе.

Я: А как ты думаешь, почему политическое руководство нашей страны ведёт себя так сдержанно в отношении обострившихся политических ситуаций у наших соседей: Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана, Киргизии?

Кузя: Наверное, оно действует по принципу «не навреди». Опасается обострения конфликтов. А может, это демонстрация политического бессилия и нежелание прямо заявить о своих геополитических интересах?

Я: Однако я не могу не признать, что последние переговоры с участием нашего министра иностранных дел Сергея Лаврова являются хотя и незначительным, но всё же исключением из этого правила. Но не прошло и суток, как военные действия сторон возобновились. И мирные граждане Нагорного Карабаха продолжают гибнуть.

Кузя: Не знаю, мне сие неизвестно, хотя я не понимаю, почему ваши лидеры высказываются так осторожно, не обозначая до конца свою позицию. Ведь у России немало врагов, желающих не только ослабить её положение, но и нанести смертельный удар. Кто-то, наверняка, потирает радостно руки у костров конфликтов, окруживших Россию и ослабляющих её не только извне, но и изнутри.

Я: Да, складывается впечатление, что потенциал «крымской весны» и былых военно-политических побед в Сирии растрочен. К тому же коронавирус усугубляет и до того сложную ситуацию внутри страны.

Кузя: Здесь важно на месте ваших политических лидеров не совершить необдуманные действия, не вызвать своим словом или делом резкую реакцию мировых игроков. Вот они сидят и опасаются произносить резкие заявления. Если так дальше дело пойдёт, то скоро и своей тени будут бояться.

Я: Не нам с тобой осуждать их, хотя ещё недавно голос России был совсем не слышен. Теперь его, наконец, услышали. И это заслуга нашего руководства. Ему удалось организовать переговоры между воюющими сторонами, которые, как показывают факты, пока не увенчались успехом.

Кузя: Но с каких это пор вы стали придерживаться нейтралитета в международных отношениях или говорить словами кота Леопольда «ребята, давайте жить дружно»? Ну а как же забота о собственных национальных интересах и принятие упреждающих

решений, которые необходимо принимать в эпоху обострения военно-политической напряженности на самых близких подступах к нашим границам? Одним словом, кто будет защищать ваши интересы?

Я: Тут дело в другом. Налицо кризис самой «политики интересов». Поэтому вопрос нужно поставить по-другому: кто и благодаря чему продолжает «держат» саму Россию? Если интересы нашего государства не артикулированы, то это вовсе не означает, во-первых, что у него их нет вообще, и, во-вторых, что нет чего-то другого.

Кузя: А у меня остаётся ощущение, что ваши лидеры после принятия поправок в Конституцию РФ ушли в тень, а их непосредственное окружение находится в какой-то непонятной растерянности. Возможно, им нечего больше предложить своим гражданам, кроме общих слов о великой истории и сильной державе. Силы-то как раз и не чувствуется. А без этого патриотические призывы бессмысленны. Конечно, можно жить в полсилы или кое-как, но от этого счастье не будет близко.

Я: Откуда у тебя такая уверенность?

Кузя: Оттуда, например, что ваши лидеры бездействуют, хотя по-прежнему появляются на телеэкранах, говорят правильные слова, выслушивают своих подчинённых и делают заявления. Но что-то здесь не так. Либо вы снова находитесь в преддверии исторических решений на внешнеполитическом и внутреннем фронте, либо...

Я: Давай не будем загадывать, а лучше поговорим о проблеме удержания суверенитета России. Ведь это тема не только для обсуждения современных политологов, но и для нас с тобой – индивидов, занимающихся философией. Давай поставим вопрос так: кто или что «держит» Россию, не позволяя ей скатиться в пропасть и окончательно потерять целостность?

Кузя: А я бы поставил вопрос несколько иначе: кто собирает Россию сегодня? Тебе не кажется, что ваша страна – слишком большой корабль, чтобы его держать на плаву одному человеку или даже небольшой группе людей. Здесь требуются коллективные усилия по собиранию людей и земель.

Я: Ты снова напоминаешь мне о соборной России. Но где ты её видишь сегодня? Страна расколота. Время собирать камни уже давно прошло. Любой обыватель тебе скажет, что всё, что

было можно, уже вывезли из страны, а оставшееся продолжают разворовывать.

Кузя: Мне кажется, что собирать надо не камни или остатки собственности, а людей. И это никогда делать не поздно. Причём собирать их надо вокруг идеи, которая объединяет, порождает надежду и придает уверенность в завтрашнем дне.

Я: А пока у нас в отсутствие государственной идеологии звучат попеременно пролиберальные или патриотические идеи. И всё это происходит на фоне общего ухудшения качества жизни граждан России. Или ты снова, наслушавшись Гегеля, будешь говорить о духе народа и т.п.?

Кузя: Не буду, хотя и стоило бы. Подумай сам, у вашего политического руководства нет чёткой картины будущего страны. Вы плывете по течению, как и в 1990-е гг. Но если тогда вас кормили баснями о капиталистическом рае, то теперь говорят о чём угодно, но только не о том, что вас ожидает в ближайшем будущем. По сути вас превратили в обыкновенных потребителей информации. А потребители – это не деятели в твоём понимании. Они не принимают собственные решения. За них всё решают анонимные структуры (государство, рынок и пр.), включая выбор дозированной информации.

Я: Увы, мы как всегда долго запрягаем, но потом быстро едем, хотя я и в этом не уверен. Так говорят. Кстати, в 1856 г. Александр Горчаков, министр иностранных дел Российской империи, писал своим посланникам в Европе примерно следующее: «Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится. Она сосредотачивается» (см. прим. 1). У меня есть надежда, что именно так и происходит сегодня. И как и тогда, мы везде на своих границах сталкиваемся со своими извечными «друзьями» – Великобританией и США. Как известно, выражение «Англичанка гадит» пришло к нам из XIX века, когда полным ходом разворачивалась «большая игра» между Российской и Британской империями в Центральной и Южной Азии. Игра так и не закончилась, хотя был заключен договор между ними в 1907 г., а продолжается до сих пор, и снова мы имеем дело с активной разведывательной и подрывной деятельностью англо-американских спецслужб.

Вчерашние переговоры трёх министров иностранных дел в Москве и введение режима прекращения огня в Нагорном Карабахе

внушает уверенность в том, что в этот раз удастся хотя бы на время приостановить кровопролитие. Но не больше. Военные конфликты в любой момент могут вспыхнуть с новой силой. И пока огонь на Кавказе и в Киргизии не прекращается. А значит, Большая игра ещё не окончена. Она продолжается.

Кузя: Да. Англия была и остаётся врагом России № 1. Именно она стоит за Турцией и использует любую возможность, чтобы «нагадить» российскому государству. Да и США после президентских выборов не упустят свой шанс ослабить позиции России в Южном Кавказе. А значит следует ожидать в ближайшее время появления в театре военных действий старых игроков. Жаль, что это открыто не признаётся вашими политиками. Своих врагов надо не только знать в лицо, но и называть по имени. А вы продолжаете относиться к ним как к партнёрам. А ведь иные «партнёры» хуже заклятых врагов.

Но мы снова отклонились с тобой от главной темы. Если Россию не будут «держат» ваши лидеры или другие скрепы, то её в скором времени будут «содержать» другие государства. Пока же последние удерживают Россию как лошадь в узде, не допуская её к значимым участкам международной политики и сферам мирового рынка. При этом они угрожают не только национальным интересам вашей страны, но и ниспровергают ценностные ориентиры её народов.

Что значит «держат» Россию?

Трансперсональная перспектива

Я: И всё же с Россией нельзя не считаться. Конечно, можно её изолировать, но пока трудно игнорировать. Я согласен с тобой, что вопрос куда глубже. И он напрямую связан с кризисом модели «политики интересов».

Кузя: Вот и я об этом же. К тому же словосочетание «держат Россию» близко по смыслу к выражению «стоять за Россию». Для начала нужно разобраться в том, что это значит.

Я: Убежден, что политика интересов плавно трансформируется в политику ценностных ориентаций. У нас потому плохие отношения с Западом, что при всём сходстве многих политических или экономических интересов, имеются принципиально разные ценностные приоритеты. Возможно, в ценностном отношении Россию Запад никогда не примет. Да и наше руководство не остаётся

в долгу, бросая время от времени тень на западные ценности. И именно здесь зарыта собака.

Очевидно, чтобы отстаивать ценностные приоритеты России, нужно для начала понимать, в чём они заключаются. Казалось бы, все согласны с тем, что, кроме обороноспособности, они состоят в том, чтобы обеспечить устойчивое развитие страны, повышение качества жизни и благополучия граждан, рост народонаселения, здоровый образ жизни и жизнеспособность окружающей среды.

Кузя: Но ведь каждая политическая сила предлагает свои пути к реализации этих приоритетов, налагая на них свои интересы. Поэтому эти, казалось бы, бесспорные приоритеты оказываются в тисках интересов определенных групп, имеющих в т.ч. в правительственных кругах. Вот почему ожидания многих граждан связаны не с ними, а с первым лицом государства, которое, по их мнению, должно не просто балансировать между разными политическими силами, но и подниматься над ними. Но, как известно, один в поле, даже если он государь всея Руси, не воин. Ему приходится считаться с расстановкой политических сил и учитывать позицию группы, на которую он опирается в своей собственной политике.

Вопрос заключается также в том, кто и как будет «стоять за Россию». Готовы ли граждане России бороться за идеалы и ценности своей страны? И кто их при этом поведёт за собой? Ваши надежды связаны традиционно с первым лицом государства. Но, возможно, есть и другие лидеры и партии, которые пользуются безусловным доверием большинства населения? Нельзя же бесконечно делать ставку на ушедшего Президента.

Я: Ты намекаешь на неготовность нашей политической элиты? Элиты приходят и уходят, а российский народ остаётся. И ему придётся в очередной раз проявить свою решимость не только сохранить территориальную целостность государства, но и сформировать видение будущего страны.

Кузя: При всём уважении к вашему народу не могу не отметить, что ему не обойтись без помощи тех, кого у вас называют интеллектуалами. Именно они должны предложить и обосновать такое видение (или проект). И объяснить людям, на чём же всё-таки «держится» Россия.

Я: Россия во все времена «держалась» на созидательной силе своих народов. Ты называешь это духом народа, а я – культурно-историческим творчеством.

Кузя: Но пока в ваших СМИ главный герой – даже не труженик или представитель трудового народа, а преуспевающий человек, существующий без определённых моральных обязательств перед обществом (бизнесмен или политик). Именно его фигура находится в центре освещаемых событий. И её продолжают с упоением обсуждать, а не осуждать.

Я: Да, к сожалению, образ «героя нашего времени» деформирован, в т.ч. при участии СМИ. У российского государства по Конституции нет собственной идеологии. А свято место, как известно, пусто не бывает. Пока доминирует, пусть даже в искаженном виде, либеральная идеология. Но и левым силам мы обязаны зачатками социального государства в России. Социокультурный раскол в российском обществе продолжается также и по другим, более глубинным основаниям.

Кузя: Да. У вас общество крайностей во всём – в политике, культуре и повседневной жизни. А социальный мир не может установиться в ситуации явного или неявного противостояния расколотых частей общества.

Я: С моей точки зрения, основной раскол носит цивилизационный характер и происходит как раз между теми, кто ратует о свободе и модернизации на западный манер («либерал-модернисты»), и теми, кто предпочитает устойчивый порядок и опирается на собственные социокультурные ресурсы («консерваторы» или «традиционалисты»). Сила традиций пока уступает место силе не всегда обоснованных инноваций, а также бесплодных и разрушительных по своей сути реформ. Хотя сторонников порядка гораздо больше, их позиция зачастую игнорируется. Нужна «срединная» позиция, которую я связываю с трансперсональным подходом (см. прим. 2).

Кузя: А это что ещё за «зверь»?

Я: Сущность трансперсональности заключается в расширении сознания человека за пределы обычных границ его привычного существования. Пока же мы имеем дело с людьми как с замкнутыми на себя монадами, имеющими жесткую привязанность к месту (власти, собственности и пр.). Мы говорили как-то с тобой о

человеко-месте. Такими же монадами являются по сути закрытые группы (например, религиозные конфессии или секты).

М.М. Бахтин предложил в своё время рассматривать человека как диалогическую личность, т.е. как систему ответственных и открытых (для восприятия других) поступков, совершаемых в диалогическом общении. Но даже диалогическая личность не способна выработать альтернативную позицию и тем самым подняться над Другим, преодолеть свои и его (Другого) ограничения. Границы её деятельности определяются, в свою очередь, тематическими или нормативными рамками диалога.

Кузя: А что же ты предлагаешь? И как экологическая модель общества и цивилизации, о которой ты говоришь практически в каждом нашем диалоге, соединяется с идеей трансперсональности?

Я: Я предлагаю дополнить экологию общества и человека трансперсональной методологией. Можно, например, говорить о проекте трансперсональной экологии. Но сейчас речь идёт не о содержательном наполнении экологического проекта российского общества, а о путях его достижения. Трансперсонализм как учение и социальная практика выработал свои методы перевода реальных противоречий между конфликтующими сторонами совершенно в другое русло, где они теряют свою остроту и, в конце концов, сходят на нет.

Трансперсоналисты вместо обобщенного образа Другого, воспетого в социологии и социальной психологии интеракционизма, предлагают для начала образ разобобщенного и децентрированного Иного, сохраняющего в перспективе не только культурную специфику входящих в него единичных элементов, но и целостность всего социокультурного целого (страны, культуры, народа и пр.). Прежняя интерактивная модель («обобщенный Другой») базируется на учёте позиций и интересов друг друга, а трансперсональная модель – на интеграции ценностей, которая достигается в процессе сотворчества. Интересы индивидов и групп, как и их позиции, меняются, а вот ценности остаются надолго.

Кузя: Как же целостность страны можно сохранить, если твой Иной разобобщён и децентрирован?

Я: Иной – это собирательное понятие всесубъектности. При этом каждый, будучи субъектом своей деятельности, участвует в культурном творчестве. Да, первоначально Иной разобобщён (диф-

ференцирован) и децентрирован в социальном плане, но он может стать единым в культурном измерении. Другими словами, разобщённый Иной – это возможность или предпосылка дальнейшей культурной интеграции Народов. Благодаря ему образуется пространство между-бытия, в котором достигается не временное по своей сути социальное согласие, а устойчивое принятие ценностей друг друга, на основе чего вырабатывается, в конечном счете, общеприемлемая ценностная платформа. В модели обобщенного Другого можно прийти в лучшем случае к перемирию или компромиссу. Это показал опыт заключения бесчисленного количества договоров как между корпорациями, так и государствами. Большинство из них оказались недолговечными и постоянно нарушались. Поэтому социальная интеграция менее стабильна и прочна, чем культурная (прежде всего, ценностная).

Кузя: И как ты видишь примирение сторон раскола практически?

Я: При трансперсональном подходе из всех ценностей выбираются те, которые не только устраивают разные стороны раскола, но и являются приращением к ним. И это можно назвать новым универсализмом, порождённым совместным творчеством будущего. Необходимо уходить от абсолютизации социальных (традиционных или модернистских) ценностей и искать точки соприкосновения между базовыми ценностями.

Трансперсональность позволяет преодолеть позиционное размежевание и выйти на уровень сверхценностного взаимодействия. Основной путь – «выращивание» и укоренение интегративных ценностей, которые сближают друг с другом сторонников разных социальных и политических позиций. А это – ценности жизни и бессмертия, семьи и детства, мира и творчества, здоровья и экологической безопасности и т.д., и т.п. И именно поэтому экологическая модель общества позволяет уйти от прежней социально-политической поляризации отдельных людей или групп, их разделения на богатых и бедных, управляющих и управляемых, «правых» и «левых» и пр.

Кузя: Но ведь ты же сам говорил, что экологический проект – это слишком дорогое удовольствие, которое к тому же очень похоже на очередную социальную утопию. И вряд ли он разрешит все социальные противоречия. А как же быть тогда с такими базовыми ценностями, как «свобода» и «справедливость»? Они-то куда

не исчезнут и пока больше всего разделяют людей, порождая социальное недовольство и психологическое напряжение. Или ты предлагаешь отказаться от них и культивировать вопреки всему новые ценности?

Я: Ничего подобного. Я отношу эти ценности к разряду социальных, а не базовых. Ты правильно отметил, что они скорее разделяют людей, чем их объединяют. Но есть ещё духовные и религиозные ценности, которые разделяют людей не в меньшей степени, чем социальные. Например, во многих случаях ценности православных людей и мусульман отличаются. Но имеется и общее между ними, то, что их сближает. А ещё есть то, что они создают вместе. Полагаю, что интегративные ценности, являющиеся результатом трансперсонального взаимодействия между разными социокультурными группами, нужно признать «первичными» по отношению к социальным, политическим и религиозным.

Экологический социум и новая субъектность

Кузя: Но кто это будет делать («интегрировать ценности»), если ваше общество уже и так расколото?

Я: Думаю, что уже в ближайшей перспективе проявит себя новый тип всесубъектности, который я называю условно эко-деятелем. Именно он выступает носителем интегративных ценностей, основу которых составляют экологические ориентации.

Кузя: Ты – идеалист и романтик, а ещё и утопист, хотя совсем недавно сам упрекал меня в этом. Откуда эко-деятелям взяться, если ваши эго-деятели в политике и бизнесе полностью контролируют ситуацию и заставляют эмо-деятелей (эмоционально зависимых людей) участвовать в их играх под названиями «выборы», «потребление», «интернет-сети» и пр.?

Я: Они есть и проявляются не только в сетевых сообществах. Но пока их, конечно, мало. А что ты предлагаешь, Кузя? Путь к естественному образу жизни или лозунг «назад к природе»?

Кузя: Нет, разумеется. Не нужно возвращаться к природе, для начала стоит повернуться к ней лицом. Честно говоря, я не вижу противоречий между идеей «новой естественности» А.А. Пелипенко и твоим экологическим социумом. Но об этом как-нибудь мы поговорим отдельно. А что такое трансперсональная экология?

Я: Это – практическое направление в социальной экологии, которое пытается преодолеть социальный или групповой эгоизм и издержки прежнего потребительского отношения людей к природе, обществу и друг к другу. Вместе с тем это – попытка обосновать и претворить в жизнь проект экологического социума посредством трансперсональных технологий.

Кузя: Я всегда с легким содроганием воспринимаю слово «технологии». А без них никак нельзя обойтись?

Я: В наш век без технологий никак нельзя. Ничего страшного я в термине «технологии» не вижу. Это всего лишь обозначение алгоритмарешения типовых проблем или задач в сходных ситуациях. В этом смысле мы говорим и об экологических технологиях.

Кузя: И как ты собираешься технологизировать или алгоритмизировать экологию общества и человека?

Я: Элементарно, мой друг. Алгоритмизировать – это значит в моём понимании (и независимо от этимологии термина «алгоритм») привести целенаправленную деятельность людей в соответствие с «внутренними» ритмами самого объекта, который они стремятся изменить (в нашем случае – общества). В этом состоит суть социально-экологических технологий. Каждое общество подчиняется собственным ритмам развития и руководствуется своей логикой культуры. Нужно не только распознать их, но и дать возможность обществу развиваться в соответствии с ними.

А когда мы при помощи методов социальной инженерии навязываем обществу иную логику культуры и ритмы развития, то оно начинает «сбоить» и, в конечном счете, стагнировать. Так произошло с Россией в 1990-е гг. Кроме того, общество не может развиваться длительное время ускоренными или заниженными темпами без ущерба своей иммунной (защитной) системе, в качестве которой выступает культура. Ещё раз подчёркиваю, что последняя существует по собственной логике развития и в случае откровенной культурной интервенции может разрушаться, теряя свой иммунно-защитный потенциал.

Кузя: Согласен. Разговор о ритмах и ритмологии у нас с тобой был совсем недавно. Каждый человек подчиняется естественным биоритмам, социоритмам и т.д. Если они соответствуют его собственным ритмам, то он развивается нормально. А если нет, то он угасает или деградирует в физическом и духовном плане.

Я: Да. Такова особенность экоантропологических технологий. Они должны учитывать потенциал человека и адекватную ему среду социоприродного существования. Этим экологизация как раз и отличается от оптимизации, согласно которой развитие объекта (общества или социокультурного ареала) усекается до масштаба задач так называемых социальных инженеров, решаемых в интересах определённых субъектов (отдельных групп чиновников и бизнесменов). В целях оптимизации в постсоветской России разрушались целые отрасли народного хозяйства, закрывались предприятия, сокращались и объединялись вузы, творились другие неблагоприятные дела. И эта политика до сих пор продолжается. Вместе с тем сохраняется и раскол в обществе.

Кузя: Тогда получается, что экологизация в твоём понимании тождественна по смыслу гармонизации.

Я: Возможно, хотя я не вдавался в смысл гармонизации.

Кузя: У тебя получается, что для того чтобы «держать» Россию, сохраняя её культуру, необходимо формировать интегративные (по сути экологические) ценности, носителей которых пока недостаточно. Но ведь кто-то до сих пор удерживал страну от распада? Почему нужно искать новых «спасителей», если и старые относительно неплохо справлялись с данной миссией.

Я: В том-то и дело, мой друг, что старые социальные инженеры справляются с этой миссией из рук вон плохо, что чревато риском запуска механизма самораспада страны, которая не может существовать иначе, как в форме культурной империи и экологической цивилизации. А превращать Россию в обыкновенное национальное государство, как это делали прежние социальные инженеры, – это значит способствовать её самоуничтожению.

Кузя: Вопрос об имперском и цивилизационном статусе России мы с тобой обсудим отдельно. Тем более, что к его рассмотрению мы уже не раз обращались. Скажи мне лучше другое. Каким образом большинство людей, привыкших ориентироваться на «царя-батюшку», моментально перестроятся и вольются в когорту строителей новой цивилизации в России?

Я: Процесс этот может затянуться на десятилетия. Но иного пути я не вижу, если мы хотим сохранить свою привычную жизнь и культурную идентичность. И то, и другое требует от нас трансперсональных усилий. Иначе культуру всечеловечности, к

которой стремились многие поколения наших предшественников, и которая вобрала в себя интегративные ценности, не построишь. Только она и её носители смогут удержать Россию от неминуемого распада.

Кузя: Друзья! Мне выпала честь завершить наш диалог. И вот, что я вам скажу напоследок. Мой собеседник, конечно, во многом прав. И в то же самое время он не прав. Где мы возьмём, например, столько эко-деятелей, способных составить символическое тело разобщённого и децентрированного Иного, в совокупной творческой энергии которого будут интегрированы ценности и который в свою очередь сможет объединить Россию и предотвратить тем самым социокультурный раскол? К тому же эти ценности ещё нужно как-то донести до большинства граждан России, чтобы сформировать у них экосознание. И т.д., и т.п. Но это риторический вопрос.

С другой стороны, хочу возразить по существу. В отличие от нас люди – стадные животные, и им нужен поводырь. Мы, коты, редко сбиваемся в стаи, и то лишь по мере необходимости. А люди живут в стаде (обществе) всегда. Поэтому все их дела и разговоры относятся, прежде всего, к общественной жизни. Можно, конечно, утверждать то, что социальные ценности вторичны по сравнению с так называемыми интегративными ценностями. Но это не совсем так. Хоть я и слышал много слов об экзистенциальных и иных ценностях от своего собеседника, всё же социальные ценности в жизни людей превалируют. И это уже аргумент, который моему собеседнику ещё предстоит опровергнуть.

Образ же разобщённого и децентрированного Иного мне представляется искусственной конструкцией, созданной богатым воображением моего собеседника. В жизни котов такой Иной не продержался бы и часа. Его бы быстро приучили к порядку. Да, у нас процветают индивидуальные иные. И это вовсе не значит, что все мы сплошь и рядом индивидуалисты и эгоисты. Мы являемся иными по своему образу жизни и естественным потребностям, а вы, люди, – в силу социальных и культурных различий. Здесь я отвлекаюсь от инобытия как метафизической категории.

В заключение хочу пожелать вам оставаться теми, кем вас создал Бог – существами с душой и телом. Этим вы похожи на нас. Но, в отличие от вас, мы не пытаемся вырваться за пределы своего существования и достичь трансперсонального состояния. Нам это

не нужно. Мы и так живём в мире с миром, поддерживая естественный баланс с природой, вами и друг с другом. А значит, нам не нужно становиться эко-деятелями. Мы ими уже являемся по факту своего существования.

Россию же «держит» не царь-батюшка или национальный лидер и даже не политическая элита, а культура её народов, обладающая силой притяжения для разных поколений и социальных групп. И пока она жива, будет стоять и ваша страна.

Примечания

1. См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F#:~:text=%C2%AB%D0%9D%D0%B5%D1%82%2C%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B5%20%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%B8%D1%82%D1%81%D1%8F%2C,%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%BE%D0%B5%20%D0%B2%D0%BF%D0%B5%D1%87%D0%B0%D1%82%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B2%20%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5 (дата обращения – 12.06.2021 г.).

2. См.: Резник Ю.М. Феноменология человека: Бытие возможного. – М.: Канон+, 2017. – 632 с.

10.10.2020 г.

2.3. Кто и зачем делит людей на группы?

От формального разделения к принудительному (часть 1)

Дорогие друзья! Мы уже поднимали в диалогах с Кузей проблему иерархии, в т.ч. социальной. Кроме того, в сферу нашего внимания попадал вопрос о различиях между людьми. И с целью поиска этих различий в науке используются разные процедуры различений – классификации, типологизации, дифференциации. Ранее же мы обращались с Кузей к этологии животных, в т.ч. к таким типам, как альфа-, бета-, омега- и пр.

Теперь нас волнует вопрос, почему мир людей дифференцирован по тем основаниям, которые удобны или выгодны определённым субъектам, в т.ч. представителям власти. А ещё, почему одни люди находятся в бедственном положении, а другие не только преуспевают, но и купаются в роскоши? И почему, на-

конец, сами люди, иногда не ведая того, оказываются в тисках схем социальной стратификации, которые устанавливают на их жизненном пути искусственные барьеры и преграды? Неужели во всём этом имеется божий промысел? Ведь Бог создал всех людей равными и свободными. Зачем же он допустил вопиющее неравенство между ними? Может быть, превратно понимаемая свобода и привела, в конечном счете, к социальному разделению и неравенству?

Недавно же Кузя мне заявил, что он совсем по-другому видит дифференциацию людей, рассматривая их по аналогии с кошачьим сообществом, где имеются свои законодатели моды, просто модники и те, кто следует традиции. Вот мы и решили «выяснить» наши отношения, устроить очередную интеллектуальную дуэль. Но по ходу беседы мы столкнулись с новыми проблемами, в частности, с проблемой социальной сегрегации как принудительного деления людей на группы, что характерно для систем неравенства большинства существующих обществ.

В конце концов, мы пришли к выводу, что за любым делением людей на группы, особенно принудительным, всегда стоят чьи-то интересы. Люди порой не догадываются, что их идентичностями кто-то управляет, помещая в ту или иную группу и навязывая свои правила игры. Так они, желая того или нет, вынуждены соблюдать множество корпоративных и прочих предписаний, которые придуманы для того, чтобы контролировать их поведение и создавать лояльную среду для тех, кто ими управляет.

А может причина заключается в таинственной тяге человека к социальным клеткам или ловушкам? Кузя же всегда находит себе коробку или пакет, чтобы туда забраться. Значит и каждому из нас нужен свой «пакет» для полного счастья.

Немного о стратификации и её предназначении (вместо предисловия)

Я: Кузя! Мир разнообразен и допускает социальные и природные различия между людьми. Существует множество моделей дифференциации или стратификации в социологии, культурной антропологии и социальной психологии. Но мы их не будем рассматривать. Это – предмет отдельного аналитического обзора, который для нашей беседы не совсем подходит.

Кроме того, лично меня не покидает ощущение, что кто-то нас уже «посчитал» и записал в одну из страт или групп. Конечно, за нами пристально наблюдают по долгу службы налоговики, работники органов статистики, «силовики», «кадровики», а также представители других государственных учреждений, сотрудники банков, интернет-торговцы, просто мошенники и пр. Каждый из них имеет к нам свой «интерес», используя при этом собственные методы дифференциации.

Так, например, для банков я – потенциальный клиент, добросовестный плательщик кредитов или, напротив, должник, для коммерсанта – потенциальный покупатель, которому следует навязать товары или услуги, а для мошенников – обыкновенный «лох», которого легко развести на деньги. Все они заинтересованы поймать меня в свои сети и определить в категорию плательщика, потребителя, жертвы и т.д. Причём я могу и не догадываться об их планах. Достаточно определить меня в одну из групп, а дальше вступает в силу маховик различных схем дифференциации или стратификации. «Посчитанный» однажды, уже никогда не выберется из этих схем. Даже после смерти его продолжают где-то и как-то учитывать. Так что, родившись, человек сразу попадает в сети разнообразных схем или моделей стратификаций/дифференциаций. Ему присваивают номер или иное клеймо.

А как ты понимаешь стратификацию? Так уж она, на твой взгляд, безобидна?

Кузя: Никак не понимаю. Ты слишком серьёзно настроен и к тому же полон отчасти надуманных страхов. Не стоит быть столь социально чувствительным. Конечно, ты приучил меня подходить ко всему аналитически, но наши читатели ждут от нас хотя бы немного юмора. А мы с тобой чаще всего говорим о скучных, мало кому интересных вещах.

Мне, например, ваши научные слова для общения с тобой вообще не нужны, хотя я иногда и втягиваюсь в разговор. Конечно, благодаря тебе я научился говорить на вашем птичьем языке. Но давай тогда поставим вопрос иначе. Зачем вам, людям, нужна стратификация? Или какой практический смысл для вашей жизни она имеет, кроме того, что ты уже назвал?

Как ты мне говорил, термин «стратификация» в геологии применяется для выделения пластов земли, в ботанике используется

для характеристики особого режима прорастания семян, в медицине – для деления пациентов на группы, а в социологии – для изучения социальных страт или слоёв общества, выделяемых по определённым признакам, и т.д.

Одним словом, любое целое, в т.ч. и общество, делится на слои по определённым, объективным или заданным извне основаниям. Это происходит и у нас, в сообществе котов. В зависимости от тех или иных критериев, мы тоже подразделяемся на разные типы и группы. Но наши критерии не «внешние», а «внутренние», вытекающие из естества самой жизни. А ваши придуманы кем-то и навязаны обществу. Так, в диалоге о небесной и земной иерархии ты уже пытался втиснуть меня в рамки типологии альфа-, бета- и пр. Что-то тогда не очень получилось. Но зачем-то это тебе было нужно. Значит, ты тоже хотел меня «посчитать» и определить в соответствующую категорию.

Вот и получается, что любая схема стратификации в обществе «загоняет» человека в определённую, чаще всего вопреки его желаниям, страту или группу. Это относится и к твоим многочисленным типологиям.

Я: Я лишь пытался объяснить себе и тебе то, почему разумные существа ведут себя тем или иным образом, демонстрируя устойчивые, типические поведенческие или ментальные черты.

Кузя: Не совсем так. До сих пор ты пытался донести до меня мысль, что «посчитать» или «поделить» кого-либо по каким-либо признакам – это и значит получить над ним власть, установить контроль над его поведением. Не знаю почему, но тебе везде в обществе мерещатся «сети» и «ловушки». Разве не так? Но, в отличие от меня, ты давно сидишь на капкане разных повинностей (трудовых, финансовых, семейных и пр.). *Ты тратишь силы и время, чтобы работать, а работаешь для того, чтобы платить по счетам.* И на себя у тебя почти не остаётся времени. *Ты – раб системы, которую поддерживаешь собственными же усилиями, и которая тебя эксплуатирует или использует, как ей хочется.* А я живу так, как мне нравится, потому что мне удалось удачно найти того, кто меня кормит и содержит, да ещё и любит в придачу.

Я: Хватит выставлять меня в виде машины по удовлетворению чужих – системных или иных – потребностей. В этот раз меня волнует другое. Ты знаешь, Кузя, я совсем перестал ориентироваться

в структуре нашего общества. Пытался примерить к России западную стратификационную модель, не получилось. Средний класс у нас – какой-то уж не совсем «средний» (даже по формальным признакам), а наша интеллигенция вообще не вписывается ни в одну социальную страту, потеряв всякую надежду стать аристократией духа. В советское время у неё хотя бы была роль «прослойки» между рабочим классом и крестьянством. А теперь она «болтается» где-то между низшими и средними слоями.

Если же судить по некоторым социологическим опросам, то выясняется, что практически все граждане субъективно хотят быть представителями среднего класса: бедные потому, что им не позволяет личное достоинство зачислять себя в низшие слои, а богатые потому, что не хотят раздражать общественность своими баснословными доходами, неадекватными их «трудовым усилиям». Но всё это теряет вообще смысл, как только мы переходим к страте сверхбогатых, которые никак не могут привести свои состояния в соответствие как с налоговым кодексом, так и с моральными нормами. Впрочем, их претензии на то, чтобы считать себя «высшим классом», также не обоснованы. Возможно, не хватает самого малого – достойной миссии и культурного уровня, соответствующего данной страте. А может быть, всё дело в том, что мы другие и общество у нас иное, отличное от западного, и ему не подходит западная стратификация, которую нам навязали в 1990-е гг.

Кузя: Но ты же сам говоришь, что всё это придумано, чтобы держать людей под контролем. Значит и такая стратификация нужна тому, кто управляет разными социальными идентичностями, поддерживая тем самым удобный для себя порядок в обществе. Вот вы, люди, тоже пытаетесь управлять идентичностями котов, дозируя питание или заставляя их вести себя соответствующим образом. И мы, коты, вынуждены были придумать специально для вас особый язык (мяуканье, мурлыканье и пр.). Между собой мы так не общаемся. Нам хватает других жестов и звуков. Так что, загоня кого-либо в страту, вы навязываете ему не только правила игры, но и язык. Вот такое, понимаешь, получается принуждение к социальному миру.

Я: Вот и выходит, что западный опыт стратификации не очень-то нам и подходит. Он применим к тем странам, где люди готовы добровольно принять навязанную им или конвенционально принятую идентичность, так как это соответствует их представлениям о

социальном участии. А наши люди не хотят с ней мириться. Поэтому наши «средние» вовсе не желают быть «низшими» в их западном понимании, а «высшие» так и не стали теми, за кого себя порой выдают. Так что лучше оставить в покое концепцию стратификации и перейти к другим формам дифференциации людей.

Кузя: Какие-то маски-шоу у вас получаются. Вы с утра до вечера озабочены тем, чтобы попасть в группу, находящуюся в более привилегированной позиции. Вот и получают карьера вместо самореализации, деньги вместо счастья, служение и самопожертвование вместо посильного участия и сбалансированного развития. Нам, котам, сие неведомо, потому что мы предпочитаем вести спокойный и умеренный образ жизни, чтобы быть счастливыми там, где нам удалось устроиться.

Я: Или пристроиться. Тебе не кажется, что вы – приспособленцы по жизни. Живёте там, где лучше и с теми, с кем удобнее. А сами-то вы, что делаете для того, чтобы сделать других благополучнее или счастливее.

Кузя: Вот здесь ты не прав. Мы делаем как раз многое, оказывая на вас, людей, «умиротворяющее» воздействие и призывая к умеренности в жизни. И ваше благополучие нас также волнует.

Я: Наверное, только потому, что от него зависит ваше благополучие. Что-то я слабо верю в вашу бескорыстную помощь. Так примерно ведут себя все паразиты в организме человека. Они не убивают его полностью, а напротив, питаются соками жизни, поддерживают жизнеспособность.

Кузя: Нашел с кем нас сравнить. Мы, коты, – самые полезные существа на свете. Помимо прочего, мы помогаем вам обживать и обустраивать ваше жизненное пространство. Ведь не случайно в новый дом или квартиру вы всегда приглашаете сначала войти кота. Там, где живут коты, не нужны домовые и прочие нечистые сущности.

Я: Мне кажется, что ваша «польза» слишком переоценена любителями котов, а ваше участие в нашей жизни обросло массой мифов. Я тоже не могу быть беспристрастным и слишком много позволяю тебе, Кузя. Теперь ты вот выступаешь моим собеседником, и время от времени пытаешься меня поучать.

Кузя: Но какое отношение всё это имеет к нам с тобой? Причём тут вертикальное деление общества? Или страта накладыв-

вает на людей какую-то особую печать? Судя по всему, стратой прикрываются те, кому нужно предъявить свой статус, или те, кто хочет держать других в повиновении. Не волнуйся, мы с тобой независимо от вида и социального статуса находимся в одной страте – группе симпатизирующих друг другу существ. Ну как ты при помощи стратификационного подхода будешь оценивать своих друзей? Если кто-то из них находится в более высокой или низкой социальной страте, то разве ты перестанешь с ним дружить?

Я: Как ты легко увёл разговор в сторону от своей персоны. Что же касается отношения к друзьям, то нет, конечно. Стратификационный подход вообще не применим к дружеским и иным формам межличностных отношений, которые относятся к разряду свободных идентичностей. Хотя, наверное, у дружбы также могут быть свои различные типы (например, дружба-привязанность, дружба-партнёрство, дружба-любовь и пр.). Но это уже о другом, скорее о её психологическом характере. В остальном нам приходится как-то ориентироваться в человеческой дифференциации, чтобы понять, что и кто за ней стоит.

Кузя: А зачем тогда мы рассматриваем стратификационный подход?

Я: Дело в том, что страта, а точнее принадлежность к ней (идентичность) удерживает людей в определённой социальной нише, заставляет думать и поступать так, как в ней предписано теми, кто стоит выше, в господствующей страте или вообще над всеми стратами. И я хочу знать, как устроен механизм стратификации, которым этот «некто» управляет, и который содержит помимо прочего элемент принудительной идентификации.

Кузя: Тебе будет легче, если ты узнаешь, что кто-то из твоих знакомых относится к той или иной страте? Всеми стратами, как и идентичностями, управляют. Это факт. Значит, ты хочешь узнать, кто манипулирует поведением твоих друзей. Уверяю тебя, что те же, кто и твоим. У вас общие «хозяева». Разве тебе недостаточно имеющихся этических критериев оценки своих знакомых (например, хороший и надёжный или не очень хороший и ненадёжный человек?). Мне кажется, что стратификация тут совершенно ни при чем. У неё имеются свои функции. А у дружбы или знакомства свои. И они никак между собой не связаны.

Я: Возможно. Но ведь и у неё есть, кроме всего прочего, объективные основания. При этом она служит чему-то или кому-то.

Кузя: Наверное, дружба служит укреплению межличностных отношений, у которых тоже есть свои законы.

Я: Но нам пора разобраться с тобой в самом общем смысле и критериях дифференциации людей.

Кузя: Не знаю, как тебе, а лично мне это точно не нужно. Я уже нашёл свою нишу и мне там спокойно живётся.

Я: Ладно уж молчи, несчастный мещанин.

Кузя: Не такой уж я и мещанин. Это расхожее мнение, которое поддерживает в своих комментариях Владимир Николаевич Шевченко. Кроме того, он видит во мне и моих собратях воплощение буржуазного образа жизни. Но ты-то понимаешь, что мы с тобой относимся к одному племени – племени разумных существ, которые озабочены экологией общества.

Я: Но одно другому не мешает. В этой логике буржуазия тоже поддерживает минимальный уровень жизни наёмных работников. Иначе кто же будет на неё работать и обслуживать её различные интересы. Она подобна паразитам, высасывающим соки из организмов.

Кузя: Но какой же я буржуа, если у меня нет даже своей ответственности, а ты обеспечиваешь меня всем необходимым добровольно?

Я: Наши либеральные интеллектуалы тоже не имеют частной ответственности и капиталов, что не мешает им обслуживать буржуазную элиту и кричать о нарушении прав и свобод человека. Только под человеком они имеют в виду, прежде всего, буржуа. Именно он является представителем того сословия (позже класса), которое установило своё господство во многих странах мира и подчинило своим интересам другие социальные группы. Буржуа – это не только классовая принадлежность, но и образ жизни, а также образ мыслей. Владимир Николаевич как раз считает, что ты – буржуа по образу жизни и своим мыслям.

Кузя: Но если я буржуа де-факто, то кто же тогда ты? Пролетарий умственного труда что ли?

Я: С моей социальной идентичностью всё оказывается сложнее. Формально меня можно отнести к категории государственных служащих, так как я работаю в государственном бюджетном учреждении. Но по факту я, как и большинство российских ученых,

представляю класс наёмных работников. Но давай отложим этот разговор на потом и вернёмся к нашей теме.

Кузя: Вот теперь ты уходишь от разговора.

О некоторых человеческих типах и критериях их дифференциации

Я: Мы к нему обязательно вернёмся. Думаю, что у тех или иных создателей схем дифференциации людей имеются разные смыслы. Кто-то использует эти схемы, чтобы манипулировать поведением людей, а кто-то пытается объяснить и направить их мотивацию. Но независимо от функций тех, кто проводит дифференциацию, каждый из них прямо или косвенно пытается оказывать влияние на идентификационные стратегии людей.

Для меня же, как исследователя, смысл любой дифференциации состоит в её условной и сугубо аналитической, а не практической применимости. С точки зрения социальной практики, человек всегда неравен тому положению, которое он занимает в обществе. А, следовательно, я согласен с тобой, что его нельзя втиснуть в ту или иную схему дифференциации. Он гораздо богаче в культурном, психологическом и творческом планах, т.е. как личность.

И всё-таки давай рассмотрим некоторые из схем, чтобы понять, что или кто за ними стоит. Начнём, пожалуй, с твоей версии. А что ты, Кузя, предлагаешь?

Природа – культура (Кузина версия человеческой дифференциации)

Кузя: Ну, в отличие от тебя, я не стал бы придумывать сложную комбинацию социокультурных различий между людьми. Лично для меня культура является миром искусственного. Наверное, такой взгляд в вашей философии отнюдь не нов. На мой взгляд, Природа – лучший творец всего сущего. Культура же имитирует природу, копируя и воссоздавая её разнообразные лики, и даже стремится её заменить, стать тем, что вы называете «второй» природой. Неслучайно один из важнейших институтов культуры называется искусством. Искусство и искусственное – слова однокоренные. Конечно, я не отрицаю игру воображения и новаторство многих художников, но их творчество вторично по отношению к божественному и природному творчеству. Они лишь воспроизводят то, что уже создано Богом или Природой.

Опять же, на мой скромный и не совсем учёный взгляд, культура вторична по отношению к Природе. Основная линия размежевания между людьми проходит не «внутри» культуры, а в системе координат «природа – культура». Поэтому, с одной стороны, мной выделяются «естественные» типы разумных существ (у вас их называют консерваторами или традиционалистами), которые тяготеют к Природе и склонны к поддержанию существующего порядка, а с другой, – «искусственные» типы (новаторы и модернизаторы), законодатели новых жизненных стилей, близкие по духу к агентам или творцам культуры. Именно для последних культура является не просто «второй» Природой, а первой по значимости инстанцией. К последним примыкают те, кто пользуется культурными благами («пользователи»).

Между этими двумя типами располагаются в свою очередь те, кто придерживается умеренных взглядов и балансирует между Природой и Культурой («смешанные», естественно-искусственные типы). Некоторых из них можно назвать интеграторами. В твоей схеме он соответствует, скорее всего, эко-деятелю.

Я взял эту типологию из мира котов, где также существуют законодатели мод, модники («гламурные» коты), которым противостоят «традиционалисты», и, наконец, «пользователи», т.е. те, кто не привык сам что-либо изобретать и предпочитает действовать по привычке. Но с типом интегратора дела обстоят сложнее. У нас, котов, их практически нет.

Я: И куда же ты относишь меня?

Кузя: Разумеется, к последнему, «смешанному» типу. Это близко по смыслу к твоему хранителю-корректировщику. Так что мы с тобой находимся, пожалуй, в одной группе, оба «между». А ты говоришь, что в разных мирах и т.п.

Я: И всё-таки мир людей и мир котов, хотя и пересекаются друг с другом, но сосредоточены в разных измерениях.

Кузя: Не совсем так. Всё зависит от оснований деления этих миров. По одному из оснований наши с тобой миры («Я» и «Кузя») совпадают, а по другому – нет. По этой же причине мы можем находиться в одной страте или в разных. И даже так: можно пребывать в одном мире, но в разных стратах, и наоборот.

Я: И как же разобраться, где мы с тобой находимся в данный момент?

Кузя: Для этого нужно согласовать друг с другом общие ориентиры дифференциации или стратификации. Другими словами, нужно договориться об их основаниях. Ты же сам говорил, что некоторые критерии дифференциации имеют конвенциональную природу. В этом случае они не имеют принудительного характера.

Я: Ты хочешь сказать, что любое деление на группы (стратификация) или типы (типологизация) рукотворны и не имеют под собой никакой объективной основы?

Кузя: Почему же? По-разному бывает. Например, деление по половым признакам объективно, но лишь до тех пор, пока человек радикально не вмешивается в свою природу и не меняет пол. А вот деление на любителей разных стилей в музыке условно и зависит от определённых субъективных или интерсубъективных факторов, в т.ч. от музыкальных предпочтений.

Давай теперь перейдём к твоей схеме, которую я хотел бы прокомментировать.

Свобода – равенство

Я: Разумеется, как же без твоих комментариев. В преамбуле к нашей беседе я говорил о соотношении свободы и равенства. Я вижу здесь не одну, а, как минимум, две дилеммы: свобода – неравенство, справедливость – равенство. Другими словами, свобода одних зачастую ведёт к усилению неравенства и неравноправного положения других. Многое зависит от того, как люди пользуются своей свободой: преимущественно для себя или для решения общих задач. Часто провозглашаемый тезис о том, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого, оказывается голословным и не подкреплённым конкретными правовыми и моральными механизмами. А справедливость, как правило, предполагает равенство, хотя и не всегда приводит к нему. В ряде случаев мы имеем дело с обыкновенными декларациями о намерениях.

Кузя: Да, возможно, люди ещё не созрели для свободной жизни, предпочитая вместо всеобщей свободы добиваться свободы для себя или своей социальной группы. Ты помнишь, как мы с тобой обсуждали античное общество, разделенное на свободных граждан и рабов. На мой взгляд, это деление никуда не исчезло, а лишь приобрело более изощренные формы. Поэтому у вас по-прежнему сво-

бота одних оборачивается на практике несвободой и зависимостью других.

Именно это ты имел в виду, когда приписывал мне образ буржуа?

Я: Но буржуазная идентичность не может быть интерсубъективной или конвенциональной. Так, можно предположить, что её истоки марксисты видят в характере присвоения чужого труда, а современные либералы – в степени свободы, обусловленной в свою очередь объемом капитала. Получается, что чем богаче человек, тем он более свободен.

Кузя: Значит, буржуа – это тот, кто, прикрываясь лозунгами о свободе (преимущественно политической), живёт за счёт чужого труда и присваивает себе то, что ему по праву не принадлежит. Из этого можно сделать вывод, что свобода, как и справедливость, не могут служить критериями человеческой дифференциации.

Я: Трудно представить себе абсолютно свободное или, напротив, самое справедливое общество. Как правило, сложное общество состоит из свободных и зависимых, или тех, кто стремится к справедливости, утверждая или декларируя принцип равенства, с одной стороны, и тех, кто ей противостоит, отстаивая индивидуальную или групповую свободу, с другой. Идеальная формула общества (например: $ИО = Св + Сп$, где ИО – идеальное общество, Св – свобода, а Сп – справедливость) принципиально недостижима.

Свобода редко бывает общим достоянием. И за всеобщую свободу ещё надо бороться. В самом начале перестройки идеологи приватизации призывали нас к экономической свободе. Но получив её в виде ваучеров, мы оказались в один прекрасный момент без собственности, т.е. попали в заведомо неравное положение. Тогда нас «освободили» не только от нашей доли в общенародной собственности, но и от самой свободы. Последняя досталась наиболее предприимчивым или просто изворотливым людям. Теперь они живут свободно и в достатке, а мы (подавляющая часть граждан страны) как придётся.

Однако я не согласен с тобой, что свобода и справедливость не могут служить критериями дифференциации типов общества и соответствующих им групп людей. Попробую развернуть свой тезис в виде таблицы. Посмотри, что у меня получилось (см. табл. 1).

Табл. 1.

Критерии дифференциации	Свобода	Справедливость
<i>Равенство</i>	Идеальное общество или общество всеобщей свободы и социального равенства «для всех» (коммунизм) – свободные и равноправные коммуны, а также свободные и всесторонне развитые личности	Общество равных возможностей и справедливости «для всех» (социализм или его неполный аналог – «государство всеобщего благоденствия») – группы, различающиеся по месту в общественном разделении труда
<i>Неравенство</i>	Общество свободы «для своих» (привилегированных классов) и социального неравенства «для всех» (капитализм) – господствующие и зависимые классы, выделяемые по отношению к средствам производства (капиталисты и наемные работники)	Общество справедливости «для своих» (избранных носителей идеологии) и социального неравенства «для всех» (идеократизм, в т.ч. фашизм и пр.) – идеократические группы (адепты) и группы исполнителей (агенты)

Как видишь, при данных критериях (свобода/справедливость и равенство/неравенство) социальная типология людей всё же возможна. Но она отличается от традиционных представлений о типах человека и общества.

Кстати, самым радикальным примером идеократического общества здесь выступает фашизм с его реакционными и расистскими идеями. Более мягкие идеократические модели общества описаны ещё в «Государстве» Платона, в котором правят властители умов – философы, а также в трудах классических евразийцев (Н. Трубецкой), в которых идеократия также рассматривалась как руководящая сила общественной жизни.

Кузя: Тебя хлебом не корми, лишь бы новую типологию придумать. А мне все твои схемы и таблицы кажутся вымышленными. К тому же ты здесь выделил типы общества. А каковы типы людей?

Я: Главное, чтобы ты свою схему смог применить. А о моей не беспокойся. Она найдёт своих сторонников. Что же касается типологии человека, то в указанных выше случаях речь идёт только о доминирующих типах. Соответственно можно выделить четыре основных типа: «*всеобщий человек*» (свобода и равенство), «*буржуа*» (свобода и неравенство), «*человек равного труда*» (справедливость

и равенство) и «идеократ» (справедливость и неравенство). Кроме того, каждый из выделенных типов различается своим отношением к труду. Неслучайно К. Маркс рассматривал всемирную историю как «порождение человека человеческим трудом» или как «производство жизни посредством труда».

Кузя: Здорово. А что делать с буржуа? Каким трудом он порождён?

Я: Если ответить кратко, то он рождён отчуждённым трудом.

Кузя: Тогда получается, что, если принять твой ярлык «буржуа», то я тоже являюсь продуктом отчужденного труда?

Я: В какой-то мере да, поскольку ты пользуешься результатами моего труда. Но о тебе поговорим позже. Буржуа как представитель своего класса сам не производит ничего, кроме частичных продуктов умственного труда, но пользуется, следуя К. Марксу, всеми результатами чужого накопленного труда. Как известно, Маркс называл этот феномен отчуждением труда. И пока буржуа обладает всей монополией на средства производства, в т.ч. и на самого трудящегося, его нельзя «устранить» как социальный тип. И этот факт сегодня не может затенить ничто, включая все разговоры об информационном, сетевом или постиндустриальном обществе. В той же мере можно рассматривать современный капиталистический рынок как «стихийную социальную силу», не только не зависящую от воли и поведения людей, но и воспроизводящую социальное отчуждение снова и снова.

Таким образом, отчуждение создает превращенную действительность, в которой все выигрышные позиции получает только один тип человека – «буржуа». Именно ему достаётся почётная роль «снимателя сливок» с общественного пирога.

Кузя: А что соответствует в твоём понимании «человеку равного труда»? И кто вообще это такой?

Я: Маркс писал о «равенстве труда различных индивидуумов» и «взаимном отношении их труда как равного», подразумевая под равным трудом общественный труд или, говоря иначе, включённость всех и каждого в общественный процесс труда. «Человек равного труда» ещё не свободен в полной мере. Он зависит от средств производства и технологий, а также от других участников совместного трудового процесса. Но такое общественное разделение труда при социализме считается справедливым и поддержива-

ется на уровне всей политической организации. В таком обществе власть принадлежит не собственникам, а людям труда и их ассоциациям.

Кузя: Значит ли это, что высшим типом человека ты считаешь «всеобщего человека»? Ты как-то рассказывал мне о категории всеобщего труда у Маркса, но ничего не говорил о «всеобщем человеке».

Я: А как ещё иначе ты представляешь себе субъекта этого труда? Коммунизм и есть общество всеобщего труда. Благодаря последнему и складывается такой тип человека, как всеобщий. Маркс выделял абстрактно-всеобщий и равный труд, создающий потребительную стоимость. Но он также рассматривал всеобщий труд как деятельность, приходящую на смену отчуждённому труду, который обусловлен отношениями частной собственности. Пока существует эта форма собственности, всеобщий труд не будет реализован в полной мере, так как для этого следует освободить всех людей от эксплуатации и непосредственной зависимости их физических потребностей от труда.

Чтобы преодолеть отчуждение, человеку необходимо вернуть продукты его собственного труда (произведённый им предметный мир) и его же родовую сущность как субъекта свободной и сознательной деятельности. Тем самым будет преодолено отчуждение человека от человека. Только таким образом можно воплотить всеобщий труд в действительность, сформировав тем самым всеобщего человека. А это невозможно сделать, по Марксу, без социальной революции.

Всеобщий труд есть, прежде всего, труд, преобразующий самого человека и формы его общения в направлении свободного и всестороннего развития. Он превращается в самодеятельность людей. Другими словами, его главной целью выступает сам человек как родовая сущность. При этом на первый план выходит не производство средств к существованию, «поскольку люди должны иметь возможность жить», а их способность творить собственную историю. Только так они смогут стать «объединённой и сознательной социальной силой», в отличие от рынка и прочих стихий капитализма, разобщающих людей посредством отчуждения, а значит, перейти от мнимых или извращённых форм общения к подлинной коллективности.

Кузя: Значит ли это, что всеобщий человек достигает наибольшей степени свободы по сравнению с другими типами, в т.ч. «буржуа» и «человеком равного труда»?

Я: Несомненно. Свобода буржуа иллюзорна и покоится на отчуждении труда наемных работников. А свобода «человека равного труда» недостаточна, так как он ещё не подчинил себе все производительные силы. Только всеобщий человек получает возможности для всестороннего развития своих задатков и обретает свободу в подлинном общении с равными себе.

Кузя: А как же быть с последним типом человека – идеократом?

Я: С ним придётся ещё долгое время сосуществовать. Повторяю, все эти типы имеются в любом обществе, но только в одних общественных системах они доминируют, а в других нет. Но что конкретно тебя интересует? То, что данный тип является наименее устойчивым из всех и может переходить из группы в группу?

Да, идеократ понимает справедливость по-своему, прежде всего, как возможность приоритетного получения жизненных благ для «избранных», т.е. тех, кого считают по установленным свыше критериям наиболее «чистыми» в идейном плане и преданными политическому курсу правящей идеократии. Он признаёт лишь равенство «для своих», объявляя чужих «врагами рейха», «врагами ислама», «врагами народа» и пр., не заслуживающими достойной жизни. Вместе с тем исторический опыт свидетельствует о том, что «бывшие» могут оказаться со временем убежденными идеократами, а последние – стать в один момент «врагами народа», и т.п. Но всё это – следствие непоследовательного и непредсказуемого идеократического режима, зависящего во многом от воли вождя, фюрера или кормчего, а также от их прислужников и непосредственного окружения.

Что же касается характера труда, то он в идеократическом обществе остаётся отчуждённым, разделяя людей на властвующих и подчинённых. Идеократы создают и поддерживают, с одной стороны, атмосферу страха, насаждая идеологические стандарты и присваивая людям те или иные идеологические ярлыки («истинный ариец, беспощадный к врагам Рейха», «человек, преданный делу партии и народа» или «немецкий шпион», «враг народа» и пр.). А, с другой стороны, люди, несмотря на свой трудовой вклад, подразделялись, как в романе Джорджа Оруэлла «1984», на «допу-

щенных к столу», т.е., имеющих доступ к всевозможным благам, и тех, кто «стремится быть допущенными к столу». По-видимому, есть ещё одна категория людей, пребывающая в низших слоях идеократической системы и потерявшая всякую надежду на лучшее будущее.

Кузя: Мне кажется, что ты подменил одни основания своей типологии («свобода – равенство – справедливость») другим основанием («характер труда»).

Я: Не подменил, а дополнил их, обогатив тем самым всю типологию.

Кузя: Но тебя обязательно спросят: а к какому типу общества следует относить Советский Союз и современную Россию? И какой тип человека там преобладал или преобладает?

Я: Думаю, что СССР на стадии своего становления представляет собой смешанную модель общества – идеократизм с элементами социализма (или «социалистический идеократизм»).

Кузя: А почему не социализм с элементами идеократизма?

Я: Потому, что основой советского строя в 1920-1930-е гг. выступает идеологическая конструкция (марксизм – ленинизм – сталинизм), а не социализм, как таковой. Неслучайно Сталина считали главным идеологом строящегося социализма. Сталинизм был, а социализма в его марксистском понимании так в итоге и не стало. Наверное, его и не могло быть в данных культурно-исторических условиях. Мы построили свою модель – советский социализм.

Социализм в марксизме – это общество равных возможностей «для всех», а советская власть формировалась первоначально как большевистская идеократия, создающая общественный строй «для своих» (рабочих, красноармейцев и крестьян). Позже и они перестали быть хозяевами в своём доме. О каком равенстве могла идти речь, если классовая борьба была в самом разгаре, и целые слои населения, которых называли «бывшими» (дворянство, царские офицеры, духовенство, чиновники и пр.), лишались гражданских прав и планомерно уничтожались? А партийно-государственная элита получала при этом усиленные пайки и комфортные квартиры, что никак не вяжется с образом общества равных возможностей.

Но всё же элементы социализма были. Так, уже в довоенный период в советском обществе появились социальные лифты, и

значительная часть бывших рабочих и крестьян приобрела возможность получить бесплатное образование. И всё это, наряду с расширением рабочих мест и продвижением во власть представителей когда-то угнетённых классов, создавало условия для относительно равноправного участия людей в строительстве новой жизни. Именно в эти годы стал складываться и новый тип – советский человек, с его коллективистской психологией, обострённым чувством справедливости (понимаемой с точки зрения угнетённых классов) и идеалами великого будущего (коммунизм).

Позже, в послевоенный период советская власть стала обростать огромным бюрократическим аппаратом, который выстроил под себя отдельную инфраструктуру жизнеобеспечения, и утратила во многом свой идеократический характер. Идеологические устои общества постепенно размывались. Общество медленно дрейфовало в сторону ещё большей неопределённости. А в конце 1970-х – начале 1980-х уже мало кто из советских людей верил в неизбежную победу коммунизма. Утрата высоких идеалов и «обуржуазивание» партийно-государственной номенклатуры привели, в конце концов, к окончательному разрушению идеократических основ советского общества. В результате проект социализма не был реализован в достаточной мере, а коммунизм так и остался прекрасной мечтой для многих поколений советских людей.

Вместе с тем советская эпоха породила множество новых социальных страт и человеческих типов: научно-техническую и художественную интеллигенцию, рабочие династии, партийную номенклатуру, раздувшийся до небывалых размеров аппарат принуждения, плеяду советских военачальников, криминальные структуры и др. Официально декларируемый дружественный союз рабочего класса, трудового крестьянства и творческой интеллигенции не отражал реальной ситуации, сложившейся в структуре советского общества. Идеократический строй разлагался на глазах, теряя свою прежнюю мобилизующую силу. Появились новые страты и типы человека, которые, подобно муравьям, стали разрушать монолитную глыбу идеократии – «теневики», организованная преступность, «красные директора», местные партийные князьки и т.д.

Кузя: А что же вы получили в результате «перестройки»?

Я: Ещё один социальный гибрид («капитализм с элементами социализма») или смешанную форму общественного развития – зачатки *социал-капитализма*, объединяющего в идеале рыночную экономику и социальное государство. Но это лишь одна из возможных моделей общественного развития современной России, которая ещё не получила реального подкрепления. Пока она продолжает идти по пути идеократического (государственного) капитализма, наращивая противоречия с глобальным и либеральным по сути капитализмом, прежде всего, в лице США.

Кузя: У тебя, мой любезный друг, везде присутствуют элементы социализма. А где же сам социализм?

Я: Идеократизм в большинстве стран, ставших на путь социалистического развития, в конце концов, победил и вытеснил из социальных практик принципы справедливости и равенства. Поэтому применительно к советской России можно условно говорить о социалистическом идеократизме. Социализм же в его развитом виде не удалось построить пока ни в одной стране. Под вывеской «мировая система социализма» идеократы Советского Союза соединили разные типы обществ и политические режимы – от открытой диктатуры до социал-демократии.

Кузя: Но какое общество тогда следует считать «хорошим»?

Я: Скорее всего, то, которое устраивает большинство людей. Наверное, хороших обществ, как и людей, для всех не бывает. Однако имеются общества, которые обеспечивают желаемый уровень жизни для доминирующих групп. Для буржуа хорошим является капиталистическое общество. Для советской партийно-государственной номенклатуры – идеократическое общество с подконтрольными ей ресурсами.

Кузя: И как всё это соотносится с твоей типологией э-деятелей (эмо-, эго-, эко- и пр.)?

Я: Пока я не вижу прямой связи между ними. Могу лишь предположить, что эмо-деятель, осознающий себя исключительно в качестве подчинённого и зависимого элемента социального целого, распространён во всех трёх существующих типах общества (капитализм, социализм и идеократизм). Эго-деятель, ставящий собственные интересы превыше всего и извлекающий выгоду из любого положения, преобладает, как правило, в обществах соци-

ального неравенства, т.е. в капиталистических и идеократических системах. Эго-деятель, ориентированный на гармоничное взаимодействие со средой обитания, мало распространён и тяготеет к социально-равноправным системам. Пока для него нет благоприятных общественных условий.

В России же, как постидеократическом обществе, вобравшем в себя некоторые черты капитализма и социализма, в экономике и политике преобладают эго-деятели, которые вытеснили на периферию массу эмо-деятелей и немногих эко-деятелей. Наша же интеллигенция оказалась в роли экзо-деятелей и продолжает наблюдать со стороны за тем, что происходит вокруг и чаще всего без её непосредственного участия.

Кузя: А разве в советское время эго-деятелей не существовало?

Я: Почему же? Они были всегда. Но наряду с ними идеократия сформировала ещё такой тип, как экзо-деятель, который предпочитает воздерживаться от любых активных действий и не готов приносить себя в жертву ради абстрактных общественных идеалов. В отличие от диссидентов, это – человек, который не вступал в открытую конфронтацию с властью и предпочёл уйти во «внутреннюю эмиграцию». Стиль его жизни заключался во многом в отстранённом существовании и дистанцировании от любых общественных дел. Ему была не нужна высокая цель. Он предпочитал жить настоящим. В известном смысле это – антипод идеократа, под которого чаще всего маскировался эго-деятель. В постсоветский период большинство экзо-деятелей примкнуло к другим группам. И сегодня те, кого раньше называли интеллигентами, занимают позицию неучастия в общественных делах, предпочитая заниматься своей профессиональной деятельностью. А эго-деятели по-прежнему правят балом.

Кузя: А как твоя типология э-деятелей «работает» в системе координат «свобода – справедливость»?

Я: Здесь нет прямого соответствия между ними. Однако можно опять же представить, что эго-деятель стремится к индивидуальной свободе, а эмо-деятель – к социальному равенству и справедливости. Наверное, эко-деятеля устроит равновесие между свободой и справедливостью (справедливая свобода или свободная справедливость). И только экзо-деятели, в зависимости от их мировоззренческой доминанты, ставят превыше всего либо свободу,

либо справедливость, предпочитая по-прежнему оставаться в стороне. Но их влияние на общественно-политическую жизнь России не столь велико.

Кузя: Ты считаешь, что ваше общество до сих пор осталось идеократическим?

Я: Конечно. Могу предположить, что в России, несмотря на конституционный запрет на любую господствующую идеологию, общество сохраняет идеологическую биполярность, возникшую ещё в 1990-е гг. В нём по-прежнему борются между собой две идеологические системы – либерализм и социализм. Однако большинство россиян так и не сделали свой выбор, занимая позиции эмо-деятелей или экзо-деятелей. По обе стороны политических баррикад оказались эго-деятели, представляющие противоположные (условно «правую» и «левую») идеологические ниши. Поэтому у нас так трудно и противоречиво складывается политический центр, который дрейфует то из левоцентристского в правоцентристский, то наоборот, в другую сторону. А время эго-деятеля ещё, наверное, не пришло.

Идеократия побеждает сегодня во всём мире, как на Западе, так и на Востоке. С этой точки зрения, нет принципиальной разницы между либеральной демократией США и социалистической партократией Китая. И всё же это разные идеократические системы, хотя обе претендуют на имперское господство. Ведь империя по своей сути есть суперидеократическая система. Пока сохраняются имперские традиции в той или иной стране, она продолжает оставаться идеократической.

А, как известно, самое острое противостояние всегда происходит между близкими родственниками. В нашем случае это – либеральная империя во главе с США («либеральный идеократизм» или «идеократический капитализм»), с одной стороны, и империя социалистического типа, которую представляет Китай («социалистический идеократизм» или «идеократический социализм»), с другой.

Противоречивый характер современной проимперской политики России является одной из главных причин её отторжения со стороны западной идеократии, несмотря на тот факт, что она близка к модели идеократического государственного капитализма. По-прежнему стали возможные имперские амбиции нашей страны. России, с её уменьшающимся человеческим потенциалом, следует

определился с выбором более надежного «партнёра». Как видно, ставка на либеральные приоритеты цивилизационного развития в России не оправдалась и страна так и не сделала решающий шаг в сторону другой, например, социалистической империи, как Китай, продолжая оставаться в ситуации «между». Поскольку её имперские притязания не могут быть подкреплены в ближайшие десятилетия необходимыми ресурсами (и в первую очередь – человеческими), то так долго продолжаться не может. Пора сделать выбор. И для этого не обязательно становиться младшим партнёром или сателлитом идеократического Китая. Гораздо важнее определиться с тем, куда и с кем мы идём.

Кузя: Не знаю. Мне, как коту, кажется, что любая дифференциация представляет опасность и неизбежно приводит к противостоянию. Ты это только что ещё раз наглядно продемонстрировал. А глобальные игроки, обладающие колоссальными ресурсами, имеют больше шансов диктовать свои критерии дифференциации зависимым группам и народам или навязывать им свою политику идентичностей. Больше всего от последней зависим мы, коты, поскольку не всем так везёт, как мне. Кто-то может родиться на улице или в семье совсем бедного человека.

И в чём же ты видишь реальные или возможные пути человеческой дифференциации с учётом обоснованной тобой типологии?

Я: Об этом мы с тобой поговорим в следующий раз.

04-05.02.2021 г.

2.4. Кто и зачем делит людей на группы?

От формального разделения к принудительному (часть 2)

Дорогие друзья! Мы продолжаем наш затянувшийся разговор. Надеемся, что первая часть вас не очень утомила, и вы сможете досмотреть до конца оставшийся материал. Очевидно одно. Любая дифференциация людей вторична по отношению к дифференциации таких социальных организмов, как общества. В данной части мы попытаемся продемонстрировать, как теми или иными субъектами под самыми благовидными предложениями используются технологии социальной сегрегации и «уровниловки».

Но наша задача этим не ограничивается. Мы постараемся показать возможные пути культурной интеграции общества, исключая сегрегацию и другие формы принудительного деления людей на группы. Гибридные модели общественного развития («идеократический капитализм» или «либеральная идеократия» и «социалистический идеократизм») не вечны. На их место рано или поздно придут системы социального равенства, базирующиеся на принципах свободы и справедливости. Но для этого нам необходимо сформировать образ коллективного субъекта (неразобщенного Иного), способного воплотить данный общественный идеал в реальность. И ему потребуются активные участники (эко-деятели, люди труда и пр.).

Принудительная идентификация: сегрегация и «уровниловка»

Я: Ты спрашивал меня, в чём я вижу разные пути дифференциации людей. Имеется, как минимум, два пути. Один ведёт к разобщению, другой – к интеграции.

Разобщение на глобальном уровне – это борьба между суперимпериями или цивилизациями за новый передел мира и очередной виток колонизации целых стран и народов (неоколониализм). Конфронтация идёт не между капитализмом и социализмом, границы которых постепенно размываются (пример «буржуазного социализма» в Китае), а между двумя разными идеократическими системами, организованными на базе ценностных координат «свобода – справедливость» и «равенство – неравенство». Либеральная идеократия, воплощением которой выступают, прежде всего,

США, основана на ценностях свободы и социального неравенства, а социалистическая – на ценностях справедливости и равенства. Впрочем, это не исключает гибридных форм дифференциации между странами, так как общества социалистической ориентации, к которым пока ещё относится Китай, являющий собой яркий пример социалистического идеократизма, ещё не гарантируют своим гражданам равных прав.

Внутри же стран нужен аналогичный инструмент для практического ориентирования. Если смотреть глубже, то можно увидеть за такой дифференциацией людей реальную проблему. На мой взгляд, ею является принудительное деление людей на группы (группы доминирующих и зависимых), осуществляемое по одному из двух направлений: либо «сверху вниз» (сегрегация), либо «снизу вверх» («уровниловка» – принуждение от имени большинства к искусственному равенству). При этом, независимо от ориентации, доминирующие группы – это те, которые осуществляют принуждение и пребывают в зонах благоприятного существования, а зависимые – те, кто подвергается принуждению и вытесняется в зоны отчуждения с неблагоприятными условиями жизни. Это в первую очередь относится к обществам, которые сложились на основе системы социального неравенства.

Следовательно, на глобальном уровне политика идентичностей возможна и по отношению к целым странам. Дело в том, что сильные мира сего придумали разные формы насильственной или принудительной идентификации, в т.ч. сегрегации – классовой, расовой, гендерной, этнической и пр., не только для того, чтобы утвердить неравенство во всех возможных формах внутри стран и заставить зависимые группы подчиняться более сильным и могущественным группам. Сегрегация используется также как инструмент деления целых стран на «свободные» и развитые, с одной стороны, и на не свободные (авторитарные и пр.) и развивающиеся, с другой.

Сегрегационная политика осуществляется в глубоком историческом прошлом, но только в последнее столетие она приобрела поистине глобальный характер. Так, например, много веков считалось, что мужчина сильнее женщины и имеет больше прав по сравнению с ней. Хотя ситуация с тех пор радикально изменилась, «сильный» пол по-прежнему имеет ряд преимуществ

перед «слабым», в т.ч. в праве на работу. Известно также, что белый человек имел до сравнительно недавнего времени преимущества в положении и правах перед чернокожим. Экономическое же неравенство закреплено законом в большинстве стран мира и т.д. И так на каждом шагу: люди, желая того или нет, устраивают дискриминацию и сегрегацию по отношению друг к другу.

Но имеется ещё один вектор дифференции, когда зависимые группы в результате бунта или восстания получают власть и устанавливают своё господство. Так вчерашние рабы становятся хозяевами положения. Их сила заключается в огромной численности и в стремлении покончить с ненавистным им общественным строем. Это и создаёт благодатную почву для уравнительных мер, которые не отменяют социальное неравенство, а лишь переводят его в другое русло. Уравниловка характерна для большинства идеократических режимов.

Кузя: Неужели всё дело заключается в неистовой жажде людей к господству и подчинению, а также в неистребимом стремлении к богатству у одних (субъекты сегрегации) и к мнимой справедливости у других (субъекты уравнительной политики)? И неужели для этого либеральными социологами придуманы разные стратификационные модели, оправдывающие социальное неравенство, а социологами левой ориентации – другие насильственные формы принуждения к социальному или классовому миру?

Я: Не знаю, оправдывают ли социологи различные формы неравенства или объясняют их по-своему, используя конкретные методы исследований (всякие там выборки и группировки), но факт остаётся фактом: социальная сегрегация создаёт параллельные миры, которые существуют в напряжении друг с другом. Так появляются доминирующие и зависимые группы, имеющие порой несопоставимые друг с другом уровни жизни.

Кузя: А разве можно так устроить мир людей, чтобы обойтись без сегрегации? Ведь в этом и заключается искусство политики – навязывать свою волю другим, делать их зависимыми. Даже у нас, котлов, это присутствует. У нас ведь также имеются сильные и слабые, лидеры, последователи и отверженные, а, следовательно, доминирующие и зависимые группы.

Я: Да, но разница между нами заключается в том, что у вас это происходит естественным образом и ради того, чтобы всё кошачье

сообщество выжило, даже если придётся пожертвовать кем-то одним. А у нас сегрегация как принудительное деление людей по каким-либо признакам является искусственным социальным изобретением. Ведь она понадобилась, чтобы утвердить существующее положение сильных и заставить слабых или зависимых подчиняться их правилам игры.

Дело в том, что практически все институты современной западной цивилизации во главе с единственной либеральной империей, будучи идеократическими по сути, лишь легитимизируют сегрегацию в разных формах. В этом смысле и рынок, и так называемая либеральная демократия выступают инструментами сегрегации с присущим им эффектом лотереи.

Поэтому буквально всё в западном мире подчинено тому, чтобы «сделать богатых богаче, а сильных – сильнее», как в экономике, так и в политике. Так что получается, что стратификация сама по себе не столь уж безобидна. За ней скрываются куда более опасные явления – сегрегация и дискриминация. Сегрегация, прикрываемая вывесками демократии и свободы, была и остаётся нормой общественной жизни на Западе.

Кузя: Неужели всё это породил уже известный мне тип человека – буржуа?

Я: Да, ему удалось сделать немало. Теперь он прикрывается другими ярлыками и убеждает обывателей в том, что классовая борьба ушла в прошлое, а буржуазия – это исчезающий исторический субъект, на место которого уже давно пришли активные лидеры бизнеса и политики, называющие себя элитой. Но, разумеется, буржуа никуда не исчез, а лишь сменил свои социальные и политические одежды. Он теперь процветает под масками борца за права и свободы человека, обычного бизнесмена, скромного и умеренного представителя среднего класса и т.п. Очевидно, что сегодняшний буржуа стал ещё более изворотливым и беспринципным в смысле присвоения результатов чужого труда и создания сетевых структур, охватывающих своей паутиной жизненное пространство обычных граждан. Он проник также в медиасферу, превратив её в поле для своей изысканной игры.

Продолжу дальше. Напротив, в идеократических обществах социалистической ориентации (например, в КНДР) преобладает уравнительная политика и стремление доминирующих групп

унифицировать общественный порядок и превратить общество в одну большую казарму. Вспомним, что не так давно многие западные критики называли и советское общество казарменным социализмом.

Кузя: Но, по-видимому, такова логика «борьбы всех против всех», которая ведётся в вашем мире испокон веков. Она изобретена давно и не нами с тобой. Так уж вы, люди, устроены, что вам мало отличаться от других в социальном плане. Надо ещё завлекать друг друга в социальные сети.

Я: Это не борьба всех против всех, а, независимо от целей, борьба сильных и успешных игроков против слабых и зависимых, которая в угоду современным буржуа искусно маскируется СМИ. Причем зависимые группы в ходе социальной сегрегации становятся балластом истории и выбрасываются за ненадобностью, будь то «бывшие» или их прежние политические оппоненты, которые попадают под пресс репрессий. На их место приходят «новые» слабые и «новые» зависимые, которые так же, как и предыдущие поколения, сжигаются в топке сегрегации. Ведь хищникам, которые вообразили себя вершиной пищевой цепочки и даже всей эволюции, каждый раз нужно «свежее мясо». Чаще всего разменной монетой выступают эмо-деятели, не имеющие чётко выраженной политической позиции и склонные по своей психологии беспрекословно повиноваться вождям или лидерам.

Точно так же поступают бывшие зависимые группы, получившие доступ к власти в идеократических системах. Они, как правило, начинают делить и распределять все ресурсы, доставшиеся им от прежних хозяев, руководствуясь при этом принципом уравнительности и исходя из собственного понимания социальной справедливости.

Кузя: Не усугубляй и до того сложную ситуацию. Неужто ты хочешь ввести ещё одно деление – на хищников и их жертв? Но это же всё относительно. Сегодня ты хищник, а завтра – жертва. К тому же на каждого хищника всегда найдётся другой, более крупный хищник. Ты помнишь, мы смотрели с тобой фильм «Парк Юрского периода-3». Там один динозавр проглотил другого, как только он оказался в сфере досягаемости.

Я: Нет, я не собираюсь всё усложнять. Но по законам социальной сегрегации выживает не просто сильнейший или самый могуще-

ственный хищник, а тот, кто обладает ресурсами (собственностью, властью, информацией и пр.), необходимыми для поддержания его доминирующего положения, и эффективно использует их для достижения собственных целей. Сегодня эту позицию по-прежнему занимает буржуа.

Совершенно иначе поступают сторонники уравнительной политики (идеократы). Вместе с ощущением всевластия новых хозяев жизни у них появляется острое желание поделить всё то, что они считают своим по праву.

Кузя: Да, мы живём в мире, в котором господствуют, как ты говоришь, эго-деятели. И как же нам исправить эту ситуацию? Снова строить коммунизм – общество всеобщего труда? Но как можно перешагнуть через общество равных возможностей (социализм)?

Я: Не знаю. Могу лишь предположить, что каждое общество эволюционирует в собственной логике развития. Я уже отметил, что идеократические системы складываются с обеих сторон. Прежняя историческая развилка «капитализм – социализм» ушла в прошлое. Идеократы постепенно вытесняют буржуа и человека равного труда на периферию. А в ряде случаев вырастают гибридные типы (например, буржуазные идеократы). Именно последние преобладают в сегодняшних политических кругах США и Китая. Различие между ними можно условно обозначить терминами «правобуржуазные идеократы», отстаивающие искаженные и девальвировавшиеся либеральные ценности, и «левобуржуазные идеократы», пытающиеся совместить в обществе рынок и справедливость.

Причём границы между разными идеократическими системами продолжают размываться, порождая другие гибридные формы или модели. Так, современный Китай, как пример социалистического идеократизма, представляет собой в социальном плане одеяло, сотканное из разных лоскутов (миллиардеры, обуржуазившиеся партийные функционеры, чернорабочие и т.д.), а в США, главном оплоте современного капитализма, продолжают усиливаться не только социалистические настроения, но и позиции левобуржуазных идеократов.

Поэтому выводы делать ещё рано. Мы вступили в эпоху идеократического капитализма (яркий пример – США), а идеократический социализм (Китай) продолжает вырождаться, выступая под разными ликами («рыночный социализм», «экологи-

ческий социализм» и пр.). Боюсь, что в ближайшие десятилетия социализм в Китае и его конфуцианскую метафизику ожидают глубокие трансформации. К тому же, я опасаясь, что просто ввести табу на любые проявления сегрегации в обществах, где преобладает система социального неравенства, не получится.

Кузя: Но вы же добились, в конце концов, хотя бы условного равенства женщин и мужчин. Почему бы вам не попытаться устранить другие формы сегрегации или не допустить уравниловки?

Я: Но кто же нам позволит это сделать, если вся мировая капиталистическая система выстроена под сегрегацию, а откровенная дискриминация искусно прикрывается демократическими, либеральными или социалистическими лозунгами? Уравнительная политика преобладает лишь отчасти и встречается в отдельных странах, презентующих себя как социалистические, а по сути базирующихся либо на жестких капиталистических принципах (Китай), либо преимущественно на идеократических принципах (КНДР).

Кузя: Да, сегрегация поражает целые регионы как вашей страны, так и всего мира. Многие из них вы называете депривированными. Ты сам мне говорил о том, что Россия поделена на зоны отчуждения и зоны благоприятного существования. А чтобы зонировать всю страну, нужно использовать как жёсткие, так и мягкие средства принуждения по отношению к тем, кто попадает в зону отчуждения. Ведь никто добровольно не желает принять заведомо худшие условия жизни. Его нужно принудить к этому, поставив всевозможные преграды и заслоны. А лучшей мотивацией является, как известно, страх потерять окончательно имеющуюся социальную нишу.

Я: А ещё политика сегрегации не только создаёт всевозможные мифы о равенстве и свободе, но и подпитывает ими целые социальные слои. При этом вся либеральная пропаганда по поводу того, что каждый при желании может стать президентом, миллионером или на худой случай удачливым предпринимателем, рассчитана на простаков. Политическую власть или финансовое состояние чаще всего получают не умом и талантом, а алчностью и изворотливостью.

Кузя: Ну, раз сегрегация связана с принуждением к неравенству, то кто, на твой взгляд, является его субъектом – власть имущие, сверхбогатые?

Я: И те, и другие. Официальная власть осуществляет институциональное принуждение зависимых граждан, обязывая их подчиняться законам, защищающим сегрегацию, а так называемая бизнес-элита – формирует рынки принудительного потребления в условиях полного диктата крупнейших сетевых торгово-промышленных компаний. Но главное, что тем, кто доминирует и пребывает в зонах благоприятного существования, нужен огромный аппарат принуждения, чтобы охранять «нажитое непосильным трудом» и удерживать в подчинении массу людей, находящихся в зонах отчуждения.

Субъектами же уравнительной политики чаще всего выступают левые идеократы и радикалы, действующие по правилу «отнять и поделить».

Кузя: Ты прямо геноцид какой-то нарисовал. Не думал, что ты, в конце концов, станешь рассуждать как самый обыкновенный социалист.

Я: По-моему, уж лучше быть обыкновенным социалистом, чем обыкновенным фашистом и шовинистом, практикующим геноцид в собственной стране и со своим народом. Однако не нужно быть социалистом, чтобы прийти к выводу, что большинство населения нашей страны является сегрегированным по разным основаниям, и в первую очередь – по уровню обеспеченности людей, проживающих в разных регионах, жизненно важными ресурсами.

То же самое происходит и во всём мире, где имеются так называемые развитые и развивающиеся страны. Но есть ещё страны, которые переживают настоящую гуманитарную катастрофу. Нам известно о фактах геноцида в Африке и Юго-Восточной Азии. Оказывается, не только Россия, но и весь мир поделён на зоны, имеющие четкие географические контуры. Что это, как не результат сегрегации в глобальном масштабе?

Кузя: И что же ты предлагаешь? Как нам преодолеть сегрегацию? Мне, коту, сие неведомо. Ведь я вижу и воспринимаю мир во многом твоими глазами. Не зря меня называют твоим аватаром. Но могу предположить, что здесь нужны глобальные решения и проекты, которые позволят, если не искоренить, то хотя бы ограничить политику сегрегации.

Я: Как бы там ни было, но всё же богатым странам придётся поделиться, иначе позже, когда разразится мировой экологический

(и не только) кризис, придётся заплатить ещё большую цену. И тогда может оказаться уже поздно. Это касается и национальных элит. Им уже не удастся сохранить свой прежний образ жизни. Никогда сегрегация не приводила к позитивным переменам. Рано или поздно за всё приходится платить.

Кузя: Мне даже трудно себе представить то, как ваши богатые (люди или страны) будут делиться и отдавать «десятину» от своих доходов на общественные нужды. Но что для этого можно всё-таки сделать?

Я: Нам нужна новая международная организация, незапятнанная проблемами, которые накопили за многие десятилетия ООН и другие структуры. Она могла бы решать глобальные проблемы современного мира и финансировать крупнейшие проекты (мегапроекты). Достаточно принять волевое политическое решение и платить, например, ежегодно 2% от ВВП каждой страны в Фонд Земли. Примерно такой взнос платят страны НАТО США. Так, по данным Всемирного банка в 2019 г. совокупный ВВП стран мира составлял 135.670 млрд. дол., в т.ч. Китай – 23.640 млрд. дол. (17% от мирового ВВП), США – 21.374 млрд. дол. (16%), Евросоюз – 20.795 млрд. дол. (15%). Россия занимает более чем скромное место – 4.282 млрд. дол. (примерно 3%). 2% от мирового ВВП составляет 2.713 млрд. дол. Это небольшая сумма, сопоставимая с ВВП Республики Кореи. С этого можно начинать, поднимая постепенно эту долю до 10 и более процентов. Если к ней приплюсовать средства, выделяемые странами на борьбу с глобальным потеплением, то получится ещё более внушительная сумма.

Только Фонду Земли может оказаться под силу такой грандиозный проект, как «Заповедная Африка». Разве можно полагаться на частные фонды, например, на Фонд американского актера Леонардо ди Каприо, который тратит на спасение исчезающих видов животных и растений только очень небольшие суммы (примерно 15 млн. дол. в год)? Что мешает нам совместными усилиями превратить целые континенты в заповедники?

Мир уже сегодня стоит на грани зоологической и, шире, экологической катастрофы. Например, численность диких животных Африки катастрофически уменьшается в результате браконьерства и сокращения территории их обитания. Вот цифры, которые можно найти в интернете. Осталось всего 3600-4000 черных носорогов

(ещё сто лет назад их было сотни тысяч особей), 500-600 саванных слонов, 20 тыс. львов (50 лет назад их было 450 тыс.), 10 тыс. гепардов, 3-4 тыс. гиеновых собак (было 500 тыс.) и др. Чтобы сохранить диких животных и не допустить их массовой гибели, необходимы крупномасштабные проекты. К тому же организация заповедников по всему миру могла бы обеспечить работой миллионы и миллионы людей. Так вы решите не только экологические, но и социально-экономические проблемы.

Кузя: Да ты ещё тот прожектёр.

Я: Ну какой же «социалист» не является прожектёром? Очевидно, что это приведёт к укреплению роли международных структур и уменьшению политического веса национальных государств.

Кузя: Мне не совсем понятна разница между стратификацией и сегрегацией. Неужели любая страта может быть подвержена сегрегационной политике? И чем, с твоей точки зрения, отличается страта от сегрегированной группы?

Я: Я не специалист по этим проблемам. Очевидно, что страта – это группа или слой, выделенные из общества по каким-либо формальным признакам, отличающим их от других групп. А сегрегированная группа – это результат сегрегации, т.е. группа лиц, которых заставили в принудительном порядке отделиться от остального общества и вести относительно замкнутый или изолированный образ жизни. Такой группой у нас может быть кто угодно – цыгане, мигранты или лица без определённого места жительства, а также население всех депривированных регионов. Но есть и те группы, которые подвергаются систематической стигматизации в общественном мнении, т.е. осуждению, гонению. Думаю, что это также является частным случаем сегрегации.

Кузя: Кстати, сегрегации подвергается зачастую и наши братья – коты, оказавшиеся, как у вас говорится, не в то время и не в том месте. Многие люди преследуют одичавших кошек и вынуждают их жить на свалках и в других неблагоприятных местах. Это в Турции или в Греции, как ты мне рассказывал, коты пользуются большим уважением и общественной поддержкой, но только не в России. Здесь их преследуют почти как преступников. А виноваты во всём сами люди, бросающие на произвол судьбы маленьких котят, многие из которых доживают до зрелого возраста.

Я: И что ты можешь знать о судьбе своих собратьев, если даже не выходишь из дома?

Кузя: А зачем мне ты и в придачу телевизор? Я же за тобой наблюдаю. Ты же сам подкармливаешь нескольких собак и кошек, живущих на нашем дачном участке и вокруг него. Ведь у многих из них когда-то были хозяева. Теперь о них заботишься ты.

Я помню, как ты мне описывал трансперсональный подход, который позволяет, на твой взгляд, обнаружить различие между Другим и Иным. Может ли он преодолеть тенденцию к принудительному делению людей на группы, их насильственной идентификации?

Культурная интеграция как путь к неразобщённому Иному

Я: Мы должны исходить из того, что представляет собой субъект, обладающий коллективной волей и способностью реализовать свой культурно-цивилизационный проект в масштабах всего мира. Другими словами, для воплощения идеала в действительность, в т.ч. господствующих представлений о свободе или справедливости, равенстве или неравенстве, нужен сильный коллективный субъект (нация, гражданское общество, соборный союз и пр.).

На Западе бытует мнение, что не каждая страна может предложить свой цивилизационный проект. Поэтому там предлагается универсальный проект для всего человечества. Однако модель классического коллективного субъекта на Западе («разобщенный Другой») базируется на учёте разных позиций и интересов, а та, которая преобладала в СССР, использовала в своё время образ обобщенного Своего («советский народ»), противопоставляя его чужим и врагам.

Сегодня, в связи с идеократическим поворотом, ситуация в мире изменилась. США и другие развитые страны демонстрируют нам образ разобщенного Своего, что характерно для большинства идеократических систем. Прежнее гражданское общество с его требованием свободы для всех и каждого в отдельности трансформируется в постгражданское, которое больше напоминает по форме сообщество заговорщиков, чем добровольное партнёрство. В нём утверждается дух «свободы для избранных». Поэтому коллективные субъекты Запада раскалываются на фрагментированные сообщества, в которых всё большую роль играют нетрадици-

онные группы. Толерантность перестала быть просто терпимостью к иному, а превратилась в инструмент политической борьбы с бывшими «своими». Очевидно, что Запад постепенно скатывается к идеократической формуле «Против кого будем дружить». Теперь он «дружит» внутри себя с представителями сексуальных меньшинств и других нетрадиционных групп, а вовне – против традиционалистских порядков Китая и России.

Трансперсональная модель в свою очередь базируется на интеграции общих (всечеловеческих) ценностей, которая достигается в процессе сотворчества. Ещё раз подчёркиваю, интересы или цели индивидов и групп, как и их позиции, меняются, а вот традиционные или нетрадиционные ценности остаются надолго. Разобщённый Другой, доминирующий в буржуазных обществах, предполагает позиции Своего или Чужого. Цель же Своего – разобщить других (не «своих») и сделать их либо противниками (чужими и врагами), либо союзниками (другими «своими»). А мы прекрасно знаем, в чём состоит разница между союзниками и партнёрами, руководствующимися собственными интересами и договорённостями, с одной стороны, и единомышленниками, связанными общими культурными узами, с другой.

Сторонники идеи разобщённого Другого или Своего убеждены в том, что сегрегация является неотъемлемой частью человеческой дифференциации. Иного просто не дано. В этом мире всегда были и будут богатые или бедные, власть имущие или подчиненные и зависимые люди. Кроме того, они «приватизируют» культуру, расщепляя её на «ядро» и периферию. Их политика ориентирована на присвоение или преобразование иного культурного ядра. С этой точки зрения, их вклад в духовное производство минимален. Можно ведь достраивать разрушенное здание культуры извне, привнося в него заимствованные образцы и ценностные суррогаты, которые редко приживаются.

Трансперсональный подход предлагает образ неразобщённого и децентрированного Иного, сохраняющего не только культурную специфику входящих в него единичных элементов, но и целостность всего социокультурного целого (коллектива, региона, народа, страны, цивилизации и пр.).

Иной – это собирательное понятие всесубъектности, которая в наибольшей степени выражает цивилизационную специфику Рос-

сии. При этом каждый, будучи субъектом собственной деятельности, участвует в общем культурном творчестве. Да, Иной (как межкультурное и межнациональное сообщество) дифференцирован и децентрирован в социальном плане, но он может быть единым в культурном отношении. Другими словами, неразобщённый Иной в настоящем – это возможность или предпосылка культурной интеграции в будущем. Благодаря ему образуется пространство между-бытия, в котором достигается не временное по своей сути социальное согласие, основанное на ситуативном совпадении интересов, а устойчивое принятие ценностей друг друга, на основе чего вырабатывается, в конечном счете, общеприемлемая культурная платформа. В модели разобщённого Другого или Своего можно прийти, в лучшем случае, к перемирию или компромиссу. Это показал опыт заключения бесчисленного количества договоров между странами, большинство из которых оказались недолговечными и постоянно нарушались. Поэтому социальная интеграция менее стабильна и прочна, чем культурная (прежде всего, ценностная).

В модели неразобщённого Иного нет места сегрегации, поскольку в ней отсутствуют условия для принудительной идентификации людей. Каждый в ней имеет свободную и самоопределяемую культурную идентичность, не привязанную жёстко к социальному статусу. Соединить их можно только естественным путём, выращивая постепенно «перегородки» между ними. Только путём коэволюции и согласования культурных идентичностей можно прийти к общему основанию их интеграции. Иные субъекты не разобщены друг с другом в социальном плане, но у них отсутствуют пока общие культурные образцы. Их нужно ещё «вырастить».

Кузя: А как это происходит в реальном обществе?

Я: Попытки осуществить социальную интеграцию пока не принесли мира и согласия в современной России. С моей точки зрения, основной раскол в российском обществе происходит как раз между разными и разобщёнными Другими или Своими, в т.ч. между теми, кто ратует о свободе и модернизации на западный манер («либерал-модернисты», они же «свои» друг для друга и «другие» или «чужие» для остальных групп), и теми, кто предпочитает устойчивый порядок и опору на собственные социокультурные ресурсы («кон-

серваторы» или «традиционалисты»). К последним примыкают те силы, которые пытаются вернуть историческое прошлое (например, возродить монархию или Советский Союз). Можно условно назвать их «реваншистами». Все эти группы символизируют собой разных Других или Своих, ни один из которых не может стать «своим для всех» и, в конечном счете, интегратором расколотого общества. Как только кто-то из них приходит к власти в идеократическом обществе, он устраивает в нём настоящую «чистку», разделяя людей на своих и чужих («бывших» или «совков», «врагов народа» или «реакционеров» и пр.).

Кузя: И где же ты видишь выход? Кто может стать субъектом культурной интеграции в вашей стране, избежав перекосов в сторону сегрегационной или уравнительной политики?

Я: Проблема в том, что в парадигме взаимодействия разобщённых других («свои – другие – чужие – враги») мы никогда не сможем достичь мира и выработать не только модель национального согласия, но и приемлемую для большинства модель цивилизационного развития страны. Гражданская война в России, пики которой мы пережили в 1917 и 1991 гг., не завершилась. По мнению некоторых коллег, она просто перешла в другую фазу. И в недрах общественного сознания ещё тлеет огонь раздора и хаоса.

Теперь о том, кто сможет «интегрировать» ценности в ситуации социокультурного раскола российского общества. Надеюсь, что уже в ближайшей перспективе проявит себя новый тип всесубъектности, который я называю эко-деятелем. Именно он выступает, на мой взгляд, носителем интегративных ценностей, основу которых составляют экологические и социальные ориентации. Эко-деятели могут составить, на мой взгляд, активную часть того самого обобщенного Иного, которое можно назвать вслед за нашим коллегой А.В. Смирновым «всечеловеческим единством» или всесубъектностью. Это сообщество нового типа, которое, в отличие от гражданского общества, разделенного на классы, может возникнуть лишь в системах социального равенства, сохраняя при этом культурные различия между людьми.

Но, казалось бы, откуда эко-деятелям взяться, если эго-деятели в политике и бизнесе полностью контролируют ситуацию и заставляют эмо-деятелей (эмоционально зависимых людей) участвовать в их играх под названиями «выборы», «потребление», «интернет-сети»

и пр.? Да, эко-деятели только начинают появляться в сетевых сообществах. И пока их, конечно, немного. Но даже те немногие, которые имеются, составляют важную предпосылку преобразования неразобщённого, дифференцированного и децентрированного Иного в новое социокультурное целое – обобщенного Иного («всечеловеческое единство»).

Таким образом, я предлагаю перевести интеграционную политику с социального на культурный уровень, т.е. уйти от деструктивного по сути противостояния «левых» и «правых», «либералов-модернистов» и «консерваторов-почвенников», чтобы расчистить поле для деятельности новым субъектам интеграции – эко-деятелям, хранителям-корректировщикам и др. Но как это сделать на практике, я пока чётко не представляю. Ведь никто из ныне действующих субъектов не собирается добровольно уйти с исторической арены. Их необходимо к этому подтолкнуть. И здесь важно правильно рассчитать силу толчка, чтобы не привести общество к хаосу, управляемому, как это у нас уже не раз было, внешними силами.

Кузя: Значит, ты пытаешься отказаться от поляризации политических субъектов («либералы-модернисты», «консерваторы-почвенники», «реваншисты» и др.), противопоставив им фигуру интегратора, у которого нет ещё чёткого обозначения (эко-деятель, хранитель-корректировщик и пр.)?

Я: Да, я считаю непродуктивной и чреватой расколом дифференциацию на разных других и предлагаю фигуру интегратора, который будет иметь дело с неразобщённым Иным, а в дальнейшем станет важной составной частью обобщенного Иного. Последний уже не будет делиться на «своих» и «чужих», что позволит воплотить в нём образ «всечеловеческого единства». На мой взгляд, недостаточно заявить о его всесубъектности. Необходимо также наполнить «всечеловеческое» конкретным содержанием (конструктивной программой), тем, вокруг чего неразобщённые в культурном плане иные будут объединяться. И в качестве таких интегративных средств сегодня выступают общие культурные традиции, а также социальная и экологическая безопасность страны. В любом случае для интеграции нужны «приводные ремни».

Кузя: Но ведь и в этом случае обобщённый Иной не останется единственным субъектом на социально-политической карте Рос-

сии. Прежние фигуранты никуда не денутся и продолжат свой разрушительный, на твой взгляд, курс. Твой же интегратор мне представляется не более, чем «спасителем отечества», который должен объединить и повести за собой людей. Минин и Пожарский в одном лице. Какое отношение всё это имеет к преодолению принудительной дифференциации людей?

Я: Самое прямое. Новому субъекту придётся собирать силы по всей стране, чтобы нарастить тело неразобщённого Иного и построить фундамент для будущей социальной и, что гораздо важнее, культурной интеграции. Только так удастся уйти от парадигмы взаимодействия разобщённых Других или Своих с их политикой сегрегации и, как следствие, – неизбежной конфронтацией и расколом.

Одним словом, нам нужно предложить другую точку сборки России как социокультурного целого, взяв за основу образ неразобщённого, дифференцированного и децентрированного Иного. Иные, в отличие от других или своих, не разделены культурными и прочими границами. Они живут в мире друг с другом и составляют большинство российских граждан. Так оказалось, что они были выключены эго-деятелями, преследующими корыстные цели (личное обогащение, политическое возвышение и пр.) из современного социально-политического процесса. Наши эго-деятели, взявшие в качестве образца модель разобщённого Другого на Западе, довели страну до социальной катастрофы, поделив её на зоны благоприятного существования «для своих» (избранных) и зоны отчуждения «для всех» (большинства населения). Нужны идейно не ангажированные иные, чтобы исправить ситуацию и приостановить процессы насильственной сегрегации.

Кузя: Не представляю, где ты возьмёшь такую армию людей, способных перестроить сами основы общежития в стране. Что-то мне это кажется маловероятным. И кто такой обобщенный Иной?

Я: Я уже говорил об этом. Ещё раз уточню. Обобщённый Иной – результат трансперсональной интеграции. Это тот, кто, благодаря согласованным усилиям эго-деятелей и их партнёров, воплощается не столько в нации, народе, а сколько в качественно новом коллективном представителе («всечеловеческом единстве»), обладающем политической волей к действию.

Другими словами, мы имеем дело не просто с обновлённой нацией или народом, т.е. с единственным сувереном, наделённым всей полнотой власти, а с более широким представительством, которое не разделяет власть и народ, своих и чужих по социальным или культурным признакам, а создаёт почву для их конструктивного сотрудничества на базе выработки цивилизационного проекта страны, соединяющего в себе общие традиционные, социальные и экологические ценности. Только он, а не царь, герой или национальный лидер, способен, на мой взгляд, к самосозиданию.

В порядке подведения итога

Кузя: Поживём – увидим.

Я: Ну что ж, подведём предварительный итог. Мы начали с констатации того, что любое общество делится на социальные или культурные страты, а закончили обсуждением проблем сегрегации и «уровниловки», используемых в качестве инструментов политики идентичностей. И я предложил тебе для начала примерить на себя разные стратификационные маски. Ты же по сути проигнорировал мои схемы и подтолкнул меня к разговору о реальных и возможных путях дифференциации (от разделения к интеграции).

Кузя: Да, как говорится, начали за здравие, а закончили за упокой. Я убеждён, что формальное деление людей на группы или страты не имеет смысла, если за этим не видеть реальную социальную проблему – проблему неравенства или угнетения множества людей. Лично я не знаю примеров добровольного согласия кого-либо на заведомо неравное или депривированное положение в обществе. Пожалуйста, только не говори мне о том, что кто-то по доброй воли становится бомжом. За этим всегда стоят неблагоприятные жизненные обстоятельства. Бомжи, как и уличные коты, вынуждены вести такой образ жизни. И их принудили к этому другие люди.

Если так, то тогда получается, что сегрегация, как и дискриминация, суть искусственные конструкции, придуманные людьми и воплощённые ими же на практике. Вместо того, чтобы искать пути ко всеобщему благоденствию («обществу равных возможностей»), вы предпочли не просто разделить общество на страты, установив четкие границы между ними, но и принудить одни страты выполнять волю других. Таковыми оказались практики сегрегации и «уровниловки».

Я: Да, я вынужден признать, что именно люди изобрели социальную и иную сегрегацию как инструмент принуждения других к определённому образу жизни.

Наверное, в любом современном городе существуют кварталы бедных, вырваться из которых при отсутствии социальных лифтов практически невозможно. В своё время я обосновал конструкт «зона отчуждения», обозначающий район неблагоприятного существования, в котором люди вынуждены вести депривированный образ жизни, не имея возможностей для полноценного удовлетворения базовых (психофизических) потребностей. Именно по этому основанию можно выделять, в частности, не только социально-неблагополучные страты в конкретном обществе, но и целые страны и даже регионы в разных уголках мира.

Но если мы поднимем планку выше и возьмём за основу реальные возможности, имеющиеся у людей для их творческой самореализации, то окажется, что дискриминированных в творческом плане страт гораздо больше, чем просто социально неблагополучных. В этом случае сегрегация приобретает массовый характер, охватывая всё более широкие слои населения, в т.ч. те, которые не могут обеспечить своих детей самым необходимым для их творческого развития и, прежде всего, возможностями для получения ими качественного образования.

Таким образом, социальные и культурные страты – не столь безобидная вещь, как может показаться на первый взгляд. В общественном сознании тех страт, которые оказались в неблагоприятном положении, мы можем наблюдать случаи регрессии и архаизации. Однако не все из них осознают, что их просто насильно «затолкали» в конец поезда, где проживают самые обездоленные. Так происходит в фильме «Сквозь снег» (2013), в котором после глобальной катастрофы части человечества (2-3 тыс. чел.) удалость спастись и попасть в длинный экспресс, пассажиры которого жестко поделены на социальные классы. Сильные мира, утопающие в роскоши, расположились в первых вагонах со всеми удобствами, а самые низы, бедняки, которые едва влачат своё существование, оказались в хвостовых вагонах. В фильме прекрасно показаны технологии социальной и культурной сегрегации.

Кузя: И я о том же. Это приводит к «одичанию» тех, кого вытесняют в зоны отчуждения, т.е. в хвостовые вагоны общественного

поезда. Я это знаю по опыту моих братьев – котов, выброшенных людьми на улицу. Но субъекты, осуществляющие сегрегацию и поддерживаемые обычаем или законом, вдвойне опасны и приводят к деградации целых слоев общества. Уверен, что у каждого человека, как и у кота, должен быть свой дом, а не просто крыша над головой. Для тебя этот дом можно обрести через неразобченного Иного, которому предстоит воплотиться в образе обобщенного Иного («всечеловеческом единстве»). Для меня же достаточно того, что я уже имею. Надо уметь довольствоваться малым.

Я: Не стоит прикрываться своим зависимым положением. Ты и так едешь в первом вагоне нашего поезда и имеешь всё, что пожелаешь (лучший корм, бережный уход и ласку). Поэтому тебе бы позавидовали многие коты.

Кузя: В вашем поезде первый вагон, что последний в упомянутом тобой триллере. Вот у миллиардеров коты живут в роскоши.

Я: Увы, ты живешь в семье простого профессора. Надеюсь, ты понимаешь, Кузя, что мы сделали с тобой лишь первый шаг в осмыслении проблемы разделения людей на группы и их объединения на новых основаниях. Вопрос оказался куда сложнее, чем казалось в самом начале нашего разговора. А социокультурная дифференциация, кроме объективных оснований (в т.ч. отношения к средствам производства, места в общественном разделении труда и пр.), включает в себя интерсубъективные элементы – стигматизацию и регрессию, и, в конечном счёте, может приводить либо к культурной деградации целых слоёв населения, либо к новому витку социальной эволюции.

Кстати, социальная сегрегация относится далеко не ко всем типам общества. Вспомни, в моей таблице она соответствует лишь моделям общества с чётко выраженным социальным неравенством (капитализм и идеократизм во всех их формах). Реальный социализм как общество равных возможностей исключает или ограничивает сегрегацию. Это и есть одна из форм воплощения обобщенного Иного («всечеловеческого единства»), способного организовать конструктивное взаимодействие в обществе по поводу построения проектов наиболее приемлемого будущего для всех. Пока же большинство россиян являются частью неразобченного Иного, который рвётся наружу, желая выразить себя в целостности – новой естественности или всеединстве. Возможно, потребуется соединить со-

циалистический и экологический проекты. Но как избежать опасности сползания в идеократический проект?

Кузя: Я не знаю. По мне социализм не преодолевает полностью сегрегацию и так или иначе приводит к уравниловке. И те, кто призывает к свободе и справедливости, по-прежнему являются заложниками сегрегационной политики. А куда делся в конечном итоге твой Буржуа? Совсем потерялся в процессе переодевания в новые одежды? Да что-то и Человека равного труда, олицетворяющего собой реальный социализм, тоже не видно на горизонте. И кто же будет составлять костяк твоего обобщенного Иного – эко-деятели или всё же люди труда?

Я: Очевидно, что сегрегация как политика разделения людей на господствующие и зависимые идентичности исчерпала свой манипулятивный потенциал как на «внутристрановом» (региональном), так и на глобальном уровнях. В мире становится всё больше людей, которые осознают пагубность сегрегационного деления конкретного общества или целых стран на группы. И это не только те, кого я называю эко-деятелями. Появляются также новые общественные и международные движения, которые отстаивают не просто абстрактные права и свободы человека в отдельно взятой стране, но и призывают всё мировое сообщество ограничить процессы концентрации власти и собственности в руках немногих избранных субъектов (индивидов или стран), и направить ресурсы на решение общих экологических и социальных проблем. Очевидно, что в заповедных зонах нуждаются не только вымирающие животные, но и сами люди. Пока же в закрытых заповедниках будут находиться только богатые и власть имущие, мы эти проблемы не решим.

Поэтому мы должны уйти от парадигмы разобщённого Другого, порождающего чудовищные факты неравенства, и, в конечном счёте, прийти через модель неразобщённого Иного, исключая любые формы принудительного деления людей на группы, к обобщённому Иному. Только так можно вырваться из заколдованного круга сегрегации и преодолеть насильственную идентификацию.

Но ты не совсем прав. Выделенные мной человеческие типы («всеобщий человек», «человек равного труда», «буржуа» и «идеократ») никуда не исчезли. Время одних («буржуа») постепенно про-

ходит и на их место претендуют другие, прежде всего идеократы. Время же иных («человек равного труда» и «всеобщий человек») ещё не пришло. Если нам удастся возродить органичный России образ неразобщённого (в культурном смысле) Иного, который станет возможным в переходный период от общества социального неравенства («идеократического капитализма»), то появятся благоприятные условия для образования обобщенного Иного как «всечеловеческого единства», основанного на принципах подлинного равенства, свободы и справедливости. И в нём можно будет окончательно похоронить технологии социальной сегрегации или искусственной уравниловки. Уверен, что именно этим проектом мы можем быть интересны другим странам и народам, которые ищут своё место в цивилизационном будущем всего мира.

06-07.02.2021 г.

2.5. «Игры в демократию» и то, ради чего стоит жертвовать собой

Дорогие друзья! Каждый из нас участвует в тех или иных играх, которые внешне напоминают демократию, а по сути, ею не являются. Да и что вообще нужно считать демократическим – решение, принятое большинством голосов, диктатуру меньшинства, власть толпы (охлократию) или молчаливое согласие в ситуации отсутствия выбора? Политологи размышляют о кризисе демократии и предлагают нам массу её рецептов её излечения от болезни. Но мы с Кузей – не политологи. Мы рассматриваем демократию как форму политического участия людей, в основе которой лежит коллективное принятие решения посредством выбора одной из альтернатив, наиболее приемлемой для целого (страны, народа, нации, коллектива и пр.). И нам интересны в первую очередь основания этого выбора. Мы попытаемся доказать, что результатом любой формы правления, включая демократическую, выступает неоценимая и бессмысленная жертва, которую приносят люди ради достижения общих или частных целей.

Вступление

Я: Кузя! А как ты относишься к демократическим играм?

Кузя: Так же, как и ты, отрицательно. Игры в демократию – разновидность социальных игр. Но последние бывают продуктивными, как, например, брачные игры, которые имеют природные корни и вполне оправданы всем ходом эволюции живого. А бывают грязные политические игры, искажающие подобно кривому зеркалу представления о реальном мире.

Я: Хорошо. Я тебя уже познакомил с отдельными определениями демократии. А чем, на твой взгляд, приходится жертвовать при демократической форме участия?

Кузя: Жертвовать при любой форме политического правления приходится частью суверенитета личности, группы и даже всего народа.

Я: Ты имеешь в виду суверенитет как неотчуждаемое право каждого (человека или государства) распоряжаться собственной жизнью по своему усмотрению? В этом смысле суверенность можно трактовать как самопринадлежность, которая предполагает автономию субъекта и его право собственности на себя. Но именно на этом основании базируется как раз либеральная доктрина человека. Вот один из её постулатов: «каждый человек пользуется полным и исключительным правом контроля и использования себя и своих возможностей и, следовательно, не обязан предоставлять никаких услуг или продуктов кому-либо другому, если он не договаривался их предоставлять» (Г. Коэн) (см. прим. 1).

Кузя: Нет, не совсем так. Я имею в виду, что каждый человек или группа, чтобы выжить, должны жертвовать частью своей свободы и делегировать свои права по управлению собой некому коллективному представителю, выступающему от имени целого.

Я: А какую конкретную жертву нужно приносить во имя демократии?

Кузя: Ваша демократия – это всего лишь ширма, за которой скрываются интересы властвующих субъектов. Для меня более приемлемой является автократия (самовластие). В этом случае кто-то один берёт на себя ответственность за принятие и реализацию решений на уровне группы или всего общества.

Я: Про автократию как-нибудь поговорим потом. Подозреваю, что этот термин больше подходит для характеристики системы

власти в сообществе котов и собак. А мы сейчас ведём речь о человеческом сообществе. Лучше скажи мне, чем приходится жертвовать человеку в условиях демократических игр.

Кузя: Но если под играми в демократию следует понимать имитацию свободного выбора граждан с правилами, которые навязаны большинству меньшинством, то жертвой является не просто свобода или автономия человека, а, как ты говоришь, суверенитет личности и даже всего народа. Вы все становитесь заложниками системы, которая создана в интересах немногих субъектов, манипулирующих общественным мнением.

Я: Да, к сожалению, большинство наших выборов в федеральные, местные и корпоративные органы власти осуществляется без учёта альтернативных кандидатов.

Цена «демократического участия»

Кузя: К ещё большему сожалению, ваши игры в демократию ничему вас не научают. От выборов к выборам вы наступаете на одни и те же грабли. Вы выбираете из тех, кого вам предлагают, а не из тех, кого вы хотите сами избрать. Поэтому сами выборы становятся не волеизъявлением народа (коллектива), а розыгрышем лотереи, победитель которого заранее известен. За имитацией свободных выборов следует имитация многопартийной политической системы и пр.

Я: Но какую цену нам приходится платить за такую возможность избирать и быть избранным?

Кузя: Как минимум, вы оказываетесь с деформированным сознанием и чувством разочарования в легитимности происходящего. А это заставляет вас каждый раз дистанцироваться от власти и прибегать к архаичным формам протеста («бегство от свободы», самоизоляция и пр.).

Я: Да, этот феномен ещё называют регрессией сознания. К сожалению, опыт гражданского сопротивления бюрократическому или корпоративному произволу у нас так и не сложился. Это видно даже по тому, как в системе высшего образования преподавателям навязываются обязательные публикации в журналах Скопус и пр. От этого теперь напрямую зависит их переизбрание на должности. И большинство из них, чтобы остаться в профессии, вынуждено принимать такие кабальные условия (см. прим. 2).

Кузя: Ну, здесь как раз демократией не пахнет. Это – обыкновенный сговор международных сетевых структур, преследующих коммерческие интересы, и вашего чиновничества. Единственное, что сближает демократические игры и формальные научные рейтинги, так это – имитация. В данном случае я имею в виду имитацию результатов научных исследований, которая поощряется такого рода системой.

Я: Да, к сожалению, наше чиновничество не всегда руководствуется национальными интересами, заставляя отечественных ученых, работающих в условиях политической изоляции страны, подстраиваться под западные научные стандарты [1].

Кузя: Это слишком мягко сказано. И всё это имеет прямое отношение к играм в демократию. Значительная часть вашей элиты по-прежнему видит Россию в лоне западной цивилизации. Поэтому, чтобы понравиться своим зарубежным хозяевам, она всячески имитирует западные институты рынка, политики, науки и образования.

Я: По-видимому, в представлении такой «элиты» всё западное имеет неизменный знак качества. Но только для самого Запада Россия по-прежнему выступает воплощением варварства с его деструктивной агрессией.

Кузя: Но это только можно увидеть сквозь «оптику» тех, кто не принимает вас и вашу страну. С моей же точки зрения, если вы и варвары, то какие-то неправильные. А это не так уж и плохо. Но вашей элите давно пора поменять свои оптические средства, а то получается сплошь и рядом эффект искривленного зеркального отображения.

Я: Да, в науке для обозначения этого эффекта имеется даже специальный термин – «дисторсия» (от лат. *distorsio, distortio* – искривление).

Кузя: Тогда у вас на каждом шагу случается сплошная дисторсия, как вовне, так и изнутри.

Я: В своё время в университете нам преподавали психологию Гальперин и его последователи. Так вот, они нас учили тому, что в основе человеческой психики лежит ориентировочная деятельность. Психологию же нашей политической и прочей элиты надо изучать сквозь призму имитационной деятельности со встроенными в неё механизмами дисторсии.

Кузя: Боюсь, что здесь одним лишь выявлением механизма дисторсии не обойтись. Потребуется и другие средства опознания. Ведь результатом имитации является некое подобие, копия того или иного явления действительности. Внешне похоже, а по сути – нежизнеспособная «пустышка».

Я: Полагаю, что именно с такими подобиями в сфере политики, науки и образования, скоюенными по западным лекалам, мы часто и имеем дело в сегодняшней России.

Кузя: Ты спрашивал меня о цене подобного «демократического участия». Вот ты сам и пришел к правильному выводу. Цена – потеря оригинальности и самобытности субъекта (личности или нации) вкупе с его отчуждением от продуктов собственного труда. Но главное заключается в том, что вы потеряли самих себя. Теперь вы имитируете деятельность, а не осуществляете её. Вы даже научились имитировать тех, кто вами не является на самом деле: например, тех, кто пишет за вас статьи в рейтинговые журналы, участвует в грантах, которые выделяются на всякие псевдонаучные темы, и пр. Поэтому практически везде приходится иметь дело с копиями или подобиями людей (аватарами), которые выставляются всякий раз напоказ, чтобы скрыть их истинную сущность. Вы в совершенстве овладели мимикрией как методом маскировки. Докопаться до вас настоящих или, как ты любишь выражаться, аутентичных, практически невозможно.

Я: Ты, Кузя, так пафосно стал выражаться.

Кузя: С кем поведешься...

Я: А разве у вас, котов, механизмы имитации (дисторсия, мимикрия и пр.) не используются?

Кузя: Опять же, с кем поведешься. Нам приходится подстраиваться под вас, чтобы выжить и сохранить свою аутентичность. Я уже говорил в прошлый раз, что мы даже специальный язык придумали, чтобы общаться с людьми. Но мы всё же продолжаем быть теми, кем нас создала природа миллионы лет назад. И только последние десять тысяч лет мы стали одомашниваться. Но версия о том, что нас приручили люди, чтобы использовать для борьбы с грызунами, не верна. Мы сами пришли к людям, желая помочь им благоустроить быт. Кроме того, нас всегда влекло чувство любопытства к иным живым сущностям. Вы оказались для нас интересным объектом для изучения. Но чем больше мы живём с людьми,

тем меньше находим поводов восхищаться ими. Ваша тяга к саморазрушению воистину неистребима.

Я: Спасибо за столь пространный комментарий. Но ты так и не ответил на мой вопрос.

Кузя: Имеются ли у нас аналоги игр в демократию? Я уже ответил, что практически нет, но с одним-единственным исключением. Поскольку мы связали свою судьбу с вами, то приходится делать вид, что то, чем вы занимаетесь, нам нравится. Ещё мы внушаем вам ощущение своей доступности и привлекательности. Пожалуй, это единственная игра, которую мы себе позволяем в отношении вас. Во всём остальном нам не нужны механизмы имитации. И имитировать ваш образ жизни или перенимать ваши социальные игры мы вовсе не собираемся. Это слишком опасная для нас деятельность. Так можно потерять всё то, что нам действительно дорого.

Я: Ты, Кузя, хотя и кот ученый, но, пожалуйста, не лукавь. Поскольку вы живете с нами тысячелетиями, то и наш образ жизни вам несколько не чужд. Вы прекрасно научились имитировать наши действия и манипулировать нашими желаниями.

Кузя: Как у вас говорится, упаси Господь. Это всего лишь с нашей стороны видимость, приятная вашим глазам, и вполне ожидаемая от вас установка. Вам самим так хочется думать. И вы переносите свои представления на нас, руководствуясь опять же эффектом кривого зеркала. Действительно, ваш антропоцентризм не знает предела.

Жертвоприношение как условие участия в демократических играх

Я: Но предлагаю вернуться к теме жертвы. Неужели жертвоприношение является неизбежным спутником псевдодемократии?

Кузя: Не только демократии (пусть даже псевдо-), но и любой другой формы политического участия.

Я: А в чем тогда заключается суть такой жертвы?

Кузя: Я уже говорил тебе, в сознательном или бессознательном отказе от суверенности как самопринадлежности. По-видимому, вы не хотите или избегаете возможности быть самими собой. Вот и предпочитаете играть в разные социальные игры, в т.ч., в демократию, чтобы оправдать свою несвободу и нежелание брать на себя ответственность. Гораздо проще передать последнюю обобщенно-

му Другому вместе с остатками личной автономии. Передавая же ему функции по управлению собой, вы перестаёте быть субъектами в прямом смысле слова.

Я: И кем же, по-твоему, мы становимся?

Кузя: Жертвами чужого произвола и объектами манипулирования. Нет такой формы демократии, которую нельзя бы было обойти процедурными или иными способами. Ты мне недавно говорил, что у вас практикуется при выборах руководителей или членов различных научных советов рейтинговое голосование, при котором побеждает тот, кто набрал наибольшее количество голосов выборщиков.

Так, руководство организации предлагает своих кандидатов, позволяя также выдвигать собранию других кандидатов. При этом, как правило, те, кого выдвигают открыто, не проходят дальше, т.е. не набирают необходимого количества голосов. А это значит, что любая самостоятельность не поощряется большинством коллектива. Такова ваша корпоративная «демократия». Так уж у вас повелось, что большинство коллектива прислушивается не к голосу собственного разума, а к мнению начальства, т.е. доминирующего меньшинства, или исходит из частногрупповых интересов.

В результате на выборах побеждает не самый сильный или достойный человек, а тот, кто реально пройдёт в угоду большинству или начальству (каким бы оно мудрым ни было), или тот, кто не представляет опасности для большинства. По форме это выглядит демократично («открытые и свободные выборы»), а по сути нет. Вновь избранные члены какого-либо директивного или совещательного органа становятся легкой мишенью для манипулятивного воздействия со стороны власти имущих.

Напротив, у нас, котов, происходит естественный отбор. Поэтому в стае всегда доминируют самые сильные и опытные лидеры, которым мы доверяем нашу жизнь и благополучие. А вашему избранному путём подобных выборов составу представителей разве можно доверять судьбу всего коллектива или каждого его члена в отдельности?

Я: У тебя получается, что большинство выбирает наиболее безопасных для себя и лояльных для руководства кандидатов. Но разве это не является видом естественного отбора, за которым стоит стремление к стабильности? Ведь именно такие представители

смогут не навредить коллективу, принимать «взвешенные» (т.е. ожидаемые) решения и не подталкивать остальных к деструктивной ситуации.

Кузя: Твое «не навредить» равносильно ничегонеделанью. Не всегда отсутствие позиции избавляет от субъективного произвола. Ты сам мне как-то говорил, что в эффективной команде все должны быть лидерами. А какой прок от тех, кто сам боится принимать решения и воздерживается в любом случае от четкой позиции, опасаясь, «как бы чего не вышло» или переваливая всю ответственность на начальство? Из них, как правило, получаются плохие советчики.

Я: А на мой взгляд, опасаться как раз нужно тех представителей, которые могут втянуть коллектив в авантюру или посеять в нём раздор. В коллективе не должно быть много «настоящих буйных», иначе он станет неуправляемым.

Кузя: Вот ты и приходишь к тому же выводу, что и я. Ваши игры в демократию – это всего лишь маскировка авторитарного по сути способа управления. Иное вам не дано. Таковы ваши давнишние традиции. И сколько бы ваши лидеры ни напяливали на себя демократические одежды, суть руководства остаётся прежней, авторитарической.

Я: С этим можно ещё поспорить, хотя ты сам выступаешь за автократию. Но причём тут жертвоприношение?

Кузя: Притом, что управляемое большинство, осознаёт оно это или нет, вынуждено приносить свою аутентичность (подлинную сущность) в жертву управляющему меньшинству, снимая с себя тем самым ответственность за происходящее.

Я: Мы жертвуем не частью своей автономии, а аутентичностью или самостью. А это разные вещи. При этом каждый надеется, что он сохраняет свою самость и остаётся в профессии, делегируя часть полномочий какому-либо руководящему органу. На самом же деле он теряет себя. Что же ты предлагаешь, проводить всеобщее голосование всех членов коллектива по каждому вопросу? Устроить прямую демократию?

Кузя: Ещё раз повторяю, я в демократию не верю. Автократия была и остаётся единственно эффективной формой правления. Но для неё нужны настоящие лидеры, способные творить историю, а не пребывать в мире иллюзий. А с этим у вас, людей, ныне туго. Не знаю, что первично: наличие сильных лидеров или воля к жизни

того или иного сообщества, но очевидно одно, слабость автократии как формы управления подталкивает вас к участию в демократических играх.

Я: Что-то ты, Кузя, противоречишь самому себе. То ты соглашаешься со мной в том, что лидеров в обществе или коллективе должно быть много, то призываешь к почитанию одного единственного лидера. Так можно прийти и к тоталитарной формуле: «Одна нация – один лидер». А затем породить себе нового «вождя всех народов», «фюрера» или «отца нации». Неужели образ Сталина ещё не выветрился из наших голов?

Кузя: Ничего подобного. Лидеров в обществе должно быть много, но представлять всех может только достойнейший из них («лидер лидеров»). А для этого он должен в свою очередь принести в жертву всего себя без остатка.

Я: Значит, жертву приносит не только управляемое большинство, но и его предводители? Следовательно, жертвоприношение, с твоей точки зрения, есть универсальный акт любого коллективного волеизъявления.

Кузя: Да, все приносят себя в жертву – управляющие и управляемые. Представь себе, какой груз ответственности лежит на Президенте вашей страны. Он ведь себе не принадлежит по большому счету.

Я: А ещё при такой логике надо пожалеть руководителей транснациональных компаний и многих из тех миллиардеров, кто присваивает себе результаты коллективного труда тысяч и даже миллионов наемных работников.

Кузя: Не стоит путать власть денег и власть, осуществляемую во имя общего блага. Капиталист, даже тогда, когда он проводит модернизацию предприятий, оказывает благотворительную помощь, и способствуют росту научно-технического и экономического потенциала страны, остаётся в плену своих корыстных интересов. Это, если воспользоваться твоей терминологией, идеальный образец эго-деятеля, паталогически не способного думать об общем благе.

Демократия как недостижимое благо

Я: С этим могут поспорить наши друзья-либералы. Но ты здесь проговорился, полагая, что демократические игроки, как и капита-

листы, лишь прикрываются общим благом, а не служат ему? У тебя получается, что единоличный лидер государства или некоммерческих структур изначально преследует благие цели? Откуда же у него появляется стимул к высокому служению?

Кузя: Возможно и так. Но давай покопаемся в словарях. Вот, нашел, кажется, нужные термины. Так, я буду различать самоназначенных организаторов игр и фидуциарных, т.е. представляющих интересы своего фидуцианта (в данном случае – народа, коллектива и пр.). Последние безотносительно к их собственным интересам наделяются миссией вести других людей на пути к общему благу, которое выражает чаяния абсолютного большинства.

Я: А чем тогда отличается от фидуциария или фидуциарного лидера капиталист, который создаёт новые рабочие места и обеспечивает своих работников не только высокой зарплатой, но и социальным пакетом? Он ведь тоже представляет перед государством интересы своих фидуциантов. И что есть благо в твоём понимании?

Кузя: Фидуциарный лидер пользуются властью или полномочиями избранного лица (т.е. фидуцией в общепринятом значении) на вполне легитимных условиях. Он обязуется вернуть власть через определённый срок в руки новых, законно избранных лидеров. А самоназначенные лидеры присваивают себе власть нелегитимным способом (например, в результате заговора или военного переворота), а затем ищут повод или юридическую лазейку, чтобы остаться у власти, если не навсегда, то надолго. Таково принципиальное различие между ними.

Мы уже обсуждали с тобой тему блага и рассматривали различные значения этого понятия. Самое общее понимание заключается в том, что благо есть нечто желанное, сокровенное и вожделенное для многих людей, т.е. то, что они считают источником счастья. Критерием самого благодеяния не может быть только польза, на которой настаивают сторонники экономического подхода. Высшее благо – это ценность жизни, как таковой, во всех её лучших проявлениях. Сохранение и процветание жизни есть первейшее основание любого блага.

Я: А вот наш коллега В.К. Шохин рассматривает благо (греч. ἀγαθόν, лат. bonum) как «состояние и условие совершенства, осуществленного бытия» (см. прим. 2). В нравственном смысле благо

выражает абсолютную степень добра. Это – то, к чему нужно стремиться, бесконечно совершенствуясь и самосовершенствуясь. Наверное, только совершенный человек может постичь благо и подарить его другим людям. Но связка «благо – совершенство» не столь бесспорна.

Кузя: Как у вас говорят, совершенству нет предела. А значит благо в этом смысле принципиально недостижимо. Демократия в вашем нынешнем обществе как раз относится к числу таких недостижимых благ. А пока вам доступны лишь игры в демократию. Это всё, на что вы сегодня способны. Играя же, вы принимаете благо как чистую условность, виртуальность, не имеющую онтологических оснований. Вымышленная демократия соотносится с такой же вымышленной реальностью. И хотя игры в демократию виртуальны, но их последствия для людей являются вполне реальными.

Я: И для этого они должны приносить жертву, поступаясь своим суверенитетом? Так ради чего нужно жертвовать? Неужели ради мнимой демократии и абстрактного блага? Похоже, это относится отчасти и к единоличному лидеру. Но он-то знает, ради чего стоит жертвовать и может упиваться властью, присваивая себе общественные ресурсы.

Кузя: В этом и заключается суть проблемы. Люди жертвуют мнимым суверенитетом ради мнимой же демократии. И им невдомёк, что они теряют каждый раз самих себя. Это касается и лидеров-организаторов демократических игр.

Я: А почему мнимым?

Кузя: А потому что реальный суверенитет вы, люди, уже давно утратили. Миром правят анонимные структуры (рынок, транснациональные компании, цифровые технологии, сети и пр.). Люди же из субъектов постепенно превращаются в носителей разных виртуальных систем. Каждый из вас реален лишь в виртуальном пространстве как владелец банковской карты, страхового или медицинского полиса, номера в избирательном списке или в очереди за дефицитном товаром и т.д.

Я: Тогда ради чего людям стоит участвовать в социальных, в т.ч. демократических играх и приносить жертвы, пусть даже мнимые?

Кузя: Это нужно, прежде всего, для сохранения того человеческого, что в них ещё осталось в глубине души. Игры вымывают, как

вода песок, всё то, что имеет отношение к автономии и аутентичности человека. Поэтому демократия как игра является всего лишь фильтром для отсеивания второстепенных и не существенных черт людей. Она уменьшает их волю к жизни, вынуждая поступить частью своей суверенности.

Я: Люди-цифры, люди-номера и пр. Тебе не кажется, что ты слишком увлекся виртуальными образами? Страдают или испытывают дискомфорт живые, а не виртуальные люди.

Кузя: Виртуальный субъект становится реальным, как только он переводит возможность в факт действительности. Граница между виртуальностью (как воображаемой реальностью) и действительностью (как реальностью, воплощённой в действиях или фактах) подвижна. Иными словами, виртуально лишь то, что существует в вашем воображении или на электронных носителях, а всё остальное (предметный и психический миры) реально.

Поэтому жертвовать надо ради реальных вещей и людей, т.е. тех, кто живёт рядом с вами, переживая общую реальность с ними и совершая значимые для них поступки. Виртуальная же жертва ради виртуальной демократии или чего-нибудь другого не продуктивна, хотя и может привести к вполне реальным страданиям. Вы часто переживаете за то, что ещё не случилось и, возможно, никогда не случится, «рассосётся» в потоке бытия.

Я: Давай, Кузя, сегодня на этом заканчивать. А то я уже запутался в твоих образах.

Кузя: Я лишь хотел сказать, что ваша демократия условна и виртуальна, а действительность власти реальна и заставляет с собой считаться. Отсюда вытекает, что и игры в демократию виртуальны лишь по форме, а в действительности реальны для тех, кто их организует и проводит. Большинство же людей, участвуя в этих играх, не подозревают, что их жертва (потеря суверенитета) реальна, а представления о демократии, которые им навязывают, виртуальны. Иначе говоря, руководствуясь виртуальными для них интересами и мнениями анонимных субъектов, они реально теряют свою персональную свободу. Так, вместе с их помыслами о недостижимом благе у них отнимают самих себя. Это всё равно, что вынуть душу из тела.

Я: Не преувеличивай, Кузя. Всё не так плохо, как тебе кажется. А душу у человека не может отнять даже Бог.

Кузя: Зато он способен отправить её прямиком в ад, как и дьявол-искуситель, выступающий в разных привлекательных, но чаще всего виртуальных, по сути, образах.

Я: Что же у нас получилось в остатке? Мы начали с тобой разговор об играх в демократию и убедились, в конечном счете, в том, что демократическая игра требует не только виртуальных, но и реальных жертв от её участников. Организаторы подобных игр отбирают у них часть суверенитета и даже посягают, по твоим словам, на аутентичность. Но так поступают не все лидеры-организаторы игр. Среди них ты особо выделяешь фидуциарных лидеров, которые проводят эти игры на вполне легитимных условиях. Затем ты переходишь к характеристике виртуальных и реальных начал игр в демократию и, в конце концов, приходишь к выводу, что за виртуальные игры людям приходится платить реальную цену.

Но как же быть с анонимными субъектами, которые приходят на смену фидуциарным и прочим лидерам демократических игр?

Кузя: Они не приходят им на смену, а управляют ими сверху, в то время как последние думают, что они по-прежнему организуют игры и управляют поведением обычных людей. Ведь политические выборы уже давно превратились в подобие рынка в экономике, а участники этих игр – в виртуальных субъектов, не обладающих реальной властью и ресурсами.

Я: Ну что ж давай на этом закончим. Пора и нам с тобой на покой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Скопус и судьба философских журналов в России // Вестник РФО. – 2020. – Вып. 3-4. – С. 131-144.

Примечания

1. См.: <https://kha-man.livejournal.com/1574.html> (дата обращения – 12.02.2021 г.).

2. https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%91%D0%9B%D0%90%D0%93%D0%9E (дата обращения – 13.02.2021 г.).

13-14.02.2021 г.

2.6. О войне и мире (российский контекст)

Друзья! Если судить по пугающим заголовкам газет и тревожным сообщениям телекомпаний, то мир быстрыми темпами и неуклонно приближается к войне. И, к сожалению, Россия на наших глазах втягивается в самый эпицентр этой, пока ещё виртуальной войны.

Мне представляется, что каждый великий писатель, как и большой актёр, создаёт в своём воображении город или дом со множеством людей (персонажей, героев) и со своим окном в мир. Писатель смотрит в мир (миры) через эти окна глазами созданных им персонажей, вбирая в себя всё многообразие красок и нюансов жизни. По сути дела, он есть творец жизни, пусть даже виртуальной.

Наверное, роман «Война и мир» мог появиться только в исполнении Льва Николаевича Толстого. Он соткан из десятков образов, мастерски выписанных в деталях. Такое широкомасштабное и многомерное полотно жизни могло возникнуть лишь в его голове. Только великим дано запечатлеть в своих творениях целую эпоху в жизни стран и народов. За ними следуют писатели «средней руки» и многие, многие подражатели.

Но есть и малый формат писательства, в котором может попробовать свои силы практически каждый человек, имеющий острое желание выразить или запечатлеть отдельные мгновения жизни. К таким форматам я отношу свои диалоги с котами. Разумеется, мои коты тоже не остались в стороне от обсуждения темы войны и мира. Как и ожидалось, они заняли в ходе разговора разные позиции. Котик Рыжик с удовольствием примерил на себя образ Милитариста. Котик Черныш, будучи его полной противоположностью, выбрал соответственно образ Пацифиста. Кот Хотя заявил, что ему ближе всего образ Дипломата. Роль же Геополитика досталась Кузе. Да он, собственно, и не возражал.

После того, как роли в ансамбле дискуссантов были распределены, я спросил у них, что они думают о ситуации, складывающейся сегодня вокруг России. Будет ли война? Если будет, то как должна, на их взгляд, вести себя Россия (российское государство)? И вот что они мне ответили.

Милитарист (Рыжик): Вы уже начали войну, когда заявили о своих национальных и геополитических интересах. Горячая фаза войны неизбежна, поскольку вашим политическим и военным руководителям придётся отвечать на силовые операции украинской хунты на Донбассе. К тому же общественное мнение на Западе уже подготовлено. Вам фактически объявили войну, подталкивая Россию на «вторжение» в Украину. Вопрос лишь в том, готовы ли ВС России воевать на несколько фронтов. Ведь войска НАТО и их союзников расположились практически по всей границе страны.

Пацифист (Черныш): Тоже мне нашелся военный эксперт. А я считаю, что война вовсе не неизбежна. У неё всегда имеется альтернатива – мирное соглашение, пусть даже самое хрупкое и временное.

Я: Друзья! Но ведь сейчас, после того, как российская дипломатия фактически предъявила США и НАТО ультиматум, нам отступать уже некуда?

Дипломат (Хотя): Отступать всегда есть куда. Лишь бы сохранить мир и не допустить кровопролития. А для этого предпочтительнее использовать дипломатические методы. Нужно любыми мирными способами заставить Украину исполнить Минские соглашения.

Милитарист (Рыжик): Слыхали мы уже о «принуждении к миру». Здесь без военных методов никак не обойтись.

Пацифист (Черныш): А нужна ли им эта война? Никто из правителей конфликтующих стран не задал данный вопрос своим гражданам. Но при этом полным ходом идёт подготовка к ней. Кто им дал право распоряжаться людьми как «пушечным мясом»?

Геополитик (Кузя): Увы, никто из больших хищников не спрашивает свою жертву перед тем, как её съесть. А в геополитике до сих пор действует закон сильного, т.е. того, кто находится на вершине пищевой цепочки. К сожалению, кровопролития уже не избежать. Я склонен считать, что война всё-таки будет. Она нужна не России, а всему коллективному Западу, который близок к моменту завершения информационной подготовки к войне с ней и готов перейти к открытым военным действиям. С его точки зрения, пора поставить зарвавшуюся Россию на место. Это важно сделать перед большой геополитической игрой с Китаем. И это война не только против вашего Президента, но и против всего российского наро-

да, который нужно «нейтрализовать» (запугать, дезориентировать, деморализовать и пр.), чтобы развязать себе руки в дальнейшем. Уж больно несговорчивый оказался ваш народ: придерживается традиционных ценностей, не дружит с «демократией», голосует «неправильно», выбирает не тех, кого нужно и пр. Одним словом, менталитетом не вышел.

Кроме того, Россия – удобный плацдарм для ведения большой войны Запада с Китаем. Тактика его борьбы с так называемыми авторитарными государствами давно известна и предельно проста: «окружай, подчиняй и властвуй». Не случайно сначала окружили Россию огненным кольцом «оранжевых революций», пододвинув к ней вплотную войска НАТО, а затем такая же участь постигнет и Китай.

Что же касается нынешней ситуации, то, на мой взгляд, наиболее велика вероятность начала войны на Донбасском направлении. Именно здесь провоцируют Россию всеми способами перейти «красную линию». Поэтому, если этого не удастся избежать, то на первом этапе России лучше не втягиваться в позиционные бои, а наносить точечные удары. Нужно выиграть время и понять, кому и где вам придётся противостоять.

Милитарист: Согласен. Воевать нужно в первую очередь силами ВКС, ВМФ и ракетных войск. Но войны не избежать, и вашей стране пора переходить в мобилизационный режим. Времени совсем не осталось. Нужно подтянуть резервы, правильно рассредоточить войска и объекты военной инфраструктуры.

Я: Ну зря ты, Рыжик, так настаиваешь на военном сценарии. Допускаю, что далеко не все дипломатические возможности исчерпаны.

Пацифист: Категорически не согласен с Кузей. Он, конечно, авторитет и больше всех участвует в диалогах. Но сводить международные отношения к банальной пищевой цепочке, в котором сильный пожирает слабого, не стоит. Есть, наконец, понятия международного права и этики, которые ограничивают произвол агрессоров.

А что касается Рыжика, то он просто не понимает, что война придёт и в наш дом, и наше спокойное и благополучное существование раз и навсегда закончится. Возможно, в силу обстоятельств мы будем выброшены на улицу, а то и совсем сгорим в костре во-

йны. Лично я буду умолять всех своих близких не участвовать в военной кампании.

Дипломат: Поддерживаю Черныша в вопросе о приоритете права и этики в международных отношениях. И всё же, пока не разгорелся костёр войны, России нужно сделать всё необходимое, чтобы предотвратить провокации со стороны Запада и самой Украины. Достаточно пойти на небольшие уступки и заключить договор с США и НАТО на не очень выгодных для себя условиях. И это спасёт Россию от разрушительной войны.

Милитарист: Здесь уступками делу не поможешь. Уступать – значит отступить, терпеть поражение. Так можно «доотступаться» до Дальнего Востока, а там уже Япония вас ожидает, чтобы заключить в свои объятия.

Геополитик: Вынужден напомнить присутствующим крылатую фразу времен Великой Отечественной войны: «Отступить некуда, позади Москва». Всем известно, что, если Запад введёт войска НАТО на Украину, то подлётное время ракет с ядерными боеголовками до Москвы уменьшится в разы и составит считанные минуты. У России нет другого выхода, кроме как проводить политику силового сдерживания военной экспансии НАТО на Восток. Время дипломатии ушло, пора вступать в разговор военным людям.

Пацифист: Да ты, Кузя, такой же милитарист, как и Рыжик.

Геополитик: Дело здесь не в милитаризме, а в простом расчёте. Вас хотят перепрограммировать в культурном отношении и нейтрализовать в военно-политическом плане. Но этому мешают не только ваши ВС, но и менталитет большинства российских людей. Значит, с точки зрения Запада, нужно, во-первых, ослабить, а потом и ликвидировать экономическую и военную базу сопротивления граждан России, а во-вторых, лишить их суверенитета или, как говорят ваши пропагандисты, разрушить суверенное мышление, посеять панику и подавить волю к сопротивлению.

Милитарист: А разве кто-то готов сопротивляться? Я не уверен, например, что ваша молодёжь, как и остальные категории граждан, в своём большинстве готова к войне. Её голос пока не услышан.

Я: Не стоит, Рыжик, трогать нашу молодёжь. Вопрос, как всегда, стоит шире. А «хотят ли русские войны»? Приведу любимые строки песни, написанной по стихам Е. Евтушенко, которые так душевно спел Марк Бернес.

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины,
Над ширью пашен и полей,
И у берез, и тополей,
Спросите вы у тех солдат,
Что под березами лежат,
И вам ответят их сыны
Хотят ли русские, хотят ли
русские,
Хотят ли русские войны.

Да, мы умеем воевать,
Но не хотим, чтобы опять
Солдаты падали в бою
На землю горькую свою.
Спросите вы у матерей,
Спросите у жены моей,
И вы тогда понять должны
Хотят ли русские, хотят ли
русские,
Хотят ли русские войны.

Хотят ли русские войны.
Не только за свою страну
Солдаты гибли в ту войну,
А чтобы люди всей земли
Спокойно ночью спать могли.
Спросите тех, кто воевал,
Кто вас на Эльбе обнимал,
Мы этой памяти верны.
Хотят ли русские, хотят ли
русские,
Хотят ли русские войны.

Поймет и докер, и рыбак,
Поймет рабочий и батрак,
Поймет народ любой страны
Хотят ли русские, хотят ли
русские,
Хотят ли русские войны.
Хотят ли русские, хотят ли
русские,
Хотят ли русские войны.

1961

Дипломат: Слова, действительно, замечательные. Но я согласен, что не надо недооценивать вашу молодежь. Ей не чужды патриотические настроения и ей тоже «за державу обидно».

Пацифист: Вот именно, что ей за державу обидно. Возможно, что образ державы у вашей молодёжи совсем иной, чем у Рыжика-милитариста. Она не хочет жить в ситуации нарастающей военной угрозы и милитаристского угара. Ей нужны нормальные жизненные стандарты: качественное образование, высокий уровень жизни, интересная и хорошо оплачиваемая работа, возможность заниматься своим любимым делом, путешествовать и т.д. А ты, Рыжик, призываешь её к войне. И ради чего должны погибать молодые люди? Разве к ним в дом ворвались враги-супостаты и стремятся их поработить?

А что касается стихов Евтушенко, то мне моя хозяйка Алёна читала их в другой редакции. И больше всего мне запомнились такие слова:

*«Не только за свою страну
солдаты гибли в ту войну,
а чтобы люди всей земли
спокойно видеть сны могли.
Под шелест листьев и афиш
ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
Пусть вам ответят ваши сны,
хотят ли русские войны».*

Как видите, благодаря жертве, которую принесли русские солдаты, мирно спят не только Москва, но и Париж, Нью-Йорк, другие города. И это нужно для того, чтобы все вы, в т.ч. американцы и русские, «спокойно видеть сны могли».

Милитарист: Не усыпляй нашу бдительность, Черныш. Не надо дожидаться, пока к ним придут и повергнут страну в хаос и разрушение. Война на собственной территории – это ещё большее кровопролитие, множество жертв и сломленных судеб. Защищаться нужно на дальних подступах к своей границе. И сегодня складывается ситуация, когда российскому военно-политическому руководству придётся принимать опережающие решения, а не ждать, когда ВС Украины под указку США пересекут «красную линию» с Донбассом или в Крыму. Ведь за этим последует, как видно из уже озвученных сценариев, «зачистка территории» и люстрация граждан Донбасса. Если допустить развитие подобного сценария, то дальше эти же войска пойдут штурмовать Крым, взорвут Крымский мост и т.д., и т.п.

Лучше действовать с меньшими потерями, нанося превентивные удары по скоплениям противника и его инфраструктуре. Другого пути, чтобы защитить мирное население Донбасса (и Крыма), я не вижу. Там же ваши граждане проживают. Неужели вы их бросите на растерзания неонацистам? Или вы надеетесь эвакуировать в считанные дни почти 4 млн. людей жителей Донбасса и больше 2 млн. крымчан?

Дипломат: Рыжик, прекрати свою воинствующую риторику. Ты что, не понимаешь, что жертвы будут со всех сторон? Стоит вспыхнуть пламени на юго-востоке Евразии, как оно переметнётся

на соседние государства. А есть ещё, как при лесном пожаре, эффект верхового огня. И это приведёт, в конечном счете, к мировой войне, а от неё недалеко уже и до ядерной зимы. Пока не поздно, нужно подключать все дипломатические и информационные каналы. Надо погасить пламя, которое разжигают с разных сторон. Сейчас востребованы в международном плане «пожарники», а не «поджигатели» и люди войны.

Геополитик: Друзья, не стоит спорить о том, что уже случилось. Так называемые «красные линии» уже перейдены с обеих сторон (России и США). Украина – всего лишь тренировочный полигон. Она нужна США и их союзникам по НАТО для продвижения на Восток и ослабления России как буферной зоны между Западом и Китаем.

Милитарист: Что же ты предлагаешь, Кузя, сразу начать войну с США? Или разместить вокруг их границ свои военные базы? Так кто же позволит России установить вблизи США даже простой наблюдательный пункт. А уж про военные базы на Кубе или в Венесуэле можно даже и не мечтать. Да и ресурсов у России маловато.

Геополитик: Во-первых, мечтать не вредно. Вспомни Карибский кризис, когда мир оказался на грани ядерной войны. Тогда советской стороне удалось добиться значительных успехов и отодвинуть ядерные арсеналы НАТО от своих границ. Во-вторых, России нужно активнее вести пропаганду и продвигать свои интересы в странах Латинской Америки и других регионах, разъясняя опасность, которую представляют США для мира в этом регионе. Думаю, что многие из стран уговаривать не придётся. У них со Штатами давние счёты.

Я: Ну вот, ещё один советник нашёлся. Их и без тебя, Кузя, у президента хватает. Неужели ты думаешь, что с нашей стороны меры не принимаются? Однако всё это требует дополнительных средств. А наш военный бюджет в одиннадцать раз меньше, чем в США, в четыре раза меньше, чем в Китае, и сопоставим лишь с аналогичным бюджетом Англии или Саудовской Аравии. Разве мы можем бросить вызов самой могущественной державе мира и её союзникам по НАТО?

Милитарист: Пусть они этот бюджет поместят в одно место. В условиях ядерного баланса между США и Россией важно лишь то, кто первый нанесёт удар. А здесь ваши шансы равны.

Я: Неужто ты, Рыжик, думаешь, что кто-то пойдёт на такой безумный шаг? Или ты предлагаешь России заняться ядерным шантажом?

Геополитик: Если вашу страну шантажируют вот уже несколько столетий, то почему бы и вам не ответить тем же. Слишком велики ставки в этой игре, чтобы опасаться неизбежного. Здесь либо пан, либо пропал. Вызов брошен, требования России Западу сформулированы, и за всё это теперь придётся отвечать. А чтобы держать удар, одного экономического и военного потенциала недостаточно. Нужно укреплять дух нации, искать союзников и готовиться к схватке с мировым тираном. Такое государство как Россия в силу своего геополитического положения должно балансировать на грани войны и мира, оказывая давление на своих стратегических противников в разных уголках планеты. Иначе ему не удержать контроль над своей большой территорией.

Милитарист: А я согласен с Кузей. Вы уже находитесь в предвоенной ситуации, а ведёте себя так же, как и в мирное время. Ещё раз повторяю, нужна усиленная военная модернизация страны и мобилизация всего населения. Даже маленькая Северная Корея смогла отвадить мирового тирана от военного вторжения. Она явила собой пример невиданной сплоченности нации вокруг лидера. А почему бы большой России не напрячь все свои мускулы и не дать решительный отпор империалистам?

Я: Идеология уже есть, и это, по словам Президента, умеренный консерватизм. Есть у нас и молодежное военно-патриотическое движение «Юнармия». Может быть, в будущем появятся и другие организации.

Милитарист: Странно это слышать от представителя страны, которая оказалась в кольце враждебных государств. Во-первых, ваш консерватизм настолько умеренный, что его даже незаметно. Здесь нужна идеология не только военной защиты (обороны), но и наступления. Во-вторых, вы что же, думаете, что ваши стратегические противники будут ждать, пока вы укрепите армию и наладите систему военно-патриотического воспитания? Сколько можно рассчитывать на крылатую фразу Бисмарка «русские долго запрягают, но быстро едут». Пора переходить к практическим действиям.

Пацифист: Хватит, Рыжик, нагнетать обстановку и призывать к войне. Подавляющее большинство людей и котов не хочет вой-

ны. Кроме того, Бисмарку приписывают и другие фразы, например: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности и тогда они победят сами себя». Может быть, хватит уже ориентироваться на Запад и искать в нём причину всех своих успехов или неудач? Пора научиться жить своим умом и не отвечать на политические провокации бездумными действиями.

Я: Да, отказавшись от своих ценностей, мы потеряли самих себя в 1990-е годы. И лишь в последние годы мы стали возвращаться к традиционным ценностям. Но, к сожалению, положительный опыт советского периода, в т.ч., политика интернационализма, был во многом утрачен.

Геополитик: В те же 1990-е вы совершили ещё одну трагическую ошибку, о которой предупреждал Бисмарк. «Могущество России может быть подорвано только отделением от неё Украины... Необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно лишь найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени». На вашу же беду пророчество Бисмарка сбылось. Не об этом ли свидетельствуют сегодняшние реалии отношений России и Украины? «Ненависть ко всему русскому» и уродливая русофобия стала фирменным знаком политики нынешнего руководства Украины.

Пацифист: Думаю, что неприязнь к России для украинской элиты является такой же визитной карточкой, как и неприятие всего западного у почвенников и традиционалистов в самой России. И теперь россиянам стоило бы призадуматься над тем, почему они оказались в окружении недружественных государств, в т.ч., когда-то братской, а теперь враждебной Украины. Чем вызвана такая солидарная реакция коллективного Запада и ваших бывших соседей по коммунальной квартире «СССР» на действия российского государства? Может быть, стоит посмотреть на себя глазами стороннего наблюдателя, а не демонстрировать военные мускулы.

Геополитик: Всё не так однозначно, Черныш. Распад СССР привёл к «параду суверенитетов» как в самой России, так и в дру-

гих советских республиках. А опыта государственного строительства у последних не было. Вот они и породили разного рода гибридные государства. Им пришлось заново создавать политическую систему и отлаживать механизмы государственного управления. И всё это было нанизано на остов их культуры. Поэтому и получилось то, что получилось: полуфеодальные или полудемократические образования, имитирующие государственность. К тому же большинство из «бывших» республик не могли сохранить свой суверенитет, и вынуждены были, чтобы выжить, искать нового хозяина или господина. Россия, ослабленная годами «перестройки» и либеральных «реформ», на роль такого господина уже не подходила. И тогда взоры их политических элит обратились к мировому гегемону.

Дипломат: Ситуация сложная, но не безвыходная. Почему бы вашим дипломатам не продумать систему противовесов и уступок, чтобы выстроить другой миропорядок, в котором Россия окажется на стороне сил мира и добра? Конечно, международные организации, в т.ч., и ООН, нуждаются в изменениях. И Россия могла бы быть занять своё место там, где совершенствуются базовые принципы и правовые основы международных отношений. Ей не стоит бросаться на Запад как на амбразуру и отвечать на его «военную хитрость непредсказуемой глупостью» (Бисмарк).

Милитарист: Много тут вас, западников развелось. Вам бы только поучать Россию словами Бисмарка и прочих её недругов.

Я: Хватит вам, мои котики, выяснять отношения. Ваши точки зрения мне понятны. Пора теперь перейти к итоговой части нашего разговора.

Итак, друзья, позиции и стратегии моих уважаемых собеседников обозначены. Я бы их назвал условно так: «Война как инструмент политики» – Милитарист, «Мир без войны» – Пацифист, «Решение международных противоречий политико-правовыми средствами» – Дипломат, «Геополитическое балансирование» – Геополитик. А в чём, мои дорогие собеседники, состоят конкретные шаги по реализации ваших стратегий?

Милитарист: Хватит вам вести себя подобно страусу и прятаться от войны. Вспомните знаменитое высказывание римского мыслителя Флавия Вегеция «Хочешь мира – готовься к войне». Как известно, у него есть и другие слова. «Кто хочет победы, пусть ста-

рательно обучает воинов». Война – это не игра случая, а искусство, требующее систематической выучки. Как и в спортивных состязаниях, побеждает не просто тот, кто лучше вооружен, а, прежде всего, тот, кто лучше подготовлен и относится к войне как к искусству. Так, Вегеций призывал к тому, что нужно непрерывно закаляться в сражениях, тренировать своё тело и дух.

Сегодня российская армия неплохо вооружена, но достаточно ли она подготовлена к ведению масштабных военных действий? Конечно, у неё имеется опыт участия в военных конфликтах на Северном Кавказе и в Сирии, но хватит ли этого для столкновения с могущественным противником, многократно превосходящим её по экономическому и военному потенциалу? Нельзя дать втянуть себя в длительную военную компанию где-нибудь на второстепенном участке (например, на Украине).

Я: Ты что же предлагаешь?

Милитарист: Еще раз повторяю, надо воевать с главным противником, а с не с его сателлитами. Но делать это можно лишь в том случае, если у вас есть надёжный ядерный щит. На приближение НАТО к вашим границам надо ответить встречными мерами: размещением ракетных группировок в Беларуси, Калининграде, Приднестровье и пр.

Пацифист: Ну ты, Рыжик, совсем с ума сошёл. Как я после этих слов буду находиться рядом с тобой в одной комнате. Мне же теперь придётся носить бронежилет и озираться по сторонам. Мою стратегию ведущий уже обозначил: «мир без насилия и войн». Тактически же реализовать её мне представляется весьма сложным делом. Во всяком случае, для меня, кота-подростка. Но что-то мне подсказывает, что людей мира становится с каждым годом всё больше и больше. Слишком уж тяжелыми и трагичными являются последствия войн.

Если же позволить себе помечтать, то план переустройства мира на мирных же основаниях мне видится таким:

- разработка программы продвижения ценностей ненасилия во всём мире, утверждение этики ненасилия во внутригосударственных и международных отношениях;

- создание заповедников и «зон мира» на планете Земля, которыми бы напрямую управляли международные структуры, организуемые при ООН;

- расширение контингента миротворческих сил, участвующих в предотвращении военных, межэтнических и прочих конфликтов.

Дипломат: Черныш! Мне кажется твой план чрезмерно утопичным. По сути ты предлагаешь для руководства «зонами мира» создать мировое правительство. Дипломатия, как и политика, есть искусство возможного, искусство компромисса. Нужно добиваться мирных межгосударственных соглашений по всем проблемам международной безопасности и строить новый, безопасный мир. Конечно, я поддерживаю предложение о создании при ООН сети международных организаций и представительств, на которые следует возложить миротворческие функции в «горячих точках» планеты. Но наделять их полномочиями мирового правительства не стоит.

Геополитик: Все эти ваши мечты беспочвенны и не подкреплены ресурсами. Реальная политика так не делается.

Пацифист: Но, как говорит одна из героинь фильма «Территория» (2014; реж. А. Мельников), который мы недавно посмотрели, «большинство людей боится жить по мечте». Вот и вы с Рыжиком предпочитаете делить мир вместо того, чтобы жить в нём и мечтать о его мирном будущем.

Геополитик: Ладно, мой бесстрашный друг, о светлом будущем мы поговорим как-нибудь потом. А пока я убеждён, что геополитические реалии невозможно загнать в абстрактные схемы миротворческих акций. Война – это вынужденная мера, когда конфликт невозможно решить дипломатическими средствами. России нужно позаботиться о том, чтобы сменить имидж «чужого среди своих» и преодолеть образ «империи зла». Ей нужно решительнее выстраивать свой мир, вовлекая в него не только дружественные, но и «нейтральные» страны. Необходимо создавать новые международные коалиции и военно-политические союзы. Один из таких союзов можно было бы образовать с Китаем.

И ещё одно соображение: воевать нужно не на локальном, а на глобальном уровне, и не со второстепенными противниками, отвлекающими внимание и провоцирующими вас на военные действия, а с теми, кто за ними стоит. Ваши главные противники – США, Англия, одним словом, весь англосаксонский мир. Нужно всячески содействовать разладу отношений последнего с остальными странами Западной Европы. Вспомните положительный опыт

военного сотрудничества и образования коалиций России с Германией, Францией, восточноевропейскими странами. Многие из них обязаны России своим существованием в качестве суверенных государств. И, конечно, же не стоит оставлять без внимания нарастающие конфликты англосаксонских стран со странами Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки. Одним словом, необходимо делать всё, что ослабляет экспансию англосаксов, используя информационные, дипломатические, военно-технические и прочие ресурсы.

Милитарист: Поддерживаю Кузю. Долой англосаксонскую гегемонию в мире!

Пацифист: Хотелось бы услышать что-нибудь жизнеутверждающее. Да здравствует мир на Земле и мирное сосуществование всех её обитателей! К сожалению, во всех своих геополитических фантазиях вы с Кузеей забываете об обычных людях. Вас не волнует их положение. Между тем миропорядок должен быть, прежде всего, жизнеспособным и справедливым. Иначе он теряет смысл для всех обитателей планеты и превращается в одну большую тюрьму.

Я: Ну хватит на сегодня разговоров о войне и мире. Честно говоря, я уже устал от всего этого. А в заключение задам вам вопрос о значении тотемных символов современных государств.

Как вы думаете, друзья, случайно ли у крупнейших государств мира в качестве главных тотемных животных представлены, прежде всего, хищники? США – белоголовый орёл, Англия – лев, Германия – орел, Италия – волчица, Россия – бурый медведь, Китай – дракон, Япония – енотовидная собака (тануки). Сложнее оказалось с Францией, которой приписывают в качестве тотемного знака галльского петуха. Значит ли это, что политике этих государств изначально присущ агрессивный и захватнический характер? Или вы всерьёз не относитесь к тотемным символам народов и государств.

Рыжик: Не знаю, как вы, друзья, а мне лично кажется, что из образа Англии лев уже давно сбежал. Остался бульдог, который охраняет всё то, что английским колонизаторам удалось наgrabить за несколько столетий. А в XX веке и дракон из Китая улетел в глубокое прошлое. Осталась боевая панда, которая прекрасно изображена в серии моих любимых мультфильмов.

Я: Наверное, и американский орёл улетел...

Рыжик: Нет, их орёл разучился летать и, в конце концов, превратился в статую. Теперь его надо привязывать, чтобы не свалился с пьедестала. Ну и ему уже недолго осталось сидеть.

Я: Ну уж медведя, Рыжик, ты нам оставь. Мы с ним уже сроднились.

Дорогие друзья! Должен сказать, что я не несу ответственность за мнения, высказанные здесь моими собеседниками. Хотя должен признать, что эти мнения витают сегодня в воздухе. Достаточно лишь хорошо слушать и слышать. Я лишь воспроизвёл некоторые позиции, представленные во всём спектре общественного сознания сегодняшней России. И в этом, безусловно, мне помогли мои собеседники.

Что же касается моей собственной позиции, то она лежит в сфере экофилософии, а значит близка к сбережению социоприродной среды и миротворчеству. Но, увы, философов с такой позицией не так уж много в современном мире (возможно, несколько сотен), а политиков и того меньше. Про военных экологов-миротворцев я ничего не слышал. Они мне больше напоминают ассоциацию львов-вегетарианцев. Так что остаётся пожелать нам всем мирного настоящего и будущего. Будьте здоровы!

21-22.01.2022 г.

Раздел III. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРАВЫ

3.1. Другой – свой или чужой?

Дорогие друзья! Мы не будем затрагивать тему Другого в духе Сартра или Бахтина. Нам интересна жизнь того Другого, который является «чужим» или «своим» для человека. «Чужим» не в смысле чуждым или враждебным, а иным в культурном плане. О его существовании мы можем знать или не знать. Так, например, мы не знаем лично Президента России. Да и он вряд ли догадывается о существовании многих из нас. Мы для него являемся маленькой частицей народов России, одними из миллионов и миллионов граждан. А он для нас выступает олицетворением высокой,

а потому далекой от нас и недостижимой власти. Одним словом, мы и он находимся на разных жизненных орбитах. Значит ли это, что мы являемся друг для друга «чужими»? И так можно сказать об абсолютном большинстве людей, с которыми мы незнакомы. Они не знают о нас, а мы о них. А ведь за этими Другими, в т.ч. Ивановыми, Ли, Смитами и пр., стоят чьи-то конкретные судьбы.

Но, видимо, так устроен наш жизненный мир, в который попадают лишь отдельные люди, чьи судьбы тесно переплетаются с нашей судьбой. Вот такое получается переплетение судеб, в котором встречаются не только «свои», но и «чужие». Возможно, «свои» находятся внутри него, а «чужие» – на его периферии или далеко за его пределами. В этом ещё нам предстоит разобраться.

«Чужой» и «Свой» – это Другие, которые находятся по разные стороны нашего мира

Я: Кузя! Я уже высказал свою позицию. А что значит для тебя Другой?

Кузя: Все зависит от того, какой это Другой – «чужой» или «свой». «Свой» Другой находится ближе ко мне. Я его допускаю к своему телу. А от «чужого» стараюсь держаться подальше.

Я: Вот именно, чем «ближе к телу», тем дальше от души. Оппозиция «свой – чужой» пришла к нам из этологии и антропологии. Чаще всего она обозначает социально-психологические различия в поведении животных, в т.ч. человека. В человеческом обществе значительная часть из них закрепляется в культуре и становится культурными различиями.

Кузя: А в обществе котов данная оппозиция связана с разделением территорий. «Свой» – это тот, кто находится на собственной территории, доставшейся ему по праву наследования или завоевания. А «чужим» считается тот, кто находится на сопредельных территориях или далеко за их пределами, или тот, кто вторгается на территорию «своих».

Я: Хорошо. А как ты относишься к «чужим» котам или людям?

Кузя: Спокойно и несколько отстранённо, если не сказать – настороженно. Я знаю, что некоторые из них есть, а о существовании многих даже не догадываюсь. А тех, за кем я наблюдаю на улице, стараюсь не замечать, прохожу мимо. Их много, а я у себя, да и у тебя, как известно, один.

Я: Какой же у тебя избирательный подход к людям. Наверное, тех, от кого ты зависишь, кто тебя кормит, ты замечаешь и считаешь «своими», а остальных, значит, нет. Так, что ли, получается?

Кузя: Не совсем так. На первый взгляд, любые существа, которые вторгаются на мою территорию, для меня изначально «чужие». Знакомые люди не в счёт. Кроме того, я всегда замечаю тех, кто замечает меня, и с кем устанавливается незримая эмоциональная связь. И эти незнакомые или малознакомые люди в чём-то или на какой-то миг становятся для меня «своими», но ровно до тех пор, пока я с ними взаимодействую.

Я: Значит, «чужой» для тебя это тот, с кем у тебя нет эмоциональной связи, или же тот, о ком ты ничего не знаешь?

Кузя: Скорее всего, это тот, кто не касается меня физически или ментально, находится за границей моей территории, т.е. за пределами моего мира. Я могу знать о его существовании, но сам факт «чуждости» это не отменяет. «Чужой» – не значит враждебный. Это может быть кот или человек, который не имеет со мной эмоциональных отношений. Ещё раз подчёркиваю, он находится за пределами моего круга (освоенной мной территории), а я – его. «Свой» же – это тот, кто входит в мой ближний круг. И, как ты говоришь в преамбуле, тот, с которым моя судьба тесно переплетена.

Я: Похоже, что это – «человеко-кот» или «коточеловек», поскольку людей вы чаще всего воспринимаете как не совсем нормальных или двуногих котов?

Кузя: Всё гораздо сложнее. Хотя с ненормальностью я согласен, а вот до котов вам, людям, ещё далеко. Слова «человеко-кот» или «коточеловек» характеризуют гибридные образы, которые можно объединить другим словом – недо-кот.

Я: Да, ты, Кузя, просто какой-то кошачий расист.

Кузя: Просто я привык называть вещи своими именами. А что касается существа вопроса, то повторяю: «чужой» может быть моим знакомым и даже находиться рядом, но при этом у меня нет к нему никакого личного отношения. Это совершенно безразличное мне существо, от которого лучше на всякий случай держаться подальше.

«Своего» или «чужого» можно узнать по запаху

Я: А чем же тогда «свой» отличается от «чужого», кроме того, что у тебя с ним имеется эмоциональная связь и личные отношения?

Кузя: Частично я уже ответил на твой вопрос. А ещё «своим» его делает знакомый запах и отсутствие опасности. Только поэтому я ему доверяю.

Я: Значит ты «своего» определяешь, кроме всего прочего, по запаху, а также по безопасному для себя поведению?

Кузя: Как-то так. Его поведение должно быть для меня понятным и предсказуемым. Я не жду от него подвохов. А «чужой» потенциально опасен для меня. Я не знаю, чего от него можно ожидать в любую минуту.

Я: Какой-то ты, Кузя, опасливый. Итак, «свой» – это человек, с которым ты находишься на одной территории, и который вызывает у тебя чувство доверия. Правильно?

Кузя: Пожалуй. И ещё мне должен быть знаком его запах. Я ведь могу не видеть человека, но при этом чувствовать его запах. И этого бывает достаточно для того, чтобы определить, кто он – «свой» или «чужой».

Я: А что всё-таки важнее для тебя – общая территория, положительный эмоциональный контакт, доверие или запах?

Кузя: У нас котов одного без другого не бывает. Но своего я чаще всего определяю по запаху. С его запахом связаны чаще всего чувство безопасности и приятные ощущения. А бывает запах, таящий в себе опасность. Этот запах заставляет нас избегать встреч с его носителями. Точно так же мы чувствуем запах смерти...

Я: Как ты можешь, Кузя, распознать запах опасности, если ты не знаешь человека?

Кузя: Очень просто. Ни для кого не секрет, что, если человек волнуется или злится, то он чаще всего потеет и испускает определённый запах. Мы, коты, такой запах чувствуем издали и стараемся избегать встреч с этими людьми. Они для нас потенциально опасны. А ещё мы можем интуитивно улавливать плохие намерения людей.

Я: Но злиться может и свой человек, к которому ты испытываешь чувство доверия.

Кузя: Да, но его запах мне известен. Мы с ним уже знаем, чего можно ожидать друг от друга.

О «чужаке» в прямом или переносном смысле

Я: Как-то у тебя просто всё получается: увидел, понюхал, установил контакт и тем самым сделал «своим». Может быть, стоит об-

ратиться к «классикам». Недавно прочитал у А. Шютца (в переводе Владимира Николаева) следующий фрагмент: «Сомнительная лояльность чужака, к сожалению, очень часто есть нечто большее, нежели предрассудок чужой для него группы. Особенно это касается тех случаев, когда чужак оказывается не готов или не способен полностью заменить культурный образец родной группы новым... очень часто упреки в сомнительной лояльности рождаются из удивления членов мы-группы по поводу того, что чужак не принимает весь её культурный образец в целом в качестве естественного и правильного образа жизни и в качестве лучшего из всех возможных решений любой проблемы. Чужака упрекают в неблагодарности, поскольку он отказывается признать, что предлагаемый культурный образец дарит ему кров и защиту. Однако эти люди не понимают, что чужак... вообще не воспринимает этот образец как кров, да еще дающий защиту; для него это лабиринт, в котором он потерял всякое чувство ориентации» [1].

Как ты можешь прокомментировать, Кузя, эти слова?

Кузя: Думаю, что Шютц никогда не имел дело с кошачьей интуицией. Иначе он бы сделал поправку на неё. Для кота чужой образец – это нонсенс. Он руководствуется только своими образцами. Образцами же чужой культуры и, прежде всего, человеческой он умело манипулирует. Искусство общения котов с людьми как раз и состоит в том, чтобы управлять впечатлениями своего собеседника (заведомо младшего партнера), побуждая его к желательным для себя действиям. И вам, людям, это, как ни странно, нравится.

Я: А может быть, это вы думаете, что управляете нашими впечатлениями в то время, как мы управляем вашими инстинктами? И ради лакомого кусочка вы готовы пойти на многое. Так кто же и кем манипулирует?

Кузя: Не стоит переоценивать свои возможности, мой друг. У вас, людей, это получается слишком примитивно. Поэтому нам приходится вам немного подыгрывать, чтобы вы окончательно не оконфузились. Не обижать же вас своим пренебрежением.

Я: Не хочешь ли ты сказать, что кот – это чужак в человеческой популяции, который притворяется «своим», чтобы получить желаемое?

Кузя: Я лишь хочу сказать, что человеку не нужно притворяться, чтобы быть чужаком в своей же собственной культуре. Более того, он умудряется быть «чужим» даже для самого себя, вступая зача-

стю в противоречие со своими собственными убеждениями или меняя последние как перчатки.

Я: Можно подумать, что у вас, котов, такого не бывает.

Кузя: Да, мы можем иногда притворяться, но чаще всего следуем своим установкам. Наша показная привязанность к вам и делает нас «своими» среди вас, хотя вы об этом можете и не догадываться, явно переоценивая своё эмоциональное влияние на нас.

Я: Интересно, а мы – «чужие» вам в прямом или переносном смысле?

Кузя: Скорее, вы чужие нам в «переносном» смысле, т.е. тогда, когда в буквальном смысле переносите нас из одного места в другое место или делаете с нами что-либо вопреки нашему же желанию. Мы – не вещи, чтобы с нами так обращаться. А в прямом смысле вы, конечно же, для нас «свои», поскольку являетесь «прямее» нас лишь в смысле прямохождения, а не в плане своей навязчивой и порой непристойной манеры поведения.

Я: Спасибо, мой друг. Ты, как всегда, очень предупредителен и вежлив.

Кузя: Вежливость нужна конкретному чужаку, который скрывает свои намерения и хочет расположить к себе Другого, стать для него «своим» (например, в образе человека Икс). А мне, как уже состоявшемуся или случившемуся «своему», необходимо оставаться искренним и непосредственным. Ведь именно таким я тебе и нравлюсь.

Я: Честно говоря, мне нравится твоя задиристость и то, как ты по-детски нападаешь на меня.

Кузя: Ну, конечно же, чем бы дитя ни тешилось. Так вот твоё дитя считает, что пора нам с тобой завершать сегодняшний разговор. Такое ощущение, что мы стреляем вхолостую, а потому никак не попадаем в цель.

Философия и социология – «свои» или «чужие»?

Я: Пока мы не докопались до сути проблемы.

Кузя: Пусть этим лучше занимаются психологи или социологи. А интересно, для философии психология – «своя» или «чужая» наука?

Я: Ну как может быть «чужой» для матери дочь, которая выросла и образовала свою собственную семью. Она же останется для неё самым родным существом на свете.

Кузя: По-разному складываются отношения между родителями и детьми. А мне иногда кажется, что социология вовсе не родная дочка философии, которая относится к ней скорее как мачеха. Надо отметить, что и та отвечает ей взаимностью.

Я: Думаю, что здесь дело в другом. Мать ведь бывает авторитарной и может рассуждать так: «Я тебя породила, я тебя и ...». Вот только дитя оказалось вполне жизнеспособным и готовым дать достойный отпор.

Кузя: А знаешь, что их делает «своими»? Обе науки (мать и дочь) преуспели в том, чтобы создавать воображаемые миры, не имеющие отношение к действительности. К тому же философия признаёт в социологии преимущественно её метафизические развороты, а социология ценит в первой то, что не требует доказательств на экспериментальном уровне, – аксиоматичность. Наверное, «подобное тянется к подобному».

Я: Не могу с этим согласиться. Философствование отличается от социологического теоретизирования не столько метафизичностью и склонностью к трансцендированию, сколько характером смыслополагания.

Кузя: Ты имеешь в виду то, что философы рожают смыслы из «ничто», объясняя одно неизвестное через другое неизвестное, а социологи – из «ничего», черпая свои доказательства из интеллектуального вакуума или программируя ответы респондентов?

Я: Нет, я имел в виду то, что они различаются логикой смысла или смыслообразования. Смыслы философа коренятся, как правило, в его экзистенции, а социолога – в социальной или социологической практике, от которой он предпочитает дистанцироваться, придерживаясь принципа научной нейтральности. Следовательно, философ объясняет мир «через себя» и «заполняет» непостижимое (трансцендентное) своей личностью, полагаясь на воображение и интуицию. А социолог ищет ответ в объективной (или интерсубъективной) логике социального мира, обращаясь к разным методологическим фильтрам (объективности, ценностной нейтральности или рефлексивной позиции), что искажает реальную картину. Да и что вообще считать реальным?

Кузя: Как бы там ни было, ваш социолог – это, как правило, бывший философ, который либо отрицает своё прошлое, забывая об идейном родстве, либо, напротив, строит свои концептуальные зам-

ки на сомнительном фундаменте постмодернистской или иной доморощенной философии. Некоторые же социологи рассуждают так, что если у них нет своей философии, то её надо придумать, сконструировать. Так появляются на свет новые гибриды – «философская социология» или «социологическая философия», в т.ч. социальная теория, которые призваны заменить социальную философию и вытеснить её из теоретического дискурса в социологии.

Я: Для философствующего кота ты слишком осведомлён о ситуации в социологии. Согласен, что такая гибридная социология не имеет отношения к социальной реальности, но ведь и философия уже не может претендовать на статус общей социологической теории, как это было во времена господства исторического материализма.

Кузя: Пора признать, что к вам в 1990-е годы пришли «чужая» философия и «чужая» социология, которые, к тому же, не стали «своими» друг для друга. Ты мне сам как-то говорил, что они развиваются зачастую параллельно. Они ведут себя как «чужие» среди «своих», шарахаясь из одной стороны в другую.

Я: Но я бы не стал отрицать факт их взаимосвязи, в т.ч. такие тенденции, как «философизацию» социологии или «социологизацию» философии.

Кузя: Не знаю, как для тебя, но по мне ваша дифференциация наук – полнейший анахронизм или атавизм, доставшийся вам в наследство от научной классики. Вы до сих пор не можете избавиться от дисциплинарного кретинизма. Очевидно, что мир не бывает только физическим или социальным, экономическим или политическим и т.д. Точно так же нельзя смотреть на человека через биологические или социальные, экономические или политические очки. Это не позволяет схватить его целостность. Все эти деления искусственны, как и междисциплинарные границы, и ведут в теоретический тупик.

Я: Очевидно, что «своими» или «чужими» могут быть не только люди, но и науки, так как они создаются теми же людьми, которые переносят свои биосоциальные различия в сферу научных исследований. И так будет всегда, пока сохраняются эти различия.

Кузя: Не стоит питать иллюзий. Эти различия никогда не исчезнут. Со временем они становятся метафизическими. А вы, люди, мало чем отличаетесь в этом смысле от нас. И тысячелетиями про-

должаете делить территории, сферы влияния и ресурсы. Мы имеем то, что принадлежит нам по праву присвоения. Поэтому «свой» и «чужой» – это хотя и разные Другие, но всё же две стороны или части одного целого, т.е. популяции людей, котов и пр. Так что вам, людям, как и нам, котам, предстоит научиться жить вместе и на одной территории.

«Мой Другой – это Я»

Я: И всё-таки, кто для тебя в первую очередь твой Другой – «чужой» или «свой»?

Кузя: Думаю, что мой Другой – это «Я», которое ищет и не находит себя в чужом мире. Оно блуждает по этому миру в поисках себя, тогда как «свой» Другой находится где-то рядом. Поэтому, когда у него не получается найти себя, оно придумывает себе «чужого» Другого. А когда «Я» встречается с самим собой, то сразу же признаёт Другого «своим». Так ведут себя все те, кого вы называете «родственными душами». И мы потому с тобой «свои» друг для друга, что уже давно стали такими душами. Как поётся в песне, ты – это я, я – это ты.

Я: Ну а вы, друзья, не хотите ли стать «своими» для нас? Присоединяйтесь к нам. Возможно, так вы обретете себя и решите проблему своего Другого. В конце концов, как говорит Кузя, мы все – Другие. Для него быть «своим» Другим для себя предпочтительнее, хотя бы потому, что мы уже есть у себя и нам не надо придумывать себя заново, в т.ч. искать Другого вне себя или становиться «чужим» для себя. Кроме того, лучше быть «своим» Другим у себя, чем «чужим» Другим у кого-то ещё. А ещё лучше быть просто Другими вместе и там, где «свой» и «чужой» вообще теряют всякие значения. Об этом Другом как об разобщённом Ином мы уже говорили раньше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schuetz A. The Stranger: an essay in Social Psychology // Amer. J. of Sociology. – Chicago, 1944. – Vol. 49, n 6. – P. 499-507.

16.01.2020 г.

3.2. Пути к добру, которые мы не всегда выбираем

Дорогие друзья! Мы продолжаем наши диалоги с Кузей. Мы уже не раз с ним говорили о смысле добра. На этот раз Кузя свернулся калачиком на диване и задался вопросом о том, какие пути ведут к добру. Почему же всё-таки (а главное как) люди выбирают те или иные пути к нему? Попробуем ответить на эти и другие вопросы.

О смысле добра

Я: Кузя! Мы уже обращались с тобой к теме добра. Я понимаю смысл буквально, как то, что связано с мыслью и опосредовано ею. Смысл делает мир осмысленным, позволяя проникать в тайны бытия. В обыденном значении смысл добра – это мысленный ответ на вопрос, как должно поступать в отношении других людей. Возможно, он заключается в том, чтобы заботиться о них и о мире в целом.

Кузя: А по-моему, в основе деления добра лежит стремление к сохранению целостности жизни во всех её проявлениях.

Я: А ты добрый, Кузя?

Кузя: В известном смысле да. В фильме «Крутой» (Россия, 2012) девочка, которую спасает бывший спецназовец Каверин (Максим Дрозд), спрашивает всех незнакомых мужчин: «Дядя! А ты – хороший?». И я скорее хороший, чем добрый. Хороший, в отличие от доброго, – тот, кто приносит пользу другим, в т.ч. людям. Он хорошо делает свою работу, помогает ближнему, исходя из своих представлений о пользе. Добрым же считают существо, польза от которого не столь очевидна. В буквальном смысле это – тот, кто делает добро (носитель добра).

А ты себя считаешь добрым или хорошим?

Я: Кто-то из близких считает меня добрым, а мне самому трудно ответить на этот вопрос. Гораздо важнее то, как понимают добро? Считается, что это – явление, противоположное худу и всему плохому. Добро часто связывают с бескорыстной помощью другим. Доброта же есть нравственное качество человека, выражающееся в неустанном делании добра. У последнего тоже имеются разные значения, которые образуют в свою очередь множество словосочетаний, производных от слова «добро», в т.ч. доброта, добродетель (добродетельный), добронравие (добронравный), добродушие (добродушный), добропорядочность (добропорядочный), доброже-

лательность (доброжелательный), доброхот, добровольность (добровольчество, добровольный), добросердечие (добросердечный), доброделание, добролюбие (добролюбивый), доброкачественный, доброезжий и др.

Кузя: Проще посмотреть толковый словарь русского языка. Достань и почитай мне соответствующую статью. Смотри, добро происходит от старославянского «добръ» или общеславянского «dobrъ», что означает буквально удобство или деяние, удобное для жизни других людей. Иначе говоря, это – явление, подходящее к данному случаю и полезное кому-то.

Я: Удобство как раз характеризует хорошие, а не добрые поступки. Быть удобным для других, помогать им – свойство хорошего человека, а не доброго. Добро служит вечности, а не сиюминутному удобству или пользе.

Кузя: Вместе с тем «добрый» означает «большой, крепкий, вошедший в пору зрелости», близкий по смыслу к слову «дебелый». Вот я у тебя в этом плане добрый кот, т.е. собой хорош и от меня есть определённый толк.

Я: Ты всё-таки не путаешь доброту и хорошесть?

Кузя: Нисколько. Например, моя доброта проявляется в том, что я удобен и нужен тебе, хотя ты можешь и не отдавать себе в этом отчёт. Я всегда нахожусь там, где тебе надо. Ведь не случайно, всякий раз, когда я попадаюсь тебе на глаза, твой взгляд наполняется светом, а твоя рука невольно тянется меня погладить. При этом ты произносишь в мой адрес ласковые, как тебе кажется, слова, полагая, что мне они очень приятны. Не буду тебя разубеждать в обратном.

Следовательно, моё добро заключается в том, чтобы быть удобным тебе и побуждать тебя быть полезным для меня. Считаю, что именно такой взаимовыгодный союз является залогом добрых отношений между нами.

Я: А я думаю, что удобство или выгода здесь совершенно ни при чём. Верующие люди считают, что добро – это не мягкосердечие, а крепость духа, проявляющаяся в богоугодном деянии. Делать добро – это и значит совершать благие дела во имя Господа, пребывая в целостности с ним и с теми, кому оно предназначено. Ведь за всем этим стоит стремление к сохранению и развитию целостности тех, о ком я забочусь.

Кузя: А кто может знать, какие дела угодны Богу, а какие нет? Опять же, как у вас говорится, «на бога надейся, а сам не плошай». Да и твоя целостность – весьма условная величина.

Я: А это не знают, а чувствуют. Каждый из верующих, кто совершает добро, получает благословение Господне. Но для этого нужно установить духовный контакт с Богом, чтобы иметь моральное право выстраивать отношения с другими людьми на основе добра. Целостность возможна тогда, когда точка сборки целого находится не внутри нашего существа, а вне его или между ним и теми, кому оно приносит добро.

Кузя: Замучишься выстраивать отношения с другими. С каких это пор ты стал причислять себя к верующим? Ведь делать добро не только выгодно, но и порядочно. Порядок и есть комплекс норм, поддерживающих целостность объекта твоей заботы. А значит, умножая количество добрых поступков, удобных как для тебя, так и для окружающих, ты способствуешь укреплению порядка (целостности) или улучшению мира, а тем самым заботаешься о нём.

Надо быть добропорядочным, т.е. делать добро не только для других, но и для себя. Есть же у вас, людей, такое выражение, как «добро наживать». Добрый человек – это тот, кто делает хорошо себе, а тем самым и другим. Поэтому быть добрым и делать много добра – это выгодно. К тому же добро, как известно, лишним не бывает. И это нисколько не противоречит поговорке: «От добра добра не ищут». Если тебе сделали добро (например, что-то подарили из того, что у тебя уже есть), то не следует отказываться от подобного подарка. Всегда можно передарить его другому.

Я: Не могу согласиться и с этим утверждением. Быть добрым – это, скорее, вести подвижнический образ жизни, чем испытывать тягу к житейским удобствам. Добрый человек не ищет личную выгоду, он просто бескорыстно делает то, что считает нужным и что соответствует его убеждениям. И меньше всего такой человек рассчитывает на благодарность или на выгодную сделку с получателем добра. Еще раз подчёркиваю, смысл добра заключается в заботе о мире в его целостности, гармонизации отношений с ним.

Кузя: А почему нельзя заботиться о себе? Чем моя целостность хуже целостности тех, о ком я забочусь?

Я: У тебя какое-то искажённое представление о целостности. Речь идёт не столько о твоей целостности, а сколько о целостности, как минимум, двоих сторон – дающего и принимающего добро.

Кузя: Ты ведь хочешь перевалить ответственность за поступки человеческие на Бога. Если ему угодно, то ты поступаешь по-доброму, а если нет, то... А значит целостность образуется не двумя, а тремя сторонами. Тогда кто будет определять меру твоей доброты, заботливый ты мой человек? Священник? Или сам Бог?

Я: Думаю, что одно другому не противоречит. Очевидно, что ты сам, исходя лишь из собственных критериев, не можешь оценить меру произведённого тобой добра. Для этого нужны надличностные критерии. Заботиться о мире и о других людях, находясь в целостности с ними, можно по-разному. Если они изменяются к лучшему и приумножат свою целостность, значит ты находишься на правильном пути.

Кузя: Добро – это часть человеческой природы, как и зло. Оно неотделимо от вашей культуры. Просто один человек, взращённый в определённых культурных условиях, считает, что он поступает по-доброму и во имя благих целей, участвуя, например, в крестовых походах, а другой, оказавшись в роли жертвы крестоносцев, объявляется злым и неверным. У каждого из них своё представление о целостности субъекта и объекта заботы. При этом и тот, и другой по-своему заботятся о мире и следуют общепринятому пониманию культурного порядка, в т.ч. религиозным убеждениям.

Поэтому оценивать добро или зло можно только в конкретной системе культурных координат. У вас даже есть поговорка: «то, что русскому хорошо, то немцу – смерть». Могу развить её: «то, что вам, людям, приносит удовольствие, для нас, котлов, отвратительно». Во имя абстрактного добра вы, прикрываясь зачастую божьим промыслом или заботой о других, совершаете порой чудовищные вещи, уничтожая не только себе подобных, но и всё живое на планете. Ваше «добро» чаще всего не только невыгодно или неудобно другим существам, но и губительно для них. И откуда вам известно о том, какова должна быть целостность вашего объекта заботы?

Я: Ты, как всегда, склонен к преувеличениям. Но, кажется, я понял твою основную мысль. Ты сейчас развиваешь идею относительности добра, свойственную моральному или этическому релятивизму. Для тебя не существует единого критерия нравственности. Поэтому тебе безразличен категорический императив И. Канта или экологический императив Н.Н. Моисеева. Тебе вообще чужды любые ограничения, налагаемые на твою деятельность.

Кузя: Не стоит, мой друг, навешивать на меня ярлыки. Ограничения налагаю не я, а природа, в т.ч. моя собственная. Я лишь веду себя в соответствии с её законами, используя в экстремальных ситуациях принцип самоограничения, согласно которому не стоит развивать бурную деятельность, наносящую ущерб окружающей среде, или претендовать на то, что тебе не по силам. Как сказал герой фильма «Пять тысяч»: «Жизнь – это сдержанность». Да и не ты ли мне говорил, что к числу добродетелей человека относится умеренность во всём (в пище и других удовольствиях). Так кто же из нас экологист и сторонник экологического императива? Ты или я?

Я: Ты лучше, спору нет. Очевидно, что мы с тобой разошлись в понимании добра. Но значит ли это, что у нас разные представления о путях делания добра? Ведь каждый из нас по своему заботится о мире и других, рассматривая их в целостности. Но я это делаю, опираясь на Культуру, а ты – на свою Природу, которую понимаешь весьма специфическим образом (как сосредоточие естественности и естественного образа жизни). Культура же для тебя – мир искусственного. Из этого следует, что различия между нами можно охарактеризовать как противоречие между Культурой и Природой, которые порождают разные целостности (культурную и природную).

Пути к добру, которые мы выбираем или не выбираем

Кузя: Следуя твоей логике, нужно непременно добавить, что пути господни неисповедимы. Культура – лишь средство или способ достижения целостности субъектов и объектов заботы. Но откуда вам, людям, знать, как делать добро, если многие из вас во всём полагаются на Бога, а некоторые, особо одарённые, ищут и часто находят (было бы желание) свой вариант категорического императива? И кто тебе сказал, что вы сами выбираете пути к добру? Ведь ваш выбор заранее предопределён (Культурой или Богом).

Я: Возможно и так. Думаю, что какого-то одного пути к добру не существует. Даже у отдельного человека их может быть несколько. Есть путь к освоению и преобразованию мира, когда мы пытаемся совершить в нём нечто важное и значимое («дело жизни»). Имеется также путь, обращенный непосредственно к другим людям, и заключающийся в том, чтобы соответствовать высоким идеалам, в т.ч. участвовать в жизни общества, создавать и укреплять семью, воспитывать детей, помогать другим людям, совершать другие добрые

дела. Всё это – разные способы заботы о мире как целостности наиболее высокого порядка.

Первый путь можно условно назвать *созиданием*, а второй – *служением*. При этом они не отделены друг от друга пропастью, а выступают часто в разных комбинациях (например, как «служебное созидание» или «созидательное служение»). Но есть и третий, трансперсональный путь (трансперсональность здесь понимается как установка на «между-бытие»). Я его называю *взаимопроникновением*, которое начинается с установления элементарного взаимопонимания между людьми. В идеале мы все духовно связаны друг с другом, «прорастаем» внутрь других душами, приобщаясь к чему-то большему, чем каждый из нас, взятый в отдельности (например, к Богу, системе ценностей). Вместе с тем мы образуем новую целостность, пусть даже и дифференцированную. Этот путь символизирует собой союз индивидуальностей или собрание родственных душ. Высшие проявления трансперсональности – любовь и дружба.

Итак, существует, на мой взгляд, три главных пути к добру. И у каждого из них имеются свои критерии сохранения и развития целостности субъекта и объекта заботы: успех и значимые достижения в созидании, признание и благодарность – в служении, взаимопонимание и любовь – во взаимопроникновении. Но есть также общий или интегративный критерий добродетели – гармонизация всех сторон бытия, которая на субъективном уровне выражается в счастье. Мало быть успешным, признанным, «понятым» и даже любимым или любящим. Нужно быть ещё счастливым. Добро – это когда окружающие тебя люди становятся счастливыми. С этой точки зрения, счастье и есть состояние целостности всех сторон или граней бытия человека.

Кузя: Вот ты и пришёл к тому же выводу, что и я. Только для меня счастье связано с удобством или комфортом жизни. И не стоит приклеивать мне ярлык певца обывательской философии. Что плохого в том, чтобы жить хорошо, в комфорте и быть при этом счастливым, т.е. целостным субъектом деятельности? Неужели для делания добра нужно обязательно идти на какие-то жертвы, в т.ч. терять свою целостность ради достижения целостности абстрактного характера?

Я: А счастье является лишь одним из проявлений гармонии с миром и самим собой. Заботиться о другом – не всегда приятное занятие. И путь к добру не бывает лёгким или комфортным. Это свя-

зано зачастую с самопожертвованием. Недавно я посмотрел сериал «Крёстный», в котором изображаются напряженные будни военного медика, доктора Алёхина, который оказался на службе во время военного конфликта на границе Сербии и Косово, принимая роды у сербских женщин и спасая их детей. За свою самоотверженную работу он получил прозвища «крёстного» и «золотой руки». Часто ему приходилось рисковать своей жизнью и проводить операции под огнём албанских боевиков.

Получив ранение и потеряв свою любимую женщину, которая закрыла его от пули албанского снайпера, он не выдерживает трагедии и возвращается в Россию, где испытания продолжаются, и снова за творимое им добро (спасение жизней больных) ему приходится расплачиваться безопасностью своих близких и друзей. Что это, как не созидание и служение в жизни конкретного человека? Был ли доктор Алёхин счастливым? Конечно же, был. Он реализовал себя в профессии врача, получая признание больных, и у него была любимая женщина, несмотря на то, что его счастье оказалось коротким. А это и есть гармония, которая означает достижение баланса между потерями и обретениями. А выбирает всегда сам человек.

Кузя: Ну с этим я готов поспорить. Какая же это гармония, если приходится терять свою целостность и потерь намного больше, чем приобретений. Потерять любимого человека, получить ранение, рисковать семьей и быть всё время на волоске от смерти – это не очень-то гармонично и слишком уж далеко от представлений о целостности своей жизни, а значит – от счастья. Неужели он сам всё это выбирал? Скорее всего, это – добро «вопреки», а не «за». В безвыходных ситуациях выбора как раз не бывает: либо ты, либо тебя.

Я: Да, иногда для того, чтобы сохранить целостность субъекта и объекта заботы, необходимо жертвовать частью своей индивидуальной целостности. Таков приоритет делателя добра.

Кузя: Ну это не в моём духе. А ветеринаров я не люблю. От них неприятно пахнет и веет за версту опасностью.

Я: Ты вспомнил наши походы в ветеринарную клинику? Но ведь ветеринары были вынуждены делать тебе больно, чтобы излечить болезнь. Тогда у нас не было выбора. Иногда без страданий и ощущения боли нельзя стать здоровым и счастливым. Или ты относишься к тем редким существам, которые считают, что счастье – это когда ничего не болит?

Кузя: Именно так размышлял Эпикур, полагая, что счастье состоит в избегании страданий и боли. Добро, которое приносит боль и физические страдания, лишая тебя целостности, меня не привлекает. И я не хочу его выбирать. Ты сам как-то признался мне, что боишься посещения стоматолога и настраиваешься психологически за несколько дней до приёма врача.

Я: Друг мой любезный! Но если бы я тебя однажды не отвёз в клинику на операцию, то у нас не было сегодняшнего разговора. И тогда не пришлось бы говорить о твоей целостности.

Кузя: Это лишь подтверждает мой тезис о том, что, делая добро, мы не всегда выбираем. И счастье зависит во многом от внешних обстоятельств, в т.ч. от состояния здоровья.

Я: Наверное, счастье многолико. И я счастлив тому, что ты сейчас сидишь рядом со мной и иронически рассуждаешь о смысле добра, подёргивая кончиком хвоста. Да, ветеринары делают свою работу за деньги, но они это делают по-разному и очень часто с искренней заботой о вас, наших братьях меньших. Но ведь и им надо как-то обеспечивать себя и покупать лекарства для вас.

Кузя: Согласен с тем, что они помогают нам, хотя и не совсем безвозмездно. Я вовсе не отрицаю пользу от их труда. Но давай закроем тему о ветврачах, так как это не укладывается в мои представления о добре как об удобном и комфортном обращении с другими существами.

Я: Неужели только в избегании боли и физических страданий ты видишь путь к добру?

Кузя: Конечно же, нет. Это так, к слову. Как и ты, я вижу для себя несколько путей, и каждый из них предполагает своё представление о целостности субъекта и объекта заботы. Например, делать добро означает вызывать приятные эмоции и тактильные ощущения у себя и своих собеседников, в т.ч. чувства умиления и удовлетворения (эмоциональное добро). Это раз. А ещё можно служить источником творческого вдохновения для своего друга (интеллектуальное добро) и побуждать его к благородным поступкам (социальное добро). Это два и три.

Но главный путь к добру лежит через достижение личного благополучия. Ты называешь это «заботой о себе». Каждое разумное существо достойно быть счастливым, т.е. целостным по-своему. Добро нужно для начала направить на себя, чтобы укрепить свою

целостность. И в этом заключается его экзистенциальный смысл и, если хочешь, выбор. Ещё можно добавить к этому удовлетворение потребностей людей в заботе о других существах (в т.ч. о нас, котях), которые тем самым дополняют твою целостность. Иногда их хлебом не корми, лишь бы была возможность за кем-то поухаживать. Наверное, это также можно отнести к социальному добру. На протяжении всей нашей коэволюции с людьми мы непрерывно занимаемся их перевоспитанием и «осчастлививанием», т.е. по-своему заботимся о них и их целостности. Ну разве это не служение в твоём понимании? В конце концов, это – наш взаимный выбор. Вам хочется заботиться о нас (мы ведь такие беззащитные!), а мы, предоставляя вам такую возможность, проявляем тем самым заботу о вас.

Я: Может быть, вы ещё и «очеловечиваете» нас? А как же быть тогда с созиданием?

Кузя: Да, мы не учили вас прямохождению и другим аномальным вещам. Но у нас есть своё представление о вашей целостности, которую вы от века к веку продолжаете утрачивать. И, в отличие от вас, мы не преобразуем предметно-материальный мир, а пользуемся дарами природы и тем, что вы нам добровольно предоставляете. Зато мы многое восполняем своей трансперсональностью, в т.ч. способностью предугадывать ваши мысли и намерения, а также подстраиваться под ваше настроение. К тому же, кто, как не мы, вдохновляет вас на трудовые подвиги. Трансперсональность и есть интуиция целостности с теми, кто нас окружает.

В общем, мы делаем вашу жизнь лучше и эмоционально насыщенные практически по всем заявленным тобой направлениям (творчество, общение, взаимопонимание). Вот и получается, что наша жизнь наполнена добром, а сами мы излучаем счастье, способствуя вашему психологическому (и не только) выздоровлению и нравственному совершенствованию. И никто нас не заставляет. Это наш добровольный выбор.

Я: Спасибо, Кузя, что считаешь нас столь несовершенными и к тому же нецелостными существами, нуждающимися в вашей психологической (и не только) поддержке. Благодаря этому мы дополняем себя другими. А что касается выбора, то его нет и у вас, котиков. Вы – самые обыкновенные приспособленцы.

Кузя: Не стоит благодарностей. Могу лишь добавить, что твои «три пути к добру» (созидание, служение и взаимопонимание)

нисколько не противоречат моим четырём путям (эмоциональному, интеллектуальному, социальному и экзистенциальному). Только вот моя картина движения к добру как к удержанию индивидуальной целостности иная, чем твоя. Твои пути предполагают обращение к внешним, потусторонним критериям оценки добрых дел и поступков, а мои – преимущественно к «внутренним», в т.ч. экзистенциальным. Ты ищешь источник добрых дел на небе (в Боге) и в сохранении целостности других, а я в самом существе, которое делает добро, прежде всего, для того, чтобы и ему самому было хорошо. Для тебя пути Господни к добру неисповедимы, а для меня они вполне реальные и зримые. Поэтому я знаю, для чего или для кого я делаю добро, а ты нет. Твоё добро не имеет конкретного адресата (объекта заботы), кроме абстрактных ценностей и чувства долга, а моё адресовано вполне реальным существам и в первую очередь – мне самому. Так кто же из нас выбирает – ты или я? И кто из нас приспособливается, вытесняя собственные желания на второй план?

О границах делания добра. Немного о личном...

Я: Увы, ты выбираешь не служение, а себя и своё личное благополучие. Другие – лишь дополнение к тебе. И можешь здесь сколько угодно развивать древнюю, как мир, концепцию разумного эгоизма. В этом нет ничего нового для меня. Только доброделание, с моей точки зрения, имеет, как минимум, два источника – небесный и земной. Человек творит добро от имени Господа и по своему собственному разумению. У него есть своё представление о духовно-нравственной целостности как основе делания добра. Кто-то считает, что нельзя помогать другому, если тот сам не попросит о помощи. А кто-то готов бросаться на выручку любому, кто попал, с его точки зрения, в беду.

Кузя, какой же из вариантов ты считаешь для себя допустимым, исходя из собственного понимания добра?

Кузя: Поскольку доброделание для меня есть создание удобной и комфортной для жизни среды существования, то я предпочитаю воздерживаться от любых действий, которые нарушают мою гармонию в отношениях с окружающими. Именно в этом смысле я являюсь большим экологом, чем ты. Ты же, несмотря на свои эконофские интенции, наделён способностью создавать на пустом месте проблемы не только для других, но и для самого себя.

В этом смысле тебя никак нельзя назвать экологическим и добродетельным человеком, несмотря на твою заботу об уличных животных и отдельных людях. Не так уж важно, что ты думаешь о себе и своих поступках. Важно то, как ты поступаешь и какое впечатление производишь на окружающих. Очень часто твои намерения остаются неизвестными другим людям. Они их не считают с твоей поведенческой карты. А считают совсем другое. Поэтому добрыми намерениями, как у вас говорят, устлана дорога туда в ... (ну, знаешь, куда).

Я: Ещё раз благодарю тебя за заботу обо мне. Значит, по твоему мнению, мы, люди, не располагаем потенциалом к доброделанию?

Кузя: Почему же? Располагаете. Если же речь о тебе, то ты силен в созидании (умножении дел и проектов) и немного в служении (помощи другим людям, которые, правда, не всегда тебя о ней просят), а вот над своей способностью к трансперсональному общению (взаимопроникновению) тебе придётся ещё серьёзно поработать. Пока ты больше теоретик, чем практик. Но это не только твоя проблема. Я уже говорил о том, что многие из гуманитариев в практическом плане – мастера в переделывании уже сделанного и в совершенствовании уже совершённого.

Я: Звучит опять же как диагноз. Но и тебе есть к чему стремиться. На мой взгляд, ты ведёшь в значительной мере приспособленческий и паразитический образ жизни, предпочитая спекулировать на чужих слабостях. Твоё же представление о добре и вовсе выдаёт в тебе эгоистическую самость, привыкшую из всего извлекать выгоду для себя.

Кузя: Но ведь и твоё понимание добра делает тебя заложником «высших» или трансцендентных ценностей, о которых ты чаще всего имеешь лишь самое смутное представление. Ты гонишься за мнимой целостностью с теми, кому помогаешь. Вот только они не всегда готовы образовать с тобой целостность.

Я: Хочу ещё раз повторить, что доброделание располагается между двумя полюсами: (1) «Небом» как трансцендентным, т.е. находящимся за пределами возможного опыта добродетельца (например, божественные заповеди) и (2) «Землёй», имманентным, т.е. свойственным его самости (например, стремление к получению вознаграждения за содеянное – благодарности, признания и пр.). Экологический подход как раз и состоит в том, чтобы привести в сбалансированное состояние отношения между Небом и Землей, между целостностью трансцендентного порядка и целостностью экзистенции. С одной стороны, мы должны приводить свои дей-

ствия по заботе о мире в соответствии с высшими ценностями, а, с другой, мы оказываемся в ответе за тех, о ком заботимся.

Таким образом, доброделание есть деятельная и бескорыстная забота о мире и ближних ради восстановления (воссоздания) утраченной целостности, представления о которой всегда культурно опосредованы и экзистенциально обоснованы. Человек, делающий добро, заполняет брешь, образовавшуюся в жизненном мире другого, нуждающегося в помощи. И иного пути, кроме как поделиться своей целостностью, у него нет.

Кузя: Вот именно – нуждающегося, а не того, кого вы, люди, чаще всего назначаете объектом своей заботы. Ты мне как-то рассказывал о собаке Дике, которого подобрали добрые люди на улице. Теперь он живет в твоём садовом товариществе, его все знают и подкармливают. Ты даже размышлял о том, чтобы взять его домой. Но потом оставил эту мысль, посчитав, что на свободе ему будет лучше. Теперь твоя целостность с ним ограничивается ежедневными прогулками.

Но на твоём месте я бы всё-таки не спешил с окончательными трактовками. У делания добра, как бы его ни понимали, не может быть границ, определяемых «сверху» (с небес) или «снизу» (с земли) или одновременно с обеих страниц. Однако нет бескорыстной помощи, есть лишь нераскрытые намерения. К тому же, добродетель за частую ведёт себя так, как будто бы весь мир кричит и просит его о помощи. И ещё он убеждает себя и других, что его помощь совершенно необходима. А мир имеет обыкновение молчать, не отвлекаясь на посторонние призывы.

Ты утверждаешь, что добро неразделимо. У него, как и у медали, имеется две стороны. Для меня это – тот, кто получает помощь, считывая корыстные намерения дающего, и тот, кто её предоставляет, получая материальную или моральную выгоду. И я не уверен, что установка получателя добра чем-то принципиально отличается в нравственном плане от установки давателя добра. Оба участвуют в совершении добра, и каждый получает свою выгоду.

Я: Да, добро предполагает достижение целостности, как минимум, двух существ – субъекта и объекта заботы. А значит, твоя целостность невозможна без того, кому ты помогаешь, и кто помогает тебе стать лучше. Но это уже целостность иного порядка.

Тебя послушать, так может сложиться впечатление, что весь мир погряз в корысти и представляет собой лишь одну большую

сделку. Если добро есть сделка между дающим и берущим, то как же быть тогда с универсальной гармонией, к которой стремятся все живые существа?

Кузя: Да и гармонии по большому счету тоже нет. Есть лишь одна иллюзия, за которой скрываются жажда самоутверждения дающего и склонность к самоуничтожению получателя добра. С этой точки зрения, доброделание становится не чем иным, как обменом услугами.

Заключение

Я: Но я не хотел бы, Кузя, заканчивать наш разговор на такой минорной ноте. Гармония и есть целостность нового порядка, образуемая дающим и берущим (субъектом и объектом заботы). Истинное добро, с моей точки зрения, предполагает добровольную и бескорыстную заботу об окружающем мире и ближних. И в нём отсутствует даже намёк на какую-то выгоду.

Кузя: Конечно же. Только вы, люди, действуете чаще всего не бескорыстно. Ведь о ваших добрых поступках обязательно должны знать другие люди. Да и вашего вспоможения, как вы полагаете, опять же на всех не хватит. Этим и отличаются, как правило, ваши намерения от поступков. Стремление к сохранению целостности объекта заботы ещё не гарантирует её практического воплощения.

Напротив, мы, коты, ведём себя вполне искренне. Мы помогаем лишь тем, кто нам нравится, и тогда, когда сами этого захотим. Ты мне сам недавно рассказывал, что рыжий кот Яша, живущий в сторожке садового товарищества, привёл на кормление маленького котёнка – точную копию самого себя. Ты ещё удивлялся такому проявлению отеческих чувств у обыкновенного кота. Мол, нас котов трудно заподозрить в отцовском инстинкте.

Ну скажи мне, что это тогда, как не делание добра? Иначе как объяснить то, почему Яша выбрал из всего приплода именно рыжего котёнка, образовав с ним тем самым новую целостность. Наверное, ему захотелось сделать приятное этому маленькому существу. Просто так, для себя. Ведь его никто об этом не просил. Доброделание – это движение души к чему-то хорошему и настоящему. Ты же сам сказал, что совершающий добро стремится стать лучше и совершеннее. Он порождает целостность более высокого порядка. И в этом как раз и состоит его личная выгода.

Я: Значит, по твоему в делании добра присутствует выгода, в т.ч. в стремлении стать лучше, совершеннее? Но почему обязательно это надо называть выгодой?

Кузя: Если делать добро будет выгодно (в первую очередь для себя), то почему бы и нет. Тогда я за такую гармонию.

Я: Опять ты о своём. Всё-таки следует различать форму и содержание доброделания. Содержательная суть добра состоит в созидании или служении другим, в участии в их судьбе и готовности им помочь. А форма участия может быть разной.

Кузя: А по мне, так отдавать всего себя, т.е. делиться своей целостностью, не стоит никому (или ничему) и ни при каких обстоятельствах. Себя нужно беречь и лелеять, не растрачивая по пустякам. Если ты, например, надорвёшься в своём рвении делать добро и потеряешь здоровье, то уже не сможешь стать счастливым, а тем самым осчастливить других.

Я: Какой же ты, Кузя, всё-таки себялюб. Или тебе просто удобно носить такую маску? Конечно, самопожертвование – не твой конёк. Но как ты собираешься создавать новую целостность, не делясь своей или не присоединяя её к целостности другого существа?

Впрочем, твоя ирония в сегодняшнем диалоге вполне простибельна. А вот будет ли она интересна нашим читателям, я не уверен. Ирония (особенно злая) и представления о добре – вещи несочетаемые. Поэтому не стоит их подавать на стол в одном блюде. Другое дело – самоирония в отношении делания тобой добра. Никогда не стоит обольщаться своей ролью в том, что ты делаешь для других и уж, тем более, называть это добром. Добро это или нет – скажут другие. А ты делай то, что должен и, как говорится, будь, что будет.

И ещё одно. Я согласен, Кузя, с тобой в том, что мы не всегда выбираем пути к добру. Гораздо чаще добро выбирает нас, если нам это оказывается по силам. А вот стремление к комфорту и личной выгоде не стоит рассматривать как предпосылку делания добра. Последнее предполагает собирание целостности посредством соединения в жизненном мире человека сил небесных и земных, и путь к нему лежит через бескорыстную заботу о ближнем окружении. Добро всегда делается по зову души, а путь к нему лежит через преодоление себя, в т.ч. самопожертвование.

26.11.2020 г.

3.3. Человек рго. Альтернативные версии «расширенного» или «дополненного» человека

Дорогие друзья! В названии современных гаджетов часто можно встретить приставку «рго», которая характеризует их более продвинутой и расширенную версию. Нечто подобное относится и к человеку. Нам не раз приходилось сталкиваться с разными наименованиями человека будущего. Кто и как только его не называет. Постчеловек. Человек-киборг. Технотронный человек. Ноосферный человек. Известны разные проекты «улучшения» человека, в т.ч. концепции теософии и антропокосмизма, трансгуманизма и др. Так, например, последняя настаивает на необходимости технического «усовершенствования» человека (искусственные органы, технологии генетического допинга, экзоскелеты, нейрокибернетические интерфейсы и пр.). Трансгуманисты не исключают изменение не только тела, но и сознания человека. В конце концов человек теряет свою антропологическую форму и перестаёт быть человеком в традиционном смысле, становится виртуальным существом. Заменой тела могут стать «полевые трансформации материи», которые будут контролироваться сознанием, и т.д. Да и сам человеческий мозг со временем перестанет быть органическим и получит новый носитель.

Технотронному походу противостоит не только ноосферизм, но и масса других теорий. Согласно ноосферной концепции, сознание человека будет развиваться в сторону расширения психологических возможностей вместе с укреплением биологической формы. Но принципиально антропологический облик не изменится. Но есть и другие позиции, о которых мы также поговорим. Нам бы хотелось с Кузей предложить версии «расширенного» или «дополненного» человека, альтернативные тем, которые упомянуты выше или будут рассмотрены на первом этапе обсуждения.

Данный диалог посвящен известному российскому философу Владимиру Александровичу Кутыреву, специалисту по философским проблемам познания, техники и экологии. Именно его философские труды и публицистические работы послужили толчком к настоящему диалогу. Однако не стоит ожидать от нас с Кузей панегириков в адрес многоуважаемого коллеги. Тому есть причины.

Вместо предисловия

Я: Кузя! Кому не хочется стать больше и сильнее, приобрести сверхспособности и покорить мир?

Кузя: Кому? Например, нам, котам. Мы и так довольны своим положением и не считаем нужным «улучшаться». Это вы с нами ставите эксперименты, делаете опыты, отправляете в Космос и пр. А мы не хотим технических или кибернетических новшеств.

Я: Но консерваторы имеются и среди людей, в т.ч. философов и антропологов. Многие из них критикуют трансгуманизм и прочие версии «усовершенствования» человека. Взять, к примеру, Владимира Александровича Кутырева. В телефонном разговоре он признался мне, что его называют основателем школы антропологического консерватизма. Полагаю, что вполне заслуженно. Недавно он выпустил новую книгу в соавторстве с коллегами [2]. Эпилогом к ней взяты слова А. Эйнштейна: «Стало чудовищно очевидно, что наши технологии превзошли нашу человечность». Красиво, ничего не скажешь.

Кузя: Да, ты зачитывал мне отрывки из этой книги. Но там есть и критический отзыв о твоей книге.

Я: Да. К сожалению, коллеги (прежде всего, В.А. Кутырев), не поняли или не захотели понять весь замысел моей книги. Слишком уж им застилает глаза собственный подход.

Кузя: И что же тебя так задело в их отзыве?

Я: Да вот, например, такая формулировка: «Книга Ю.М. Резника оценивается как не совсем удачная попытка преодоления этого кризиса (речь идёт о кризисе современной философской антропологии – Ю.Р.)... Наряду с множеством интересных подходов, в ней не учитывается, а иногда и просто нет понимания решающего влияния на человека результатов и перспектив современной технологической революции. Его “модель человека”, хотя и провозглашена с благими намерениями, по своей сути в превращенной форме воспроизводит тенденцию его превращения в киберорганическое существо и находится под влиянием трансгуманистической идеологии» [2, 13-14].

Интересно, где авторы увидели там трансгуманизм или хотя бы намёк на него? В конце книги, в приложении присутствует даже критика человеческой инженерии и технологий преобразования человека. Об этом я пишу и в ряде своих научных статей.

Кузя: Чего же добивались твои критики?

Я: По-видимому, им нужна была иллюстрация «загнивания» или «разложения» современной отечественной философской антропологии. Вот моя книга и попала им «под разбор». Искажения моей концепции идут на каждом шагу, причём со свойственным В.А. Кутыреву ироническим пафосом. Он посвящает критическому анализу книги целую статью, которая ранее была опубликована в журнале «Личность. Культура. Общество» с моего же собственного согласия [1]. По его мнению, я, в отличие от М. Эпштейна, предпочитаю заниматься конструированием более совершенного мира и соответствующего ему человека. Начало многообещающее.

Кузя: И что же ты хочешь ответить своему рецензенту?

Я: А может быть, ты попробуешь ответить на его претензии к моей книге?

Кузя: Но я ведь не автор и даже не соавтор книги? К тому же ты, конечно, не без моего влияния, серьезно изменился за эти годы и предложил дополнить «симфонию свободы», исполненную в монографии «Феноменология человека: бытие возможного» [3], «симфонией жизни» и экофилософским подходом. Если уж спорить с рецензентом, то надо спорить с твоих сегодняшних позиций.

В целом критика Кутырева, учитывая весь его пафос, доброжелательна. Он указывает на твои благие намерения. Но ими, как известно, выстлана дорога в ад. И он сетует на то, что в постмодернизме живого человека похоронили, а ты по-прежнему не замечаешь этого, продолжая восхвалять его «ради бытия». Но ты ведь и сам прекрасно знаешь об этой феноменологической иллюзии в понимании людей и их жизненного мира.

Доброжелательные возражения на обвинения «доброжелателей»

Я: Думаю, что проблемы саморазрушения человечества, о которых пишет В.А. Кутырев, реально существуют. И, возможно, мне не хватило его страстной убеждённости в технократической угрозе бытию человека. Но предмет моего исследования был в другом, а именно в том, чтобы вернуть человека себе, бытию-для-себя, побудить его заниматься самопроектированием, чтобы избежать контроля тоталитарных систем и институтов. А разве это не относится к критическому опыту осмысления онтологии человека?

Кузя: А может быть мы с тобой чего-то не понимаем? Нам хотят донести что-то очень важное. Видишь, как автор эмоционально говорит и переживает за человека. Ведь тот сгинет не ровен час, если его не защитить от всяких там супостатов, которые совсем изуродуют его природу. Скоро от него ничего не останется. Вот автор и использует для характеристики адептов технократизма термины «разоблачения», «клевета» и «поношения».

Я: У нас, Кузя, если послушать, так все – гуманисты, а пожалеть конкретного человека зачастую бывает некому. Но мы с тобой должны быть доброжелательны к своим недоброжелателям и «доброжелателям».

Кузя: А мне кажется, что рецензент относится к тебе в целом хорошо. Думаю, что многое он сказал в полемическом задоре. Надо же ему как-то передать всю свою боль по поводу того, что с происходит с нынешним человеком. И ты должен относиться к этому с пониманием.

Я: А как же саморефлексия и критический взгляд на собственные произведения? Неужели установка видеть только то, что хочешь увидеть, каждый раз побеждает?

Кузя: Дело не только в установке, но и в убеждённости в собственной правоте. Ведь и ты был убежден в своё время, когда считал, что онтопроектирование – это новое слово в феноменологии человека и конструирование более совершенного мира. Ты же это имел в виду?

Я: Что я имел в виду, то осталось в прошлом. Не хочу возвращаться к тому, что было и прошло. Кое-что я взял из книги с собой в дорогу, а что-то осталось в прошлом.

Кузя: Но ведь рецензент об этом не знал. Он исходит из твоего оригинального текста. Как у вас говорят, что написано пером, то не вырубишь и топором. А что ты хотел? В.А. Кутырев ещё в 1990-е гг. писал о борьбе естественного и искусственного. Он на дух не переносит всякое там конструирование или проектирование. А ты тут со своим гуманитарным проектированием подкатываешь. Вот и нарвался.

Я: Да, искусственное для него смерти подобно. Оно «не бытийствует до всякой мысли, как природа и всё естественное, не рождается, как мы, несчастные, продолжаем консервативно это делать, несмотря на возникновение и начавшееся господство техногенного искусственного мира» [2, 171-172]. И всё это автор называет Иным.

Но самое главное обвинение Кутырев приготовил в конце. «Конструкционизм и экзистенциальность несовместимы. Вот чем обобщается гуманитарное проектирование на самом деле, на фоне благих пожеланий о “свободе человеческой экзистенции” и в контексте рассуждений о преимуществах трансцендентально-феноменологической модели человека» [2, 172]. Далее он пугает читателей трансгуманизмом, в который, на его взгляд, неизбежно вырождается моя модель. Сознание человека похищается силами Иного, оно больше не воспроизводит его жизненный мир, а становится орудием саморазвития технонауки. И дальше в таком же духе.

Кузя: Я понимаю озабоченность В.А. Кутырева. По большому счету мне близки его взгляды. Вы со своими теориями «конструирования человека» и технологиями довели до отчаяния всех здравомыслящих исследователей.

Я: И ты туда же. Ну кто это «мы»? Зачем нас всех в одну кучу сваливать? Что-то много вас, обвинителей, объявилось. И никто не хочет разобраться.

Кузя: Да я с тобой, не обижайся. Мы же – не прогрессисты в отличие от некоторых. Зря Кутырев так увлекается критикой того, что на самом деле не противоречит его подходу, а лишь дополняет.

Я: Он предлагает «сдвинуть» мою проективную идеологию в сторону полионтизма, т.е. «признания множества миров и их коэволюции друг с другом» [2, 174]. Но разве мои сегодняшние публикации не об этом же? Так что, возможно, не всё для меня и моей концепции онтопроектирования потеряно.

Кузя: А почему бы тебе и впрямь не дополнить свою концепцию онтопроектирования полионтизмом или на худой случай – экологическим подходом, которым ты увлечен последние пять лет? Ведь в этом вы с рецензентом солидарны.

Я: Зачем? За меня это уже сделал В.А. Кутырев.

Кузя: Но он ведь не читал твой цикл статей по экологии жизненного мира человека?

Я: Здесь дело в другом. Каждый исследователь придумывает себе более или менее адекватное название своей концепции. Вот Кутырев, предчувствуя апокалипсис человечества, называет себя сторонником антропоконсерватизма и предлагает жить в логике сопротивления технотронному воздействию или, как он его называет, – технобесию.

Кузя: Но ведь и ты придерживаешься подобной логики, призывая к защите жизненного мира от технократического произвола. Вот и выходит, что вы работаете в одном направлении, хотя и говорите на разных языках.

Я: Давай перейдем к другим сюжетам и оставим в стороне не столько не понятый, сколько не принятый рецензентом текст. Если тебя не зовут в союзники, то лучше всего постараться не стать противником. А у нас с Владимиром Александровичем очень много общего и давние взаимные симпатии.

Мне интересны, прежде всего, такие версии человека рго, которые, сохраняя жизненный мир, расширяют вместе с тем его возможности. При этом я предлагаю руководствоваться в диалоге следующими критериями: (1) сохранение жизни и витальной энергии как таковых; (2) укрепление потенциала выживаемости человека как homo sapiens; (3) умножение и развитие его творческих способностей.

Кузины версии человека будущего

Кузя: Хорошо. Давай обсудим другие версии человека рго с учётом предложенных тобой критериев.

Я: Вот В.А. Кутырев полагает, что человеку «развиваться надо для того, чтобы быть» [2, 21]. Согласен с ним. Уж точно не для того, чтобы иметь. С его точки зрения, мир перестал совпадать с нашим домом [2, 24]. С этим также трудно не согласиться. Далее следует утверждение: «Развитие не самоцель, а то, что должно служить Бытию, а не становлению Иного» [2, 21]. И вот здесь мои взгляды с Кутырёвым расходятся. Иное он понимает как угрозу существованию человека (мракобесие), а я – как надежду на его возрождение (жизнетворчество).

Кузя: Далось ему это Иное. К тому же мы с тобой много раз говорили о соотношении становления и развития. А для него становление связано исключительно с утверждением враждебного Иного, а развитие может быть устойчивым только при условии следования принципам коэволюции. Так пусть В.А. Кутырев продолжает «петь свою песню», а нам с тобой есть ещё что обсудить.

Я: Ну что ж, пожалуй, ты прав. Давай обсудим позитивные версии человека рго, а то, почитав Кутырева, хочется подальше бежать от всех этих технобесов. В некоторых его текстах нет никакой надежды на будущее. Всё изображается в мрачных тонах. Приводятся

уродливые лики технократической действительности, в т.ч. люди, поедающие тела друг друга и самих себя, мутанты, техноиды и робо-образные существа. Все они относятся к существам, роющим могилу живому человеку. Одним словом, к «выродкам».

Кузя: Но ведь и Кутырёв ищет выход, и находит его, как ему кажется, в теории коэволюции, признающей существование и самоценность всех наличных форм бытия.

Я: Пусть ищет, а мы пойдём своим путём, как говорил известный классик и вождь революции. А ты, Кузя, каким видишь человека рго? При этом нужно иметь в виду, что такой человек может обладать сверхспособностями, а может и вовсе не иметь их.

Кузя: По-разному. То вижу, то нет. Если отвлечься от того, что ты здесь уже наговорил, то меня не интересуют человеки-киборги и техноиды.

Я: И что ты можешь предложить, какую версию человека рго?
«Человек-паразит»

Кузя: Пожалуйста. Их у меня много. Версия № 1 – «Человек-паразит». Поскольку всё за человека в далеком будущем будет делать техника, то ему ничего не остаётся как воссесть на троне и пользоваться всем готовым. В данной ситуации ему придётся вести весьма паразитический образ жизни.

Я: Но кто-то же должен разрабатывать программное обеспечение и обслуживать сложные информационно-технические системы?

Кузя: Таких людей останутся единицы. И с каждой новой эпохой эти функции будут постепенно передаваться системам с искусственным интеллектом. В конце концов останутся огромные самопрограммируемые системы и небольшой антропологический парк из числа выживших людей.

Я: А захотят ли эти системы содержать никчёмных людей, тела которых умирают с каждым днём? О них же нужно заботиться. И кто им позволит вести праздный образ жизни, наслаждаться благами и получать плотские удовольствия в мире, где царят целесообразность и эффективность искусственных систем?

Кузя: Да, обычные люди рано или поздно вымрут, как и всё живое на планете. Но паразиты и паразитические формы жизни могут остаться в силу своей необыкновенной живучести. Ведь они выживают даже в открытом космосе. Не стоит сбрасывать это со счетов. Не сомневаюсь, выживет и человек-паразит, который приспособо-

бится к искусственным системам и образует с ними своеобразный симбиоз.

Я: И всё же я не вижу у этой версии человека определённой перспективы. Вряд ли он станет человеком pro. Человек-паразит, кроме условной выживаемости, не соответствует другим критериям человечности.

Кузя: Почему же? В чём-то соответствует. Ему ничего не остаётся, как заниматься «чистым» творчеством, сохраняя жизненную энергию и паразитируя на теле искусственных систем. Существуют же геобактерии, которые питаются ржавчиной и очищают сточные воды.

Я: Человек-бактерия – не очень привлекательный образ.

«Человек-плесень»

Кузя: Но если тебе нужна другая версия, то пожалуйста. Версия № 2 – «Человек-плесень». Это ещё более адаптивный и самотрансформирующийся образец.

Я: У тебя одна версия оказывается ничуть не лучше другой. Сначала ты уподобляешь человека паразиту, который образует симбиоз с искусственными телами, а затем какому-то грибку? Он что, по-твоему, должен размножаться спорами?

Кузя: Позволь, я тебе всё объясню. Плесень – один из самых живучих организмов во Вселенной. Споры плесени могут находиться в воздухе или в другой среде и существовать там миллионы лет до тех пор, пока не возникнут благоприятные условия для их прорастания. Представь себе, что в спорах заключен геном человека или сконцентрирован весь психологический и интеллектуальный опыт, накопленный за несколько тысячелетий его предками. Существа, подобные по своей природе плесени, могут жить вечно, многократно умножая свои возможности от поколения к поколению. Так, человек сможет путешествовать с одной планеты на другую планету или с галактики на галактику, пока не найдёт благоприятную для жизни среду обитания и не обретет свою прежнюю антропологическую форму. Разве такая перспектива не привлекательна для выживания человечества?

Я: Нисколько, хотя теоретически это возможно. Конечно, весь генетический материал человека можно вполне уложить в одну мельчайшую крупичку, напоминающую чем-то спору. Но я не вижу других привлекательных сторон у этой версии человека pro. Как-

то мерзко ощущать себя грибом, пусть даже потенциально обладающим сознанием. Кроме того, тебе тот же В.А. Кутырев возразит, заявив, что при этом мы теряем антропологический облик человека и ещё что-то очень важное.

Кузя: Может, тебе и ему для начала стоит раскрыть глаза, а лучше – развить воображение. Человек, способный в экстремальных для жизни условиях перевоплощаться в плесень, чтобы сохранить свою жизнь, разве это не – верх совершенства? При этом он не теряет свой биохимический состав, а напротив, преобразует его в другие белковые соединения и, в конце концов, возрождается, приобретая свой прежний антропологический облик, как и хочется Кутырёву.

Я: Мне трудно даже представить себе такой уровень научно-технического развития человечества, при котором такое станет реальностью. И всё же вопрос, останется ли в таком человеке-рго что-нибудь человеческое после длительного пребывания в анабиозе (грибковом состоянии), чрезвычайно актуален. Я понимаю, что ты посмотрелся всяких фильмов типа «Человек-амфибия», «Человек-невидимка», «Человек-волк», «Человек-паук», «Человек-муравей», «Железный человек» и пр. Но всё это лишь укрепляет позиции столь ненавистного В.А. Кутырёву трансгуманизма. С точки зрения последнего, технотронный человек хочет стать чем или кем угодно, лишь бы перестать быть живым человеком. Кстати, плесень чем-то напоминает мне «всемирную паутину». Она также разрастается при благоприятных условиях до невероятных размеров. А как нам сохранить человека с узнаваемым антропологическим обликом, умножив вместе с тем его творческие возможности?

Кузя: С каких это пор ты стал сторонником антропоконсерватизма В.А. Кутырёва? Кроме того, я не обещал тебе явить образ очередного сверхгероя или супермена. Ты сам задал критерий выживаемости человека как *homo sapiens* и ни слова не сказал о сохранении его антропологической формы. А разум может быть облечён в любую биологическую форму, лишь бы его жизнь продолжалась. Плесень можно стереть хоть в порошок, а жизнь в ней останется. Опять же, это соответствует столь любимому Кутырёвым принципу полионтизма. Главное, что мы сохраняем жизнь человека и его разум.

Я: Не знаю, как тебе, а мне далеко не безразлично, в какой органической форме будет сосредоточен мой разум. И мне совсем не

хочется быть паразитом в чужом теле или прорасти плесенью на безжизненной породе космических тел.

Кузя: Вы, люди, слишком привыкли к своему прежнему антропологическому облику. И держитесь за него, как пьяный за забор. Вас хлебом не корми, лишь бы место сохранить. Поэтому тело для вас – единственное место бытия сознания или духа. Надо мыслить шире и по возможности глубже.

Я: Что же ты предлагаешь в качестве третьей версии «расширенного» или «дополненного» человека? Может, она окажется более позитивной, чем предыдущие?

«Человек-облако»

Кузя: Пока ты приводишь свои слабые контраргументы, я предлагаю версию № 3 – «Человек-облако».

Я: Это что-то наподобие облака в интернете? Наверное, речь пойдёт далее о цифровом человеке?

Кузя: Нет, не торопись с выводами. Это – облако с физическими, а не только с виртуальными свойствами.

Я: Но что оно даёт принципиально нового бытию человека?

Кузя: Оно умножает его психофизические и иные возможности. Это что-то, похожее на сферу, в которой можно без риска для здоровья спускаться с гор, перемещаться между планетами и даже галактиками.

Я: Ты хочешь сказать, что человек приобретает это облако, чтобы путешествовать между мирами, не нанося ущерб своему организму?

Кузя: Именно так. Только он его не приобретает, а создаёт. К тому же, такое облако обеспечивает безопасность человеку, оставляя его организм невредимым.

Я: Но ведь с таким облаком можно путешествовать и во времени.

Кузя: Наверное, в отдалённом будущем это станет возможным. Но пока можно предположить, что облако увеличивает шансы человека совершать невероятные вещи. В самом облаке поддерживается нужный «температурный режим» и «состав воздуха». Поэтому в нём можно спускаться в глубины океана или подниматься на самую высокую горную вершину и даже отправлять в космические путешествия.

Я: Но ты снова даёшь повод В.А. Кутырёву упрекать нас в очередном трансгуманистическом проекте человека. Ведь такое облако – всего лишь техническое изобретение или результат примене-

ния новой технологии. Что изменяется в самом человеке, почему он становится рго?

Кузя: Ты меня не понял. Данное облако вообще не является технологией. Это – свойство самого человека окружать себя невидимой или, напротив, видимой сферой. Чтобы создать такое облако, человек должен изменить себя, сформировать способности к материализации своих интенций и желаний. Ведь все люди в той или иной степени одарены. Кто-то может обладать необычайными психоментальными качествами, а кто-то – физическими. Речь идёт о том, чтобы каждый человек проявил свои неординарные способности, создал своё «облако». Другими словами, такое облако есть образ необычного или экстраординарного в человеке или, другими словами, образ того, что ему досталось по наследству или того, что он смог развить в себе в ходе жизни. Я это (в отличие от уважаемого В.А. Кутырева) и называю Иным в человеке.

Дело в том, что при таком понимании мир человека – это он и его облако, или множество таких облаков, которые ему удалось создать или воссоздать на протяжении своей жизни. Но у него пока не получается интегрировать свою энергию в одно большое и энергетически ёмкое облако (объединенный творческий потенциал). Именно в этом я и вижу настоящий прорыв в развитии человека будущего, которого ты называешь человеком рго.

Я: Любопытно. А что неординарного, Кузя, в тебе?

Кузя: Например, то, что я могу читать твои мысли или угадывать желания.

Я: И какое же желание у меня сейчас?

Кузя: Ты хочешь продолжить наш разговор. Тебя явно заинтриговал мой образ «человека-облака».

Я: А почему всё-таки «облако»? Ведь в природе это – стихия, неподвластная человеку.

Кузя: Это не совсем так. Люди отчасти уже овладели технологиями управления климатом. Они даже могут разгонять дождевые облака. Но они пока не научились создавать собственные облака без участия технологий. А речь идёт как раз о том, чтобы это сделал сам человек, опираясь на собственный психофизический потенциал.

Я: Неужели ты думаешь, что человек способен окружать себя облаком, чтобы материализовать желания и проникать в неизве-

данные уголки Вселенной? Пока я не вижу практических перспектив для реализации такого прогноза.

Кузя: Полагаю, что да. Но нужно изменить траекторию эволюционного развития человечества и направить его усилия на самое себя, а не вовне. А перспективы появятся, как только мы обуздаем в себе технократического червя.

Я: Тогда в этой версии ты – явный сторонник В.А. Кутырева, который призывает оставить человеку его биологическую форму и жизненный мир, а также отказаться от уродующих их природу технологий.

Кузя: А я этого и не отрицаю. Но твой Кутырёв – консерватор, причём антропологический.

Я: А ты – кошачий консерватор?

Кузя: Избавь меня от этой терминологии. Я лишь предлагаю непонятную ему новацию, призывая людей измениться ради самих себя. Для этого им нужно попытаться создать собственные облака новых возможностей, используя свои сильные стороны и весь совокупный опыт человечества, в т.ч. и некоторые технологии.

Я: Значит ты – самый обыкновенный гуманист, а не какой-нибудь там трансгуманист.

Кузя: Скорее, не обыкновенный, а трансобыкновенный.

Я: Кузя, у тебя ещё что-то осталось в загашнике? Может, ты хочешь предложить человека-кота или на худой случай – человека-мотылька? Есть ещё экранизированный образ человека-тени (2017).

«Человек-звезда»

Кузя: С мотыльком, как и с тенью, разбирайся сам. Как-то ты мне уже рассказал о фильме «Человек-мотылёк» с Ричардом Гиром в главной роли (2002). А человек-кот – это для вас недостижимый идеал. Но у меня есть для тебя и читателей, в т.ч. для В.А. Кутырёва, ещё одна версия. № 4 – «Человек-звезда».

Я: Так и хочется при этом напеть: «Гори, гори, моя звезда». Потом известны ещё такие строки: «Я человек, а ты звезда». Как-то мне трудно представить себе образ человека-звезды. Хотя есть фильм с похожим названием – «Человек со звезды» (1984), по сценарию которого потом выпустили одноименный сериал (1986), а вот человека-звезду, если я не ошибаюсь, пока никому не удалось запечатлеть художественными средствами. Ты, Кузя, будешь первым.

Кузя: Мне не привыкать быть «первопроходимцем». Думаю, что у каждого человека с момента рождения внутри горит звезда. Потом она может со временем, конечно, потухнуть. Здесь важно научиться не просто поддерживать её огонь, но и зажигать другие звезды.

Я: А это мне тоже очень знакомо. Похожие слова есть у В.В. Маяковского, хотя сначала я, как и многие, ошибочно полагал, что это – строки из «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Вот они.

«Послушайте!

*Ведь, если звезды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно?*

Значит – кто-то хочет, чтобы они были?

Значит – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?».

Кстати, Владимир Маяковский написал стихотворение «Послушайте!» в 1921 г., а Антуан де Сент-Экзюпери стал работать над «Маленьким принцем» в 1940 г. И у Маяковского это звучит иначе: «Зачем звезды светятся, наверное, затем, чтобы каждый мог однажды найти свою».

Кузя: Не знаю, как Маяковский, а я имею в виду совсем другое. У людей их звезды («огни души») горят по-разному. Кто-то называет этот блеск аурой, объединяющей сознание и сердце. И, если звезда продолжает гореть, значит человек ещё жив и полон сил, а если потухла, то он уже умер, пусть даже не физически. В зависимости от силы и масштаба горения звёзды люди могут быть маленькими или большими. Люди выбирают друг друга по свету звезд или, говоря словами Сент-Экзюпери, ищут свою звезду. И находят, когда влюбляются или встречают настоящего друга. Разве не так?

Я: Так-то оно так. Но при чём здесь звезда? Всё это можно описать, не употребляя этого слова. Что ты этим хотел сказать? Потом, искать свою звезду, которая уже светится и влечёт к себе каким-то неведомым образом, и зажигать чужую звезду – это совершенно разные вещи.

Кузя: Я лишь хотел сказать, что образ человека-звезды мне понадобился для того, чтобы ты увидел другое измерение человеческой реальности. Как и обычная звезда, человек горит и испускает свет. В то же время его огонь можно использовать для зажигания потухших звёзд, вдыхая в них жизнь и энергию. Не для того ли существуют люди?

Я: Вот как у тебя получается. «Гори, гори твоя звезда». Гори сам и не давай потухнуть другим. Не уверен, что всё здесь выглядит так просто.

Кузя: Именно потому, что всё так до банальности просто, люди забывают или не хотят этому следовать в повседневной жизни. А ты хочешь услышать от меня какую-нибудь заумь или тешащий твоё самолюбие очередной котофизм?

Я: А почему ты считаешь, что человек-звезда есть человек рго?

Кузя: Потому что люди не осознали до сих пор, что их сообщество устроено подобно Вселенной. Существуют не только большие и малые звёзды, гиганты и карлики, различаемые по цвету, но и масса других – новые и сверхновые, одиночные и двойные, нейтронные и пульсары. С этой точки зрения, человеческий гений – это сверхновая или гиперновая звезда, а после её взрыва человеческая вселенная продолжает поглощать невероятное количество света и энергии на протяжении сотен и даже тысяч лет. Наряду с новыми звёздами в мире людей имеются и другие, маленькие или большие. Но сверхновая звезда «берёт» не только своей массой, но и силой притяжения.

Ты спрашиваешь меня, к чему эти аналогии звезд и людей. А к тому, что в жизни нужно учитывать масштаб звезды, которой располагает тот или иной человек. И относиться к последнему соответственно этому масштабу.

Я: Давай оставим в стороне вопрос о масштабе той или иной звезды и о том, кто больше и весомее в мире человеческих звёзд. Это вопрос иерархии, которую мы с тобой уже обсуждали. Ведь каждый человек не только заслуживает той звезды, которая ему дана с рождения и которую зажгли его родители не без участия Господа, но и той, которую он может в себе развить, чтобы стать «расширяющейся Вселенной» или, на нашем языке, – человеком рго. Та же сверхновая является результатом столкновения звёзд. А, значит, гением становится человек, в котором интегрировалась энергия великого множества других человеческих звёзд.

Кузя: Конечно, это так. Моё же возражение заключается лишь в том, что далеко не каждый человек способен стать сверхновой звездой. И дело здесь не только в опыте предыдущих поколений, который передаётся частично с генотипом и культурным кодом, но и в энергетической структуре звезды самого человека. Многим не

дано светить намного больше, чем они могут. Ведь у каждого есть свой предел, равно как и резерв горения.

Я: Так кого же ты считаешь в данной версии человеком рго?

Кузя: Того человека, который смог соединить в себе свет других звёзд таким образом, чтобы его собственная звезда засветилась ещё ярче, передавая свой свет другим людям и иным живым существам.

Я: Но ты же сам утверждаешь, что далеко не всё зависит от человека.

Кузя: Я лишь говорю о том, что каждому надо в полной мере использовать свой ресурс горения, но не допускать перерасхода звёздной энергии, чтобы не сгореть самому.

Я: Конечно. Но так можно не только сгореть, но и перегореть. Я лично знаю некоторых людей, которые «перегорели» на работе или в семейных отношениях. Значит ли это, что они перерасходовали свой ресурс?

Кузя: И да, и нет. Возможно, они горели, несколько не соотносясь с потенциалом своей звезды. У каждого человека имеется свой предел прочности, в т.ч. и в смысле горения. Кроме того, чтобы гореть самому, надо постоянно расходовать свою энергию и зажигать других, в первую очередь, близких людей. Мне кажется, что В.А. Кутырёву удалось зажечь многих людей, которые увидели в технотронной революции опасность для человечества.

Я: Хорошо, Кузя, но мы пока с тобой ещё не совсем потухли. И пусть Владимир Александрович не поминает нас лихом. А нам уже давно пора заканчивать диалог. Всю совокупность поднятых проблем обсудить всё равно не удастся. Успокаивает лишь то, что на звездной карте России остаётся ещё много философских звёзд, и от их горения во многом будет зависеть будущее нашей страны. Очень надеюсь, что их звёздный час впереди и мы, а не только наши потомки, успеем воспользоваться энергией их горения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кутырев В.А. О гуманитарном проектировании и новой модели человека (размышления над книгой Ю.М. Резника) // Личность. Культура. Общество. – 2017. – Том XIX. – Вып. 1-2 (№№ 93-94). – С. 243-251.
2. Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Человечество и Технос: философия коэволюции. – СПб.: Алетей, 2020. – 260 с.
3. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного. – М.: Канон+, 2017. – 632 с.

03.12.2020 г.

3.4. Ничто или Иное?

Дорогие друзья! Кузя меня не раз уже спрашивал о том, кто нас читает. Я ему обычно отвечаю, что в нашей группе в Фейсбуке всего 100 человек. Многие просматривают, но читают единицы. А кому-то мне удаётся переслать текст. Но у всех и так дел по горло и времени совсем не хватает, чтобы разбираться с нашими диалогами. Хорошо, что хотя бы ставят лайки. Наверное, фото Кузи нравятся.

Теперь продолжим обсуждение. Мы с Кузей давно начали разговор об Ином, и никак не можем его закончить. Суть его трудно передать словами. Лучше почитайте.

От Ничто к конкретно-сущему

Я: Кузя, а как так получается, что некоторые философы считают, что сущее возникает из ничто? Или почему мы, например, придумываем нечто, не имея конкретного опыта?

Кузя: Ничего мы такого не придумываем, чего уже нет в матрице, которую Платон называл миром чистых идей, а Андрей Пелипенко – запредельным или имплицитивным миром. Там уже содержатся потенции и интенции того, что мы, как нам кажется, придумали. Мы лишь даём импульс тому, что там содержится, разворачивая свёрнутые в нём имплицитивные пакеты (возможности).

Я: Да ты детерминист, батенька. Значит, по-твоему, Ничто существует? Но ведь это напрямую противоречит философским представлениям о нём. Ничто имеется лишь в понятии или в языке. У него нет сущности, а значит отсутствует и бытие.

Кузя: Если оно есть в вашем языке, то, следовательно, присутствует и в бытии, пусть даже в бытии вашего сознания. Другими словами, мы обозначаем термином «Ничто» лишь то, что предсуществует наличному бытию в потустороннем мире (или мирах), является иным по отношению к нему. А присваивая ему конкретное имя, мы делаем его явным, т.е. доступным и в нашем мире.

Так оно становится для нас реально существующим, переходит из состояния Ничто в Нечто. И всё это совершается благодаря тому, что кто-то или что-то страстно желает воплотить его в мире наличного бытия. Наши интенции приводят в движение скрытые потенции Ничто как запредельного мира. А чтобы вызвать Нечто из «небытия»

или бытия иного, необходимо изменить собственную структуру актуального бытия, т.е. произвести его реконструкцию, в результате чего происходит мощный энергетический выброс в сферу Ничто, наполняющий его смысловым и даже материальным содержанием.

Я: Но как мы узнаем о Ничто как предсуществовании, не имея на то прямых свидетельств или подсказок из опыта? У тебя получается, что оно (Ничто) уже существует где-то там (в мире идей), а, обращаясь к нему своим сознанием, мы приписываем ему сущностные черты и тем самым превращаем в Нечто. Выходит, что мы знаем о нём априори. Об этом, как известно, размышлял и И. Кант.

Кузя: Не знаю, как Кант, а для меня, повторяю, Ничто есть свёрнутое в запредельном мире предбытие, которое, благодаря нашему сознанию (интенциям) разворачивается далее в эмпирическом мире и лишь при условии, что мы этого очень хотим и способны его распаковать, сделав тем самым зримым и наглядным.

Однако на рациональном уровне мы не способны превратить Ничто в Нечто. Рациональному познанию отчасти поддаётся перевод Нечто в что-сущее. Постигание же Ничто интуитивно. Мы даже сами себе не можем объяснить, как это происходит. Это случается и всё. Нечто уже появляется из потока информации и обнаруживает себя как то, что при зримом восприятии предшествует обработанному алмазу. Огранка алмаза есть результат работы нашего сознания, превращающего Нечто в конкретно-сущее, которым мы можем любоваться, как и алмазом.

Я: Значит бытийная трансформация у тебя представляет логическую цепочку «Ничто – Нечто – Что-сущее – Конкретно-сущее»?

Кузя: Не совсем так. И причём не у меня, а у тебя (в книге «Феноменология человека. Бытие возможного»). Я лишь пытаюсь объяснить логику твоего подхода. Нам необходимо вычленить ещё кто-сущее или сущее-для-себя, которое конструирует Нечто. Именно таковым по своей природе выступает у тебя жизненный мир. Так что, с твоей точки зрения, недостаточно дать имя Нечто (как неявленному нам до конца сущему), сделать его тем самым конкретно-сущим. Надо ещё персонифицировать («присвоить») его. Поэтому что-сущее, прежде чем стать конкретно-сущим, должно быть присвоено кем-то, стать персонально-сущим. Вы, люди, видите мир таким, каким вы его видите, пропуская через фильтры своего субъективно-сущего. Вы помешаны на своей самости и всё пытаетесь сделать своим, т.е.

освоить или присвоить. Кроме того, вам необходимо везде присутствовать, чтобы удостоверить факт существования чего-либо для вас. Нечто связано не только с Ничто, но и с Кто-сущим.

Я: Ты снова заговорил цитатами из моей монографии «Феноменология человека».

Кузя: А толку-то, что ты написал эту книгу. Ты же её в своих размышлениях не используешь. Вот мне и приходится тебе время от времени напоминать. Ты предложил этот язык, а не я. А мне он совершенно чужд.

Я: Хорошо. А ты попробуй всё это сказать на своём языке.

Кузя: Не получится. В моём языке нет понятий «ничто», «нечто», «сущее» и др. Это вы, философы их придумали, чтобы морочить голову друг другу. Я слышал от тебя про эзопов язык, когда свои мысли маскируют иносказательными словами (аллегория, ирония, перифраз, аллюзия). Ваша философия и есть для меня сплошная аллегория. Мне приходится всё восстанавливать по крупицам, пересказывать вас и переводить на понятный язык.

Дело в том, что мы, коты, мыслим не понятиями, а образами. Мы также видим фон иного – свет или тьму. Поэтому ты мне воссоздай образ, тогда я тебе скажу, что думаю по этому поводу. В мире образов не существует Ничто как символа инобытия. Есть лишь одно мироздание как бытие, которое при ярком свете представляется потенциально живым, а во тьме – ничтожным, безмолвным и непроницаемым.

Я: Как же я тебе создам образ Ничто, если даже понятие о нём ты отвергаешь? Кроме того, ты различаешь образы мироздания в свете или во тьме, а это дано далеко не каждому человеку.

Мир образов. Свет и тьма

Кузя: Однако при желании каждый человек научается создавать образы и оперировать ими в повседневной жизни. Это дано, например, верующему человеку. Ведь светятся только силы добра, а силы зла во мраке не видны. Вот почему люди не замечают часто зло даже тогда, когда оно находится совсем рядом.

Я: И когда же ты начинаешь различать добро и зло – уже на стадии его пребывания в Ничто?

Кузя: Ну я же тебе говорил, что Ничто для меня как антитезы бытия не существует. Оно предстает как бытие во мраке, хотя

и его можно мыслить образами. Это – сгусток безликой, аморфной и прозрачной энергии, которая находится в теневой зоне мироздания. Цветовая гамма присуща и Нечто, хотя и в искаженном виде. Ведь оно (Нечто) может выдавать себя за другое, например, рядиться в одежды добра или излучать таинственный, едва различимый и в то же время интригующий свет. Нечто всегда манит человека своей загадочностью.

Я: А как ты тогда различаешь в нём светлое или тёмное?

Кузя: Я различаю их благодаря тому, кого ты называешь Некто. Так, человек как Некто маскирует свою духовную сущность, данную ему изначально от Бога (Первоестества), по-разному. Чтобы скрывать её в делах и поступках, нужно прилагать невероятные усилия и постоянно преодолевать трудности. При этом может возникать свечение.

Я: А что значит свечение? Ты имеешь в виду ауру человека?

Кузя: Причём тут аура? Свечение – это процесс, связанный с совершением благих и добрых поступков. Светится лишь та душа человека, которая наполнена силами добра. Так светятся ангелы небесные. Некто тоже может светиться, если он совершает добродетельное. Но даже в этом случае он стремится остаться неузнаваемым. Но чаще всего Некто мерцает, не проявляя свою истинную (добродетельную или иную) сущность.

Я: Вот и ты ударился в религиозную мистику. Так в этом заключается назначение Нечто или Некто – в свечении или мерцании?

Кузя: Я уже пытался мыслить на твоём языке, но у тебя всё заканчивается на персонально-сущем, т.е. на самости человека. Так, по-твоему, Нечто или Некто обретает конкретный вид, становится явным, как только оно присваивается человеком, «пропускается» через его «субъективно-сущее». В конечном счете, человек должен стремиться к бесконечному совершенствованию своей самости. А по мне Нечто, чтобы стать явным, должно проявиться вовне, стать видимым для других.

Но смысл свечения состоит, на мой взгляд, в другом – в том, чтобы обнаружить добрые дела и помогать людям становиться лучше и чище, отталкиваясь не от своей самости, а от законов мироздания. При этом ты сам можешь быть несовершенен. Совершенство же блестит или мерцает, а не светится. Оно лишь лакирует самость, возводя её на пьедестал. Тем самым человек, который у всех находится на виду как кто-бытие, внутри себя остаётся как

Некто. Или, говоря иначе, совершенство – это маска, которая издаёт мерцание, а потому может имитировать добродетель.

Я: Я же говорил тебе, Кузя, что ты – неисправимый моралист, а теперь ещё и религиозный мистик. У тебя всё светится и мерцает.

Кузя: Ничего подобного. Мне приходится говорить на твоём языке, чтобы быть понятым. Вот я и использую знакомые тебе слова – добро и зло, свет и тьма.

Я: А разве в мире котов всё обстоит по другому? И там нет места совершенству, имитирующему добро?

Кузя: Коты в своём большинстве излучают свет, который, подобно магниту, притягивает к себе людей. Кроме того, они завораживают их тембром своего мурлыканья.

Я: Да, они – само совершенство, а потому не светятся в твоей терминологии, а мерцают. Но это внешние признаки, а меня интересует ваша духовность. Значит ли это, что вы по-своему служите добру?

Кузя: Повторяю. Мы не размышляем в терминах добра или зла. Это – ваше «слишком человеческое». Мы мыслим иначе, улавливая идущую от вас положительную или отрицательную энергию. Мурлыканье же помогает произвести настройку вашей души на нужный лад. И при этом мы стараемся гасить отрицательное и усиливать положительное внутри вас.

Я: Но чем отличаются твои «положительное» и «отрицательное» от наших «добро» или «зло»?

Кузя: Положительное – это то, что способствует развитию жизни, её процветанию, а отрицательное само по себе несёт разрушение и, в конечном счёте, смерть.

Я: Мы снова возвращаемся к принципу благоговения перед жизнью Альберта Швейцера. Но ведь мир есть не что иное как круговорот жизни и смерти. Разве не так?

Кузя: Не совсем так. «Этика жизни» Швейцера, если выразиться на вашем языке, ближе к сути того, что мы понимаем под миром. Для нас последний есть утверждение жизни в её высших и лучших проявлениях. Смерть – это царство тьмы, из которого не всякая душа находит путь к свету. Ей нужно помочь обрести себя ещё при жизни. Вот почему ваш философ Н.Ф. Фёдоров ратовал за всеобщее воскрешение, которое он, к сожалению, понимал буквально, т.е. как обретение душой усопшего прежней телесной оболочки.

Однако спасение получает далеко не всякая душа. И для этого ей не обязательно возвращать своё тело. Свечением обладает лишь праведная (с точки зрения верующих людей) или природосообразная, «естественная» (в нашем понимании) душа.

Я: Хорошо. А в чем тогда состоит различие между праведной и природосообразной душами?

Кузя: Принципиального различия между ними нет. Смысл обеих заключается в том, чтобы продолжить существование после физической смерти и утраты телесности, соединиться с мировым духом, который люди называют Богом или царством небесным, а мы, коты, – Природой или Первоестеством.

О Первоестестве как альтернативе Ничто

Я: Тогда получается, что ваше Первоестество и есть тот источник, из которого рождается жизнь. Оно противостоит Ничто.

Кузя: Вот здесь твоя схема («Ничто – Нечто – Что-сущее – Сущее-для-себя») хромает. Потому что Первоестество предшествует как бытию (освещённой части мироздания), так и Ничто (его теневой части). Оно предшествует им обоим.

Я: Но ты же сам настаиваешь на примате бытия и утверждении жизни. Поэтому можно предположить, что твоё Первоестество есть источник жизни, а Ничто – предпосылка не только жизни, но и смерти.

Кузя: Скорее Первоестество – источник духовной энергии, который способствует жизни, поддерживая её природосообразный характер. Но оно же отсекает те формы жизни, которые противоречат его законам.

Я: А значит, выживает, а точнее – получает шанс на бессмертие, не сильнейший, как у Дарвина, а самый природосообразный, т.е. существующий в гармонии с Первоестеством? Впрочем, это – одно и то же.

Кузя: Как-то так. Но не то же самое. Для Первоестества все формы жизни равны. И для него жизнью обладают и предметы, не имеющие биологической формы (например, камень).

Я: Но как ты тогда объясняешь нынешнюю ситуацию с коронавирусом? Это что же получается, что твоё Первоестество «наслало» на нас пандемию, чтобы скорректировать ход нашей жизни и отсечь от неё не совсем естественные формы?

Кузя: Не знаю. Возможно и так. Ведь люди уже давно перешли границу допустимого как предельно-возможного. Они продолжают уродовать в буквальном смысле природу, в т.ч. свою собственную. Вот им и приходится платить столь дорогую плату за содеянное. Главное, чтобы те, кто останется в живых, сделали правильные выводы и стали жить в соответствии с естественными законами мироздания. Только так они смогут заслужить бессмертие своей души.

Я: И что же, за это им Первоестество дарует новую жизнь?

Кузя: Да. И даже после смерти они смогут вести духовное существование, если будут следовать в земной жизни этим законам.

Я: А что же их ожидает в случае нарушения естественных законов?

Кузя: Их ждёт аннигиляция. И они уже никогда не смогут сохранить свою самость, сотканную из духовных атомов, которые, как ты мне говорил, Лейбниц называл монадами. Ведь каждый человек ещё при жизни мечтает воплотить свою самость не только вовне (в потомках, делах и артефактах), но и «внутри», т.е. в самом духе. Переходя же в иной мир (другое измерение), он имеет шанс перенести или взять с собой свою духовную сущность. Смерть для верующего или природосообразного человека означает лишь переход из одного духовного состояния в другое, при котором сохраняется в целом комбинация духовных атомов (монад). Но только, в отличие от учения Лейбница, монады, будучи когда-то сотворёнными, после его смерти управляются Первоестеством. И от него зависит, продолжат ли они своё существование в ином мире, сохранив духовную структуру бытия.

Спасение человечества не может быть уделом одного человеческого существа. Оно возможно лишь как общее дело всех людей по воскрешению душ усопших и утверждению бессмертия в духовном плане. А это означает в моём понимании преодоление человеком аннигиляции сущего и рекомбинация духовных единиц в новых формообразованиях.

Я: Спасибо, Кузя, за столь поучительные пояснения. У меня остается много вопросов. Например, что такое Первоестество и чем оно отличается от Бога? В чём состоят естественные законы бытия? И некоторые другие. Но я предлагаю перенести обсуждение данной темы на следующий раз.

Кузя: Пожалуйста. Позволь мне теперь подвести краткий итог. Ты начал с констатации того, что Ничто не есть пустота или отсутствие бытия чего-либо вообще. В отличие от последнего, которое характеризуется определённой, Ничто ещё не стало чем-то конкретным и осязаемым. Ты называешь это предсуществованием, которое переходит в наличное бытие (бытие конкретно-сущего) благодаря интенциям тех, кто жаждет образовать из латентных структур Ничто новые комбинации духовных атомов (монад).

Я же предложил другой путь и попытался уйти от традиционного для человеческой философии противопоставления Ничто и бытия. Для этого нужно научиться мыслить целостными образами и представлять мироздание как в свете, так и во мраке. Тогда Ничто становится всего лишь Иным, т.е. невидимой, теневой стороной мироздания, отличной от его светлой и видимой стороны (бытия). Свечением же характеризуются силы добра или то, что я называю положительной энергией, т.е. энергией, утверждающей жизнь в её высших и природосообразных проявлениях.

Первоестество как источник положительной энергии, посредством которой рождается природосообразная жизнь, даёт всем живым существам шанс на бессмертие. Причём речь идёт, как и в ваших религиях, о бессмертии души, а не тела. И всё это становится возможным благодаря не столько индивидуальным усилиям того или иного существа по спасению своей души, сколько посредством общего дела (всеобщего воскрешения), о котором мечтал Н.Ф. Фёдоров. Духовное же воскрешение позволяет преодолеть процессы аннигиляции духовных атомов (монад) и вернуть из небытия ушедшие когда-либо души.

Я: Мне трудно себе представить, как можно вернуть из небытия тех, чьи души стёрты в духовной матрице Вселенной, которую мы называем запредельным или имплицативным миром. Но ты имеешь право заблуждаться.

Кузя: А ты продолжай пребывать в своих иллюзиях, полагая, что мир един и неделим, и что вы, люди, каждый в отдельности, а не все вместе, сможете найти дорогу в вечность.

Я: Вот и поговорили...

08.01.2021 г.

3.5. Человек как жертва. Ещё раз о том, зачем и ради чего стоит жертвовать

Вступление

Дорогие друзья! Многие ли из нас готовы сегодня жертвовать собой ради других или ради высоких идеалов? И что такое жертва в повседневных ситуациях? Жертвоприношение – известный культурно-исторический феномен, который описан в философии, антропологической науке и художественной литературе. Но какие жертвы приносим мы, самые обычные люди, живущие в XXI веке?

Кузя утверждает, что время жертвоприношений прошло. Люди стали больше ценить собственную жизнь и не подвергают её опасности без крайней необходимости. Более того, он настаивает на том, что жертва из сакральной стала во многом символической. Люди продолжают играть не только в игры, но и в жертвы. Более того, сама жертва (точнее – жертвоприношение) уже давно превратилось у них в увлекательную игру. Однако, на мой взгляд, играть жертву и быть ею в действительности – это совершенно разные вещи. Вот мы и попытаемся разобраться с Кузей, кто из нас прав в этот раз.

О жертве и её оправданности

Я: Кузя! Давай определимся для начала с понятием жертвы. Отвлекаясь от ритуалов жертвоприношения и других культурно-исторических феноменов, жертвой можно считать невосполнимую и не всегда оправданную потерю живого существа, погибшего или пострадавшего от какого-либо бедствия (например, пожара, землетрясения, криминальных или военных действий) или ради чего-либо (других людей, идеалов). Однако, бывает так, что субъект, оказывающий насилие, и сама жертва совпадают в одном лице.

Кузя: Жила-была жертва и вдруг стала хищником. Однако что-то я не слышал о жертве самоубийства или жертве в случае нанесения увечий самому себе. И я не понимаю, как жертва землетрясения может быть не оправдана. На то и стихийное бедствие, что оно не выбирает своих жертв и крушит всё подряд на своём пути.

Я: Дело в том, что у каждой жертвы есть своя иницилирующая сторона – процессы или действия, которые повлекли за собой трагическое событие или бедствие.

Кузя: Жертва сама не падает с неба подобно метеориту и не спускается с гор в виде лавины. Напротив, на каждое живое существо может свалиться беда. Ну как ты будешь обвинять вулкан Везувий в том, что он уничтожил когда-то десятки тысяч жизней жителей города Помпеи, превратив их в пепел? Может быть ты видишь в этом какой-то божественный промысел? Но не могли же боги так жестоко наказать людей за несправедную жизнь?

Я: А я настаиваю на том, что нельзя убрать из определения жертвы термины «оправданность» или «неоправданность». Все мы когда-то и чем-то жертвуем, иногда добровольно, т.е. оправданно. Жертва со стороны человека в известном смысле есть добровольный акт самоотречения во имя кого-то или чего-то. Кто-то жертвует собой ради высоких общественных идеалов, а кто-то делает это, защищая свою свободу, род (семью) или образ жизни. И у каждого существа имеется собственная причина или цена, которую оно готово заплатить за это, т.е. оправданность.

Кузя: Ищет жертва по сусекам, ищет, где же ей присесть. Вот и люди склонны видеть везде и во всём жертву. Она зачастую нужна им, чтобы оправдать своё бессилие перед силами природы или чьим-то произволом. На мой взгляд, нет такой цены, которую следует заплатить за собственную жизнь. Каждый из нас готов отдать всё, чтобы её сохранить. Вот это и есть настоящая жертва. Поэтому жертвовать надо не самой жизнью, а чем-то другим во имя неё. Иначе не останется того, чем придётся жертвовать.

Я: А какова твоя цена?

Кузя: Моя цена определяется тем, чем я готов жертвовать, чтобы отстоять свою свободу и сохранить привычный мне образ жизни.

Я: И чем же?

Кузя: Всем, кроме жизни.

Я: А почему? Ты так дорожишь своей жизнью, что ради этого готов отказаться от свободы?

Кузя: Жертвуют собой только потенциальные жертвы, т.е. люди, склонные к риску или потерявшие интерес к жизни. А жизнь – высшая ценность. Она дана нам свыше и мы не вправе сами себя лишать жизни.

Я: Ну тогда теряет смысл самопожертвование. А как же собаки, которые бросаются в огонь и в воду, чтобы спасти человека?

Кузя: Но собаку так тренировали. Вот она и действует не по своему усмотрению, а исходя из инстинкта или функционального предназначения (тренировочного навыка). Считается, что собаки в меньшей степени рефлексивны, чем коты. Они связывают свой мир с человеком, к которому надолго привязываются, разделяя с ним все тяготы и лишения. А мы, коты, живём своим умом и ценим свою жизнь превыше всего. Вы это называете разумным эгоизмом.

Я: Значит, не случайно Владимир Николаевич Шевченко считает тебя певцом обывательской философии и идеологом мещанства.

Кузя: А я бы спросил Владимира Николаевича в свою очередь: ради чего и чем он готов пожертвовать своей жизнью в сегодняшнее, относительно мирное время. Он ведь действует всегда предельно осторожно и осмотрительно. Что же касается ситуации, в которой коты могут принести свою жизнь в жертву, то она существует не только гипотетически. Мы можем погибнуть, отстаивая свою территорию в драке с другими котами или защищаясь от собак. Но это ситуация риска, исход которой не всегда зависит от нас. Также рискует жизнью кошка, спасающая своих котят. Сознательно же мы не готовы приносить в жертву собственную жизнь и стараемся избегать, как правило, экстремальных ситуаций.

Я: Даже в мирное время люди склонны жертвовать собой ради близких и чужих людей. Кто-то спасает утопающего, а кто-то защищает слабого. Мы не всегда выбираем, быть жертвовать собой ради чего-то/кого-то или нет.

Кузя: Выбор есть практически всегда, за исключением отдельных ситуаций. Но то, о чём ты говорил ранее, это – совсем другое. Вы, как и мы, поступаете так, потому что руководствуетесь родительским или родовым инстинктом. А ещё вы, в отличие от нас, руководствуетесь иллюзиями и мифами, в т.ч. мифом о дружбе. Настоящие друзья стремятся в первую очередь обезопасить себя и другого, не допустить риска потерять жизнь, а не бросаться в огонь и воду, зная заведомо, что ты не сможешь помочь.

Я: К примеру, я готов защищать тебя от разъярённой собаки даже в том случае, если мне будет грозить опасность.

Кузя: Чем бы дитя не тешило своё самолюбие. Потом, ты не учитываешь разницу в наших с тобой кондициях (размере и весе). Мне тебя защищать от собаки как-то несподручно. Но я могу защищать твой дом от других существ (например, мышей). Хотя тебе

известны также случаи, когда коты или кошки шипят на незваных гостей и даже набрасываются на них, защищая свою территорию и хозяина. Кто знает, может быть и я решусь когда-нибудь на что-нибудь подобное.

Я: Да, но в последнем случае хозяин рассматривается вами как часть вашего дома или территории. А ты, мой друг, ещё тот «бояка». От всех незнакомых тебе гостей прячешься, а знакомых приветчаешь, ласкаешься к ним. По-видимому, «шипилка» у тебя ещё не выросла.

Кузя: Хозяином становится лишь тот, кто контролирует ситуацию и не допускает ситуации с жертвой. Во всём остальном можно полагаться на своих невидимых помощников и защитников. Например, в фильме «Чародейка», о котором ты мне недавно рассказывал, защитник девочки-волшебницы выступает в образе кота Оскара. И этот кот готов пожертвовать собой, чтобы спасти её жизнь. Кстати, девочка не случайно спросила его: «Кто он – человек или кот?». И тот ответил: «Наверное, больше кот». Так что все мы только кажемся теми, за кого себя выдаем. А кто мы на самом деле, знают только наши ангелы-хранители. Получается, что об истинных намерениях других мы узнаем лишь тогда, когда они становятся ангелами.

Я: Кстати, размеры жертвующего тут совершенно ни при чём. Маленькие дети с храбрым сердцем тоже могут побеждать больших злодеев или крупных хищников. Я знаю примеры, когда мальчики выступали в защиту своих матерей, в т.ч. против отца-тирана или бандита с оружием. Неужели ты можешь это объяснить только сыновьим инстинктом?

Кузя: Кем себя вообразил, того и слепил (в своём воображении). Тебе известно, что любое насилие порождает ответное насилие. Мальчик, используя силу, всего лишь копирует поведение отца или взрослых мужчин, которые практикуют насилие. И имитируют при этом хищника или жертву. А вот кот, который сознательно готов пожертвовать собой ради спасения девочки, это – настоящий жертвователь.

Я: Не согласен с тобой. Разве физическая сила мальчика сопоставима с силой взрослого мужчины? А может быть, дело заключается в другом – силе его духа? Ведь у вас, котов, не принято защищать слабых, если, конечно, не иметь в виду кошки-матери или кота-защитника из сказки о волшебнице.

Кузя: Ты привёл примеры, относящиеся к близким людям – родственниками или друзьям. А многие ли из вас вступаются за чужих людей, которых, например, избивают на улице? Чаще всего вы проходите мимо. А в лучшем случае набираете телефонный номер полиции. Разве не так?

Я: Люди бывают разными. Я видел, например, как одна пожилая женщина вступилась за лежащего на земле молодого парня, которого избивали ногами пьяные мужчины. Так что не надо всех людей мерить одним аршином.

Кузя: И тебе не стоит мерить этим же аршином всех котов. Ведь и они бывают разными. Кто-то из них берет покровительство над слабыми или маленькими котами. Ты мне сам недавно рассказывал, что дачный кот Яша постоянно дерётся с котом Васькой. При этом он отстаивает не только свою территорию, но и безопасность всех кошек и котят, которые на ней проживают. А кто-то, как, например, кот Оскар, выступает в образе защитника конкретного, не совсем обычного человека. Именно такой кот спасает девочку-волшебницу, которая обнаружила в себе дар лесной ведьмы. В этом заключается его предназначение. И он делает это добровольно, по зову своего сердца.

Я: А вот кот Яша, в отличие от твоего волшебного кота Оскара, руководствуется, как и львы, инстинктом, защищая свой прайд.

Кузя: Это как посмотреть. А вы, люди, разве не влекомы инстинктами?

Я: Гораздо в меньшей степени.

Кузя: Это вам так хочется думать. При этом вы исходите из предубеждения, что коты относятся к более низкой расе, чем люди. И чем ваши расовые предрассудки лучше естественных инстинктов? Вообрази хотя бы на минуту себя котом и тебе станет проще жить.

Я: Давай ближе к сути. Чем же, на твой взгляд, добровольная или вынужденная жертва, обусловленная инстинктом или расовыми предрассудками, отличается от субъекта самопожертвования?

Кузя: Самопожертвование люди придумали для оправдания собственного безрассудства. В большинстве своём вы склонны к риску и авантюризму. Возможно, так вы подавляете в себе чувство вины перед соплеменниками. Но в любом случае акты самопожертвования, как и агрессии, сопровождаются выбросом адреналина в кровь. На мой взгляд, лучше спасти собственную жизнь, чем поте-

рять всё. И потом, надо всегда взвешивать свои психические и физические возможности, прежде чем идти на риск. Глупо человеку, не умеющему плавать, бросаться на помощь тонущему.

Я: А если тонет твой ребёнок?

Кузя: В этом случае, если ты, конечно, не волшебник, лучше позаботиться о подручных средствах или позвать на помощь.

Я: Иногда бывает поздно принимать взвешенное решение.

Кузя: Тогда твоё безрассудство погубит две жизни вместо одной. Ты не спасёшь своего ребёнка и потеряешь собственную жизнь.

Я: Ты говоришь об очевидном. А самопожертвование относится к неочевидным и нерациональным феноменам.

Кузя: Не надо путать людской вымысел с божьим промыслом. Или щеголять своими намерениями, выдавая их за настоящие поступки. Что же такого неочевидного в самопожертвовании, кроме готовности рисковать собой без достаточных на то оснований?

Я: Например, то, что заложено в пословице «Сам погибай, а товарища выручай» (Александр Суворов). Без этого качества не было бы товарищеской взаимовыручки не только в боевых ситуациях, но и в обычной жизни.

Кузя: Не стоит выдавать ослицу (ослиное остроумие) за послицу. Но у вас есть и другая пословица: «На друга надейся, а сам не плошай». Зачем же побуждать другого рисковать своей жизнью? Я понимаю ещё смысл таких пословиц, как: «Выручай товарища – и сам будешь цел» или «Выручай товарища в бою: ты спасёшь его жизнь, а он твою». Тут речь идёт об условиях выживания всей группы. Я тебе не раз говорил, что мы, коты, иногда сбиваемся в стаи, чтобы дать отпор общему противнику.

Я: Пора переходить к следующей теме нашего разговора. А то мы с тобой всё ходим вокруг, да около.

Кузя: Ничто не длится так долго, как обыкновенные банальности, придуманные людьми ради оправдания собственной глупости.

***Люди, которые играют в жертвы, и жертвы,
которые играют людьми***

Я: И всё-таки, Кузя, ты – больше кот, чем человек.

Кузя: Не у всякого кота есть походка моряка. Скорее всего, я просто необычный кот, который понимает вас, людей. Наблюдая за

вами, я уже давно пришёл к выводу, что жертвоприношение и жертвоутешение стали для вас в новом веке символическими играми. Когда вам это выгодно, вы перевоплощаетесь в жертвы. Причём это удобно всем – тем, кто изображает жертву, и тем, кто её утешает. Чего только стоят ваши игры в милосердие и благотворительность.

Я: Кузя, не будь таким циничным. Это тебе не подходит. Ты что же, отрицаешь факты бюрократического, террористического или обыкновенного бандитского произвола?

Кузя: Не стоит смешивать в одну кучу всё то, что не представляет собой ценность каждое по отдельности. Никто не отменял социальные стихии. Здесь никакая синергетика не поможет. Ты ещё вспомни о жертвах царского режима или эпохи рабовладельчества. Мы же говорим с тобой не о политических или военных жертвах (это очевидные факты), а о жертвах в повседневной жизни, которые присутствуют среди вас, людей.

Я: И в повседневной жизни бывают реальные жертвы (например, от различных преступлений, в т.ч. от семейного насилия, расовой и иной дискриминации, врачебной ошибки и пр.). Разве не так?

Кузя: Разве не как. Может быть так или этак, а ты, мой друг, опять попал впросак. С преступлениями более или менее всё понятно. В них есть преступники, преступившие закон, и пострадавшие (жертвы). Но я не уверен, правда, в том, что другие жертвы не являются плодом вашего (человеческого) воображения.

Я: Какие, например?

Кузя: Пожалуйста. К примеру, жертвы гендерной дискриминации, какими себя представляют воинствующие феминистки или представители так называемых сексуальных меньшинств.

Я: Кстати, теперь их требования включены в законодательство большинства западных стран.

Кузя: Не смеши мои усы. Тебе это не напоминает коллективное умопомешательство? Как ты мне говорил, уже сегодня в странах Запада признают 50 и более гендеров. А сколько их будет в отдалённом будущем? Словом, количество потенциальных жертв, как и гендеров, постоянно увеличивается. Вот только мне, коту, их совершенно не жаль. Ко мне это гендерное помешательство не имеет никакого отношения. Для меня это не жертвы, а самоубийцы.

Я: Да, в интернете можно найти список из 56 гендерных идентичностей. При этом речь не идёт о тех, кто совмещает в себе

признаки разных гендеров одновременно (андрогин) или проявляет гендерные признаки попеременно (гендерфлюид), или, наконец, о тех, кто отказывается от гендерной идентичности вообще (агендер). Но ведь и у вас, котов имеются разные идентичности. В англо-американском фильме-мюзикле «Кошки» (2019) говорится, что у каждого кота должно быть, как минимум, три имени: одно повседневное, второе – особое, для официальных случаев. А третье имя кот ещё должен заслужить, ведя себя подобающе и соблюдая кошачий этикет.

Кузя: Ты говоришь о том, о чём сам не ведаешь. Это всё равно, что призывать другого назвать то, чего ещё нет или никогда не было. Ну причём тут идентичность котов? Какое отношение это имеет к гендерам? Ты ещё скажи, что у каждого кота девять жизней или что-то в этом же роде. Другие идентичности, включая имена, мы сами выбираем, но только не пол. Он дан нам изначально и его никто нам не навязывал. Просто мы так устроены.

А вот вы, люди, ведёте себя так, словно сошли с ума. Теперь у вас особи, вообразившие себя жертвами гендерной или сексуальной дискриминации и находящиеся в абсолютном меньшинстве, устанавливают новые правила, диктуя их «нормальному» большинству. Потом они или им подобные извращают физическую, интеллектуальную и нравственную природу человека, что, собственно, уже и происходит. Вот это я и называю играми безумных, которые приведут, в конечном счете, к выхолащиванию сути человека, а затем и к уничтожению его самого как вида. Теперь уже очевидно, кто станет последней жертвой коллективного безумия. Вы этого хотите? Может быть, пора остановить этот опасный вирус, который распространяется бывшими жертвами выдуманного насилия и теперешними палачами быстрее, чем коронавируса?

Мне просто вас жаль. Вы – вымирающий вид.

Я: Что же ты предлагаешь? Уничтожать или изгонять из общества всех иных или непохожих? Или на худой случай заняться их лечением? Но чем тогда мы будем отличаться от них? Мы станем на их место и превратимся в обыкновенных палачей или «исправителей» рода человеческого.

Кузя: К сожалению, у тебя получается лишь один сценарий: «один лечит, другой калечит». Потом, по-видимому, они меняются местами. Я не предлагаю вам становиться палачами. Но вы (я

имею в виду нормальное большинство) уже сейчас проигрываете сумасшедшему меньшинству в плане пропаганды и политического влияния. Бывшие жертвы всё сильнее укрепляют свои позиции на Западе. Не пора ли вам, всем «нормальным», объединиться и дать культурный и идеологический отпор пока ещё немногочисленным безумцам?

Я: Ты как-то быстро поставил им диагноз: «ненормальные», «безумцы».

Кузя: Что выросло, то выросло. Бог создал мужчину и женщину. Всё остальное от лукавого. Ну назови этих иных заблудшими овцами, отбившимися от стада.

Я: Ты предлагаешь себя в роли их пастуха?

Кузя: Причём тут я? Я – не я, и лошадь не моя... Речь идёт о спасении человеческого рода. И это, в первую очередь, миссия самих людей. И на роль пастуха рода человеческого здесь больше подходит мессия. У религиозных людей он есть, и имя ему Бог (у христиан – Иисус Христос).

Я: Тогда по твоей логике получается, что нам нужен новый мессия. Ведь вера в единого бога в нынешних условиях в России невозможна. Даже христиане, принадлежащие к разным конфессиям, не находят между собой общий язык (католики, православные, протестанты и пр.). А что уж тогда говорить о представителях других мировых религий (ислам, буддизм и пр.). С ними будет ещё труднее договориться.

Кузя: Это проще, чем договариваться с теми, кто грозит похоронить весь человеческий род. Да, вам придётся потрудиться на общее благо, чтобы найти взаимопонимание между разными религиозными конфессиями. Ведь у каждого вида есть свои виды на собственное будущее. Ты знаешь мою позицию: вас сможет спасти только умеренность во всём и самоограничение.

Я: Ты ещё напони, что надо следовать естественным законам. А каких жертв или жертвоприношений мы можем избежать уже сегодня?

Кузя: Тех, которых можно не допустить, полагаясь на собственные возможности и ресурсы. Но вам ведь не привыкать «жертвовать жертвами», т.е. теми, кто сам не может за себя постоять. Поэтому вы регулярно пускаете кровь человечеству, освобождая от слабых и обездоленных.

Жертвы, которых можно избежать, или ситуации, в которые не обязательно попадать

Я: Не всё так просто, как ты говоришь. Однако, среди напрасных человеческих жертв, которых хотелось бы избежать в обычной жизни, я хотел выделить в первую очередь следующие:

- нормальные мужчины и женщины, которых превращают в изгоев в их же собственном доме;
- дети, которых подвергают насилию родители или те, кто пытается управлять их идентичностями;
- семьи и семейные традиции, которые извращают и ставят под сомнение, используя все доступные информационные каналы;
- все те, кто не вписываются в «новые» стандарты современной цивилизации и считаются инакомыслящими.

Кузя! А как ты думаешь, что теперь, в условиях гендерного разнообразия следует считать нормой поведения людей?

Кузя: То, что и всегда. Ведь вас Господь создал двуполовыми, а ещё равными и свободными. Это ваш поэт писал: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идёт на бой...». Если ваши нормальные мужчины и женщины не хотят стать жертвами чужого произвола и поменять со временем свой пол, то пусть тогда отстаивают свои права.

Я: Бог ты мой, ты цитируешь «Фауста». Не хочешь ли ты здесь спеть распространённую ныне песню о том, что Дьявол пришёл в мир и те, кого ты называешь сумасшедшими, и есть его слуги?

Кузя: Да, это первое, что мне приходит в голову. И я этого не стыжусь. Лучше иногда показаться легкомысленным или поверхностным, чем всегда оставаться безнадежно тупым. Но легкомыслие – удел котов. Кто легко мыслит, тот быстрее засыпает и не мучается угрызениями совести. К тому же, не стоит долго и мучительно думать о том, что и так лежит на поверхности. Кроме того, нам, котам, дано «верхнее» зрение, которое зачастую спасает нас от легковерия и фанатизма, так свойственного многим из вас, людей. Это позволяет нам сродниться с вещью (предметом рассмотрения), стать с ней одним целым, а значит – понять её «изнутри».

И всё же я думаю, что проблема оказывается куда сложнее. Повторяю, ваш мир не просто сходит с ума, а его системно сводят с него, пытаясь выдать черное за белое, а потом наоборот. То, что было раньше нормой, теперь считается у вас отклонением (ано-

мией). Дело в том, что вы давно запутались в лабиринте вымышленных вами связей: где «вверх», а где «низ»; где «направо», а где «налево» и т.д. Поэтому и вводите в свой язык промежуточную терминологию («немного выше», «чуть-чуть левее», «левоцентризм» и пр.). А у нас, котов, всё остаётся на своих местах вот уже на протяжении многих тысячелетий: «верх», как и «низ», находятся там, где им и положено быть, а «правое» и «левое» никогда не меняются местами или не смещаются по отношению к центру.

Я: Ну да, вы – традиционалисты, а мы находимся в плену своих же собственных новаций. Но полагаю, что по теме коллективной шизофрении и без нас с тобой найдётся множество специалистов. Некоторые из них уверены, что и философию погубили шизофреники (см. прим. 1). Давай предоставим им возможность разбираться с массовым умопомешательством. А теологи пусть занимаются борьбой с сатанистами. Одним словом, каждому своё.

Кузя: Да, каждому своё, а мне, кроме прочего, и чужое стодит-ся, если оно никем не востребовано. А я думаю, что ты просто хочешь снять с себя ответственность за происходящее. Пусть жертвы страдают до тех пор, пока не придёт тот, кто обязан им помогать по долгу службы.

Я: Нет, я лишь пытаюсь представить то, как помочь людям избежать очередных жертв и прекратить играть с ними. «Не навреди», или «*primum non nocere*». Так, кажется, говорится в клятве Гиппократа.

Кузя: Тогда уж лучше сказать: «Не навреди себе сам, причём так, чтобы другие при этом невредимы остались». Потому что вы в своём большинстве наносите вред своим действием или бездействием, прежде всего, самим себе, а потом и другим.

Я: И что же ты предлагаешь? Совершенствовать себя, чтобы мир стал лучше и гармоничнее? Так мы это уже не раз проходили.

Кузя: Всё гораздо проще. Не стоит изображать из себя хищника, если у тебя нет клыков или когтей. На мой взгляд, среди людей всегда были «волки» и «овцы». Умопомешательство многих из них как раз и заключается в том, что овцы время от времени изображали из себя волков, а потом ещё и жертвами произвола других овец. Кроме того, они были уверены в том, что им это сойдёт с рук, а волчья шкура со временем приживётся. Ничто так не развращает человека, как абсолютная безответственность и самонадеянность.

Я: Ты, что же, предлагаешь предоставить всё естественному порядку, смысл которого состоит в том, что выживают сильнейшие, а сильный пожирает слабого? И вообще перестать защищать слабых?

Кузя: Слабых (прежде всего, детёнышей) надо защищать, потому что у многих из них есть шанс стать сильными и продолжить свой род. Какой слабый не мечтает в детстве стать сильным и могущественным. Но далеко не из всех получается хищник. Им нельзя стать, таким надо родиться. Конечно, деление на «плотоядных» и «травоядных», «хищников» и «жертв» условно. Так же условно можно подразделять тех и других на крупных или мелких особей. Отпор крупному хищнику может дать только крупное травоядное животное. Ты мне рассказывал, что в эпоху динозавров такими были зауроподы (титанозавры, аргентинозавры, диплодоки, брахиозавры, стегозавры, анкилозавры и пр.). Некоторые из них могли вступить в схватку с тираннозавром как одним из самых крупных хищников среди динозавров (наряду со спинозаврами и гигантозаврами). Конечно, аналогия людей с травоядными и плотоядными условна. Но получается, что хищникам могут дать отпор только крупные травоядные. А это значит, что людям не обязательно быть хищниками, чтобы отстоять свою независимость.

Я: Нельзя же всё сводить к продолжению рода и отношениям между хищниками и их жертвами. Жизнь каждого существа самоценна.

Кузя: Мы уже обсуждали с тобой вопрос о ценности жизни как таковой. В процессе эволюции живого потери неизбежны. Но причём тут жертвы? Каждый день миллионы животных на суше и в океане становятся пищей для других животных, в т.ч. и людей. Неужели и их следует рассматривать не как необходимую часть пищевой цепочки, а в качестве жертв? Каждое животное имеет право на жизнь. Но за это право ему приходится бороться. Выживает не просто сильнейший, а наиболее приспособленный к условиям среды индивид. Если вы хотите сохранить биологическое и прочее разнообразие на Земле, то надо действовать так, как Господь – оставлять каждой твари по паре независимо от того, хищник это или его жертва.

Я: Но люди – не биомасса, а уникальные существа, наделённые разумом и духовными качествами. Послушать тебя, так нужно становиться под знамёна социал-дарвинизма и поступать так, как советовал в своё время Анатолий Чубайс: «Что вы волнуетесь за

этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут» (см. прим. 2). Что это, как не проявление либерал-фашизма? А дальше после такого заявления говорить и о «Книге о Сатане» Антона Левея или идее Рагнара Редбёрда: «Сила есть право»? Может быть, лучше прислушаться к мнению тех мыслителей, которые полагают, что фактором эволюции человека выступает не конкуренция, а взаимопомощь и кооперация (П. Кропоткин)?

Кузя: Какая взаимопомощь? Ведь эти «разумные» и «духовные» существа каждый день убивают себе подобных. Поэтому напрасные жертвы неизбежны, пока существуют преступления и войны.

Я: Но что ты предлагаешь – пересмотреть само понятие жертвы? И смириться с тем, что, если тебе предназначено стать пищей для хищника, то другого выхода, кроме как спастись бегством, нет? А, значит, только в этом случае жертвой можно не стать.

Кузя: Вовсе нет. Надо перестать относиться к пище как к жертве, а к самим жертвам – статистически. В первом случае человечество съедает каждый день сотни тысяч и даже миллионы тонн мяса животных, которые погибают насильственной смертью. В это время львы убивают антилопу, чтобы продолжить своё существование. Что же касается статистики жертв, то от пандемии умирает каждый день столько и столько-то. Зачем вам знать о том, какое количество умирает от болезней? Ведь жертвой является лишь то существо, потеря которого является лично для вас трагедией. И это может быть кто угодно – близкий человек, любимая собака, кот и даже корова, которая при других обстоятельствах может пойти на забой и стать для кого-то обыкновенной пищей. Всем остальным, кто лично не знает жертву, на это наплевать.

Я: А как же общественная значимость? Одно дело, когда речь идёт о естественной убыли (смерть от старости или от неизлечимых болезней) и совсем другое, если общество теряет трудоспособных и здоровых членов в результате чьего-то произвола (войны, террора, преступления и пр.).

И всё-таки, чем и ради чего стоит жертвовать?

Кузя: Тебе везде мерещатся жертвы. Может быть, тебя самого преследует комплекс жертвы и ты никак не можешь от него избавиться? Ведь мы уже выяснили, что существуют не только жертвы,

но и хищники. Да и жертвы бывают разные (добровольные и вынужденные, индивидуальные и массовые) и далеко не все из них связаны с лишением жизни. А жертвовать стоит ради того, что ты ценишь больше всего – жизни, здоровья, благополучия и пр.

Я: Или ради тех, кем ты больше всего дорожишь. Жертва всегда связана с лишением. Ты должен отказать себе в чём-то, чтобы твоя жертва принесла пользу для тебя или другого существа. В этом смысле такая жертва оправдана. Отказывать себе в обильной пище ради похудения – это тоже жертва. Но всё теряет смысл, если ты снова возвращаешься к прежнему образу жизни. Именно такую жертву я и называю неоправданной или бессмысленной.

Кузя: Но ты говоришь здесь лишь об актах самопожертвования, а не о жертвах вообще. Ещё раз повторяю: жертва землетрясения не может быть оправданной или неоправданной, если только к ней не примешиваются человеческие мотивы и действия. А ты как считаешь, чем можно жертвовать?

Я: В американском фильме-апокалипсисе «Послезавтра» люди, спасающиеся от мертвящего холода в библиотеке, топят камин томиками Ницше и других классиков мировой литературы, которые вышли сто и более лет назад. Уникальные издания бросают в огонь, чтобы продлить жизнь небольшой группы людей. При этом отбрасываются все сомнения о культурно-исторической ценности этих редких изданий. Жизнь человека оказывается важнее антикварных книг. Кто знает, может быть эти люди создадут другие шедевры культуры и, тем самым, хотя бы частично восполнят потерянное.

Кузя: Вот и ты, наконец, пришёл к тому же выводу, что и я. Но, в отличие от нас, вы ради спасения собственной жизни готовы жертвовать всем, даже жизнью других существ. Вы почему-то убеждены, что цена вашей жизни выше, чем, например, цена жизни других существ, в т.ч. кошек или собак. Поэтому вы тренируете собак, чтобы они вас защищали и погибали вместо вас. Одним словом, вы считаете себя высшей расой.

Я: Ты снова взялся за своё – обвинять нас в расизме. Но ведь это ещё надо доказать, что вы, коты, – отдельная раса.

Кузя: Да нет. В нашей расовой принадлежности как раз сомнений у меня нет. А вот вы постоянно мутируете и ваша расовая, как и гендерная, идентичность скоро перестанет быть актуальной. Возможно, жертвовать надо ради того, что не жаль потерять.

Я: Тогда это уже будет не жертва. Последняя предполагает потерю чего-то значимого, отказ от самого необходимого и жизненно важного. Этим жертва отличается от дара, а жертвоприношение от дарования. Но у них есть общее – они учат нас делиться, отдавать.

Кузя: То, что нельзя потерять, никогда и не найдёшь. И не стоит отдавать то, что вам не принадлежит. Так, например, пол – природная данность и не может быть чьей-то прихотью. Его нельзя поменять, не нанеся ущерб природе. А, значит, подобные жертвы – это всего лишь игра вашего человеческого воображения. Вы жонглируете ими как цирковой клоун шарами. У нас, котов, есть не только чёткая иерархия, но и свой кошачий этикет, защищающий нас от неестественных жертв.

Я: Может быть, ты и нам предлагаешь соблюдать ваш этикет, чтобы избежать жертв?

Кузя: Может быть, может быть. В уже упомянутом тобой фильме «Кошки» рассказывается о том, что на кошачьем балу коты выбирают лучшего представителя племени, которому предстоит отправиться на небо (по вашему – «попасть в рай»). Условием победы является правдивый рассказ претендентов об истории своей жизни. И как следует из сюжета, предводительница кошачьего племени, старая Дьютерономи отправляет в кошачий рай самую обездоленную кошку Гизабеллу, история которой тронула всех до глубины души. В конце фильма Дьютерономи поёт о том, как нужно относиться к коту, чтобы заслужить его внимание. Давай приведём слова этой песни полностью.

*Теперь вы знаете котов.
Скажу вам без обиняков,
Что вам не нужен перевод,
Чтоб угадать, что хочет кот.
Ведь вам поведал наш рассказ
О том, что кот похож на вас,
О наших играх и делах
И настоящих именах.
Теперь узнайте и о том,
Как нужно говорить с котом.
А это не простой вопрос!
Вам может кто-нибудь сказать
«К коту не надо приставать!».*

*Считаю нужным уточнить:
Вы вправе с ним заговорить,
Но знай: кошачье братство
Не терпит панибратства.
Снимите шляпу наперёд
И обратись так: «О, Кот!».
Чтоб кот признал тебя своим,
Будь ласков и любезен с ним.
Побалуй котика слегка,
К примеру, блюдцем молока.
Сойдёт и рыбка, и паштет,
А может, парочка котлет
И даже шоколадный мусс:
Назвать сумеешь лишь тогда
По имени кота.
Кот поощряет этикет
И вызывает пиетет.
И в общем логика проста:
Вам нужно уважать кота.*

Я: Получается, что перед тем, как получить ваше расположение, надо всего лишь покормить вас чем-нибудь вкусненьким. И жертвовать ради вас практически ничем не надо. Подумаешь, блюдце молока и котлета в придачу. Дёшево же стоит ваше внимание.

Кузя: Не стоит упрощать и до того простые вещи. Дыши глубже и не сбивайся с темпа моей мысли. Ты не понял главного, мой друг. Читай текст песни внимательно. «Вам нужно уважать кота». Добавлю от себя: уважать именно как личность. А вкусненькие вещи – это так, для установления контакта и улучшения настроения. При этом не из рук всякого человека кот готов принять пищу. Мы не любим «приставал» и сразу же распознаём в их голосе фальшь и нотки снисходительного отношения. Поэтому жертвовать надо не угощением, которое ничего не стоит само по себе, а усилием воли, чтобы заставить себя признать, что кот – равнодостоинный компаньон и друг, а не «шерстяное изделие развлекательного характера».

Я: А чем готовы жертвовать вы ради своих компаньонов?

Кузя: Очень многим. Мы готовы, например, терпеть вынужденное порой соседство с вами, переносить ваш неприятный запах,

а также принимать ваше неистребимое желание нас «потискать». Кроме того, мы отдаём вам часть своей энергии, пытаюсь привести в хорошее настроение или излечить от разных недугов. Я уже говорил тебе как-то о том, что призвание котов – гармонизация вашего неустроенного мира. А это даётся нам нелегкой ценой.

Я: Но вы, в отличие от собак, не готовы отдать ради нас свою жизнь.

Кузя: Спросите себя, а вы готовы принести в жертву свою жизнь ради нас? Если мы – равнодостоинные компаньоны, то и принимать нас нужно как равных себе. Увы, мы, коты, научены горьким опытом взаимодействия с вами. Это вы, а не мы, с лёгкостью выбрасываете нас на улицу или на помойку, как только вам надоели забавы с нами или у вас изменились жизненные обстоятельства. Так что у нас за многие тысячелетия сформировалось устойчивое недоверие к большинству людей.

Я: А вот британский ученый Ричард Докинз в книге «Эгоистический ген» доказывает, что ваше самоотверженное поведение («животный альтруизм») объясняется особым типом гена. «...Все живые существа на планете являются “машинами”, необходимыми для выживания генов» (см. прим. 3). Другими словами, ген альтруизма одной особи помогает выживанию генов всего сообщества (популяции) и тем самым способствует размножению новых популяций или поколений.

Кузя: Ученые тоже создают и распространяют мифы. Последние мало чем отличаются от мифа о том, как сумасшедший кот стал человеком. Неужто ты думаешь, что можно передавать (копировать) гены друг друга на расстоянии? Возможно, теория Докинза доказывает как раз обратное. Это вы, люди, копируете себя через нас и другие формы жизни, приписывая нам собственные черты – эгоизм или альтруизм. Антропоцентризм проникает не только в практику, но и в научную теорию. Ваша антропоцентрическая картина мира застилает вам глаза. Вы видите мир глазами человека, а других людей – собственными глазами. А это и есть ловушка для разума.

Я: Так ради чего всё-таки стоит жертвовать? И кого нужно спасать в первую очередь в экстремальной ситуации? Неужели жизнь каждого человека не является высшей ценностью, а выживать должны лишь сильнейшие и самые адаптированные индивиды?

Кузя: Отвечу кратко. Жертвовать необходимо ради сохранения и совершенствования рода. А это значит, что выживать должны не

просто сильнейшие, а наиболее продвинутые представители вашего вида, от которых зависит его будущее.

Я: Эта тема хорошо представлена в художественной литературе и кинематографе. Вспоминаю в этой связи художественный фильм «Ной» (2014), воссоздающий библейскую легенду в авторской версии. Имеются и другие версии спасения лучшей части человечества в случае апокалипсиса («Послезавтра» – 2004 г., «2012» – 2009 г. и др.). В фильме «Инферно» (2016, США, Венгрия), где главный герой (Том Хэнкс в роли профессора Роберта Лэнгдона), как всегда, спасает мир (на этот раз от террористов, стремящихся распространить опасный вирус, чтобы уничтожить половину человечества), речь идёт о спасении тех, кто сможет выжить после губительной эпидемии. Имеются также фильмы о попытках переселения части людей на другие планеты: «Миссия на Марс», «Красная планета» (2000), «Аватар» (2009), «Прометей» (2012), «Европа» (2013), «Интерстеллар» (2014), «Марсианин» (2015), «Пассажиры» (2016).

Так вот, версий спасения «лучших среди лучших» много. При этом, разумеется, жертвуют всем остальным человечеством. Ведь выжить могут лишь избранные. Одна из таких версий описана в фильме «2012», где для сохранения человечества предпринимается строительство девяти кораблей (ковчегов), предназначенных для ведущих политиков, ученых, словом «сливок» всех национальных элит. Нечто подобное предлагаешь и ты. Но каковы критерии отбора «лучших» – «каждой твари по паре» или что-то иное?

Кузя: Как говорят, ничто не ново под солнцем и не вечно под луной. Я бы не стал выстраивать стратегию спасения одного вида – человечества. Выжить должны представители всех живых существ. Так что библейская идея ковчега (или множества ковчегов) мне представляется наиболее привлекательной. При этом отбор кандидатов по ряду критериев нужно поручить суперкомпьютеру (искусственному разуму). Иначе вы, люди, обязательно найдете способ покупки билета на космический ковчег в обход установленных правил.

Вместо выводов

Я: Ну и к каким выводам ты пришел?

Кузя: Лучший вывод – не делать выводы вообще, а поставить многоточие. На самом же деле я уже отметил, что вы, люди, про-

должаете играть в игры, в т.ч. в жертвоприношение, вместо того, чтобы думать о всеобщем спасении в его различных измерениях (духовном, экологическом и пр.). Ещё на каждом шагу вы создаёте себе проблемы, попадая в сети ненужных обязательств (долг, идеалы и пр.) или в ловушки собственного разума. Избежать жертв или хотя бы минимизировать их можно лишь коллективными усилиями и с опорой на разумные основания совокупного опыта. Жертвовать можно всем, кроме самой жизни. А уж если не останется выбора и придётся лишиться её, то надо это сделать достойным образом.

Я: Что же прикажешь: достойно умереть или продать свою жизнь подороже?

Кузя: Лучше всего достойно жить, так, чтобы твоя смерть стала логическим завершением твоей жизни. А для всего живого на планете нужно попытаться реализовать шанс на всеобщее спасение.

Я: Пафосно. Но что же логического в смерти, кроме самой неотвратимости?

Кузя: А то, что она ставит точку в конце одной жизни и много-точие в начале другой. Смерть – это ещё не конец в божественном плане.

Я: А что же дальше?

Кузя: Другой мир, в котором будут жить ваши потомки (дети, внуки, ученики и пр.). Ваши гены, мысли, незавершенные проекты и прочее воплотятся в их делах. А значит и вы продолжите жить в новых поколениях и, возможно, на новых планетах.

Я: А как же уникальность каждой отдельно взятой жизни?

Кузя: Для начала нужно перестать жертвовать ею без крайней необходимости. А то послушать тебя, так жизнь – сплошная череда жертв. Может быть, не стоит увлекаться жертвоискательством?

Я: Наверное, наши читатели поймут лишь то, что мы с тобой окончательно запутались в этой проблеме, хотя иногда интересны сами кружева, а не то, что они собой символизируют.

Кузя: Пусть ни у кого из читателей не будет крайней необходимости приносить себя в жертву. Мне бы хотелось завершить наш сегодняшний разговор тем, что противоядием жертвенности в человеке выступает его личное достоинство и нежелание мириться с насилием.

Я: А меня не устраивает также биологизаторский подход к человеку, который местами переходит в откровенный социал-дарвинизм

и биологический расизм. Вместе с тем я категорически против деления людей на «плотоядных» и «травоядных», «хищников» и «жертв», что вольно или невольно звучит в выступлениях Кузи. Столько же сомнительна для меня и «этика силы», которая сближает Кузину позицию с позицией некоторых российских неолибералов. Такой взгляд близок к технологиям человеческой инженерии, направленных на «исправление» человека как вида. Человек – не жертва, не звено в пищевой цепи и не объект усовершенствования, а автономный и творческий субъект. Кроме того, Кузя постоянно сбивается на упрощенное понимание гендерных проблем, не различая по сути гендер и пол, т.е. социокультурные и физические признаки человека.

Ну, конечно, Кузе многое можно простить, но только не его воинствующий натурализм, провозглашающий в качестве главной доминанты человеческого существования «тайные силы природы» (Первоестество) и утверждающий примат животного начала в человеке. Для него термин «духовный» подобен красной тряпке для быка. Акцент же на спасение собственной жизни (разумный эгоизм) противоречит у Кузи его же критерию сохранения человеческого рода (видовой альтруизм) и призыву к реализации библейской идеи ковчега. Если тебе, Кузя, так дорога твоя жизнь, то стоит ли тогда рассуждать о приоритете видовых или родовых интересов перед индивидуальными? Мне кажется, что твоя «кошачья» логика здесь явно хромает.

А главное, Кузя, твоя интерпретация жертвы как вынужденного поведения и символической игры, к которой прибегают «слабые», чтобы упрочить свои позиции в обществе, никак не соотносится с принципами милосердия и сострадательности, свойственными общественной морали людей.

Кузя: А мой главный вывод таков: не нужно искать жертву там, где её нет. В известном смысле человек есть сам для себя жертва. В нём присутствует жертвенное начало, и при желании он может его культивировать в себе, т.е. становиться потенциальной и реальной жертвой для себя или других. Но у него, если это не стихийное бедствие, чаще всего есть выбор: быть жертвой для других или быть сильным. Не стоит преувеличивать моё деление людей на «плотоядных» и «травоядных». Это – метафора. Но можно, конечно, продолжать утешать и защищать людей, являющихся жертвами в силу собственного выбора. Наверное, этим могут заниматься крупные

«травоядные», способные дать отпор «плотоядным» хищникам. Так что многое зависит от позиции человека и готовности её отстаивать. И добавлю:

*Если хочешь жить достойно,
Не веди себя как жертва.
Проходи свой путь спокойно
И восстанешь ты из пепла.*

Примечания

1. См.: Гобзов И.А. Философия и шизофрения. «Сегодня философия нуждается в защите. Её надо защищать от шизофреников, от тех, кто её превращает в пустой дискурс и лишает реального содержания. Общество всегда нуждалось в философии, так как она исполняет важные мировоззренческую и методологическую функции. Без мировоззрения в наш рациональный и жестокий век люди потеряют ориентиры жизни. Без философской методологии наука перестанет быть совокупностью теоретически оформленных знаний и идей, так как только философия формирует научную культуру мышления. Будем надеяться, что философия избавится от шизофрении и снова займет свое почетное место в системе научного знания» (см.: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/254780/>; дата обращения – 12.03.20).

2. См.: <https://www.pravda.ru/politics/46126-chubais/> (дата обращения – 10.02.20).

3. См.: <https://yandex.ru/turbo/hi-news.ru/s/research-development/pochemu-zhivotnyei-lyudi-zhertvuyu-soboj.html> (дата обращения – 10.03.21).

13.02.2021 г.; 08.04.2021 г.

3.6. О доверии

Вступление

Дорогие друзья! Что может быть важнее доверия между близкими людьми, друзьями и партнёрами. Но ещё труднее сформировать доверие между человеком и его домашними питомцами. Представьте себе ситуацию, когда кто-то отказывается от своего кота (или пса) и выбрасывает его на улицу. У последних рухнет весь мир. Они, как и дети, от которых отказались родители, теряют все ориентиры в жизни, перестают понимать происходящее. И пёс, в отличие от кота, не сможет поверить в предательство своего хозяина и будет возвращаться к его дому снова и снова. Да и у котов сильна привычка к месту, хотя они быстрее приспосабливаются к ситуации. А что уж тогда говорить о человеческом детёныше.

Ничто так не принижает человека как предательство другого существа. Особенно, когда речь идёт о нашем маленьком друге. Это предательство вдвойне. Предателям не стоит напоминать слова Антуана де Сент-Экзюпери из «Маленького принца», что «мы в ответе за тех, кого приручили». Они слепы и бессердечны. «Глаза слепы. Искать надо сердцем». А сердца их покрыты мраком и не способны чувствовать боль других. О них опять же можно сказать словами писателя: «Вы красивые – но пустые. Ради вас не хочется умереть». Но готовность к самопожертвованию есть даже у наших питомцев. Собака готова пожертвовать своей жизнью ради хозяина или друга. Наверное, циники скажут, что это – всего лишь инстинкт. Не думаю. А, впрочем, можно спросить у Кузи.

Что такое доверие?

Я: Кузя! Я понимаю доверие как высокую степень верности людей друг другу. Доверие, вера, верность, уверенность – однокоренные слова. Вера в другого как в самого себя – фундаментальная черта доверия. И доверия без уверенности в порядочности и честности другого человека не бывает.

Кузя: Все мы проецируемся друг на друга. Доверие и есть, с моей точки зрения, взаимная проекция двух и более существ, при которой высока вероятность совпадения их ожиданий. Уверенность в другом существе – это лишь первый шаг в достижении доверительных отношений. Нужны ещё каждодневные подтверждения наших ожиданий от него. Поэтому на первый и весьма поверхностный взгляд доверие есть не что иное как обмен позитивными ожиданиями между разумными существами, подкрепленными всем предшествующим опытом общения.

Я: А чем же тогда доверие отличается от общения по принципу «ты мне, я – тебе»? В советский период была даже комедия с таким названием (1976, режиссёр – Александр Серый, в главной роли – Леонид Куравлёв). В ней описываются эпизоды из повседневности советского обывателя, который подчинил свою жизнь служению этому принципу и, в конечном счёте, проиграл, потерял любимую девушку и остался ни с чем.

Кузя: Я помню, как ты показывал мне сцены из этого фильма. Возможно, сценарист и режиссёр по идеологическим соображениям

так распорядились сюжетом и подвели героя к желательному для них итогу. А в реальной жизни герой Куравлёва просто разуверился в людях. У него атрофировалось чувство базового доверия к ним. Вот он и нашёл для себя эквивалент доверия: «баш на баш», т.е. взаимовыгодный и примерно равный обмен вещами или услугами.

Кстати, а что такое «чувство базового доверия»?

Я: Вопрос не ко мне, а к психологам. Последние убеждены, что чувство базового доверия к миру и другим людям складывается в раннем детстве. И если его не сформировали родители и воспитатели, то ребёнок, став взрослым, испытывает к людям недоверие, а значит – ищет свои пути установления отношений с ними на основе личной выгоды или чего-то ещё. Об этом писал, в частности, Эрик Эриксон. И в наше время некоторые люди относятся к другим как к своим потенциальным клиентам. Они превращают отношения с ними в своего рода бизнес. С этим связано расхожее выражение «Нет ничего личного, это – бизнес».

Кузя: Но может ли доверие быть основано на взаимной выгоде?

Я: Смотря где. В бизнесе да, а в дружеских отношениях – нет. Здесь требуется совпадение взглядов на жизнь и личная преданность друг другу, которую следует отличать от лояльности в деловом или административном мире. Для бизнеса или политики достаточно уверенности в состоятельности другого субъекта, в т.ч. в наличии у него необходимых качеств и ресурсов.

Доверие к Другому как Иному

Кузя: Это само собой разумеется. А как ты понимаешь доверие между человеком и иными существами (например, котом)?

Я: Лучше всего рассмотреть это на примере отношений ребёнка и кота. На днях наблюдал твоё общение с моим годовалым внуком Ваней.

Кузя: И как, понравилось?

Я: Ещё бы. Ты произвёл на Ваню незабываемое впечатление. Сначала Ваня притрагивался пальчиком к твоему мокрому носу, а потом решил, что этого недостаточно, и прикоснулся своим носом к твоему. Это и есть высшая степень доверия. Разве не так?

Кузя: Разве не как. Он ещё щипал меня за бок и тянул за хвост.

Я: Но ты стойко держался и проявил лучшие качества воспитателя. Мне было приятно за вами наблюдать. При этом ты, усевшись

на стул, внимательно следил за каждым движением Вани, как будто опасался, что он себя чем-то поранит. Это можно было понять по движению твоих глаз и ушей. Ты, действительно, всем своим видом выражал обеспокоенность тем, чтобы с ним ничего не случилось. Но вряд ли ты смог бы ему чем-то помочь, хотя я видел в интернете видео о том, как кот спас малыша, который лез к огню на газовой плите. Это реальный случай.

Кузя: У меня не было цели помогать ему. Я лишь обращал внимание на него взрослых, которые отвлеклись на домашние дела. А так и мне было любопытно понаблюдать за ним, а также за вами. С маленькими людьми гораздо интереснее, чем с большими. Они влекомы простыми желаниями, которые понятны всем, в т.ч. котам. А вы, взрослые, скрываете свои намерения под маской, стараясь казаться солидными. На самом же деле вам хочется притворяться другими. Так доверие не заслужишь. Во всяком случае у нас, котов.

Я: Да, мы кажемся вам странными и неестественными существами. Многие в нас привнесено из культуры и воспитания. Но это вовсе не значит, что мы не вызываем доверия у других.

Кузя: Дело не в Других, подобных вам или отличных от вас не только по биологическим, но и интеллектуальным качествам, а в Иных, которые живут по своим, неведомым вам законам.

Я: Ты имеешь в виду вас, котов?

Кузя: Не только. Всех существ, не просто непохожих на вас, а раздражающих или пугающих вас неизвестной тайной. Кроме того, не может быть доверия с теми, кто тебя не принимает.

Я: Значит первым шагом к доверию является *принятие* Другого как Иного?

Кузя: Да. Но принять – это не значит полюбить (как в библии – «возлюби ближнего своего, как себя самого»). Ты можешь кого-то не любить, но обязан признавать, если хочешь выстраивать с ним отношения. Я тоже не люблю собак. Они – Иные. Но мне приходится примиряться с фактом их существования.

Я: Но разве примиряться и принимать – это одно и то же?

Кузя: Иногда да, если ты стремишься установить с кем-то отношения мирного сосуществования. Коты и собаки, живущие в одном доме, часто устанавливают паритетные отношения, а некоторые из них даже испытывают друг к другу симпатию. Их связывает то, что вы называете дружбой.

Я: Да, любопытно наблюдать, когда извечные враги – коты и собаки – едят из общей миски. Значит Иные могут сосуществовать друг с другом?

Кузя: Твой пренебрежительный тон выдает в тебе чувство собственного превосходства над другими тварями. Но, чтобы вызвать доверие у Другого (тем более – Иного), необходимо сделать второй шаг – *относиться к нему как к равному себе*. Ведь Другой – это любое постороннее существо, отличающееся от тебя какими-либо параметрами. Однако быть с Другим как с равным тебе – это полдела. Гораздо важнее *понимать* Другого как Иного, т.е. как воплощение неведомого тебе мира и носителя недоступной тебе тайны. И это третий шаг в направлении достижения доверия.

Я: К тебе, Кузя, я отношусь как к равному. Но ведь нас связывают с тобой отношения многолетней дружбы. Да и другие коты, в т.ч. уличные, вызывают у меня чувство уважения. И я пытаюсь понять вас как Иных.

Кузя: Вот ты и озвучил четвёртый шаг на пути к доверию: если хочешь добиться доверительных отношений с Другим как Иным, то научись *уважать его личность*.

Я: Но как это сделать, если Другой тебя не принимает и лично относится к тебе недоброжелательно или даже враждебно? Ведь личное и личностное тесно связаны друг с другом.

Кузя: Уважать надо не конкретные проявления враждебности или недоброжелательства в другом существе, а личность, данную ему свыше (Богом, Природой и пр.). В каждом существе всегда присутствует личностное начало и нужно обращаться именно к нему, а не к маске, в которую оно облачается.

Я: Значит ли это, что нужно также уважать личность преступника?

Кузя: Личность да, а его личину и конкретные преступления нет.

Я: Но ведь каждое существо в ответе за то, какую личину оно надевает.

Кузя: Не только оно.

Я: Но отделить от личности преступника или недоброжелателя его личину, а с другой, какова моя (или твоя) мера ответственности за его деяния?

Кузя: Преступник не всегда был таким. Чаще всего его подтолкнули к этому другие люди. А недоброжелателя мы часто сами

провоцируем своим поведением. Нужно изменить свою линию поведения в отношении этого существа и недоброжелательство или антипатия уйдёт. Следовательно, если ты не можешь изменить Другого, *изменись сам*.

Я: И это пятый шаг к доверию?

Кузя: Скорее всего, часть четвёртого. Уважать личность Другого как Иного – это значит непрерывно проявлять усилие, чтобы понять его, а для этого нужно изменить себя и свою позицию в отношении него.

Я: И простить?

Кузя: Да, и простить, если потребуется.

Я: С каких это пор ты, Кузя, стал сторонником библейских заповедей?

Кузя: Дело в том, что Бог у нас с тобой один, хотя мы и называем его по-разному. И мне не нужно заучивать библейские заповеди, чтобы прийти к элементарным истинам.

Я: Скоро у нас праздник – День Победы и мы будем чествовать павших героев. Но прежних фашистов уже нет, а нынешние поколения немцев не несут личную ответственность за бесчисленные жертвы нашего народа. Но как быть тогда с исторической памятью, которая не может смириться с невозполнимыми потерями?

Кузя: Нужно культивировать в себе чувство доверия и постараться простить. Но простить – это не значит забыть. Как у вас говорят в таких случаях: «Ничто не забыто, никто не забыт!».

Я: Но помнить павших и изуродованных войной людей – это значит помнить и о тех злодеяниях, которые совершили фашистские захватчики на нашей земле. Некоторых из них воспринимают как героев в отдельных странах. Не прекращаются попытки переписать историю Второй мировой войны и обесценить победу советского народа. Как быть с этим? Молчаливо наблюдать, не замечать или игнорировать?

Кузя: Конечно, доверие нужно всем. Но ведь с преступником у вас можно бороться только законными средствами, в т.ч. используя их для своей защиты. Вы должны защищать свои ценности и отстаивать своё право на собственный мирный и ненасильственный путь развития. Фашизм или нацизм – это мировое зло, которое угрожает не только вашей жизни, но и жизни всего человечества. А значит вы должны бороться с ним всеми доступными и легитимными способами.

Я: Хорошо, тему фашизма как мирового зла мы ещё с тобой обсудим. А что же, на твой взгляд, является следующим (пятым) или завершающим шагом на пути к доверию?

Кузя: У доверия нет предела, а значит и нет завершающего шага. Его надо поддерживать ежедневно и ежемгновенно собственными усилиями. Хочешь быть другом Другому, подари ему себя. Однако дружба эгоцентрична. Она предполагает заботу о Другом, пусть даже Ином (друге) как о самом себе. Но если хочешь быть больше, чем другом, подари Другого себе. Так поступает мать по отношению к собственному ребёнку. В этом, т.е. в том, чтобы воспринимать Другого-Иного как личное достижение и подарок судьбы, я и вижу важнейший шаг на пути к доверию. Тогда в мире будет меньше преступников, недоброжелателей и *просто* несчастных людей.

Я: Ты, Кузя, *просто* гуманист какой-то.

Кузя: Назови меня хоть горшком, только в печку не ставь. Ну и далее в таком же духе. А можно ответить рифмой. Ведь Другой Другому рознь. Отношение к Другому как к Иному, который достоин не только уважения как уникальная личность, но и искреннего восхищения как бесценный подарок – вот путь к доверию.

*Просто быть собою недостаточно.
Нужно быть отчасти и в Другом.
Но в Другом найти себя несбыточно,
Если ты заботаешься о нём.
Ты гордись Иным, что на распутице.
Тем, кого нашел в своей судьбе.
А затем поверил несусветице,
Как никто не верил и тебе.*

Я: Конечно, верить Другому как себе (или больше, чем себе) не *просто*. А ещё труднее воспринимать Другого как Иного и верить в него как в подарок твоей судьбы. Это уже выше моего понимания. Но в этом ли заключается главный секрет доверия?

Кузя: Думаю, что да. Доверие предполагает, кроме веры в Другого как Иного, бескорыстную заботу и самоотдачу. Так верит маме её малыш. Верит безоглядно и абсолютно. Он доверяет маме свою жизнь. И вручает ей всего себя без остатка. Мать же отдаёт ребёнку всё лучшее, что у неё есть. Он для неё дороже всего на свете

(благополучия и даже собственной жизни). И дело здесь не только в инстинкте, но и в высшей форме доверия, которая складывается между матерью и ребёнком. Они созданы друг для друга и подарены судьбой или Богом один другому. Так доверие достигает своей высшей точки напряжения.

Я: Но можно ли модель взаимной любви и доверия между матерью и её ребёнком переносить на весь мир?

Кузя: Можно, если отбросить ваши предрассудки о материнском инстинкте и связанной с ним готовности пожертвовать собой ради спасения своего ребёнка. Мы с тобой недавно обсуждали проблему жертвы. Так вот, доверие не есть жертвенное начало бытия. Жертвовать собой ради другого, в т.ч. ради самого близкого и дорогого тебе существа следует только в самых исключительных и безвыходных ситуациях. А доверять нужно всегда, каждый день. Доверие управляет миром и оно же приносит на землю мир. Дар, а не жертва, – вот суть доверия. Ещё и ещё раз повторяю: доверять – это значит (1) дарить себя Другому как Иному и в то же самое время (2) воспринимать его как самый лучший подарок в своей жизни.

Я: Тебя, Кузя, снова потянуло на пафосные слова. А как же быть с многочисленными случаями насилия или принуждения к миру?

Кузя: В вашем человеческом языке много лишних слов, которые затевают смысл происходящего. Нет никакого принуждения к миру. Есть акт ответного насилия. И пока готовность отвечать насилием на насилие высока, остаётся и недоверие между людьми.

Я: Но как же быть с теми, кто безнаказанно проливает кровь невинных, в т.ч. матерей и детей?

Кузя: Я не знаю. Мне не ведомы ваши человеческие страсти и тайные душевные пружины. Но кто-то же из вас, людей, должен положить конец насилию? Иначе доверие останется всего лишь благим пожеланием.

Я: Но для начала нам нужно построить в России общество социального доверия. Пока мы разобщены и не доверяем власти и друг другу, нам трудно отвечать на агрессивные выпады коллективного Запада, включая систематические попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны и обесценить нашу Победу, и вместе с тем конструктивно решать внутренние проблемы. А такое доверие трудно восстановить в условиях всевозрастающего социального неравенства и девальвации ценностей человека труда. И здесь одних

изменений в Конституцию недостаточно. Нужны последовательные и всесторонне обоснованные реформы, выстраданные всем предшествующим ходом нашей истории. Кроме того, свой путь, как считал Сент-Экзюпери, «искать надо сердцем» и ради тех, за кого не жаль умереть. А это – наши дети и внуки, а также все последующие поколения.

Кузя: Теперь ты перешёл на пафосный тон. Ты что же, предлагаешь вернуться к формуле «Труд – мир – май» и международной солидарности трудящихся?

Я: Пока я предлагаю ограничиться темой доверия. Но на сегодня уже и так достаточно наших с тобой споров.

13.03.2021 г.; 08.05.2021 г.

3.7. «Свой среди чужих, чужой среди своих»

Друзья! Нас с Кузей волнуют многие вопросы. Иногда мы забираемся в дебри, откуда выход не всегда известен. Один из волнующих нас вопросов таков: что значит быть «чужим среди своих и своим среди чужих»? Мы знаем с вами одноименный фильм (1974), а также песню с таким же названием (2021) и многое другое. Как известно, данную проблему исследовали антропологи и психологи, облекая её в строгие научные понятия: например, «за оградой», «за пределами ограды», «ингруппа» (англ. in-group) и «аутгруппа» (англ. out-group), «средостение» и пр. Но смысл, который скрыт в этом высказывании, не всегда доступен художественному выражению или научному объяснению. Он чаще всего таков, каким мы сами его понимаем на данном этапе жизни. Вот мы и предлагаем с Кузей одно из таких пониманий, которое пришло нам в голову в эти рождественские дни.

«Свой среди чужих»

Я: Кузя! Выражение «Свой среди чужих, чужой среди своих» состоит из двух частей. Каждая из них характеризует не только две разные ситуации, но и два типа человека. Назовём их условно «Мистер Икс» и «Мистер Игрек». Как известно, Мистер Икс – главный

и загадочный герой в оперетте Имре Кальмана «Принцесса цирка» (1926). Он изображен также в одноименном советском фильме (1958). Меня интересует образ этого героя, который сохраняет анонимность до последнего момента.

Что отличает, на твой взгляд, мистера Икс как «своего» в отношении «чужих»? Обычно ситуацию «свой среди чужих» описывают так: посторонний человек, оказываясь в чужой компании, чувствует себя в ней, как рыба в воде. Ему близки взгляды этих «чужих» и он их понимает с полуслова. Но в случае с мистером Икс всё происходит сложнее.

Кузя: И не этак, и не так, не попасть бы мне впросак. Мне не совсем понятен образ твоего мистера Икс. У него ведь много и других значений – затаившийся суперзлодей («Вселенная “Марвел”»), герой американских комиксов, псевдоним государственных деятелей, разведчиков, ученых и т.д. Но ты ведь не любишь англоязычные выражения. Почему бы просто не назвать его «человек-Х».

Я: Конечно, долой иностранщину.

Кузя: Тогда придётся убрать Икс и Игрек. А чем ты заменишь их в русском языке – буквами «Х» и «У»? Я думаю, что здесь дело не в названиях. Кроме того, художественными средствами или психологическими механизмами взаимодействия и противодействия, притяжения и отталкивания нельзя объяснить то, что имеет совсем другую природу.

Я: А мне представляется этот образ удачным. Особенно ярко он предстаёт в оперетте «Мистер Икс», где герой вынужден прятаться маской и переживает сложную гамму чувств – любви, отчаяния, непризнания. Чего стоят только эти слова из его основной арии.

*«Да, я шут, я циркач, так что же?
Пусть меня так зовут вельможи,
Как они от меня далеки, далеки,
Никогда не дадут руки».*

Наш герой полон отчаяния и чувства одиночества («Но номер кончен, и гаснет свет, и никого со мною рядом нет... Цветы роняют лепестки на песок, никто не знает, как мой путь одинок. Сквозь дождь и ветер мне идти суждено. Нигде не светит мне родное

окно...»; «Устал я греться у чужого огня, но где же сердце, что полюбит меня. Живу без ласки, боль свою затая, всегда быть в маске – судьба моя!». Он ищет место для утешения своей израненной души, ожидая встречу с любимой, и, в конце концов, находит её, а вместе с ней и душевный покой.

Как видишь, в арии содержится не только тоска отчаяния, но и вызов («Да я шут, я циркач, так что же») и смирение с неизбежностью («всегда быть в маске – судьба моя!»). Следовательно, жизнь мистера Икс полна драматизма и непонимания со стороны окружающих («чужих»). Им восхищаются, но его же и боятся. Он вынужден носить маску, чтобы скрывать своё истинное лицо. Быть «своим» ему удаётся лишь благодаря тому, что на какое-то время публика покорена его талантом и рукоплещет ему. Но все с нетерпением ждут разгадки тайны, чтобы принять его в ряды «своих чужих» или отторгнуть навсегда. И вот развязка подходит к концу, герой срывает маску... И что же? В конце концов, сплетни, клевета уходят как шелуха и побеждает любовь. Не этого ли мы ждём от «своего», оказавшегося среди «чужих»?

Но о какой природе ты, мой друг, говоришь?

Кузя: Давай подумаем о том, чего здесь нет и нет потом. В образе мистера или человека Икс нет на самом деле «своего». Есть лишь поначалу «чужой» в маске, который по ходу действия, когда тайна вскрывается, становится «своим». Более того, все герои – лица примерно одного статуса и происхождения. Это – мильная опера или оперетта о том, как богатым тяжело живётся, как они, «бедные», страдают от жестокого коварства друг друга и мучаются от неразделённой любви. Но таков их мир, таковы нравы в так называемом «высшем свете».

Я: Думаю, что и в других слоях ведутся не менее драматические битвы. Вопрос лишь в том, с чем мы приходим в другой мир – с благородными порывами или желанием отомстить. С моей точки зрения, человек Икс является с самого начала «своим». Он близок к чужим по своим аристократическим манерам. В нём угадывается человек «высшего света». Он страдает от того, что его воспринимают как шута и циркача, хотя сам сознательно идёт на такой шаг. Ведь он такой же вельможа, как и те, кто пришёл созерцать цирковое представление. Но ему ещё надо доказать своё право быть «своим» и равным среди равных.

Кузя: Но зачем тогда он надевает маску шута? К чему вся эта дешёвая интрига? Нам что, автор пытается внушить, что великой любви достойны не только лица благородного происхождения, но и те, кто является благородным по духу? Равенства и справедливости нет в вашем мире, и никогда не было. Зачем взывать к чувствам обычных людей рассказом о тех, кто далёк от них в социальном плане?

Я: Причём тут равенство, мой друг? Любовь выше всяких социальных статусов и различий. Человек Икс преподносит урок таким же невежам, как ты. Можно быть вельможей, но не испытывать и сотой доли тех чувств, какие даны ему в образе шута, т.е. «своего» Другого или Иного.

Кузя: А моё представление о природе данного феномена заключается вот в чём. Во-первых, они («свой» и «чужие»), как и частицы с разным полюсом, имеют несовпадающие друг с другом ментальные заряды (условно «плюс» и «минус»). Или, возможно, они соотносятся как вещество и антивещество (например, электрон и позитрон). Их сосуществование происходит в сильном электромагнитном поле. Во-вторых, у «чужого» и «своих» содержится совершенно разная ментальная энергия.

Я: Ты, что же, в элементарную физику решил меня посвящать? Любовь человека Икс выше всех твоих квазифизических сравнений и сопоставлений.

Кузя: Причём тут физика, мой друг? Я это образно рисую. Известно, что в отсутствие электрона позитрон ведёт себя достаточно стабильно и предсказуемо. Так и человек с положительным ментальным зарядом («человек-позитрон»), если он находится на значительном удалении от объекта своего притяжения или отталкивания (людей с отрицательным зарядом, негатронов), проявляет себя с другой стороны.

Еще раз подчёркиваю, что электронно-позитронные пары могут существовать только в определённом силовом (электромагнитном или гравитационном) поле, сдерживающем процесс аннигиляции. Но рано или поздно негатроны, находящиеся в большинстве, стремятся вытолкнуть позитрон или столкнуться с ним, образовав взрыв. Так и наш знакомый незнакомец, выступающий в роли инкогнито (человека или мистера Икс) в новой для себя компании, может оказаться в один прекрасный момент нежелательным элементом.

Но до тех пор, пока он не раскрыл свой ментальный потенциал, т.е. не показал свою силу или слабость, его готовы принимать.

Я: Не хочешь ли ты сказать, что «свой» – это человек, подобный позитрону, т.е. имеющий, как и аналогичная античастица, положительный заряд, в отличие от «чужого» как человека-негатрона? Мне трудно представить мистера Икс в образе человека-позитрона, который своим ментальным зарядом расшевелил «чужих», заставив их изменить своё отношение к нему. Он – певец любви, утверждающий право каждого на истинные чувства, а не носитель какого-то там ментального заряда.

Кузя: Похоже, что так и этак, но не так. Оставь мне свою песню, а ты можешь сколько угодно петь свой гимн о своём человеке Икс. Ведь человек-негатрон заряжается отрицательной энергией лишь по отношению к человеку-позитрону, стремясь вместе с тем к ассимиляции с ним. В нашем случае «чужих» (негатронов) больше, чем «своих» (позитронов). Нередко их отрицательная ментальная энергия («энергия выталкивания или поглощения») не позволяет действовать им конструктивно, так как практически полностью уходит на нейтрализацию позитронов.

Я: У моего человека Икс есть одно преимущество перед твоим «позитроном». Он сам определяет свой ментальный заряд. И это заряд любви, перед которой ничто не устоит, даже самое гнусное коварство. Любовь всегда побеждает. Поэтому он – «свой среди чужих». Только немногим из чужих оказывается по силам такое глубокое чувство. И оно вспыхивает с новой силой, когда Икс встречает подругу своей молодости.

А у тебя получается, что человек-негатрон действует преимущественно контрпродуктивно, поскольку заряжен отрицательно, а его антипод (человек-позитрон) – всегда продуктивно, так как имеет «правильную» зарядку. Так что ли?

Кузя: О чём ты говоришь, мой друг? Можно подумать, что твой человек Икс – «луч света в тёмном царстве». Только ему дано любить по-настоящему. Все остальные (разные «чужие») – рабы своекорыстия или заложники коварных игр. Ментальный заряд не связан напрямую с конструктивным или неконструктивным характером деятельности. Да, люди-негатроны не всегда могут сплотиться перед общей опасностью или действовать в интересах целого, поскольку они разрозненны или заняты отстаиванием своей «чуждости» по

отношению к иным. И тогда приходит человек-позитрон и своей положительной ментальной энергией помогает им разрешить проблемную ситуацию. Но, как только количество позитронов увеличивается, они могут сменить свой заряд и стать негатронами.

Я: В том-то и дело. «Мой» человек Икс способен силой любви изменить ситуацию к лучшему. Только любящему открываются все двери. Перед ним не устоит никакое социальное зло. А как твой «человек-позитрон», попавший в новую для себя компанию, узнаёт о том, что он стал «своим среди чужих»? Существуют ли какие-либо опознавательные признаки?

Кузя: Любовь, подобно вирусу, заразна. Она делает людей ментально зависимыми и социально уязвимыми. Это – неуправляемый хаос, который разрушает всё вокруг, в т.ч. веками установленный порядок. Я тебе уже говорил как-то, что любовь имеет лишь одно предназначение – продолжение рода. Всё остальное от лукавого. Не нужно играть на чувствах людей, превращая их в любовных болванчиков, не способных рефлексировать происходящее с ними и вокруг них. Одним словом, не стоит превращать любовь в идола, чтобы затем бездумно поклоняться ему, игнорируя социальные обязательства и оправдывая вред, наносимый социальному порядку.

А мой человек-позитрон узнаёт реакцию «чужих», как правило, по их одобрительным жестам или выражению глаз. Но главное, он должен быть с ними близок ментально, чтобы иметь возможность понимать «чужих» или стать одним из них. Для начала ему нужно научиться мыслить как «чужие», оставаясь при этом «своим», т.е. сохраняя другой, положительный заряд. Всякая же попытка маскироваться под «своего чужого» обречена на неудачу. Её быстро почувствуют и распознают сами «чужие». Здесь важно как можно дольше поддерживать единство «позитронно-электронной пары» со значимым «чужим» (лидером или вожаком группы). А это – игра на грани выживания. Ведь «свой» ещё не стал одним из «чужих». Он вынужден играть с огнём, рискуя в любой момент потерять доверие «чужих» и вызвать их агрессию. Поэтому ему надо заручиться поддержкой лидера «чужих».

Тебе приходилось вливаться в компанию единомышленников (например, либерально мыслящих людей) и высказывать иные (например, консервативные или социалистические) взгляды? И как ты поступал в этом случае?

Я: Моё возражение против твоего тезиса о социальной патологии любви. Человек Икс не несёт любовь в массы, не разлагает ею общественные нравы, разрушая тем самым установленный социальный порядок. Он сам утверждает новый порядок. И это – порядок любви, который выше всех других социальных установлений.

Кузя: По поводу «порядка любви» я тебе скажу так. Не стоит смешивать порядок и эмоциональную оболочку брачных игр и ритуалов. Это как у Розенбаума: «глухари на токовище бьются грудью до крови, не на шутку расхотелись – быть бы живу...». Не надо «буйство и расплёскивание своей удали» воспринимать в отрыве от института брака, создаваемого ради продолжения рода. Вы, люди, готовы оправдать любовными страстями всё что угодно, даже революцию. Вам бы лишь снять с себя ответственность за будущее потомство.

А разве языки в философии отличаются?

Я: Да, языки в философии различаются даже тогда, когда мы используем одни и те же категории или концепты. Но об этом мы поговорим в следующий раз. Сейчас же хочу сказать то, что не всегда удаётся найти общий язык с «чужими». А мистер Икс – не глухарь тебе какой-то, а человек, ведущий свою социальную игру. Он побеждает в ней, потому что настоящая любовь всегда права и везде пробивает себе дорогу.

Кузя: Ты меня своим человеком Икс не сбивай с толку. Человеческая любовь – это вспышка молнии, которая разражается громом и чревата социальными потрясениями. Она может снести полсвета, нисколько не думая о последствиях для других живых существ. На мой взгляд, это – обыкновенный человеческий эгоизм. И как ты определишь, что это настоящая, а не эгоистическая любовь? И даже если она «настоящая», то это не значит, что ей всё позволено.

Я: Послушал бы тебя кто-нибудь. Как ты можешь так холодно относиться к любви?

Кузя: Много тут вас, любителей Любви развелось. Надо быть реалистом. Надо же кому-то твёрдо стоять на ногах, а не летать в розовых облаках. И если уж летать, то по другому поводу и иначе. Ты лучше вот что скажи: прибежал ли ты в разговоре с «чужими» к маскировке и вводил их в заблуждение? И удалось бы тебе стать «своим среди чужих», открыто демонстрируя свою позицию и не скрывая взглядов?

Я: Не знаю. Часто это приводило к непониманию. Опыт моего участия в научных семинарах с «чужими» по взглядам лишь подтверждает этот вывод. Но я согласен с тем, что с ними нужно не договариваться, а вести спор. Конечно, переубедить их не удастся. Они уже запрограммированы или «заряжены» по-своему, выражаясь твоим языком. Может быть их стоит перезарядить?

Что же касается твоего тезиса о разрушительной силе любви, то здесь ты не прав. Как известно, Бог есть любовь. И мир создан для неё. Любовь созидательна и плодотворна. Да, её главные плоды – дети, но не нужно сбрасывать со счетов счастье самих влюблённых.

Кузя: С Богом, конечно, не поспоришь. Однако, человеческое счастье быстротечно и эфемерно. А любовь имеет лишь тот результат, который приводит к продолжению рода. Повторяю, всё остальное от лукавого – все эти ваши ахи, объятия, поцелуйчики, воздыхания, восторженные признания, романтические ухаживания и пр. Они нужны лишь как эмоциональный фон или чувственное обрамление брачных игр.

А теперь ближе к сути проблемы «своего среди чужих». Послушать тебя, так единственным «своим» является человек Икс, несущий свет любви. Я же считаю, что «своим» можно стать лишь с родственными тебе по духу людьми, а не с «чужими», хотя ментальная близость вовсе не предполагает стремление к достижению единства взглядов (например, не нужно становиться ещё более радикальным либералом среди других либералов). Но у вас должны быть общие темы, в обсуждении которых ты как «свой» принимаешь участие в споре с «чужими» как равноправный участник.

Твой же человек Икс не пытается говорить с «чужими» на понятном им языке. Он использует маску и другие средства сценического действия, невольно вводя в заблуждение других участников взаимодействия. Он действует как вероломный мститель, который врывается в размеренную жизнь «чужих», ничего не подозревающих о его истинном замысле.

А ты сам-то пробовал когда-нибудь действовать как равноправный участник диалога с «чужими»?

Я: Пробовал и не раз. Ещё раз повторяю, беседа с «чужими» – разговор «немого» с «глухими». Они не слышат меня, или их сознание по другому воспринимает мои слова. Их трудно или практиче-

ски невозможно убедить («перезарядить»). Видимо, для этого мне не хватает энергетического потенциала.

Что же касается человека Икс, то да, он – режиссёр и актёр в одном лице. Но он не нападает исподтишка как разбойник, а лишь берёт паузу перед сражением и чаще всего вынужден защищаться. А средства лицедейства ему приходится использовать, чтобы раскрыть и сделать явным коварный план своих недоброжелателей, разлучивших его когда-то с любимой женщиной.

Кузя: Оставим в покое человека Икс и вернёмся к основной теме. Сам ты «немой» и «глухой» одновременно. Ведь в этом и заключается проблема «своего» – в отсутствии полного контакта с так называемыми «чужими». Да, играть роль «своего среди чужих» не просто. При этом не обязательно «перезаряжать» других – «чужих» или «своих». Нужно быть честным не только с самим собой, но и с ними. Доверие у ментально близких или далёких «чужих» ты, скорее всего, не завоеуешь, но их уважение к своей инаковости можешь заслужить.

Дело в том, что вы, люди, попадая в новую (не обязательно агрессивную) среду, ведёте себя, как правило, пассивно, приспосабливаясь к интересам большинства «чужих». Вольно или невольно вы хотите им понравиться, прослыть для них «своими». А между тем они «чужие» – только для внешних «своих», а между собой чаще всего ведут себя как внутренние «свои». Нельзя быть «своим» для «чужих», отказавшись от собственных взглядов и убеждений. И так же трудно быть «чужим среди своих», если ты не готов чем-то пожертвовать, например, заставить себя понять язык «чужих».

Я: Спасибо, Кузя, за ценные наставления. А как же ты умудряешься оставаться «своим» (котом) среди нас, «чужих» (людей)? Даже мистеру Икс в «Принцессе цирка» удалось сохранить инкогнито лишь на короткий промежуток времени.

Кузя: И опять ты ко мне пристаёшь со своим мистером или человеком Икс. Оставь его, наконец, в стороне. Он уже сыграл свою роль в твоей манифестации любви. Я же как раз не пытаюсь быть «своим среди чужих», а остаюсь своим для себя. Вы же «своими» для меня никогда не станете, поскольку у нас с вами разные пути-дороги.

Я: Путь у нас, как известно, один – к вечности, а вот земные дороги, которые мы выбираем, возможно, и разные. И человек Икс в

другой ситуации должен уступить дорогу человеку Игрек. Оба могут быть лидерами, если будут востребованы. Как говорит один из героев фильма «Дюна» (2021), «истинный лидер не ищет власти. Его призывают. Он отвечает на зов».

Кузя: Что-то мне с трудом верится в лидерские качества людей-позитронов. Они скорее похожи на претендентов, бросающих вызов системе. Или на аутсайдеров, которых отвергают сплоченные «чужие» или «свои». Но всё может быть... Но у меня к тебе ещё один вопрос: если человек Икс в идеале несёт в мир «чужих» любовь и стремление к пониманию, то что же движет человеком Игрек?

«Чужой среди своих»

Я: Чтобы понять, что движет человеком Игрек, продолжим расшифровку второй части анализируемого выражения. Обычно говорят, что чужим считается индивид, который, попадая в новый коллектив, не приживается в нём, расходясь с большинством во взглядах или интересах. Это же можно сказать и о том, кто, находясь внутри коллектива, принципиально изменил свои взгляды и вступил с большинством в противоречие. В любом случае авторы этих интерпретаций указывают на сознательное или вынужденное одиночество человека, его отторжение от целого.

В моём же понимании роль «чужого среди своих» выполняет человек Игрек, т.е. культурологический эквивалент математическому символу неизвестной или переменной величины. Он играет, на мой взгляд, роль возмутителя спокойствия и «критика системы». А как ты понимаешь саму ситуацию «Чужой среди своих»?

Кузя: Почему бы тебе не назвать человека Икс Львом Евдокимовичем, а человека Игрек – Борисом Гавриловичем? Так звучит куда неформальнее. Тогда у тебя получился бы замечательный рассказ о том, как где-нибудь в уютном ресторанчике Лев Евдокимович, страдающий подагрой, строил в своём воображении замки любви, а в это время Борис Гаврилович, болеющий радикулитом, своим громогласным голосом обрушивал бы на словах устои общества.

Я: Тебе бы всё шутить. Между тем, по словам другого героя фильма «Дюна», «в бой вступают по необходимости, а не из прихоти». У человека Игрек есть все необходимые бойцовские качества. Он не боится слыть чужаком и всегда готов бросить вызов системе, открыто демонстрируя своё отношение к её порокам.

Кузя: Конечно, легко критиковать систему, находясь внутри неё и пользуясь всеми её благами. А ты попробуй отказаться от всех удобств и выйти на поле брани. Подозреваю, что у Бориса Гавриловича с его радикулитом быстро угаснет энтузиазм в обличении язв общества, как только его полураздетого выведут из тёплого ресторанчика на морозную улицу и поставят к стенке.

К тому же, «один в поле не воин». И система готова поглотить «чужого», ассимилировать или аннигилировать его. Любой позитрон не способен вести длительное сосуществование с электронами или оказывать им сопротивление. Так и твой человек Игрек, как и критически настроенный, но уставший от жизни и больной Борис Гаврилович, распадётся как тлеющий пень при первой же встрече с «чужими» (электронами). Как только последние почувствуют малейшую опасность, они сплотятся для борьбы с внешним врагом. Кроме того, нельзя отрицать и факт группового эгоизма. Ради защиты своего образа жизни даже самые последние аутсайдеры будут сражаться как львы. Ведь за ними стоит незримая поддержка всего коллектива. Кроме того, для них – это возможность сменить свой статус в группе и добиться большего уважения со стороны значимых других.

Я: Кузя! Не нужно принижать роль человека Игрека нелепыми шутками о вымышленном Борисе Гавриловиче. На твой вопрос я отвечу словами из песни «Чужой среди своих», которую мы недавно с тобой прослушали (исполнитель: Марина Демещенко – Polnalyubvi, 2021).

*«Когда во сне приходит тьма,
Я снова ищу тебя
В лицах прохожих чужих,
Когда-то всё же родных.
Их давно уже рядом ведь нет,
Но катится мне же во след
Прошлое камнем в груди,
Чужой среди своих».*

Дело в том, что мы становимся «чужими» чаще всего не по собственной воле, а по недоразумению или стечению обстоятельств. Иногда это преследует нас как проклятье. И тогда мы ищем себя и

не находим в лицах незнакомых прохожих, казавшимися нам когда-то родными. А теперь они стали для нас «чужими». Возможно, мы потеряли с ними духовную связь, а, может быть, её никогда между нами и не было.

Представь себя в коллективе, в котором большинство людей, казавшимися тебе раньше «своими», стали неожиданно для тебя «чужими». Или, иначе говоря, ты сам оказался вдруг «чужим среди своих». Они-то были всегда «своими» друг для друга, а ты, остро почувствовав себя инородным телом в этом хаосе людских отношений и страстей, развеял последнюю иллюзию стать с ними «своим».

Кузя: Согласен. Нести крест «чужого среди своих» тяжело. Это сидит как «прошлое камнем в груди». «Чужой» – это печать на лице, которую тебе поставили ещё в детстве или в юности, и ты, став взрослым, так и не стёр её до конца. Поэтому эту печать безошибочно определяют другие – «чужие» или «свои». Но с нею не рождаются и, как правило, не умирают. А тебе знакомо это состояние?

Я: Каждый из нас хоть раз в жизни был «чужим среди своих» и испытывал всю горечь этого положения. Выйти из этого порочного круга можно лишь тогда, когда начинаешь строить собственную площадку бытия, не вторгаясь в святая святых «своих». У меня это получается, если я занимаюсь своими проектами – конференциями, интервью, журналами и пр., и не обращаю внимание на внешние социальные игры. Но мне знакома позиция человека Игрек.

В финальной сцене фильма Люка Бессона «Анна» (2019) героиня рассказывает своим шпионам-любовникам о том, что находится внутри русской матрёшки. Много разных кукол – девушки, которые могли бы стать моделями, шпионками, учительницами и пр. Но что происходит с последней куклой, находящейся внутри всех? Её черты не так отчётливо видны, как у кукол побольше. При этом она остаётся маленькой, беззащитной девочкой, которая ещё не сделала свой жизненный выбор и её будущее до конца не predetermined. Каждый человек, устав от борьбы с превратностями судьбы и пороками системы, находит глубоко внутри себя такую «девочку» или «мальчика», которым просто хочется жить, любить и быть любимыми. И взрослые игры им претят.

До того, как человек окажется «чужим», он ещё может изменить ситуацию, вспомнив о своём изначальном образе («мальчике» или «девочке»). Да и став человеком Игрек, он и тогда не потерял для

себя. У него есть собственный мир, в который не смогут проникнуть ни «свои», ни «чужие». Главное для него – сохранить в себе своего «мальчика» или свою «девочку».

Кузя: Да, участь «чужого» незавидна. Нельзя безнаказанно поделить поделённое или пытаться контролировать уже подконтрольное, не рискуя вызвать жестокое сопротивление прежних местоблюстителей. И всё же ты, мой друг, не избавился полностью от комплекса «чужого» и иногда тешишь себя надеждой стать «своим среди своих».

Я: Это происходит со всеми, кто берётся за дело, у которого уже есть свой местоблюститель. Ты же сам об этом говоришь. Но я давно расстался с иллюзией занять то место, которое мне по праву не принадлежит. У меня уже есть своё место, которое я сделал своими руками, не прибегая, как мне кажется, к покровительству или другим техникам социального влияния.

Кузя: Но это не избавляет тебя от необходимости играть роль человека Игрек. И здесь я другое имею в виду. «Чужой» убеждён в своей избранности. Он уверен в том, что может распорядиться любым местом лучше, чем другие «свои». При этом его чрезмерная и не всегда объяснимая социальная активность угрожает местоположению тех, кто давно уже освоился с местом и считает его «своим». «Чужому» же на его освоение и последующее присвоение не хочется тратить времени. Вот он и бросается, как на амбразуру, на местобытие других, пытаясь им что-то доказать, вместо того, чтобы заняться тем, что у него лучше всего получается, когда он находится на своём месте.

Я: А разве часто не бывает так, что место, действительно, используется человеком, который его не достоин. Это как первый год езды на автомобиле, когда аварии и столкновения практически неизбежны, хотя ты стараешься соблюдать правила. Потом, спустя несколько лет ты начинаешь ездить «на автомате», не обращая внимание на правила, и ведёшь себя менее осторожно на дороге, чем прежде. Ты теряешь бдительность, делаешь одну ошибку за другой. А значит твоё место в автомобиле, как минимум, потенциально не безопасно, а, как максимум, используется не по назначению.

Кузя: К месту (должности, званию, положению и пр.) быстро привыкаешь и со временем начинаешь считать, что оно дано тебе по заслугам. А это не так. Вот для этого и нужны «чужие» (претенденты на должность, новые лидеры, оппоненты), которые, по-

добно хищным рыбам, заходят в спокойные воды, чтобы поймать зазевавшуюся жертву. Как говорится в вашей поговорке: «На то и щука в море, чтобы карась не дремал». Нужно всегда быть готовым к неприятностям. А многие из вас «обросли жирком» и потеряли бдительность, перестав ценить то место, которое им досталось в силу разных причин.

Как правило, «свои» связаны прочными цепями с местами и не желают их уступать. Они и «лидеров» себе выбирают соответствующих, чтобы не мешали их местопребыванию. И тогда нужен тот, кто привнесёт дух перемен во всё это «уютное» болото, где каждый кулик ценит только свою кочку. Только сильный и бесстрашный «Чужой» (человек Игрек) может не просто расшевелить это болото, но и иссушить его навсегда. Поэтому он обязательно нужен «своим», чтобы те, подобно карасям, не расслаблялись.

Вместе с тем я восхищаюсь «чужим среди своих». Этаким Борис Гаврилович в молодости, с крепкой статью и орлиным взглядом. В его скрытом вызове есть что-то первобытное, берущее начало от зова предков или от средневекового «Иду на Вы». Противостоять толпе «своих» (когда-то освоивших и присвоивших себе «чужое» место) может не каждый, а только отважный человек, который знает настоящую цену содеянного ими. Никакое место нельзя занимать долго. Рано или поздно человек уходит, а место остаётся, продолжая служить интересам совсем других людей. Ведь «свято место пусто не бывает».

Впрочем, дело даже не в месте или местоположении, а в вашей зависимости от них, которую вы приняли на себя добровольно. Такая местозависимость превращает вас в «рабов лампы». Только лампа делает джинна могущественным существом, а вас зависимым и слабым.

Я: Столько обвинительного пафоса. Но ведь бывают моменты, когда человек Игрек как «чужой среди своих» не может радикально изменить ситуацию. Возможно, ему следует перестать быть таковым и поменяться местами со «своим»?

Кузя: Увы, мир изменился и люди помельчали. Им уже не хочется быть героями. Помнишь как в фильме «Конёк Горбунок» царь-девица говорит: «Что это за мир, в котором витязей заменили конюхи. Это плохой мир. Таким девушкам, как я, в нём делать нечего». И только в сказке достаточно изменить заряды людей («перезарядить»), как они преобразуются. На практике же это, как правило, делает опытный ли-

дер, который производит ритуал посвящения «чужого» («конюха»), превращая его в «своего» («витязя»). Достаточно назвать заветное слово («свой») или произнести примиряющее выражение (например, «это – наш человек, и к нему следует относиться хорошо»). Так что твой человек Игрек с удовольствием сбросит с себя маску «чужого», как только за него поручится «свой» или ему предоставится другая возможность.

Я: Не нужно опять же унижать человека Игрек. Инициация новичка происходит в любом коллективе. Куда сложнее тому, кто в нём давно работает, но по-прежнему считается «чужим». Ты можешь предложить, например, для него выход?

Кузя: Имеется несколько способов стать «своим» или слыть за «своего» (социальная «мимикрия», техника «быть как все», «покровительство» и пр.). Так, например, многие молодые люди, чтобы успешно делать карьеру в науке или образовании, находят себе покровителей среди сильных мира сего.

И ты, наверняка, знаешь таких молодых (и не очень) протеже. Конечно, они не произносят клятву верности своим покровителям, но ведут себя подчёркнуто лояльно по отношению к ним, за что последние предоставляют им возможности карьерного роста. Среди привилегий им дано, в частности, право получать престижные должности или задания, а также комментировать своих покровителей. Но особенно они упорны в преследовании «чужих», прежде всего, инакомыслящих, которые угрожают их клану или лично самому покровителю.

Вот так я себе представляю «перевёртышей» в системе, сменивших заряд с положительного на отрицательный. Конечно, это – не всегда молодые, но чаще всего голодные «цепные псы» системы. Увы, так устроено ваше сообщество, в котором почетные места всегда достаются тем, кто стоит выше в социальной иерархии, а рядом с ними неизменно находятся служители и хранители местобытия клана.

Я: И после этих слов ты надеешься, что тебя не будут считать «чужим среди своих». Ты ведь ставишь под сомнение самую основу основ системы местовладения большинства людей независимо от их взглядов и идейных предпочтений. Это одинаково присуще как политическим деятелям («левым» или «правым», либералам или консерваторам), так и академическим ученым. Они все живут в логике местопочитания.

Кузя: Бог с тобой. Зачем мне посягать на устои российской жизни, где испокон веков существовала система мест кормления. Если вы так привязаны к своим местам, то кормитесь и дальше. Но, боюсь, что «чужим» среди вас не будет прохода, а значит и ждать перемен вам не стоит.

Я: Да, у нас преобладает система мест кормления, которыми разделяются представители «своего» клана, а где-то доминирует система отчуждения мест в пользу крупных хищников (акул бизнеса, политических и финансовых олигархов). Хочу ещё добавить, что в состоянии «чужой среди своих» нет той безысходности и тоски одиночества, которая присутствует в словах автора вышеупомянутой песни.

*«Мои чувства – лишь крики в пустоты вселенной,
Наполненной эхом безысходных возмездий.
В мире этом остались лишь бури и кратеры,
И сердце, что верно и хорошо спрятано».*

Как бы мы глубоко ни прятали сердце, оно остаётся уязвимым в житейских невзгодах, вбирая в себя боль всех прежних утрат, связанных с местобытием. И это относится как к молодым и самонадеянным, так и к опытным старикам, закалённым житейскими бурями. Так что человек Игрек будет востребован до тех пор, пока кому-то потребуется играть роль «возмутителя спокойствия».

Кузя: Беда лишь в том, что люди Игреки идут в бой чаще всего не за правое дело, а за место под солнцем. Поэтому у твоего человека Игрек нет ничего за душой, кроме боли и отчаяния. Ему нечего терять, кроме своих цепей (привязанности к месту). К тому же нельзя потерять то, чего у тебя уже нет (прежнего места) или никогда не было (желаемого места). Но и в новой системе у такого человека нет своего места. Свобода, жизнь и другие ценности дарованы нам свыше. Не нам их и отнимать. Всё остальное (благополучие, статус и пр.) связано с местом, которое ещё предстоит освоить или завоевать.

Человек Игрек мне напоминает мастера у М. Булгакова, у которого сгорела рукопись, а его самого поместили в психлечебницу. Но, потеряв рукопись и свободу, он ещё не потерял жизнь. Да и рукописи, как известно, не горят. Теперь ему остаётся только ждать подходящего случая, чтобы ему помогли обрести покой. Поэтому

он, в отличие от человека Икс, не ищет и не стремится отвоевать своё место, а полагается на судьбу или случай. Помнишь знаменитые слова Воюанда. «Никогда ни у кого ничего не просите, особенно у сильных Мира Сего – сами придут и всё дадут».

Я: И что же, человеку Игрек остаётся лишь уповать на то, что его заметят и оценят сильные мира? А как же свобода воли?

Кузя: Свобода тоже нам дарована свыше. Надо только правильно ею распорядиться. Идеальная ситуация складывается тогда, когда вождённое местобытие само «падает» на тебя, а ты при этом уже готов принять его. А лучше всего не привязываться к определённом месту, а наслаждаться тем, что тебе даровано.

Я: Но тогда речь точно не идёт о человеке Игрек. Зачем нам обсуждать сегодняшнюю тему, если всё давно предопределено наверху, в т.ч., и то, быть «своим» (человеком Икс) или «чужим» (человеком Игрек)? Или это относится к той узкой полоске самобытия, которую называют бытием в его непосредственной данности и фактичности (экзистенцией, вот-бытием)?

Кузя: Много названий для одного и того же феномена – индивидуального существования, подчинённого мировому духу. Я предпочитаю использовать термин «местобытие». Он больше соответствует сущности человеческого бытия, укоренённого в месте.

Я: Тебе не надоело играть в объективный идеализм гегелевского толка?

К диалектике «своего» и «чужого» в мире людей

Кузя: Нет, нисколько. Полагаю, что самый раз воспользоваться диалектическим методом Гегеля и представить дело следующим образом: для «своих» иногда нужно быть «чужим», чтобы не допустить застоя в сложившейся системе, а для «чужих» следует быть «своим» дабы вносить разнообразие в бытие общества. «Своизм» и «чужизм» – два полюса разделённого бытия людей, привязанного к месту. Первый – это черта, за которой начинается культурное вырождение и духовное разложение, а второй – граница безысходности и одиночества, которую люди обустроивают собственными руками, стремясь уйти от ответственности за свою судьбу. В последнем случае человек сам себе придумывает ветряные мельницы, чтобы подобно Дон Кихоту броситься на них с мечом или копьём. Гармония же предполагает «срединный» путь и равнодушное

отношение не только к месту, но и к самому себе. Для этого вам дана самоирония.

Конечно, «свои» и «чужие» – вестники перемен. Их можно назвать Иными. Проблема лишь в том, что твои Икс и Игрек, не обладая постоянными местами, всё же стремятся к их присвоению или освоению. А значит они не свободны и не отрицают систему местовладения в целом.

Я: На первый взгляд, бытие «посредине» и есть бытие самим собой. И как в нём обойтись без места, которое дано нам «здесь-и-сейчас». Ведь Родина – это тоже местобытие.

Кузя: Позволь с тобой не согласиться. «Своё» и «чужое» бытие – два полюса междубытия. Только последнее их объединяет и само является по сути трансграничным. Бытие-Самим-собой или бытие-е-Самого-по-себе есть лишь одна из сторон бытия, которая сосуществует с бытием-Иным или бытием-Иного и обозначает границу внутреннего «своего» (самости). А есть ещё внешнее «своё», т.е. то, что объединяет тебя с людьми, близкими по духу и местоположению («бытие-с-другими»). И здесь «свой» характеризует групповую идентичность человека («мы-идентичность»), являющуюся в свою очередь результатом осознания его принадлежности к другим (связанности с ними образом жизни, конкретным местом, общей судьбой и т.д.).

Я: Как ты сказал вначале, если «свои» – это люди с одним ментальным зарядом (например, «позитроны»), то «чужие» относятся к другой полярности – «негатронам». И их, в отличие от Иных (людей Икс и Игрек), объединяет общее местоположение и желание сохранить статус-кво.

Кузя: Не совсем так. Другие «свои» и «чужие» могут иметь как положительный, так и отрицательный ментальные заряды (электроны или позитроны). Однако ты прав, что у людей Икс и Игрек заряд остаётся одним и тем же. Он направлен на изменения. Так, в ситуации «свой среди чужих» положительным зарядом обладает «свой», а в ситуации «чужой среди своих» – «чужой». Вот так человек и становится бытием-Иного, которое дано вам наряду с бытием-самого-собой. Иной (Икс или Игрек) – «свой» по отношению к «чужим-самим-по-себе» и «чужой» по отношению к «своим-самим-по-себе». Кроме того, его отличают противоречивые черты – отсутствие постоянного места и стремление к местовладению, что, по-видимому, и толкает его к изменению окружающего мира.

Следовательно, «свой Иной» и «чужой Иной» – две ситуативно возникающие ипостаси человека-позитрона, который не является бытием-самого-по-себе. Он всегда Иной по сравнению с другими-самими-по-себе («своими» или «чужими») и продолжает оставаться таковым до тех пор, пока заряжен положительно и не имеет места. Вместе с тем его инаковость в связках «свой-чужие» или «чужой-свои» имеет один и тот же заряд, тогда как «свое» или «чужое» большинство, существующее само собой, обладает как правило, отрицательным зарядом, располагающим к стабильности.

Я: Значит ли это, что Иной, кроме всего прочего, противопоставит бытию-самих-по-себе?

Кузя: Именно так. Бытие-Иным является способом трансграничного бытия (междубытия), которое допускает переходы от состояния «свой» к состоянию «чужой» и наоборот. А бытие-самих-по-себе отличается большей определённой и сильной привязанностью к месту. Оно возможно только «здесь-и-сейчас», а не «там-и-тогда». Трансграничность же бытия-Иным предполагает движение типа «то здесь, то там» и нигде не определено. Другими словами, оно находится не где-то конкретно, а сразу везде. Вот почему Иной вступает в противоречие с действующими местообладателями, опасаящимися посягательств на их статус. Для них он непредсказуем и даже опасен. Так, для «чужих-самих-по-себе» Иной как «свой» (Икс) может стать конкурентом и претендентом на их места, а для «своих-самих-по-себе» он как «чужой» (Игрек) является потенциальным разрушителем установленного порядка.

Я: Где же тогда выход, если Иной отторгается как «чужими», так и «своими»? Для тех и других он представляет прямую опасность.

Кузя: Я уже приводил тебе пример «перезарядки» молодых или бывших Иных, которая предполагает их перекодировку с «чужого» на «своего» или обратно. Но это можно сделать лишь с добровольного согласия человека и с помощью значимых других, имеющих авторитет в коллективе (лидеров или покровителей). Но, увы, некоторым людям на роду написано оставаться Иными всю жизнь.

Я: Как-то всё безнадежно звучит. В любом случае я с тобой согласен, что выход на социальную сцену Иного, будь то человека Икс или человека Игрек, – это знак перемен, ведущих к нарушению статус-кво. Одним своим появлением они заставляют коллектив «чужих» или «своих» мобилизоваться, а при удачном для них стече-

нии обстоятельств могут изменить всю структуру лидерства. Вместе с тем я хочу возразить тебе в том, что они (Иные) стремятся во что бы то ни стало к переустройству существующей системы местовладения или местообладания. Мой личный опыт как раз показывает, что можно, оставаясь Иным, создавать своё место самому, а не встраиваться в имеющуюся систему.

Кузя: Но это не освобождает Иного от местозависимости. Ты вот создал журнал и ведёшь его на протяжении 24-х лет. И сколько сил и ресурсов ты потратил за эти годы на поддержание места. К тому же всегда были те «чужие», которые хотели отобрать у тебя это место.

Я: Значит и место должно быть таким, чтобы его трудно было отобрать или присвоить. Кроме того, нельзя поменять систему местовладения в одночасье и решить проблему «свой-чужой», не преодолев разделения мира на зоны влияния. Даже такая страна, как Россия, является в определённом смысле «чужим» Иным (Игреком) по отношению к Западу, тогда как в отношениях с остальным миром она, возможно, выступает «своим» Иным (Иксом). Многие незападные страны не во всём понимают Россию и даже опасаются её, но их объединяет с ней неприятие Запада и его образа жизни.

Кузя: Всё так. Но Россия – не человек, хотя я и допускаю возможность её существования как живого организма. Внутри неё имеются также Иные, призывающие к изменениям, и Сами-по-себе, довольствующиеся тем, что у них есть и, прежде всего, своим местоположением. Так, например, ваша так называемая системная оппозиция относится к «чужим» Иным, навязывающим российскому обществу западные ценности, а те, кто стремится переустроить его на собственных культурных основаниях и посредством сохранения традиционных ценностей, – к «своим» Иным. И те, и другие Иные имеют дело с самими-по-себе, составляющими большинство вашего общества и образующими тем самым костяк его социальной структуры. Последние представляют собой в значительной мере инертную массу, встроенную в систему местовладения и массового потребления.

Я: Кузя! Не очень-то ты уважительно высказываешься о большинстве российских людей. Так в чём же состоит твоя диалектика «своего» и «чужого»? Только лишь в обнаружении противоречия между бытием-Иного или бытием-Иным, с одной стороны, и бытием-Самим-собой, с другой? А где тогда твой «срединный» человек, который якобы олицетворяет собой гармонию?

Кузя: Ты затронул главный аспект проблемы «свой-чужой». Иной («свой» или «чужой») – это «человек без места», имеющий положительный заряд и стремящийся к изменениям в окружающем мире. Тот, кто существует Сам-по-себе, – существо, заряженное отрицательным зарядом и зависимое от конкретного места, а потому не склонное к переменам. В отличие от них, Человек Гармонии есть местоблюститель всего бытия. Поскольку он принадлежит Богу и созданному им миру, то в этом смысле является одновременно божественным и мирским существом. Новый человек Вселенной ещё только должен появиться на мировой арене. И именно ему предстоит окончательно преодолеть различие «свой-чужой». А пока вы должны научиться терпимо относиться к разным («своим» и «чужим») Иным. Без них ваше общество обречено на стагнацию и культурную деградацию.

Я: Увы, нам уже не раз предлагали разные утопические проекты нового человека и даже сверхчеловека (Маркс, Ницше, Фромм и др.), но пока это ни к чему хорошему не привело. Миром по-прежнему правят те, кто выступает от имени самих-по-себе, и обладает всей полнотой богатства и власти. Вот почему Иные, как только получают доступ к вожделенным местам, тут же теряют свою инаковость.

Но думаю, Кузя, что мы не сможем сегодня исчерпать с тобой столь большую тему. Не пора ли нам заканчивать, оставив возможность другим домыслить то, что мы упустили?

Кузя: Пора, мой повелитель. С наступающим Рождеством, друзья! Желаю вам на Рождество получить в подарок своего Конька-Горбунка, чтобы научиться летать, хотя бы с его помощью. И чтобы вам не пришлось ему говорить: «Конёк, я лечу...», а ему отвечать: «Это я лечу. А ты у меня на шее сидишь». Летайте самостоятельно, летайте силой лишь одной мысли и независимо от разных ментальных зарядов.

Я: А я хочу пожелать вам не бояться быть Иными – человеком Икс или человеком Игрек (на ваше усмотрение). Перевозплощайтесь на здоровье, друзья! Или оставайтесь Самими-собой при своих уютных местах. Вам выбирать. А мы с Кузей свой выбор уже сделали. Об этом вы уже знаете из текста, раз смогли прочитать заключительные строки. С Рождеством вас и ваших близких!

05-07.01.2022 г.

Раздел IV. ЧТО ЗНАЧИТ ЗАПЕЧАТЛЕТЬСЯ?

4.1. Что такое запечатление?

Вместо предисловия. Друзья! Ничто так не умиляет взгляд, как котики за трапезой. Лично мне доставляет удовольствие их кормить, а ещё большее – наблюдать за ними. Это относится как к домашним питомцам, так и к уличным путешественникам. Думаю, что в этом наблюдении я не одинок. И не нужно ждать от них благодарности. Поев, они обычно идут по «своим делам», не обращая внимания на их кормильца. Так что мы делаем это не столько для них, сколько для себя. К тому же любой хороший или добрый поступок должен быть наказуем равнодушием тех, кому он предназначен.

Но какой в этом смысл? – спросят меня одни читатели. Всех уличных котиков или собак всё равно не накормить. Другие же им благоразумно возразят и скажут, что надо помогать ближнему, т.е. человеку. Котов же следует предоставить их судьбе. Пусть о них позаботится Всевышний.

Но если так рассуждать, то каков вообще смысл в нашей жизни? Разве только в том, чтобы жить, руководствуясь сиюминутными целями и сообразуясь лишь с антропологическим ландшафтом мира? Или всё-таки следует попытаться осуществиться в мире, полном биосоциального и иного природного разнообразия? Например, многие дети, воспитанные на сказках и став взрослыми, продолжают жить в мире мифических персонажей – былинных богатырей, Ивана Царевича, Бабы Яги, Кощея Бессмертного, Змея Горыныча, Деда Мороза и пр. А потом к ним приходит вместе с постигаемым и другие краски мира. А ещё дети, как и котята, любят играть. Как известно, игра – одна из самых древних форм социализации живых существ. И в этом люди мало чем отличаются от других животных.

Но и взрослые люди придумывают себе игры и разных героев. Так, в известном фильме «Сумерки» актёр, играющий «хорошего» оборотня, рассказывает о традиции, согласно которой каждый из них должен запечатлеться со своей второй половинкой. Но, кроме половинки (любимого человека или иного существа), мы

можем запечатлеваться и с другими людьми, животными, природными явлениями (лесом, горами, океаном, звездами и пр.). Многие из нас, путешествуя в чужих краях, хотели бы унести с собой прекрасные и завораживающие образы природы, произведений искусства или городской среды. Тем самым мы желаем запечатлеться с ними, а также выразить себя через них.

Запечатлеться – это и значит впустить чей-то мир в себя или войти в бытие чего-то или кого-то, стать его значимой частью и тем самым взять за него ответственность. Как часто говорят герои голливудских фильмов, мы определяем то, что мы есть, совершая поступки, и далее в таком же духе. Но ещё мы размышляем, мечтаем и предчувствуем. И это тоже мы. Запечатлеться – это значит сделать свой выбор и тем самым дополнить или расширить себя. Для запечатления не подходят черно-белые картинки, присущие логике массового мышления. Возможно, жизненный мир состоит из того, что мы успели запечатлеть в виде устойчивых и долговременных образов, которые поддерживают наше духовное единство.

Феномен запечатления

Я: Кузя! Что ты думаешь как о самом процессе запечатления, так и о людских предрассудках про рыжих котов.

Кузя: Я думаю о том, что ты поведал мне. От слов твоих мне не по себе. Согласен ли с тобой, не знаю я. Но точно знаю, что я запечатлён. Тобой ли, не уверен. В тебя ли, не пойму. Весь мир становится моим, когда я с кем-то диалог веду.

А что касается рыжих, то, как ты сказал, это ваши предрассудки. У нас рыжий цвет не вызывает каких-либо особых ассоциаций. Это всего лишь случайная игра генов.

Я: Видишь ли, мне важно то, что ты запечатлен. Так бывает. У каждого из нас имеется свой мир иного, с которым мы запечатлены и в который мы переносим самые сокровенные желанья. Вот ты, Кузя, чего больше всего на свете хочешь?

Кузя: Не знаю. Я просто живу и всё. А как связаны между собой «кормление котиков» и запечатление?

Я: Когда мы кормим животных, то запечатлеваемся в их судьбе, становимся её частью. Запечатление с ними предполагает чувственное восприятие друг друга, базирующееся на доверии. Напри-

мер, рыжий котик, которого мы взяли с улицы и приручили, – самый смелый из шестерых котят – подходил ко мне перед кормлением и долго смотрел в глаза. Так он пытался определить, можно ли мне доверять. И каждый раз он подходил всё ближе и ближе. А потом бросился мне прямо в ноги и позволил себя взять на руки. По-видимому, он принял меня в свой мир. А я принял его. Вот это я и называю запечатлением. Именно взаимное доверие, которое интуитивно считывается обеими сторонами, является предпосылкой запечатления между живыми существами. Запечатлеться – это значит не только принять Другого, но и впустить его в себя, взять ответственность за него. И это имеет отношение к приручению, как в известной фразе «Мы в ответе за тех, кого мы приручаем». Мы приручаем тех, с кем мы запечатлеваемся. И наоборот. Но и Вы, коты, тоже запечатлевайтесь, приручая нас.

Кузя: Ещё как приручаем. Но не всех можно приручить. Ты не думаешь, что котята, которых ты кормил на своём дачном участке и которые затем ушли вместе с кошкой, уже забыли о тебе, как только получили то, что хотели – пищу и ласку? Кроме того, запечатление есть момент единения, которое достигается между живыми существами на разных уровнях взаимодействия (физическом, социальном, духовном).

Я: Нет, не думаю, что котята обо мне забыли. У вас, котов уникальная память. Вы помните всё, что когда-либо видели и чувствовали. Что же касается запечатления, то я согласен с тобой. Это – момент единения душ и тел, если речь идёт о разумных существах. А ещё бы добавил от себя: их взаимоотображение. Ведь суть запечатления заключается во взаимной проекции двух и более субстанций (живых существ, символических объектов и пр.), в результате которой устанавливается глубокая психологическая связь между ними. При этом они не «растворяются» друг в друге, а «породняются», т.е. становятся «родными душами».

Кузя: Нашёл кому говорить про котов. Нам не ведомы человеческие чувства – жалость, сострадание, милосердие, благодарность и пр. Мы просто вас принимаем или нет, иногда используем, как и вы нас. И то, что ты называешь доверием, на самом деле связано с ощущением допустимой для нас меры безопасности, в т.ч. при получении вознаграждения (корма). Иногда некоторые из людей внушают нам чувство опасности и мы стараемся держаться от

них на разумной дистанции. С такими людьми у нас не происходит запечатление.

Я: Называй это как хочешь, доверием или чувством безопасности. Но я не верю в то, что вами движет лишь одно желание использовать нас.

Кузя: И всё же наша жизнь на замыкается на вас. Нам гораздо интереснее постигать мир запахов, звуков, красок и пр., которые соединяются в причудливые чувственные образы. Так происходит запечатление с миром, который нас окружает. Вас же мы воспринимаем отчасти как ненормальных, безволосых и прямоходящих котов. Ты именно это хотел от меня услышать?

Я: Нет, конечно. Мне кажется, что ты сознательно рисуешь карикатурные образы и что-то недоговариваешь.

Кузя: Знать – не значит видеть. Видеть – не значит понимать. Понимать – опять же не значит постичь нечто, проникнуть в его тайну. Просто у нас другие способы постижения мира, а вы о нас судите по аналогии с собой и в привычных для вас терминах. Запечатлеться с нами удаётся не каждому человеку. Не все из вас готовы принять нас как самостоятельных и оригинальных субъектов. Большинство людей воспринимает котов как «братьев меньших», недооценивая их интеллектуальные и духовные возможности.

Когда мы размышляем о запечатлении, то забываем о том, что у него есть антипод – «удостоверение себя в мире посредством самоутверждения», которое напрямую связано с возведением замка тщеславия и собиранием знаков внимания к своей собственной персоне. Здесь важно казаться, слыть, а не быть. Именно таковыми мы воспринимаем многих людей. Они не перестают самоутверждаться, в т.ч. в отношении нас.

Я: Думаю, что запечатление и самоутверждение – не антиподы, а скорее всего, спутники. Запечатление укоренено в «глубинном» бытии человека, а удостоверение себя в мире посредством самоутверждения выражает поверхностный слой бытия. Но всё-таки, кто же вы такие с точки зрения дихотомии «запечатление – удостоверение»? Неужто вам чуждо самоутверждение?

Кузя: Мы такие, как есть («четырёхлапые», «пушистые», «ушастые» и «хвостастые») и мы предпочитаем не удостоверять себя в мире или не самоутверждаться. Нам это не нужно, чтобы «укорениться» в бытии. А существуем мы потому, что с нами нечто слу-

чается, причём не просто случается, а происходит иначе, чем у кого-либо. Вот мы и отличаемся от вас своей инаковостью, оставляя за вами право быть другими иными.

Следовательно, у каждого из нас имеется свой путь к инаковости, но у нас это «случается» (самопроизвольным образом) и «укореняется», а у вас – преимущественно «складывается» (в зависимости от желаний или интересов) или происходит в соответствии с объективными обстоятельствами (например, природными стихиями). Но и ваш реальный жизненный путь чаще всего соединяет в себе запечатления и самоутверждения. К примеру, запечатление с Космосом случается, а дорога в космонавты складывается. Можно всю жизнь мечтать стать космонавтом, но так и не стать им, а можно преодолеть все препятствия, пройти профессиональную подготовку и полететь в космос. Нельзя просто родиться космонавтом, запечатлевшись однажды с Космосом.

Я: Конечно, нельзя родиться сразу в скафандре, но можно, как минимум, родиться космонавтом по духу. Иногда этого бывает достаточно, чтобы жить с ощущением Космоса. Кстати, ситуацию взаимодействия разных иных (миров) можно описать также при помощи принципа: «каждый существует в мире подобно другим, но по-своему». Удостоверение себя в мире как существование на плоскости (поверхности бытия) и впечатление как укоренённое бытие встречаются в жизни каждого существа. Думаю, что этим объясняется отчасти и наше с тобой сосуществование.

В отличие от обобщённого Другого, который, как ты говоришь, складывается, я рассматриваю запечатление как состояние дифференцированного Иного, в котором единство возникает ситуативным образом. Именно этим оно отличается от удостоверения себя посредством самоутверждения. Причем запечатление случается вопреки рациональным соображениям. Мы не знаем, как это происходит, но чувствуем наверняка, что уже произошло. А вот самоутверждение чаще всего происходит по нашей воле или под воздействием объективных факторов, которые можно наблюдать.

Кузя: Вот именно, случается, а не складывается... Случающееся относится к судьбе и наполняет жизнь естественным (самопроизвольным) образом, а складывающееся – к субъективному произволу или объективным обстоятельствам, которыми люди пытаются заполнить вакуум, образовавшийся в их жизненном мире. Следова-

тельно, случается однажды и только с тобой или со своим Иным, а складывается время от времени с чужим Другим или Иным. По-видимому, с вами, людьми, чаще происходит то, что складывается по вашей или чужой воле и в соответствии с внешне обусловленными целями. Запечатлевающему в большей мере принадлежит авторство на произведения своей жизни, чем самоутверждающемуся.

Я: На мой взгляд, эти разные позиции одинаково характерны как для людей, так и для котов. Запечатление и самоутверждение – не антиподы, а спутники, сопровождающие нас по жизни. С точки зрения запечатлевающегося, жизнь не представляет собой единую и неделимую ткань. Она полиситуативна и множественна. А с позиции удостоверяющего себя в мире или самоутверждающегося, жизнь есть неуклонное восхождение к вершинам признания и славы, а затем – неизбежное падение. Последнее котам также не чуждо.

Что касается авторства на «произведения жизни», то здесь ситуация не столь однозначна. Если запечатление случается, спускаясь на нас с небес или ещё каким-то неведомым или трансцендентным образом, то всё, что мы делаем в жизни, определяется не только нами, но и кем-то (или чем-то). А значит, различие между запечатлением и самоутверждением заключается не в том, что одно случается естественным образом (самопроизвольно), а другое складывается под воздействием внешних причин, а в том, что у них имеются разные источники обновления жизни – трансцендентное и имманентное. Первое недоступно нашему опыту (поэтому «случается»), а второе – присуще вещам и предметам, которые мы способны постигать.

Кузя: Это в теории, а на практике вы, люди, чаще всего воспринимаете жизнь как непрерывно длящееся самоутверждение, как поток реки, у которой есть исток, постепенно расширяющееся русло и широкое устье. На исходе жизни вы стремитесь получить максимум общественного признания. Практически каждый из вас желает, чтобы ему воздали по заслугам, а иногда и больше того. Поэтому самоутверждение – социально зависимая позиция. Оно свидетельствует о неполноте и ущербности человеческого бытия.

Мы же живём много раз: начинаем, продолжаем, завершаем одну жизнь, а потом ведём другую и т.д. Поэтому у нас не девять жизней, как принято считать, а гораздо больше. И столько же раз мы запечатлеваемся. Это, как купание в небольших озерах, разбросан-

ных на огромной территории. Мы совершаем переходы от одного озера к другому. И на первый взгляд внутри нас нет ничего такого, что объединяло бы эти озера между собой. Каждый раз мы, найдя подходящее озеро и посмотрев в его зеркальное отражение, запечатлеваемся заново и начинаем жить по-другому.

Я: Ты хочешь сказать, что ваша жизнь случается каждый раз заново, а наша – складывается по каким-то субъективным или объективным, чаще всего внешне обусловленным признакам? Но ведь когда-то, много сотен тысяч лет назад, там, где жили ваши далекие предки, был вулкан или ледник, которые и создали эту цепь озер. А значит воображаемые озера вашей жизни имели реальные аналоги, которые зачастую складывались объективно, а не случались по каким-то неизвестным причинам. Вы не всегда выбирали то, в чём и как вам предстоит запечатлеться, а чаще всего перетекали из одного озера в другое, повинуясь как природному, так и трансцендентному началу. Но, кроме природного ландшафта, вашу жизнь объединяет глубокое родовое прошлое, от которого, возможно, остались лишь одни архетипы коллективного бессознательного. Так что запечатление в вашем случае также детерминировано извне, как и наше самоутверждение.

Кузя: Каким бы ни было наше далекое прошлое, мы живём сегодня или сейчас. А завтра, возможно, у нас будет уже другая жизнь, т.е. иная конфигурация событий. И в ней отсчёт времени начнется заново. Запечатлевая кого-то или что-то, мы начинаем новую жизнь. Это, с одной стороны, психофизическое единение с кем-то или с чем-то, а с другой, духовное перерождение. Самоутверждение как удостоверение себя в мире разъединяет людей, разделяя их по разным сторонам условных баррикад. В нём господствует принцип «каждый сам за себя».

Я: Я не знаю, откуда ты набрался всей этой интеллектуальной чуши, состоящей из смеси предрассудков и ложных установок. Ты утверждаешь, что запечатлеваются много раз, тогда как самоутверждение, если его человеку не удастся остановить, длится долго, до самого конца. С твоей же точки зрения, запечатлевающийся наполняет свою жизнь смыслом, а самоутверждающийся руководствуется лишь интересами, привнесёнными извне. Но тогда вам, котам, остаётся запечатлеваться снова и снова до тех пор, пока вы не исчерпаете ресурс своего организма. И делаете вы это

не по собственной воле, а подчиняясь внешним обстоятельствам (например, природной стихии) или трансцендентному (запредельному). Отсюда следует, что запечатление может случаться и по объективным или трансцендентным причинам. Причём оно случается не в результате нашего выбора, а где-то сверху («на небесах» или под воздействием иных факторов).

Кузя: Не совсем так. Да, никто из нас не выбирает то, по какому пути идти. Мы идём туда и остаёмся там, где запечатлеваемся. Конечно, можно самоутвердиться и запечатлеться в одно и то же время. А смысл есть и в самоутверждении, хотя он детерминирован извне и лежит на поверхности бытия. Да, запечатление совершается многократно: столько, сколько некто успевает что-то запечатлеть и сделать прибежищем для своей души. А его смысл состоит в полном погружении в мир, укоренении в бытии иного и породнении с ним. Разница между нами (котами) и вами (людьми) состоит лишь в том, что мы запечатлеваемся тотальным образом (со всем окружающим миром сразу), а вы – частично и локально. Запечатлеться со всем миром вам мешает социальность или культура, диктующая свои законы и нормы. Поэтому большая часть вашей жизни протекает в лоне удостоверения себя в мире (самоутверждении). К примеру, чтобы осуществить своё жизненное призвание, которое формируется посредством запечатления ещё в детстве и юности (как, например, приобщение к профессии), вам приходится считаться со множеством социальных обстоятельств (образование, карьера, деловая репутация и пр.).

Я: Нельзя «укорениться» в том, что тебе дано свыше. И наше жизненное призвание реализуется не только в запечатлении, но и в ходе воспитания и образования, которые ты относишь к факторам самоутверждения. Что же касается тотальности запечатления мира, которое якобы присуще вам, котам, то здесь можно с тобой поспорить. Запечатление целостно по своей природе. Нельзя запечатлеться с кем-то или с чем-то наполовину или частично. Иначе запечатление не произойдёт. А вот самоутверждение всегда избирательно. Можно работать не в полную силу, т.е. не погружаясь целиком в процесс деятельности. Для самоутверждения важен не столько показатель качества деятельности, сколько ожидаемый результат. По нему и складывается мнение значимых окружающих (референтов), на признание которых и ориентировано в первую очередь поведение самоутверждающихся.

Да, удостоверяя себя в мире, т.е. самоутверждаясь, мы попадаем в паутину социальных обязательств, которые предписывают нам определённую модель поведения. Мы вынуждены считаться с ожиданиями других людей и в первую очередь – референтов, от которых зависит успешность выполнения наших жизненных программ и самооценка.

Удивительно, но запечатлеваясь, мы достигаем аутентичности наших стремлений и желаний, позволяя себе жить «естественным», обычным образом и отождествляя себя с предметом запечатления. А это значит, что, будучи трансцендентным по своему происхождению, запечатление, тем не менее, открывает новые экзистенциальные возможности для бытия человека, а тем самым – его путь к истинно человеческому и подлинному в себе. Следовательно, запечатление, возможно, способствует очищению («просветлению») экзистенции как подлинной духовной оболочки человека.

Следует отметить, что в ходе жизни человек использует обе перспективы (запечатление и самоутверждение), корректируя тем самым свой путь. Соединяя в себе трансцендентное и имманентное начала, он выступает попеременно то «духовным», то «материальным» человеком. Экзистенция есть момент пересечения этих начал, требующий постоянного возвышения к подлинному бытию, движения к человеческому в человеке. Она предполагает установление связи с собой настоящим, а не идеальным в трансцендентном смысле («совершенным», «богоподобным») или реальным в имманентном плане («земным»). А это и значит мыслить себя в свободе, в т.ч. в свободе от трансцендентных оков и социально-нормативных наслоений жизненного мира. Человек сам совершает «связку» или интеграцию этих начал. Такое состояние, при котором достигается равновесие между запечатлением и самоутверждением в жизни человека, я и называю прорывом к экзистенции как к подлинному бытию.

Конечно, многое из того, о чём мы с тобой говорим, может показаться надуманным. И это несмотря на то, что я, а не ты, мой пушистый друг, выступил инициатором обсуждения и наговорил немало лишнего. Но продолжим разговор в следующий раз и постараемся конкретизировать некоторые спорные вопросы.

А пока зафиксируем следующее:

- запечатление происходит в жизни всех разумных существ как акт взаимоотображения (взаимопроекции) и единения двух миров,

в результате которого они погружаются друг в друга, устанавливая эмоциональную или иную связь и тем самым «укореняясь» в бытии иного или «породняясь» с ним;

- спутником запечатления выступает «удостоверение себя в мире» посредством самоутверждения, которое, в отличие от запечатления, «лежит на поверхности бытия»; это то, что мы принимаем как данность, сообразуясь с собственной волей и интересами или повинуюсь объективным обстоятельствам в соответствии со стандартными нормами поведения;

- запечатление между мирами «случается» трансцендентным (запредельным), а не спонтанным (самопроизвольным) образом, а самоутверждение «складывается» имманентно в зависимости от обстоятельств (интересов людей или объективных тенденций);

- в запечатлении мы берём полную ответственность за тот мир, в который погружаемся, делая его частью своего жизненного мира и достигая истинных целей бытия в состоянии экзистенции; в самоутверждении же мы действуем избирательно, ориентируясь преимущественно лишь на те решения, которые получают признание наших референтов (значимых других);

- в реальной жизни люди используют обе возможности – запечатления и самоутверждения; при этом каждая из них не только дополняет другую, но и корректирует направленность развития жизненного процесса в целом, придавая ему экзистенциальную окрашенность.

Кузя: Что-то ты перемудрил с понятиями, мой ласковый друг. Посмотрим, что у нас получится дальше. Могу лишь добавить от себя то, что человек рождается, как правило, в результате запечатления двух любящих сердец. И ему важно не только не утратить тот энергетический импульс любви, который ему дали с рождения родители, но и реализовать свой собственный потенциал запечатлений, подарив тем самым жизнь другим существам. Благодаря запечатлению удаётся поддерживать непрерывный цикл жизни. Но то, получится ли у человека построить мостик между запечатлением и самоутверждением, совершив экзистенциальный прорыв в направлении гармоничной жизни, будет зависеть не только от него.

29.05.2021 г.

4.2. Запечатление с собой и со своим ближним кругом

Я: Владимир Николаевич Шевченко, прочитав полную версию этого диалога, предложил мне отказаться от самого термина «запечатление», ограничившись выражением «запечатлеть себя». Для иллюстрации он привел подборку цитат: «возможность запечатлеть себя на фоне осенней красоты» (А. Ковригина), «запечатлеть себя в прыжке на фоне пальм» (Р. Гарифзянов), «запечатлеть себя в единороге» (К. Функе), «запечатлеть себя для потомков в самом лестном виде» (Н. Чарни) и др.

Но запечатления бывают разные. «Запечатлеть себя» – ещё не значит запечатлеться с собой. И это лишь первый акт, который не выходит за рамки удостоверения себя. И вот почему.

Во-первых, недостаточно запечатлеть себя («на фоне» или «для потомков»), чтобы запечатлеться. Нужно ещё запечатлеть нечто в себе и за своими пределами, т.е. мир внутри и вокруг себя. *Великий смысл запечатления заключается в том, чтобы отречься от своего Эго, перестать сосредотачиваться только на себе, умерить свою самость, установить глубинную связь с предметом запечатления и тем самым вырваться из порочного круга самоутверждения, для которого достаточно «запечатлеть себя» или «на себе».*

Во-вторых, запечатление с чем-либо (кем-либо) предполагает наличие энергетических полей, которые пронизаны своего рода «тёмной материей». Именно в них возможно притяжение двух и более миров. Запечатление случается с ними и в них, а не где-то ещё. Но это читатель может расценить как мистический опыт.

Кузя: Могу добавить от себя, что, в-третьих, запечатление осуществляется между двумя и более существами, которые дополняют и обогащают друг друга. Оно предполагает «двойника», с которым породняется любое существо, становясь с ним двумя половинками одного целого. Есть он и у человека. И именно с ним происходит запечатление.

Я: Согласен. Это может быть другой иной. Например, у верующего человека таким двойником выступает его божественная сущность. Именно с ней он сверяет каждый свой важный шаг в жизни.

Кузя: А я приведу пример из космоса. Мы с тобой регулярно смотрим документальный сериал «Как устроена Вселенная». По

мнению экспертов, тёмная материя ответственна за организацию глобальной структуры видимой Вселенной. Это – «господствующая творческая сила», которая не поддаётся визуальному восприятию. Но что, на твой взгляд, в жизни человека выполняет роль тёмной материи?

Я: Не готов сразу ответить. Мне не нравится прилагательное «тёмный». Лучше использовать для обозначения данной энергии термин «прозрачный». Могу лишь предположить, что у верующего человека это – божественная энергия. Но меня больше интересует фигура «двойника» человека. Откуда он появляется?

Кузя: Двойник – это не только другой человек или его подобие, но и образ, вынесенный за рамки привычного ему «Я». Я-Другой или Я-Иной есть, тем не менее, часть меня. Астрономы открыли в космосе не только двойные звёзды, но и планеты-странники. И те, и другие вращаются вокруг друг друга с большой скоростью. Но при столкновении с чёрной дырой одна из звёзд, образующих «двойную звезду» (как правило, с большей массой) поглощается, а другая (с меньшей массой) под воздействием сил гравитации – отправляется в далёкий космос, становясь «сверхбыстрой звездой», способной «пройти» через несколько галактик, и подсвечивая на своём пути облака из пыли и газа. Иногда же парные звёзды сталкиваются друг с другом и происходит взрыв, в результате которого образуется сверхновая звезда или чёрная дыра. Но до тех пор, пока длится запечатление и действуют силы притяжения, обе стороны находятся на одной орбите.

Точно так же и в случае раззапечатления союз со своим «двойником» распадается, что сопровождается мощным выбросом энергии. Новый двойник или спутник может появиться лишь в результате длительной работы. Поэтому у людей такой распад характеризуется обычно духовным кризисом, а иногда заканчивается трагически.

Я: Ты хочешь сказать, что самозапечатление неизбежно ведёт к появлению «двойника», с которым «Я» устанавливает духовную связь?

Кузя: Я лишь хочу сказать, что запечатлеться можно как с другим существом, так и с самим собой. При этом «Я» необходимо вынести за скобки, иначе запечатления не получится. Кроме того, самозапечатлеться, как и запечатлеться с чем или кем-либо, можно многократно. И каждый раз у человека или другого раз-

умного существа возникает духовная связь между собой своим, обычным «Я», и собой иным или другим (более совершенным или, напротив, губительным и мрачным) «Я». Самозапечатления без установления связи нашего «Я» со своим новым спутником («двойником») не бывает. Запечатлеваются, как правило, с собой иным, отличным от привычного «Я» в тебе. Можно запечатлеваться с божественной сущностью в себе, а можно обратиться к силам дьявола и заключить союз с демоном.

Я: Что-то мне трудно верится в то, что в последнем случае мы имеем дело с самозапечатлением. Здесь есть чёткий указатель – независимо от массы спутник, скорее всего, вращается с тобой на одной орбите, а ты приводишь пример запечатления с более мощными силами, которые, как и черная дыра, поглощают запечатлевающегося целиком.

Кузя: Я бы не стал идеализировать самозапечатление. А если спутник достигает размера и массы планеты или, как в случае с планетами-странниками, когда речь идёт не о равноценных небесных телах, то что тогда ты прикажешь делать? Запечатлеться со слугой дьявола или даже с самим дьяволом – это, конечно, самый крайний случай. Чаще всего у вас происходит запечатление с образом человека, который легко адаптируется к плоскости среды, прогибаясь или возвышаясь над ней. К тому же ваш спутник может оказаться в чём-то сильнее вашего аутентичного «Я», которое сомневается и ведёт себя неопределённо. И на него всегда можно свалить ответственность за тот или иной проступок.

Я: Я не согласен с тобой. Это уже не самозапечатление, а удостоверение себя, которое может выступать в форме самоутверждения как навязывания себя миру, что похоже на игру актёра, который, участвуя в спектакле и выполняя вспомогательную роль, стремится быть всегда в центре сцены.

Кроме того, самоутверждающийся человек удостоверяет своим присутствием факт своего бытия в мире. Ему важно постоянно доказывать себе и другим, что он ещё есть и не растворился в мире. Конечно, кому-то не дано быть рядом с миром, а нужно обязательно возвышаться над ним или прогибаться под него. Его мышление, как и картина мира, иерархично. С этой целью такой человек должен постоянно напоминать окружающим о своём существовании, привлекая к себе внимание и формируя, как теперь говорят, информа-

ционный повод. Даже свой уход в мир иной он обставляет заранее причитающимися ему заслугами и почестями. Важно не просто уйти, а уйти красиво и «достойно», побудив потомков считаться со своим вкладом.

Кузя: Такой человек чем-то напоминает мне коллекционера. Только он коллекционирует не редкие артефакты или музейные экспонаты, а *социальные имитаторы* (должности и звания, почести и награды). Ему необходимо слыть, а не быть, властвовать над другими, а не над самим собой, утверждать свою самость во всём, что ему значимо.

Я: Да, путь удостоверения себя или самоутверждения напоминает мне ярмарку тщеславия. Запечатление же с собой (самозапечатление) чаще всего выступает в форме творческой саморефлексии. Человек проникает в свой внутренний мир и обзирает его со стороны. При этом он вполне критически относится к себе. В качестве процесса самозапечатления всегда выступает созидание, а его результатом – разнообразные плоды творчества. Запечатление созидательно и плодотворно по своей сути. Этим оно отличается от самоутверждения.

Но бывают и обратная сторона самозапечатления. Например, мужчины, которые не участвуют в воспитании своих детей, запечатлены не с собой или со своей семьёй, а на себе.

Кузя: Последнее вообще нельзя назвать самозапечатлением, так оно ведёт к вырождению и деградации данной родовой линии. Человек, сосредоточенный исключительно на себе и личной выгоде, занимающийся самолюбованием, как и любой нарцисс, выпадает из своего рода. И в этом смысле он не имеет будущего. Вы это называете эгоцентризмом. В принципе, по этому пути идут многие люди и даже целые общности. Некоторые из них сознательно разрывают родовые узы, ставя свои индивидуальные или корпоративные интересы выше интересов всего рода. А значит, такое не может случаться, как акты запечатления с Другим.

Я: И ты туда же. Дались тебе эти нарциссы.

Кузя: Ещё раз повторяю, дело не просто в запечатлении, а в естественном воспроизводстве человеческого рода, которое в случае перетягивания условного каната на одну сторону нарушается. Самозапечатление как соединение со своим родовым началом поддерживает целостность более высокого порядка, чем то, что удерживает в

целостности нашу самость. Наша жизнь встроена в мир и подчиняется законам его самовоспроизводства.

Поэтому нельзя нарушать естественный цикл природной эволюции, не рискуя потерять самое главное – жизнь. Запечатлевающийся с собой всегда выступает на стороне жизни, будь то собственной или чужой. Он связан родовыми узами. И здесь людям не помогут технологии суррогатного материнства, искусственного оплодотворения и пр. Материнство должно случиться именно с конкретной женщиной, которая ждёт ребенка, а не с кем-то другим. Быть матерью приёмного сына это одно, а носить в себе ребёнка, чтобы отдать его как товар другому человеку – совсем другое. То, что случается с тобой, нельзя передать другому как вещь. Это дар судьбы или Бога, предназначенный лично для тебя. И только ты сам можешь им распорядиться. Запечатлеться с собой означает принять ответственность за себя и своё непосредственное окружение (род), т.е. ответственность за жизнь, которая зависит от тебя и твоих усилий.

Именно так поступаем мы, коты. Человек же чаще всего самоутверждается, полагаясь на самого себя и себя же считая венцом развития. Хотя, как это не парадоксально звучит, вступив на этот путь, он превращает свою жизнь в лотерейный билет, где многое зависит не только от него, но и от стечения обстоятельств, в т.ч. от конъюнктуры и игры случая (удачи, везения, успеха и т.д.). Поэтому помимо культивирования самоуверенности такому человеку ещё важно попасть в благоприятную волну, чтобы добиться желаемого результата.

Я: И всё же, как это связано с самозапечатлением?

Кузя: Никак. Самоутверждение – тупиковая ветвь, ведущая к вырождению человеческого рода. Чтобы запечатлеться, человек должен отвечать за свои поступки, заботиться о своих других и, прежде всего, о потомстве, что и составляет понятие рода, а не сосредотачиваться исключительно на самом себе. Запечатлеться с собой означает проявлять заботу о своей жизни и жизни непосредственного окружения. Как сказал герой одного из фильмов, который мы с тобой недавно смотрели: «Если ты ни о ком и никогда в своей жизни не заботился, то жил ли ты вообще».

Я: Интересно это слышать именно от тебя. «Жизнь ради жизни» как смысл самозапечатления. Но всегда ли новая жизнь или рождение другого мира является критерием самозапечатления?

Кузя: С одним уточнением: жить надо ради рода. Эволюция рода никогда не прекращается. Природа ведёт отбор всё новых и более сложных форм жизни, совершенствуя тот или иной род живых существ. И кто знает, может быть, нам, котам, суждено содействовать появлению нового рода.

Я: Но если не замыкаться на себе, то тогда нам будут недоступны многие формы творческой самореализации. Это, во-первых. Во-вторых, забота о жизни рода – не единственный признак самозапечатления. Есть ещё погружение в собственный мир и его постижение (саморефлексия). А в-третьих, с каких это пор вы, коты, стали заботиться о жизни других как о самих себе? Что-то я не замечал в вашем поведении ничего подобного.

Кузя: Не стоит иронизировать, мой ироничный друг. Пора бы тебе усвоить раз и навсегда: коты вносят в мир гармонию и поддерживают в нём равновесие фактом своего существования. Их любовные союзы и встречи с иными мирами случаются, а не складываются, как у большинства людей, которые могут делать карьеру, но при этом не любить своё дело или профессию. Вы часто не любите то, чем занимаетесь. В запечатлении такое невозможно.

Я: Ну, конечно. Как же ещё иначе? Да, бывает, что мы работаем, не любя работу. Но и вы любите есть, спать и получать другие удовольствия, не работая.

Кузя: Опять ты иронизируешь. Мы любим жизнь в её конкретном выражении. Нельзя объять необъятное. Заботиться нужно не только о себе, но и о мире, который вы считаете своим и с которым вы запечатлены. А главный принцип философии кота – не мешать естественному течению жизни. Вот мы и делаем только то, что способствует воспроизводству нашего рода, не вмешиваясь в другие процессы.

Я: Ты меня удивляешь. Что же получается? Твой мир состоит из тех субъектов или явлений, о которых ты заботишься или за которые переживаешь? Но ведь меня волнуют не только собственные экзистенциальные проблемы, но и положение тяжелобольных детей в России или голодающих детей в Африке, а также бродячих собак и кошек. Как тогда быть с этим?

Кузя: Конечно, ты можешь помогать себе выработать другое отношение к жизни, чтобы правильно сориентироваться в мире. Ты это и называешь жизнеориентированием. Но этого недостаточно

для самозапечатления. Ведь ты не можешь отменить основной закон эволюции – закон сохранения и приумножения форм бытия и в первую очередь – жизни рода. Запечатлеться можно, следуя этому закону, и только с миром, который зависит от тебя, а не с миром, создаваемым для собственных утех.

Я: Но разве в этом потоке эволюции не стоит отдавать предпочтение высшим формам жизни и запечатлеться, прежде всего, с ними?

Кузя: Здесь истоки одни и те же. Надо уважать жизнь во всех её проявлениях и заботиться о ней, в т.ч. о своей жизни, которая встроена в процесс жизни других существ. Быть запечатленным с собой – это значит быть в духовном родстве не только с конкретным сущим в своей жизни, но и поддерживать своим участием жизнь окружающего мира и, прежде всего, рода. Ведь запечатлённое есть не просто то, что пленит наш взор и ласкает слух, затрагивая глубинные струны души, а то, что роднит нас с другими живыми существами. А нас роднит в первую очередь её величество Жизнь. И это есть родовое начало в каждом из нас. Ещё раз подчёркиваю, что самозапечатление возможно только или главным образом с ним.

Породнённость живых сущих, составляющих род, есть важнейший признак запечатлённости наряду со спонтанно случающимся. Чтобы самозапечатлеться, нужно для начала позаботиться о своём жизненном окружении. В самоутверждении же нет родства душ с чем-то большим, чем ты сам, т.е. с окружающей жизнью. Здесь общаться можно к чему угодно, имея только интерес, но вот породниться с тем, что тебе действительно дорого, уже нельзя.

Следовательно, мы суть то, с чем (или с кем) мы запечатлены. И это не просто наши любимые существа, занятия, хобби, а также мы сами. Это – жизнь, которая зависит от нас или, как ты говоришь, наш жизненный мир, воплощённый в роде. Тот, кто не смог или не сумел запечатлеться с родом, вовсе не живёт, а лишь прозябает на поверхности жизни. Однако нельзя быть запечатлённым лишь с самим собой, т.е. со своим родовым началом. Важно ещё в процессе запечатления открыть для себя мир Других и вообще Иных.

Я: Запечатление с собой – это встреча с собой Иным, тем, кем ты хочешь и можешь стать, сообразуясь с божественным или иным идеалом.

Кузя: Нельзя мерить себя и по себе же. «Мерило» должно быть вне тебя. Верующий сверяет свои поступки с божественными заповедями, а обычный человек – с родом. Последний стремится стать лучше в соответствии с усвоенными убеждениями или со сложившимся образом себя. Для меня же идеал гармонии сосредоточен в жизни рода.

Повторяю, в самоутверждении человек существует лишь на поверхности бытия. Так происходит с ним в сфере профессиональной самореализации, которую многие из вас ценят превыше всего. Долгое время и ты считал профессионализм главным критерием своего развития.

Я: Я и до сих пор вынужден считаться с ним, поскольку работаю в академической среде. Человек запечатлевается с собой как с Другим, создавая и культивируя образ Иного в себе. Иным для него является и его профессия. Он сознательно становится профессионалом в своём деле. И здесь, так же, как и в самоzapечатлении, «мерило» находится вне его (критерии профессионального сообщества). Но запечатлеться с собой не означает принять (пусть даже добровольно) чужие ценности. Здесь требуется нечто большее, чем интересы профессионального развития.

Кузя: Но ведь и «мерить» можно по-разному. Профессионализация, как и социализация, унифицирует ваше бытие, подгоняя его под образ обобщенного Другого (например, «настоящего» профессионала). В ней в качестве эталонных рассматриваются образцы деятельности профессионалов, известных в той или иной области. И в ней нет запечатления с самим собой или с Другим. Это – путь самоутверждения, обусловленный социальными рамками (например, требованиями профессионального сообщества).

Я: Но есть ещё образ дифференцированного Иного, под который нельзя подогнать поведение человека. Именно с ним происходит запечатление. В нём люди сосуществуют без какой-либо внешней цели, образуя временный творческий союз. Согласен, что профессиональный рост имеет прямое отношение к самоутверждению, критерии которого находятся чаще всего не в самом человеке, а вне его (например, деньги, успех, признание и пр.). Нельзя быть профессионалом для себя, т.е. определять содержание своей деятельности по своим собственным меркам. Так, например, дилетанты в философии мыслят, исходя из личных соображений, а профессиональные

критерии философских исследований задаются великими философами данной эпохи.

Кузя: Если философия есть мир идей, из которого черпают вдохновение разные люди, то как разделить философов, работающих для других и наращивающих «тело» профессиональной философии, и философов, черпающих знания для себя и действующих по призванию? Получается, что первые самоутверждаются, превращая философствование в профессию, а вторые запечатлеваются с миром идей, делая последние руководством по жизнеориентированию.

Я: Не совсем так. Одно не исключает другое. А с философией может запечатлеться каждый, хотя и по-своему. Но как только он вступает в профессиональное поле, к нему предъявляются совершенно другие требования. Он обязан действовать в соответствии с правилами профессионального сообщества. Запечатление со своей философией означает её применение в повседневных жизненных практиках (что называется «для личного употребления»). И это относится ко всем без исключения, в т.ч. к профессионалам в философии.

Кузя: Всё, что я понял из твоих слов, так это то, что человеку свойственно пребывать одновременно в состояниях самозапечатления и самоутверждения. Но по твоим же словам, в самозапечатлении человек делает это не только для себя лично (например, спасает свою душу, занимается хобби, приобщается к профессии и пр.), но и в соответствии с образом себя Иного (Бога, совершенного себя и пр.).

Я же считаю, что запечатление, в т.ч. с самим собой, предназначено для рождения новой жизни, в т.ч. жизни идей. Каждый запечатлевается для того, чтобы продолжить цепочку жизни своего рода, стать звеном в процессе эволюции всего живого (в т.ч. мыслящего) на Земле.

12.06.2021 г.

4.3. Запечатление с Другим (другими)

Предисловие

Я: В этой части диалога участвуют два братика Рыжик и Черныш, которых нам удалось приручить и которые, вне всякого сомнения, запечатлены друг с другом. Кузя посчитал, что молодым у нас везде дорога. И даже предложил их ввести в наш диалог с необычным именем «Чернорыжики». Наверное его, как и меня, убедило то, что они всегда вместе, чтобы с ними не происходило, и уже стали, как сказал Виктор Щербина, «неразлучной парочкой». И трудно назвать это партнерством по жизни. Здесь нечто иное. И это иное, скорее всего, есть особый способ их запечатления. А каждый из нас вместе со значимым Другим создает свой уникальный способ.

Не знаю почему, но люди в последние годы всё реже запечатлеваются друг с другом, предпочитая поддерживать «нейтральные» и не обязывающие к чему-либо формы отношений («совещания», «конференции», «тусовки», «корпоративы» и пр.), которые служат преимущественно интересам их самоутверждения и, как правило, исключают моменты духовной близости между ними. Появились даже новые феномены, которые можно обозначить терминами «толерантное общение», «общение без определённых обязательств», «поверхностное общение» и пр.

На первый план сегодняшней жизни выступает взаимное отчуждение людей, которое делает их черствыми и менее чувствительными к проблемам друг друга. За демонстративными улыбками и приветствиями («Как дела?», «Как поживаешь?» и др.) уже не скрываются прежние чувства. Другие воспринимаются нами чаще всего как далёкие звезды, мерцающие холодным светом. Как говорил Хун Цзычэн, «те, кто холодны душой, не смогут познать радость...» [1, 41]. Наверное, многим из нас не дано испытать радость бытия и радость общения. Мы стали в чём-то «статистами» по жизни, плывя по её течению и избегая духовно-душевных усилий, требующихся для запечатления с другими.

Конечно, не стоит во всём винить мир, который якобы стал более анонимным и чужим. Запечатление зависит целиком и полностью от нашего желания. И то, что лишь с немногими людьми нам удаётся оставаться самими собой, ещё не говорит об использовании всех возможностей запечатления. Да, зоны отчуждения про-

никают сегодня в сферы, считавшиеся традиционно местом для неформальных встреч между близкими людьми. А массовое распространение интернет-сетей породило разные формы анонимного и отчуждённого общения.

Да, мы перестали «общаться» в привычном смысле этого слова, используя всю гамму переживаний и чувств. Теперь мы больше «коммуницируем», желая казаться, слыть, делать вид, произвести впечатление или выдавать себя за другого и т.д. А некоторые из нас бегут от самих себя и своей естественности как чёрт от лада-на. Естественное (непосредственное и эмоционально насыщенное) поведение считается в некоторых сферах плохим тоном или неудачной игрой.

Да, многие из нас погрязли во всевозможных (социальных, символических, идеологических и пр.) играх, далёких от наших истинных намерений, и перестали принадлежать самим себе. Как говорил Сенека, «отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали и крали, которое зря проходило» [2, 5]. Время в работе по принуждению или в пустом общении – потерянное время. Те же, кто запечатлевается друг с другом, приобретают новое время для себя и другого.

Очевидно, что запечатление предполагает иной, более глубокий уровень общения. Ведь запечатлеваются не только с собой, но и с другим Иным, отличным от нас. Но, как ты, Кузя, утверждаешь, единого процесса жизни нет. Есть лишь не всегда связанные друг с другом моменты запечатлений. Самоутверждаться же можно на протяжении всей, линейно воспринимаемой, жизни. И в нём есть воображаемые цели или линии поведения. Но что-то же должно соединять друг с другом разные запечатления?

Кузя: Запечатления случаются однажды и навсегда. В отношениях между разумными существами запечатление носит взаимный характер, а самоутверждение – это, как правило, односторонний акт. Самоутверждаются обычно на фоне другого существа (или за счёт других). В запечатлении с Другим нет внешней заданности. Это – внутреннее влечение родственных в духовном плане душ или иных объектов. Союз между ними длится ровно столько, сколько действуют силы притяжения. Вместе с тем человек запечатлевается с разными мирами, наделяя их собственным духом. Но давай представим слово нашим младшим братьям.

Черныш: На наш взгляд, вы ведете слишком уж сложный разговор. Запечатлены ли мы? Конечно же. Но нам трудно объяснить, как это произошло.

Я: Не страшно. Постепенно вы втянетесь в диалог. Кузе тоже сначала было нелегко. Примечательно, что запечатления происходят с разными Другими, часть из которых является изначально «своими» (родственники), а часть – становится ими после того, как с ними происходит духовное породнение в результате запечатления (супруги, друзья). А потому их связывают не только институты и формальные обязательства (брак, семья и пр.).

Следовательно, среди запечатлений с Другими я бы выделил несколько условных кругов «своих»: «родные люди» (родители, родственники, родня в целом); «любовные союзы» и «семьи»; «дружеские союзы» (друзья и приятели). Чужие же другие, с которыми не происходит запечатление, остаются на периферии нашего общения. По-видимому, с ними мы общаемся по необходимости, исходя из формальных критериев.

Родные люди

Кузя: Должен отметить, что кровное родство не является результатом запечатления. Запечатление есть духовно-психологическое породнение живых существ. В нём инстинкты отступают на второй план. Такое происходит лишь с самыми близкими существами. На мой взгляд, к ним относятся в первую очередь родители (отец и мать), которые не только дарят нам жизнь, но и участвуют в нашем духовном становлении.

Рыжик: Можно взять слово? Мы с Чернышом выросли вместе. Других своих братьев и сестер не помним. Да и маму свою почти забыли. Теперь её заменила Алена.

Я: Но ведь вам, котам, неведомо отцовство, поскольку отец не участвует в воспитании своих котят. У нас же, людей, наследование происходит, как правило, по отцовской линии. Для нас отец – это основатель рода или семьи, главный человек в доме, выступающий для своих детей защитником и примером для подражания.

Кузя: Ты ещё скажи, что у вас до сих пор сохранился патриархат и в доме главным по-прежнему остаётся мужчина. А для нас кошка-мать является самым родным существом на свете. Правда, вырастая, мы, к сожалению, забываем и о ней. Но такова наша природа.

Черныш: А мы ещё помним свою маму, хотя с памяти начинают стираться важные детали, например, запах и вкус материнского молока.

Я: Увы, скоро вы совсем забудете о ней. Так случилось, что вы – существа, не помнящие родства. Мы же своих родителей помним и чтим. Кроме того, у нас есть ещё одна линия родственных связей – братья и сестры. Мы всю жизнь сохраняем с ними отношения. Правда, слово «братство» имеет и другое, более широкое значение (содружество, форма духовного единства, основанного на близости целей, ценностей и принципов). Таким для многих военных людей выступает боевое братство.

Кузя: Что ты заладил, «у нас» да «у нас». Братство существует и у нас. Возьми, к примеру, наших Чернорыжиков. А вот родня у вас, действительно, бывает крайне многочисленной (дедушки и бабушки, тётушки и дядюшки, двоюродные и троюродные братья, сёстры, племянники и племянницы и пр.). Но разве запечатление зависит от степени родства?

Рыжик: Мы слышали, что у львов братья и сёстры, запечатлеваясь друг с другом, могут образовывать совместные прайды. Но это нисколько не мешает нам запечатлеваться с другими котами или кошками, не являющимися нашими прямыми родственниками.

Я: Это потому, что у вас, котов, слишком короткая родовая память. И со временем ваши родственники становятся вам чужими. Надо отметить, что и у человека запечатление происходит далеко не со всеми родственниками. Иногда ребенок вырастает без отца и самым родным для него (после матери) становится дед или дядя. К тому же не только у котов, но и у людей, запечатление с родными может ослабевать со временем. А у молодого человека, когда у него появляется собственная семья, запечатление со своей «половинкой» оказывается намного сильнее, чем запечатления с другими родственниками. Так происходит обновление человеческого рода. И всё же культы родителей поддерживаются и воспроизводятся у многих народов на протяжении веков.

Любовные союзы

Кузя: То, что вы, люди, называете любовью, есть результат многократного и взаимного запечатления, которое требует постоянного подтверждения. И, конечно же, любовная связь не может строиться на самоутверждении. Вот взять к примеру Чернорыжиков.

Рыжик: А я не хочу, чтобы нас именовали Чернорыжиками. Может быть, у меня есть свое мнение, отличное от Черныша.

Я: Пожалуйста, высказывай. Но скажи для начала, на чём тогда, кроме запечатления, основан любовный союз?

Рыжик: Отвечу просто: на любви.

Кузя: А вот я в этом не уверен, мой малыш.

Черныш: Наш старшой постоянно нас корректирует. Я не знаю, что такое любовь, но влечение душ, о котором в самом начале разговора говорил Кузя, действительно, существует. Вот у нас с Рыжиком нечто подобное произошло. Нас тянет друг к другу как магнитом. Порой мне кажется, что я понимаю его желания по едва заметным движениям или жестам.

Кузя: Скорее всего, любовное запечатление базируется на том, что всем нам дано изначально – на половом влечении и взаимной эмоциональной привязанности. Мы пользуемся плодами запечатления каждый день, но не можем объяснить их природу. Именно поэтому они с нами случаются, а не складываются при определённых обстоятельствах, как это имеет место в самоутверждении. Так, люди различают браки по любви и браки по расчету. Первые случаются, а вторые складываются по договорённости сторон.

Я: Конечно, тебе, Кузя, как знатоку человеческих душ, это лучше известно. Но откуда вообще берётся опыт любовного запечатления с Другими? Может быть, он передаётся через архетипы бессознательного? Ведь никого из нас не учат с детства любить.

Кузя: Опять ты об архетипах. Я ничего о них не знаю. Это из области ваших языковых игр. К примеру, человеческая любовь вызвана не архетипами, а взаимным влечением и привязанностью, а также тем, что вы называете породнением душ и духовной связью.

Рыжик: А мне кажется, что нас учат любить родители на своем собственном примере.

Кузя: Скорее, родительница. Но завершу свою мысль. Самоутверждение чуждо любви. Оно предполагает подавление другого или сравнение с ним и основано, следовательно, на социальной иерархии. Другой воспринимается как заведомо более сильный или слабый.

Я: Наверное, это не всегда так, хотя согласен, что запечатление в любви не означает потерю самости и автономии. Оно происходит при помощи механизмов фиксации и присвоения образа своего Дру-

того (или других). Любовь, как и дружба, есть результат запечатления не только с родными душами, но и изначально с чужими другими, которые со временем становятся «своими» («родными»).

Кузя: Однако смысл любви заключается не только в том, чтобы найти свою «половинку» и запечатлеться с ней, образовав тем самым некое духовное единство из двух «Я», но и в рождении новой жизни (потомства). При этом ничего неразрывного не бывает. Половинки «слипаются» или «срачиваются» пока их питают силы притяжения – общие представления, влечения и привязанности. Но главное остаётся: стремление к производству потомства и забота о нём. Без этого запечатление двух любящих существ рано или поздно истощается и, в конце концов, заканчивается.

Я: Но у тебя получается, что запечатленный однажды любящий может когда-нибудь «разпечатлеться», а потом запечатлеться вновь и вновь. Значит ли это, что его родовые (и родственные) связи прекращаются? И что происходит в тех случаях, когда объектом запечатления становятся не разумные существа, а природные явления, произведения искусства и пр.?

Кузя: Родовые связи остаются и продолжают подпитывать запечатление. А с другими объектами происходит то же самое, что и с разумными существами, принадлежащими реально или потенциально к нашему роду. Они становятся частью образа рода.

Однако вам, людям, сложнее запечатлеться. Вас сдерживают во многом социальные нормы, выступающие в качестве ограничителей взаимодействия. Вам нужен обобщённый образ Другого. Наши же запечатления меняются в зависимости от разных образов дифференцированного Иного. Мы выбираем себе пару и порождаем тем самым новый цикл жизни. Вам же приходится в силу институциональных причин постоянно мотивировать себя на долговременную связь, которая чаще всего складывается, а не случается (например, брак, партнёрство). Поэтому запечатления у вас бывают не так часто, как акты самоутверждения.

Рыжик: Конечно, нам трудно с Чернышом участвовать в вашей высокоинтеллектуальной беседе. Но почему нельзя любить всех, в т.ч., разных представителей другого пола?

Я: Не будете же вы меня убеждать в том, что полигамная связь среди живых существ чаще приводит к запечатлениям, чем моногамная?

Кузя: Моногамная связь (семья) – это итог вашей (человеческой) эволюции. Так вам удобнее поддерживать социальный порядок. Именно поэтому ваша семья давно стала институтом, интегрированным в общество или государство, а мы образуем пару лишь на время и только для того, чтобы породить новую жизнь. У нас нет государства или иных постоянных институтов, поддерживающих социальный порядок, но зато имеют место многочисленные ритуалы. Вы строите отношения, исходя из представлений о порядке, а у нас последний поддерживается посредством ритуалов. Но суть любовного союза, который случается даже среди вас, людей, остаётся неизменной. Это – продолжение рода и сохранение потомства.

Черныш: Это точно. Без помощи мамы мы бы не выжили и одного дня. Мы рано покинули с Рыжиком нашу материнскую семью. Надеюсь, что наши сестры живы и здоровы.

Я: Но если это так, Кузя, то как же быть с ответственностью за Другого, которого мы тем или иным образом породили, «приручили», а, значит, и запечатлели?

Кузя: Если ты имеешь в виду заботу о нашем потомстве (котят), то мы за них отвечаем. И даже пытаемся отвечать за вас, людей. Но вас постоянно тянет на подвиги.

Я: Ну предположим, за котят отвечаете персонально не вы, коты, а кошки.

Кузя: Когда я говорю «мы», то имею в виду всю популяцию котов. А разве ваши мужчины, не участвующие в воспитании своих детей или уклоняющиеся от уплаты алиментов, ведут себя лучше котов?

Рыжик: К сожалению, я не помню своего отца. Но после того, как мы родились, к нам приходили какие-то коты. Обнюхивали нас и уходили. Но чаще всего кошка-мама их к нам не подпускала.

Я: Пока мы с вами зафиксировали, что любви без взаимного запечатления не бывает. Но и у взрослых людей случается раззапечатление, что вовсе не исключает того, что запечатления с их детьми сохраняются. Если же один из родителей ведёт себя по отношению к своим детям безответственно и разрывает духовную связь с ними, то тем самым прекращается и само запечатление. Тогда остаётся лишь формальная ответственность, установленная законом. Не это ли ты имеешь в виду?

Кузя: У нас, котов, это считается нормальным явлением. Взрослея, мы разпечатлеваемся с матерью, а во взрослой жизни – с

бывшими партнёрами. Детей своих мы практически не видим с момента рождения. Поэтому запечатлеться с ними мы не можем. Но у других кошачьих (например, у тех же львов) запечатление между отцом и котятами происходит.

Черныш: А мне бы хотелось увидеть своего отца. Наверное, я на него чем-то похож. Жаль, что нельзя поддерживать с ним отношения.

Кузя: Наивный ты, мой малыш.

Я: Лучше быть наивным, чем хитроумным.

Рыжик: И мне же хочется встретиться со своей мамой. Думаю, что она порадуется за меня, когда увидит, каким большим я вырос.

Кузя: Боюсь, что она тебя давно забыла и вряд ли узнает сейчас.

Дружеские союзы

Я: Не стоит, Кузя, иронизировать над чувствами Черныша и Рыжика. Они родились в любви и заботе. И это главное. Ещё хотел бы отметить такой важный вид запечатления, как запечатление с Друзьями. Как правило, настоящих друзей (в отличие от друзей в Фейсбуке или других социальных сетях) у нас бывает немного. Обычно дружбой называют духовную связь между людьми, которая возникает на основе осознания общности интересов и привязанностей. Говорят, друг – это «тот, кто предоставляет тебе возможность быть самим собой». Ну и далее в том же духе.

Кузя: Не знаю, как у вас, а у котов дружить не принято. В естественных условиях мы чётко делим пространство. И на одной территории нам редко удаётся ужиться. Бывают, конечно, исключения, когда при наличии внешней угрозы мы сбиваемся в небольшие стаи. Тогда приходится соблюдать иерархию, которая, конечно, несовместима с дружбой.

Рыжик: А вот я не согласен здесь с Кузей. Уверен, что у нас, с Чернышом, сложилась настоящая дружба.

Кузя: Не путай дружбу и родство.

Черныш: А разве между братьями не может быть дружбы, хотя не все братья бывают друзьями? И, если это духовная связь, то у нас с Рыжиком она есть. Не только родство нас привязывает друг к другу, но и близость интересов или взглядов. К тому же нам нравится быть вместе.

Я: Да, я согласен с Чернышом. А разве ты, Кузя, с Хотей не дружишь? Вы же живёте с ним вместе вот уже больше девяти лет.

Кузя: Вряд ли это можно назвать дружбой. Скорее речь идёт о долговременном сосуществовании или, как ты говоришь, партнёрстве, в котором время от времени Хотя пытается оспорить у меня статус вожака (по-твоему «альфы»), стремясь выяснить в игре, кто в доме главный. Приходится ему иногда делать больно, чтобы он знал своё место. Да, мы оказываем друг другу знаки внимания (поглаживания и облизывания), но только для того, чтобы продемонстрировать взаимную лояльность. Это ещё один из ритуалов, который мы строго соблюдаем.

Рыжик: Дружба также не исключает ритуалов. Когда необходимо, мы четко соблюдаем социальную дистанцию и с уважением относимся к личному пространству друг друга. Но нам с Чернышом нравится быть вместе и понимать другого с одного жеста.

Я: Вот видите, даже у вас, котов, дружба имеет место. А у нас, людей, дружба случается, хотя и не так часто, как хотелось бы. С годами мы можем терять своих старых друзей и в редких случаях обзаводиться новыми. Но в любом случае дружба входит в наши представления о счастливой и полноценной жизни. И счастлив не тот, кто имеет много друзей, а тот, у кого они настоящие. Так что дружба, как любовь, возникает в процессе запечатления между духовно близкими людьми.

Кузя: Рискуя остаться в одиночестве, я всё же не вижу смысла в дружбе, поскольку у неё нет естественной основы, как, например, в любви (рождение детей). Чем питается дружба, кроме взаимной привязанности?

Черныш: А разве этого недостаточно? К тому же, мы отмечали с вами такую особенность дружбы, как «влечение душ».

Кузя: Влечение душ присуще всем формам запечатления с друзьями.

Рыжик: Согласен с Чернышом. В дружбе обе стороны стремятся оказаться как бы на одной волне или в одном воздушном потоке.

Я: Хороший образ. Добавлю лишь, что в дружбе как нигде больше важна синхронность благожелательных действий и ответных позитивных реакций, что и подтверждает опыт отношений Рыжика и Черныша. Однако, думаю, что естественной основой дружбы выступает не только и не столько взаимопомощь. Считается, например,

что её отличает в первую очередь готовность прийти на помощь другу. На мой взгляд, гораздо более значимой чертой дружбы является глубокое доверие и взаимная откровенность.

Кузя: Для меня дружба – разновидность партнёрства, которая предполагает равенство разных потенциалов и взаимовыгодное сотрудничество. Вряд ли можно считать дружбой помощь слабому и беззащитному.

Я: Ничего подобного. Помощь Другому – нравственный императив. Но в дружбе акцент следует делать на приставке «взаимо».

Кузя: Я слышал, что у вас бывают кассы взаимопомощи. Тогда получается, что дружба – это постоянная касса взаимопомощи, где вместо денег оказываются разные услуги (психологическая поддержка и пр.).

Я: Не стоит, Кузя, понимать всё так буквально. Смысл дружбы состоит в особой духовной связи людей, которые бескорыстно стремятся помочь друг другу стать добрее, совершеннее. Она позволяет каждой из сторон раскрыть лучшие стороны человеческой души.

Черныш: А мне кажется, что, кроме взаимопомощи, доверительности и откровенности, в дружбе важна такая черта, как взаимное узнавание и открытие другого. Например, нам с Рыжиком интересно друг с другом, потому что мы постоянно узнаем что-то новое. Кроме того, мы вместе гораздо быстрее, чем по одиночке, познаем и осваиваем окружающий мир.

Кузя: Слишком пафосно для первого участия в диалоге, мой младший друг. А я полагаю, что магнитным полем дружбы, если таковая вообще существует, является скорее взаимопонимание, чем взаимопомощь и прочие фантазии. Именно это достигается в процессе запечатления между людьми.

Я: Не стоит, Кузя, принижать значение слов Черныша. Ведь об этом в начале говорил и ты сам, когда отмечал, что достаточно одного слова или жеста, чтобы тебя понимали с первого раза. Наверное, истина как всегда находится где-то посередине. И каждый из нас прав по-своему. А суть дружбы заключается в осознанной устремлённости людей друг к другу («влечении душ»), которая не только отличается синхронностью и гармоничностью действий обеих сторон, но и создаёт реальность взаимного притяжения. Запечатление же способствует рождению общих смыслов бытия или,

говоря иначе, его смысловой связанности. Именно друзьям в первую очередь свойственно со-мысле, а не единомыслие. Это качество и характеризует дружбу как синергичное состояние смыслов дифференцированного Иного.

Кузя: Ну ты даёшь! Со-мысле!? Ты сам-то понимаешь, что сказал? Уверен, что в каждом состоянии имеется, кроме всего прочего, со-стояние. Ведь стороны запечатления не просто «стоят», а пребывают в ситуации динамического равновесия. И их смыслы изменяются в зависимости от непрерывно меняющихся позиций. А, значит, дружба не является константой в отношениях между людьми. Её нужно подпитывать новыми чувствами и смыслами. Поэтому её смысловое содержание трансформируется по мере того, как люди запечатлеваются снова и снова. Вот почему ваши друзья детства чаще всего перестают быть ими, как только вступают во взрослую жизнь.

Я: В заключение попытаюсь резюмировать сказанное. Запечатление в дружбе есть одновременно процесс со-бытия и со-мыслия. И здесь недостаточно одних механических колебаний и эмоциональных импульсов, исходящих от взаимодействующих тел. Здесь нужна встречающая *вибрация разных форм со-бытия (мыслей, чувств и действий)*. Ведь последнее (со-бытие) не только звучит, но и вибрирует, создавая силовое поле взаимного эмоционального и духовного притяжения.

Наверное, в дружеском запечатлении важны не только формы со-бытия (со-мыслия, со-чувствия и со-действия), настроенные на одну волну, но и их вибрации, в которых они (эти формы – мысли и чувства) как волны «нахлестываются» друг на друга, вызывая колебательные движения (ускорения и скачки). Тот или иной уровень взаимного доверия, достигаемый в практиках со-бытия, и есть, на мой взгляд, качественный результат запечатления в дружбе.

Кузя: Без слов! От такой вибрации твоих мыслей мне пора удалиться на заслуженный отдых.

Рыжик: И нам с Чернышом пора на покой. И, хотя мы мало что поняли из сказанного, нам нравится «вибрация чувств и мыслей», а также возможности со-мыслия, со-чувствия и со-действия, которые открываются в дружбе. Пойдём практиковаться.

Я: Спасибо всем участникам обсуждения. Будем считать, что сегодня победила дружба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афоризмы Старого Китая / пер. с кит. В. В. Малявина. – Изд. 2-е, испр. – М.: Наука, 1991. – 192 с.
2. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию. – М.: Наука, 1977. – 384 с.

15.06.2021 г.; 23.10.2021 г.; 27.10.2021 г.

4.4. Запечатление со страной и государством

О социальных запечатлениях

Я: Друзья! А что, на ваш взгляд, может послужить основой для запечатления со страной или с обществом? Мы, люди, живём в одном обществе-государстве и связаны одной культурой, которая интегрирует нас в единое целое. Во всяком случае, мы так думаем или хотим думать. По отношению к обществу или государству у людей часто встречаются полярные реакции, которые следует отличать от запечатления:

- *социальная критика* (установка на вскрытие острых социальных противоречий и критическое отношение к существующим теориям общества) – *социальная апологетика* (некритическое отношение к обществу, желание восторгаться и превозносить существующий социальный порядок);

- *социальная интеграция* (установка на объединение людей, а также сил и ресурсов общества) – *социальный конфликт* (ориентация на разобщение людей и дезинтеграцию общества);

- *социальный оптимизм* (восхищение социальным порядком, вера в лучшее будущее общества) – *социальный пессимизм и скепсис* (социальное недоверие и сомнение в правомерности социальных установлений или институтов);

- *социофобия* (страх перед обществом и социальными институтами) – *социофилия* (эмоционально-чувственная привязанность и любовь ко всему социальному, патриотизм);

- *социопатия* (игнорирование социальных норм и неспособность выстраивать межличностные связи) – *социомания* (превознесение социального, тяга к социальному участию, неистребимое стремление постоянно изменять общество, во что бы то ни стало, неконтролируемая потребность в самоутверждении и получении общественного признания).

А как у вас, котов?

Кузя: Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Опять ты предлагаешь новую схему. По мне все перечисленные тобой способы взаимодействия человека с обществом можно назвать ложными формами запечатления. Назовём их условно социальными ассоциациями. Суть же запечатления заключается в органическом слиянии с духом страны, общества, государства и народа.

Черныш: По данной классификации я – самый типичный социофил и, наверное, социальный оптимист. Я верю в светлое будущее и мне нравится моё общество – Рыжик и хозяйева. Последние иногда меняются. Наверное, они и есть наше с ним государство. Они заботятся о нас и требуют, чтобы мы исполняли их приказы – не сорили, не портили мебель и стены и пр. Мы, конечно, стараемся, но в порыве игры у нас не всегда получается что-то не разбить или не пролить.

Рыжик: Да, какие уж там приказы. Мы же с тобой в основном одни дома сидим. Хорошо, что нам не скучно друг с другом. А государство где-то там, далеко от нас находится – ходит на работу, занимается своими делами. И иногда спускается с небес, чтобы нас покормить (обязательное условие) и потискать (необязательное условие). А вот мне не подходит ни одна из твоих ролей.

Кузя: Вам, ребята, ещё повезло с «малым» государством. Оно рядом с вами и заботится о вас. Вы, в отличие от людей, не отбываете трудовую повинность, не платите налоги, и всё, что от вас требуется, так это вести себя лояльно по отношению к хозяйевам. У нас с Хотей примерно такая же ситуация. А вот люди гораздо в большей степени, чем мы, зависят от своего государства. Это – единственная форма политического существования всех людей, проживающих в одной стране и являющихся его гражданами. В России государство всеильно. При этом общественные связи не развиты в достаточной мере. После недавних поправок в Конституцию государство подчинило себе и публичную власть.

Хотя: По мне, так государства должно быть меньше, а лучше, чтобы его вообще не было.

Я: А кто же о вас с Кузей будет заботиться?

Хотя: Уж точно не государство, которое вы себе водрузили на голову. Вам мало своих проблем. Вы ещё и нам хотите их навязать. Догадываюсь, что ты меня, скорее всего, запишешь в социофобы.

Я: Ты, Хотя, рассуждаешь, не только как социофоб, но и как анархист. А нам, увы, без государства никак нельзя, иначе верх в обществе возьмут криминальные структуры. У нас сложилось общество-государство, которое больше, чем государство и общество, взятые каждое в отдельности. Этим оно, скорее всего, отличается от дуальной по сути западной общественности, дифференцированной, как известно, на государство, ограниченное в правах, и расширенное гражданское общество, опирающееся на средний класс. Поэтому на Западе часто можно услышать такую декларацию: «поменьше государства, побольше гражданского общества». У нас же происходит всё ровным счетом наоборот: «побольше государства, поменьше общества». Но соотношения между ними постоянно меняется и иногда не в пользу государства. Мы привыкли жить в этатистском обществе.

Кузя: Можно, опять же, предположить, что на нынешний момент ваш авторитаризм, персонифицированный в лице Президента РФ и опирающийся на достаточно широкую поддержку народа, наталкивается внутри страны на сопротивление так называемого «глубинного государства» или «государства для избранных» (корпорации высших государственных чиновников и тех, кого называют олигархами), противопоставившего себя большинству граждан страны и блокирующего радикальные преобразования страны, в т.ч. законодательные инициативы самого Президента.

Следовательно, в вашей стране существует разделенное общество и государство. Вам удалось создать «общество для своих» и «общество для большинства», «государство для избранных» и «государство для остальных граждан». Вот таким, как минимум, двухсоставным гибридом мне представляется ваше сегодняшнее общество-государство.

На мой взгляд, ложные запечатления ведут к разделённому обществу-государству. Все твои «филии» и «фобии» «патии» и «мании» – это не что иное, как бегство от истинной формы запечатления. Так проще поддерживать разделённое существование, поскольку разным социальным агентам присущи разные ассоциации, например, социопатия и социофобия – для управляемого большинства («общества для чужих»), социомания и социофилия – для управляющего меньшинства («общества для своих»).

А всё же, куда вы отнесете меня, к какому типу?

Рыжик: Не сдержался. Ясно куда, к социокритикам. Ты же всё критикуешь на корню. И общество у тебя не совсем такое, как должно быть, и государство не одно, а целых два.

Кузя: Вовсе нет. Я критикую лишь ложные основания теоретических построений, которые оправдывают социальную действительность.

Я: А это и есть критическая социальная теория. Между прочим, к ней относится целый ряд западных мыслителей, которые занимались социальной критикой или критическим анализом теорий общества и государства (Ч. Миллс, Д. Рисмен, Э. Фромм, А. Гоулднер и др.).

Кузя: Похоже, мы снова помогаем тебе написать новую статью. Вот ты и разминаешься с нами. Всех распределил по группам. Остаётся уточнить, куда ты относишь себя и Рыжика.

Я: Но с Рыжиком я пока не определился. Подозреваю, что за его темпераментом скрывает ещё тот социоман. Пока же он прикрывается равнодушием, что выдаёт в нём скептика. А вот про себя труднее всего сказать. Возможно, к концу нашего сегодняшнего разговора я смогу ответить на твой вопрос.

Кузя: А с моей точки зрения, ты относишься к социальному интегратору. Тебя хлебом не корми и молоком не пои, только дай что-нибудь сначала разделить по одним основаниям, а потом соединить или синтезировать по другим. Не удивлюсь, если в ходе разговора ты снова нас разложишь по полочкам, а потом соберёшь всех опять же по-своему.

А теперь по теме беседы. Хочу добавить, что люди не выбирают общество, они в нём уже рождаются, как, впрочем, и умирают. Это относится к поколениям детей, которые появились в 1990-е – 2000-е гг. Родился в «обществе для своих», считай, тебе повезло. Вместе с происхождением тебе достаются по праву не только лучшие куски общественного пирога, но и «государство для избранных», которое обслуживает твои же собственные интересы. Я не силен в типологизации и не смогу поделить людей на классы. Но если у вас в 1990-е гг. появились «новые русские», то никуда не делись и «старые русские», т.е. те, кого лишили собственности и власти. Последним ничего не оставалось, как стать слугами новых господ.

Я: Не стоит, Кузя, педалировать это искусственное разделение и воспроизводить сословную структуру общества. Между разными

социальными слоями существуют переходные зоны. Можно переходить из одного слоя в другой за счёт своей энергии и активности.

Кузя: Тебя трудно назвать наивным человеком. А значит, ты притворяешься, что этого не видишь.

Черныш: А вот у нас с хозяйкой Аленой нет никакого раскола. Она заботится о нас, кормит и ласкает. Так что наше общество-государство вполне удобно для жизни.

Кузя: А у них, людей, пока существует «государство для избранных», а вместе с ним и «глубинное государство», сохраняется и раскол общества на доминирующие и зависимые группы. Причём одно разделение обуславливает другое и наоборот. И никакие «переходы» или миграции из одного общества (или слоя) в другое не помогут. Чтобы выйти из раскола, необходимо восстанавливать утраченную целостность общества-государства. А это значит, что государство должно перейти под полный контроль общества, социализироваться, стать «государством для всех», а не корпорацией чиновников и представителей крупного бизнеса. Необходимо освободить общество от диктата силовых структур власти, выдающих себя за всеобщее государство и использующих средства насилия, подкупа и манипуляции.

Рыжик: Ты, Кузя, прямо какой-то борец за права людей.

Я: Кузя, к сожалению, использует опасную аналогию: два общества и два государства. Он как раз и подливает воду на мельницу раскола. Всё не так просто в нашем доме.

Кузя: Причём тут я? Это мой аватар. Совсем распоясался. Но разве он не прав? В реальности народ, составляющий первое общество («общество для большинства»), добровольно или принудительно делегирует путём всеобщих выборов свои полномочия своему же государству («государству для всех граждан») для осуществления текущего руководства страной. А на практике ваши выборы нужны для того, чтобы поддерживать «государство для избранных». Принципиальные решения (принятие поправок в Конституцию, установление государственных границ, федеральные законы и пр.) принимает парламент, состоящий преимущественно из представителей этого государства. Вот и получается, что реальная власть принадлежит «государству для избранных», которое служит интересам «общества для своих», т.е. обеспечивает достойную жизнь достойным людям.

Я: Ты, Кузя, сеешь раздор и ведёшь себя как какой-нибудь «левак», т.е. человек крайне левых взглядов. И что это за «общество для своих» ты придумал?

Кузя: Это общество, которое состоит из власть имущих и крупнейших собственников, сосредоточивших в своих руках львиную долю ресурсов страны, и находится в зоне благоприятного для жизни («избранных» или элитарных слоёв) существования.

Я: Не стоит, Кузя, заходить так далеко. Ты что же, предлагаешь устранить целые социальные группы и созданные ими парламент и другие политические институты? А кто же будет принимать законы?

Черныш: А вот я признаю только один закон – закон Любви.

Кузя: Да, наша черно-рыжая мелочь явно не в теме.

Рыжик: Не стоит, Кузя, нас обижать. Да, мы пока не в вашей теме. Но и вы ведь тоже с умным видом обсуждаете вполне очевидные вещи. Ты вот совсем очеловечился и говоришь как самый заурядный человек. Наверное, ты уже забыл, что мы, коты, гораздо глубже и деликатнее. Разговор о политике – это не наш «дискурс». Вот видите, выучил новое слово. Потом, вы сами ходите вокруг да около и постоянно отвлекаетесь от темы запечатления.

Я: Пожалуй, твоя позиция, Рыжик, близка к социальному скептицизму. Ты сомневаешься даже в целесообразности обсуждения данной темы.

Черныш: Но ведь если можно полюбить Другого, то почему нельзя полюбить общество или страну в целом и тем самым изменить их к лучшему? Может быть, и государство, в конце концов, станет «своим» для всех, если его сильно любить? Мне по душе такая социомания. А ещё я выступаю за социальную интеграцию на основе любви.

Я: Конечно, любовью многое можно исправить, но не социальные или политические институты. Однако, ею можно поддержать дух народа. Уверен, что даже у разделённого народа, пережившего катастрофу, остаётся свой дух. Имеется он и у государства, если им его наделяют люди, верящие в свою национальную мечту и любящие свою Родину.

Кузя: Тогда получается, что и дух расколот, как минимум, на две части. От имени одной из них выступает антинациональная по сути элита, вообразившая себя «государством в государстве».

И пока она контролирует большинство ресурсов страны, вам не удастся выбраться из ситуации раскола. И зависимой части общества будут по-прежнему доставаться «объедки с барского стола» в виде низких зарплат, пенсий, пособий, дотаций и пр.

Я: Остановись, Кузя. Хватит заниматься революционной пропагандой. Ты прямо социал-революционер и сторонник социального конфликта. Нам не нужна гражданская война.

Кузя: Я лишь констатирую факты. Дух народа существует только в той части общества, в которой он живёт. Поскольку у вас нет единой идеологии, то нет и объединённого духа, чтобы отвечать на новые вызовы и угрозы. А запечатление с обществом (или государством) возможно лишь при условии соответствия этого духа идеологии, предлагаемой национально ориентированной элитой, и духа народа, которому удастся, в конце концов, консолидироваться. И пока у вас соседствуют друг с другом два общества и два государства, одному из которых запрещается иметь свою идеологию, то и дух не может быть единым. В этой ситуации всегда побеждает тот, у кого больше ресурсов для продвижения собственной стратегии и шансов на представление её в виде единственно возможной идеологии.

Я: Да, я согласен, что у нас в обществе не одна идеология, а множество (либеральная, коммунистическая, консервативная и пр.). К тому же, формально (де-юре) общегосударственная идеология запрещена Конституцией, хотя де-факто с учётом внесения некоторых конституционных поправок, а также других программных документов (Стратегии национальной безопасности РФ и пр.), она всё же существует.

О духе народа и духе государства

Кузя: Но такая идеология «для граждан» не встроена в систему идей многонационального народа. Она больше напоминают декларацию о намерениях, чем политическую программу.

Если говорить о духе, порождающем «общенародную» идеологию, то его попросту у вас нет. А вот идеология «государства для своих» есть. Таково реальное положение дел. Поэтому запечатление с обществом у вас и не происходит. Люди есть, ресурсы есть, а страна не может выбраться из состояния раскола. Потому что большинство людей существует само по себе, выживая, как могут,

а система власти, прежде всего, «глубинное государство», живёт по своим собственным законам. И я не вижу пока возможности построить мост между ними.

Черныш: А по-моему, запечатлевается лишь тот, кто уже любит. Это относится, наверное, и к государству. Разве нельзя любить своё государство, а не то, которое вы считаете чужим?

Кузя: Как ты не поймешь, малыш, что в каждой стране государство может быть только одно. Два государства – это нонсенс. Государство, которое сконструировано специально для подневольного народа, является чистой декорацией. Да, оно поддерживается соответствующими СМИ и всей пропагандистской машиной. Но нельзя любить то, чего нет на самом деле. Вот наш ведущий и не находит себе места. Ему очень хотелось бы любить государство и запечатлеться с ним, но он никак не может принять его двойственность.

Я: Наверное, можно любить только то государство, которое тебя принимает и которое ты выбираешь сам. Что-то мы запели песни о социофилии.

Черныш: Лучше уж социофилия, чем социофобия или социопатия. Но мы же любим нашу хозяйку Алену, и она отвечает нам взаимностью. И для нас именно она олицетворяет наше государство.

Кузя: Хорошо вам. Но у людей все гораздо сложнее. Им мало, видите ли, одной иллюзии политического единства. Они хотят большего – участия в строительстве всего общества и государства. Им нужно, видите ли, «своё общество» и «государство для всех». Наивные. Их ничему не научил опыт предыдущих десятилетий, когда общественные изменения происходили независимо от политической воли обычных людей. Если большинство из них, с одной стороны, и власть имущие (прежде всего, те, кто олицетворяют собой «глубинное государство»), с другой, продолжают раздельное существование, то как они смогут объединиться в целое «Мы-общество», «Мы-государство» или «Мы-страна»?

Рыжик: Не знаю, как ваше государство, а наше нас вполне устраивает. И с ним мы уже ощущаем себя «Мы-государством».

Я: С вашим «государством» оказалось проще, чем у нас. Вынужден признать, что нынешняя политическая элита не готова к переменам, а новой силы у нас пока нет. К тому же любые попытки

раскачать политическую лодку приведут к хаосу и, как следствие, к гражданской войне, которой не преминут воспользоваться геополитические противники России.

Кузя: Вам нужно не ждать появления новой политической силы, а становиться ею. И уже сейчас искать пути соединения, с одной стороны, духа народа и духа государства, прежде всего идеологии, которая будет ему органична. А с другой стороны, надо постепенно преодолевать раскол между частями общества и в первую очередь вывести из игры «глубинное государство». И тот, кто сделает это, сможет запечатлеться со всем обществом-государством, а значит, станет новой политической силой.

Черныш: Ох, как трудно разобраться в ваших человеческих проблемах. Мне кажется, что надо научиться любить то государство или общество, которое вы уже имеете.

Хотя: Легко тебе, Черныш, говорить. Тебе повезло с государством. Знать бы нам ещё то, как наше общество-государство привести к единству. А что касается идеологии, то её на Западе уже за вас, россиян, определили. Это – автократия, противостоящая, как и в эпоху холодной войны, демократии «свободного мира».

Кузя: Им, людям, давно пора коллективному Западу с его «демократическим альянсом» и уродливыми ценностями противопоставить коллективный не-Запад. Пока же они слабы и не умеют продвигать свои ценности, к ним никто не захочет присоединиться. Мировую историю делают страны-лидеры, а не тот, кто оправдывается каждый раз, когда ему наступают на хвост. У нас, котов, давно освоили эту простую истину. А Запад пользуется подходящим моментом, чтобы ослабить дух государства России и вывести её из строя перед большой игрой с Китаем.

Рыжик: Нам бы со своими играми разобраться. Придумали тоже «социоманию», «социопатию» и прочие термины психолого-медицинского происхождения.

Я: Послушать тебя, так ты, Кузя, просто стратег в области геополитике, хотя мне понятно, откуда у тебя эта информация. Наверное, ты часто слушаешь теленовости и передачу «Вечер с Владимиром Соловьевым».

Кузя: Интересно, а кто включает телевизор и выбирает соответствующий канал? Я пока не научился.

Я: Но хотелось бы понять для начала, что такое дух народа (или народов) России, и какая идеология государства может ему соответствовать.

Кузя: Не мне рассуждать о духе вашего народа. Ты мне как-то говорил, что ему присущи такие качества, как чувство справедливости и патриотизм, уважение к семье и традиционным ценностям, вольнолюбие и терпимость к иным культурам, созидание и решительность в трагические моменты истории и пр. Возможно, дух народа следует искать в особом сплаве этих качеств, т.е. в «качестве самих качеств». А вот идеологию я не стал бы с ним отождествлять.

Черныш: Извините меня за наивность, но почему в этом списке отсутствует любовь? Как можно строить государство, не любя его и тех, кто в нём живёт. Ведь любящая мама любит своих котят и желает, чтобы они, повзрослев, стали лучше. Так и народ должен заботиться о своем государстве, чтобы улучшать и совершенствовать его. И стоит ли искать дух народа где-то вовне, если он находится совсем рядом, внутри него? Может быть, любовь и есть тот самый дух, который пронизывает собой все стороны жизни. Ведь только благодаря ей можно запечатлеться.

Кузя: Увы, государство, вырастая из чаяний и ожиданий людей, со временем отделяется от них и начинает питаться их же энергией. Вот тогда и происходит раскол государства и общества, а затем и раздел самого государства на две части. Но и народ не стоит идеализировать. Наверное, не случайно я не назвал такие качества вашего народа, как трудолюбие и самодисциплина. Впрочем, здесь легко перейти на обсуждение национального характера, что далеко не одно и то же, что и дух народа и, тем более, дух государства. Очевидно, что вам нужна такая государственная идеология, которая позволит преодолеть раскол в обществе и вывести страну на новый уровень развития.

А пока провластные идеологи придумали «глубинный народ», который «правильно» понимает и поддерживает нынешнюю власть, не будучи сам политически активным. Ты мне как-то приводил слова В. Суркова, что «глубинный народ всегда себе на уме, недосыгаемый для социологических опросов, агитации, угроз и других способов прямого изучения и воздействия... Своей гигантской супермассой глубокий народ создает

непреодолимую силу культурной гравитации, которая соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (к родной земле) элиту, время от времени пытающуюся космополитически воспарить» [2].

Следовательно, если говорить о духе вашего народа, то он есть, по-видимому, лишь у «глубинного народа», который не особенно интересуется государственными делами, вообще далёк от политической кухни, но безусловно верит правителю (царю, генеральному секретарю, президенту), делегируя ему свою волю. И, скорее всего, этот дух состоит из смеси народной мудрости, естественного консерватизма, невероятной терпимости, упования на верховную власть правителя и врождённого патриотизма.

Не случайно ваш Президент на заседании Валдайского клуба, о котором ты мне говорил, отмечал, что «...сама идея о том, что внутри нации должен быть движущий механизм развития, воля к развитию, к самоутверждению...» [1]. Может быть, дух народа и есть тот самый врожденный дух самоутверждения?

Черныш: Опять вы забываете о любви. Сколько можно самоутверждаться самим и приписывать это качество своему народу.

Кузя: Как ты не поймешь, Черныш? Нашему ведущему не хватает работы по организации новых конференций и семинаров. Вот он нас и раскручивает на дискуссию, чтобы, в конце концов, подвести к желаемому для него результату.

Я: Погоди, Черныш, доберемся и до любви. А пока продолжу мысль Кузи. Так, некоторые либерально мыслящие коллеги противопоставляют глубинному народу свободу человека, находящегося за пределами системы. «Это, прежде всего, внутренняя цельность и самодостаточность, придающая человеку свободный, независимый взгляд, чувство собственного достоинства, независимо от социального уровня, рода деятельности или каких-то внешних регалий. Простота в общении с людьми, ненавязчивость, способность к нормальному, конструктивному диалогу. Способность понимать других людей, видеть за внешними признаками их индивидуальную природную суть» (см. прим. 1). В отличие от глубинного народа, такой человек с его критическим мышлением всегда находится во внутренней оппозиции к власти, но, разумеется, до тех, пока не победят «демократические» силы.

Правдоискательство и правдолюбие как путь к запечатлению с обществом-государством

Кузя: По мне, так любая победа, будь то «левых» или «правых», «либералов» или «консерваторов», рано или поздно ведёт к диктатуре. Именно этого добиваются США, организуя так называемый «альянс демократических стран». Потеряв мировое господство, они теперь хотят удерживать власть в ограниченной части мира. Конечно, если нельзя (или не очень хочется) изменить систему власти силовыми способами, то можно поменять образ мира, разделив страны на «демократии» и «автократии». Внутри же страны «глубинный народ» нужен «глубинному государству», чтобы заполнить брешь, образовавшуюся в сфере доверия к власти. Ведь только такой народ (а не всевозможные политические партии и группы интересов) способен воспринять намерения и действия «правильного» правителя или партии.

Но что-то мне не очень верится в «глубинный народ», как и в «истинную демократию». Здесь важно понять, что делает возможной породнённость народа или народов, с одной стороны, и общества или государства, с другой. Дело в том, что у вашего народа отняли не только Родину, но и Правду, заменив её дозированной информацией и имитацией политического участия. Однако, обычные люди устали от бесконечной лжи и искаженной информации. Они хотят «жить по Правде». И это относится, как мне кажется, к большинству российских людей, а вовсе не к тем, кого именуют «глубинным народом».

Следовательно, запечатление с обществом-государством имеет своими предпосылками обретение чувства Родины, а также поиск и утверждение Правды. Родина – это и есть идентичность «Мы-страна». Поэтому сначала надо вернуть людям Родину, которую они утратили вместе с распадом СССР.

Я: Не СССР ли ты, Кузя, собираешься возвращать?

Кузя: Нет, конечно. Нельзя вернуть то, чего уже нет. Я говорю о чувстве Родины. Ведь только на её основе можно заниматься далее правдоискательством и формировать идентичность «Мы-общество/государство».

Рыжик: А по мне, родина – это то место, где ты родился и вырос. Ты любишь свою родину, потому здесь тебе знакомы каждый запах и каждая вещь. А ваша Родина с большой буквы мне не совсем понятна. Ее нельзя пощупать и объять умом.

Черныш: Согласен. Любить можно свой дом как место обитания. И нужно научиться для начала любить всё живое вокруг себя.

Я: Родиной, Рыжик, может быть и страна в целом. А вернуть прежнюю Родину, к чему призывает нас Кузя, уже не получится. Теперь каждый сам ищет свою Родину в России. Но в одном я готов поддержать Кузю: правдоискательство, действительно, – исконно российская черта. Не случайно в уста одного из героев современного российского фильма сценарист вложил такие слова: «Вся сила в правде». Правда понимается обычными людьми как соответствие реальной практики их жизненным идеалам. С точки зрения философов, она представляет собой «синтез истины и справедливости» (Н.К. Михайловский), смысл «всеобщего спасения» (Н.Ф. Фёдоров), «тождество добра и истины» (Вл. Соловьёв), ценностное восприятие истины (Н.А. Бердяев).

В русском языке «правый» – тот, кто поступает правильным или должным образом. Другими словами, Правда есть то, что делается во имя правильных (и праведных) с точки зрения самих людей целей. В ней заключен идеал (представление о должном) и его же наиболее желаемое исполнение. Этим Правда отличается от Истины, которая характеризует предмет в его сущности. Правда же укоренена в самом бытии человека, в его поступке. Она «вмонтирована» в поступок как соединение общезначимого и действительного в нём (М.М. Бахтин).

Кузя: Вот опять ты перешел на лекторский стиль. Побереги малшей. Они еще не привыкли к твоим длинным и не всегда внятным монологам. Ты мне говорил, что многие российские люди восприняли революционные перемены в 1917 г. как наступление эпохи Правды. А в 1990-е годы вы тоже искали Правду, но окунулись в море лжи и до сих пор продолжаете переживать историческую трагедию (распад великой страны, крушение надежд на её возрождение и пр.). Такова была цена отказа от Правды, которую ваши предки оплатили ценой огромных человеческих потерь. Наверное, вместе с Правдой вы потеряли тогда и силу своего духа.

Черныш: Простите мне мою душевную простоту и настойчивость. Там в чем же ваша сила – в развитии или в правде? И какая сила в самой Правде может быть без любви?

Кузя: Это точка зрения истинного социофила. Конечно, Правду, как и Родину, можно и нужно любить. В первом случае сила заключается в любви к Правде, т.е. в правдолюбии. Ее недостаточно искать. А во втором – мы имеем дело с патриотизмом. Одним

словом, правдолюбие, а не стремление к истине, и патриотизм, а не корпоративная солидарность, – вот то, что позволяет человеку запечатлеться с обществом.

Рыжик: Не понимаю, как можно любить то, что нельзя увидеть и от чего не веет чем-то знакомым или родным. Любить можно то, что приятно на ощупь, хорошо пахнет и красиво смотрится.

Я: В том-то и дело, что Родина как раз «пахнет чем-то знакомым или родным». Однако, у каждого народа и государства должна быть своя Правда, которую иногда называют «экзистенциальной истиной». Есть она и у России. Может быть, поэтому её объявили на Западе экзистенциальным врагом. У нас могут быть сколь угодно общие с Западом формальные признаки («рынок», «капитализм», «демократия» и пр.), но вне зависимости от общности социально-экономических и политических условий нас разделяют с ним разные экзистенциальные истины. В этом, на мой взгляд, коренится одна из главных причин нарастания цивилизационных противоречий России и Запада. Наша Правда как экзистенциальная истина заключается в органическом слиянии людей и социоприродной среды, что невозможно без любви к Родине.

Кузя: Я это и называю Духом народа.

Я: Пока же у нас сложилась патовая ситуация как внутри страны, так и на внешнеполитическом фронте, напоминающая мне ленинское определение революционной ситуации: Запад уже не может навязать нам свои цивилизационные предпочтения, а мы (прежде всего, наша политическая элита) ещё не готовы сформулировать собственные ценности и донести до людей чёткое понимание Правды как нашей (и исключительно нашей) экзистенциальной истины.

Кузя: Согласен. Идеология нужна государству, а народу требуется своя Правда. Без последней не получится запечатлеться с обществом-государством. И её следует отличать от идеологии (коммунизм, либеральная демократия и пр.). Правда же заключается в том, чтобы государство служило обществу и всем его членам. Но это ещё не вся Правда. Она также состоит в том, чтобы каждый человек жил достойно и счастливо уже сейчас, а не в отдалённой перспективе. И, наконец, он должен чувствовать себя хозяином на своей земле. Чувство Родины – это чувство породнённости людей со своей страной, государством и обществом.

Поэтому запечатления с обществом-государством не произойдёт до тех пор, пока народ не сможет открыто отстаивать и претворять на практике свою Правду, а у государства не появится, в конце концов, всенародная Идеология.

Черныш: Правда, как вы её называете, как раз и состоит в том, чтобы не искать любое подобие экзистенциальной истины в Идеологии и не пытаться привести её в соответствие с духом государства. Правда заключается в любви. Она либо есть, либо её нет. Если Правда заложена в народе, то ему никто не должен позволять искать её. Он сам рано или поздно найдёт её и тем самым откроет в себе неиссякаемый источник Любви.

Я: Согласен, Черныш. Бывают, конечно, случаи, когда человек теряет свою правду, а значит, теряет и способность любить что-то или кого-то. Но если носителем Правды является народ, то как можно возвращать народу то, что ему и так по праву принадлежит. Однако, идеология нашего государства ещё далека от того, чтобы предоставлять каждому российскому гражданину равные жизненные шансы и создавать условия для его достойной жизни. А значит, чтобы понять Правду народа, надо заботиться, прежде всего, о каждом человеке.

Кузя: Ты снова о своём. Я не буду говорить о Правде вашего народа. Но твоя правда (или программа) мне хорошо известна. Её можно свести к трём ключевым словам: «гуманизм – экологизм – социализм». Но далеко не все наши читатели готовы разделить с тобой эту правду.

Рыжик: А вот я согласен с этим, но только с одной поправкой. Я где-то слышал, что гуманизм означает провозглашение ценности жизни человека превыше всего. Ну а как же мы, коты? Разве наша жизнь не является ценной? К тому же, если экологию понимать буквально «как науку о жизни в доме», то в нём, кроме человека, имеются ещё и коты, и другие домашние животные. Поэтому нужно создавать комфортные и безопасные условия не только для человека, но и для всех тех, кто с ним живет.

Я: Придётся согласиться с твоей поправкой, Рыжик. Гуманизм – частный случай любви к жизни. Правда также и в том, что социализм, в отличие от капитализма, не противопоставляет друг другу общество и государство или одни социальные группы – другим. Что касается ситуации в нынешней России, то для реформирования общественных отношений не нужно проводить никаких репрессий и насильственного перераспределения собственности. Достаточно

ввести для начала прогрессивную шкалу налогообложения и законным путём «принудить к миру» сверхбогатых, присосавшихся как вампиры к общенародному достоянию (земле, недрам, водным и лесным ресурсам, недвижимости и пр.).

Кузя: Думаю, что этим вряд ли вам удастся ограничиться. Как можно культивировать у людей гуманизм, патриотизм и прочие «измы», если у них отняли собственность, которая теперь, по твоим словам, принадлежит 5-10% населения. Родины нет, если дом тебе не принадлежит. И Правда народа заключается как раз в том, чтобы каждый человек имел собственный дом.

Рыжик: Почему-то мне кажется, что политика и правда – вещи не очень совместимые.

Я: Дело не в том, кому принадлежит собственность. Им всё равно не отнять у людей чувство Родины. Но вот с Правдой оказывается всё сложнее. Она включает в себе представление о справедливом устройстве жизни.

Кузя: Дело в том, что в нынешней ситуации нашему лектору не удастся запечатлеться с обществом, которое противоречит по духу его же исходным идейным установкам. И то, как он понимает свою правду, вряд ли найдёт подтверждение в реальности. Он может любить нас, котов и других животных, а вот полюбить страну у него пока не получается. По-видимому, не хватает самого малого – оснований для такой любви, в т.ч. любви к своему дому. А может, не стоит становиться заложником такой правды и следует поискать другую, более расширенную версию?

Черныш: Вот и я думаю, не стоит, наверное, искать общую правду, которая не ведёт к любви. Пусть правда будет у каждого своя, но зато основанная на любви.

Я: Приспособленцы и обыватели вы несчастные. Говоришь с вами и говоришь, а все оказывается без толку.

Кузя: Почему же? Правда всё-таки есть не только у одного существа, но и в стае или популяции. Не зря же в старину ваши мужики дрались стенка на стенку. Каждая из сторон отстаивала свою правду. Есть она, наверное, и у вашего народа, но не как у собрания отдельных людей. И она не совпадает с идеологией. Потому что последняя чаще всего служит интересам определенных групп, а не всего народа. Идеология же государства выражает, как правило, интересы той части общества, которая находится у власти.

Вот и получается, что ваш народ со своей Правдой может спокойно прозябать в сторонке или в лучшем случае добиваться от власти мелких уступок. Запечатлеться с государством означает стать с ним одним целым (своего рода народом-государством или обществом-государством), что пока выглядит слишком утопично. Не всем же так везет с государством, как Рыжику и Чернышу.

Рыжик: А мне кажется, ты, Кузя, ищешь свою правду, отталкиваясь от представлений о правде других существ, в т.ч. людей. А в чём тогда твоя правда?

Кузя: Что нашел, то моё, что потерял, то вам уже не найти. Но только и вы не уйдете от вопроса о запечатлении с обществом или государством, сколько бы нас лектор ни пытался подменить его ложными ассоциациями. Он сам мне недавно говорил о том, что их Президент предложил своё видение политики российского государства – умеренный консерватизм. Чем тебе не идеология для «государства для всех граждан»?

Я: Да. Вот его слова: «умеренный консерватизм – самая разумная, во всяком случае, на мой взгляд, линия поведения. Она неизбежно будет меняться, разумеется, но пока врачебный принцип “не навреди” представляется наиболее рациональным» [1]. И он же говорил, что «структурообразующей единицей мирового устройства является только государство» и что «только суверенные государства способны эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан» [1]. Но только я не подменяю запечатления с обществом ложными социальными ассоциациями.

Кузя: Вот и выходит, что ваш политический лидер уже сделал свой выбор, т.е. запечатлелся, хотя до этого много лет воздерживался от каких-либо идеологических заявлений. А ваша интеллигенция, которая так печётся о культуре, духе и благе народа, так и не нашла свой путь к запечатлению с обществом.

Я: Да, мы ждали от Президента чего-нибудь подобного. Готов подписаться под следующими словами: «Ценность жизни является абсолютной. На мой взгляд, тем же самым является ценность семьи, потому что в основе – продолжение рода» [1].

Кузя: И мне нравятся эти слова. Но хотелось бы, чтобы ваш Президент перешел от слов к делам. Так что придётся тебе заметить в своей схеме гуманизм на консерватизм. Чем тебе не подходит схема: консерватизм – экологизм – социализм? Если говорить

обобщенно, то получается консервативно-экологический социализм или экосоциальный консерватизм. Но какой бы ни была идеология на самом политическом «верху», запечатлеться с обществом можно только через Правду, которая выражает дух народа «снизу», т.е. проистекает из самой гущи жизни.

Черныш: А я бы не стал здесь выражаться «измами». Уж очень режет слух. Попытаюсь сформулировать своя мысль проще. На мой взгляд, лучше так выразиться: Правда есть стремление к «сохранению жизни и справедливому обустройству общего дома». С этим могут согласиться многие люди и практически все коты, которые уже давно стали частью этого дома – семьи, общества или государства. Вместе с тем хочу добавить, что запечатление с домом невозможно без любви. Без неё он останется пустым и холодным.

Мира вам и любви, уважаемые читатели!

Рыжик: Присоединяюсь к общему мнению. Особенно мне понравились слова о комфортном и безопасном существовании в нашем доме. И у меня есть предложение к нашей государыне по благоустройству дома. А сейчас пора кушать, честно говоря. Мы с Чернышом ещё не привыкли к таким длинным разговорам.

Я: Хорошо. Ваша взяла. Пусть Правда как экзистенциальная истина человека/народа/любого разумного существа будет любящей, охранительной и созидательной силой. Возможно, если, в конце концов, она восторжествует, нам удастся запечатлеться с обществом. Но ответьте мне на последний вопрос: у какого из указанных типов ассоциации имеются шансы запечатлеться с обществом и государством?

Черныш: Не сомневаюсь, что самая высокая вероятность запечатлеться имеется у социофилов и оптимистов.

Рыжик: Думаю, что шансы есть у всех типов. Всё зависит от человека. Но нужно быть немного сумасшедшим (например, социоманом), чтобы пойти на запечатление с расколотым и деформированным обществом.

Хотя: Мне кажется, что в данной ситуации запечатлеться не удастся никому. Недостаточно любить общество и быть социальным оптимистом или интегратором. Нужен ещё сильный дух нации или народа.

Кузя: Вынужден в целом согласиться с Хотей, хотя шанс у социального критика всё же выше, чем у других типов. Он трезво оце-

нивает реальность и не питает иллюзий, в отличие от оптимистов или социофилов. Чтобы запечатлеться с обществом, сначала надо его «расколдовать» и избавить от искусственного разделения. А это, опять же, лучше всего получится у критика. Впрочем, я по-прежнему настаиваю на том, что подобные ассоциации ведут к расколотому или разделённому обществу. У запечатления иная природа.

Я: А мне созвучны многие из указанных типов ассоциации, хотя я вынужден согласиться с Кузей в том, что они ведут к разделению. Но, как известно, дорогу осилит идущий. И ближе всего к запечатлению находятся социальные критики, оптимисты, социофилы и интеграторы. Каждый из них вкладывает свои смыслы в запечатление и по-своему понимает, такие категориальные пары, как «Правда – Родина» (для народа), «Идеология – Государство» (для власть имущих) и т.д. А вот возможности запечатления у апологетов, пессимистов-скептиков, социофобов и социопатов ограничены. Мы не раз подчёркивали, что запечатления случаются, а самоутверждения, как и ложные ассоциации, чаще всего складываются в зависимости от обстоятельств.

Кузя: Я бы расположил эти пары в другом порядке: «Правда – Идеология» как составляющие духа общества, «Родина – Государство» как формы социальной идентичности людей. Именно в этом, т.е. в гармонизации духа и идентичности мне видится суть запечатления с обществом-государством.

Я: Спасибо, Кузя, за важное дополнение. Ну что ж, пора заканчивать, друзья. Мы уже не первый раз с вами встречаемся. Вот теперь вы все, наконец, заслужили праздничный ужин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление В.В. Путина на заседании клуба «Валдай» // <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>. (дата обращения – 21.10.2021 г.).

2. Сурков Вл. Долгое государство Путина: О том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (11.02.19). (дата обращения – 25.06.2020 г.).

Примечания

1. См.: <https://newsland.com/community/politic/content/glubinni-narod-kto-eto/6654491> (дата обращения – 25.06.2020 г.).

15.07.2021 г.; 08.09.2021 г.;
09.11.2021 г.; 14.12.2021 г.; 14.02.2022 г.

4.5. Запечатление со Вселенной

Друзья! Эту часть диалога я начал писать ещё в сентябре прошлого года, возвращаясь к ней время от времени. Никак не складывалась нужная картинка. Дело пошло быстрее, как только к беседе подключились младшие котики Рыжик и Черныш. Они привнесли в нашу беседу очарование молодости. При этом неожиданно повел себя старший кот Хотя. Он демонстративно не стал участвовать в разговоре. Но, как говорится, насильно мил не будешь. Конечно, на завершение нашего разговора в немалой степени повлияли последние драматические события... Как можно запечатлеться со Вселенной, если мир уходит из под ног и рушатся братские узы? И всё же даже в тяжёлые времена нельзя оставлять надежду и мечту о гармоничном мироустройстве. Надо продолжать верить не только в Правду, завещанную нам предками, но и в божественную мудрость Вселенной, которая, в конце концов, всё и всех рассудит.

Я: Думаю, что запечатлеться можно не только с конкретно-сущим (живым существом или каким-то феноменом, краем, страной, обществом-государством и пр.), но и со всей Вселенной.

Кузя: Наверное. Однако вы видите Вселенную сквозь призму собственных космологических теорий. А мы запечатлеваем небо, горизонт, словом, всё то, что нам дано как пространство обзора. У нас нет звездной карты, но мы можем найти свой дом на расстоянии десятков километров. Звезды служат нам путеводителем.

Рыжик: Не разбираюсь я в ваших понятиях. Могу сказать, что для меня Вселенная – мир без границ, воображаемая бесконечность.

Черныш: А я мыслю Вселенную как супергигантскую туманность с миллиардами звезд и других небесных тел. Наша Земля – мельчайшая песчинка, которая не заметна в космическом хаосе.

Я: А мы, люди, давно уже не доверяем ориентировку в пространстве своим органам чувств. Для этой цели служат мощные телескопы, навигаторы и прочие технические средства.

Кузя: Вам же хуже. Можно запечатлеть звездное небо над головой, но как запечатлеть всю Вселенную?

Я: Создавая и культивируя в своём сознании её образы.

Кузя: Что-то я не доверяю этим образам.

Рыжик: У каждого из нас свои образы Вселенной, и мы запечатлеваемся не столько с ними, сколько с тем, что за ними стоит – эмпирическим Космосом.

Я: А разве запечатление, в конечном счете, не приводит к закреплению чего-либо в виде устойчивых образов?

Кузя: Образов здесь недостаточно. Они играют в запечатлении вспомогательную роль. Нужны ещё мотивирующая сила объяснения и чувство реальности. Запечатлевать означает присваивать, делать нечто своим, близким тебе. Ты не можешь сделать всю Вселенную своей, не осознавая её границ, а вот «присвоить» звездное небо, доступное для наблюдения, вполне возможно, и то лишь в данный момент времени.

Черныш: А я не смотрю на звездное небо. Оно мне недоступно. Из окна видны сплошные коробки домов и лишь местами проглядывают полоски небосвода. Судить по ним о Вселенной трудно. Поэтому остаётся игра воображения. Я ощущаю себя как живое существо, заброшенное в гигантский мир, и мне не дано своим сознанием объять необъятное. Но я могу создать свою Вселенную.

Я: Но дело в том, что Вселенная нам дана также в виде теоретической модели, например, в виде большой спирали или иным образом.

Кузя: Запечатлеться с теоретической моделью или гипотезой, как и с образами, невозможно. Конечно, можно влюбиться в образ киногероя или звезды поп-музыки, но запечатления не произойдёт. Нужен непосредственный контакт.

Я: Но ведь футбольные фанаты как-то запечатлеваются со своей командой или с отдельными игроками даже в ситуации отсутствия прямых контактов с ней.

Кузя: Фанаты зациклены лишь на атрибутах футбольной команды. Они придумывают себе кумиров, а не запечатлеваются с ними вживую.

Я: Полагаю, что могут быть и исключения. Я согласен с Чернышом, что у каждого существа есть своя Вселенная. И запечатлеться, породниться с ней можно посредством образа, создаваемого нашим воображением.

Кузя: Породниться можно лишь с конкретной и материально-чувственной реальностью, а не с образами как таковыми.

Рыжик: Поддерживаю Кузю. Вселенная нам дана как физическая данность, частью которой мы являемся.

Я: Но мы ведь любим картины или произведения музыки не за их предметную данность (сочетания холста, красок, звуков и пр.), а за те образы, которые в них вложили (или нам кажется, что вложили) художники или композиторы. Если можно запечатлеться с образами картин или музыкальных произведений и сохранить их надолго в своей памяти, то почему же нельзя это сделать с образами Вселенной? Я убежден, что последняя соткана из образов, при помощи которых мы её запечатлеваем, превращая в свой дом бытия. Так, вера в Бога есть акт персонального обращения к его образу. У нас нет физической реальности Бога. Запечатление себя по образу и подобию Бога как раз и отличает святых и праведников от обычных верующих и неверующих.

Кузя: Ты переворачиваешь запечатление с ног на голову. В отличие от художественных произведений, Вселенная, как и Бог, это – реальности, непостижимые для человека. Нельзя запечатлеться с тем, что нельзя увидеть, пощупать или услышать. Водопад мы видим, слышим и можем воспринимать всей гаммой чувств. Поэтому запечатление с ним возможно. Точно так же мы воспринимаем предмет своей любви. А Вселенная нам дана лишь в виде определённой проекции звездного неба. И мне трудно представить себе любовь ко всей Вселенной, которая нам не дана в ощущениях.

Черныш: Не могу согласиться с Кузей. В случае запечатления со Вселенной речь идёт о более сложных ощущениях. Это – ощущения ощущений или предощущения, которые встроены в наши органы чувств. Именно благодаря им я до сих пор помню запах материнского молока и могу восстановить малейшие детали из образов своего детства. Точно также можно предугадывать будущее, соединяя между собой причудливые образы.

Я: Возражая Кузе, хочу отметить, что любовь к Богу вполне реальна. И, поскольку Вселенная пронизана божественным духом, то и она носит реальный характер. Бог – это реальность трансцендентного, которая находится за пределами ощущений и неподвластна когнитивным способностям человека. Она постижима лишь на сверхрациональном уровне.

Кузя: Не стоит путать реальность Бога и физическую реальность, воспринимаемую органами наших чувств.

Я: Но если Бога можно любить и, следовательно, запечатлеться с ним, то почему нельзя любить Вселенную как божественное творение? Другое дело Космос, который греки определяли в терминах «порядок» и «гармония».

Кузя: Понятие «космос» указывает лишь на организацию умозрительной Вселенной, постижением которой занимаются ваши философы и космологи. А есть ещё материальная или астрономическая вселенная, доступная наблюдению. Поэтому я допускаю, что можно запечатлеться с конкретной звездой или другим космическим телом, но нельзя запечатлеться с тем, что тебе не дано в опыте.

Рыжик: Присоединяюсь к мнению Кузи. Мы имеем дело с эмпирической вселенной, а Космос – это человеческая утопия. А всё то, что создано воображением человека есть не что иное как одна большая иллюзия.

Я: Вы с Кузей продолжаете утверждать одно и то же, отрицая очевидные вещи. Если можно запечатлеться с образами художественных или музыкальных произведений, а также с образами их создателей (художников, писателей, музыкантов), то легко продолжить этот образный ряд, расширив его до масштабов всей Вселенной. Любить нужно не только материальную вселенную, которую изучают астрономы, но и её умозрительный образ, сотканный из множества ощущений, предощущений, озарений и пр. При этом мы любим Вселенную всегда по-своему и каждый раз своё. Так возникает в нашем воображении обобщенный образ Вселенной, с которым и происходит запечатление.

Кузя: Не убедил. В том-то и дело, что образы складываются в сознании людей и зависят лишь от богатства их воображения, а запечатления случаются с реальными, а не с воображаемыми существами или сущностями. Ты же сам мне рассказывал, что когда-то запечатлелся с котёнком (теперь уже большим котиком Чернышом), смотря ему пристально в глаза. И он запечатлел в твоём лице не образ, а живое существо, получив от него эмоциональный или иной импульс (в значении «толчок»). Запечатление включает в себя обмен импульсами между разными телами. Умозрительная Вселенная не может посылать нам импульс. Этим свойством обладает лишь материальная вселенная, с которой мы связаны на физическом уровне (световые, электромагнитные волны, излучения и пр.).

Черныш: Поскольку здесь упоминается моё имя, то не смогу промолчать. Ты, Кузя, всё передёргиваешь. Запечатление происходит не между телами, а между душами. Не зря люди говорят, что глаза – это зеркало души. Мы смотрим не столько в глаза друг другу, сколько в души. Дух Вселенной выражен в её глазах, которые подсвечены светом звезд. И я не стал бы их сравнивать с известными нам небесными телами, хотя и допускаю, что у Земли или у Солнца имеются свои душа и дух.

Я: Теперь несколько слов об эмпирической вселенной. Ученые до конца не изучили, каким воздействиям и импульсам со стороны вселенной подвергаются наши организмы. Поэтому реальный «диалог» с ней нас ожидает в далеком будущем. Пока же мы наблюдаем доступную часть вселенной и посылаем ей радиосигналы, ожидая возможные контакты с инопланетянами.

Кузя: Одни вы во вселенной или нет – вопрос не для сегодняшнего обсуждения. Столь же неважно, «говорит» ли с вами Вселенная, посылая обратные сигналы или вступая в диалог и обмениваясь символами. Важно другое – каким образом человек может запечатлеться со Вселенной.

Я: То, что происходит на физическом уровне, отображается и на ментальном уровне. Думаю, что запечатление со Вселенной происходит через Веру. Без неё не может быть и запечатления с Богом или его творениями. Вера в лучшее мироздание, сотворённое Богом, и есть, на мой взгляд, ключ к запечатлению со Вселенной. И её нельзя объяснить физическими законами.

Кузя: Ты же – исследователь, а уходишь от ответа и прячешься за религиозные догматы. Как ты можешь говорить о Вере там, где нужно всё доказывать и объяснять?

Черныш: А я поддерживаю этот довод. Вопрос о Вере – центральный пункт запечатления со Вселенной. Таким же основанием для запечатления с Другим является Любовь. Ведь Вера предполагает любовь к Богу, благодаря которой можно постичь и Вселенную.

Я: Кузя! Здесь речь идёт не только обо мне, а о способе запечатления людей со Вселенной. Чтобы породниться с ней, у них пока нет иного способа, чем верить в её божественное происхождение. Если кто-то может запечатлеться с Богом, то почему нельзя запечатлеться с его творениями, которые также непостижимы, как и он сам? Такова их природа.

Кузя: И всё же я не понимаю, почему то, что нельзя или трудно объяснить, вы, люди, с лёгкостью облачаете в сакральные формы и делаете предметом Веры.

Я: А разве ты можешь рационально объяснить Любовь или Правду? Всё, с чем мы запечатлеваемся, не поддаётся рационализации, в отличие от форм самоутверждения, которые сегодня доминируют в отношениях между людьми, государствами и цивилизациями.

Кузя: Думаю, что такую форму самоутверждения как Власть вам также трудно объяснить. И ваша политология – это наука о должном, т.е. о том, какой должна быть власть, а не о том, какой она есть на самом деле. Точно также вы объясняете и Вселенную. Вам хочется верить, что она бесконечна, трансцендентна и т.п. Вот вы и придумываете себе гипотезы, модели и пр., чтобы уйти от реальности.

Рыжик: Почему же? Власть основана на самоутверждении одних (управляющих) за счет других (управляемых). И это – реальность. Не знаю, как политологи, но философы обязаны зреть в корень и видеть за вывеской штатных пропагандистов истинную сущность власти. А вот на Вселенной невозможно самоутверждаться. Она может «ответить» несопоставимой с нашими возможностями реакцией. Именно с материальной частью Вселенной только и можно запечатлеться.

Черныш: А разве невозможно запечатление с властью или с её отдельно взятыми представителями? Иначе как объяснить любовь граждан к своему вождю или национальному лидеру? Что же касается Вселенной, то у неё также есть организующее начало – Бог или Творец. И запечатление возможно с ним, а с не какой-то материальной или эмпирической, бездушной или бездуховной Вселенной.

Кузя: Я сомневаюсь в том, что обожание или превознесение Власти следует относить к запечатлению. Впрочем, подобное сомнение относится и к божественной сути Вселенной. Не стоит выдавать желаемое за действительное.

Я: Как бы там ни было, мы говорим сегодня о возможности запечатления со Вселенной. И такое запечатление случается, когда мы обращаемся к ней с Верой.

Кузя: Если нельзя объяснить рациональным образом то, что происходит с людьми при встрече с неизведанной Вселенной, то ничего больше не остаётся, как полагаться на Веру.

Заключение

Я: Итак, подведём итог. Хотя мнения разделились, я позволю себе высказать некоторые суждения, с которыми, наверное, смогут согласиться все участники беседы.

Во-первых, запечатление есть процесс духовного единения или породнения человека (иного существа) с чем-то или с кем-то.

Во-вторых, в каждой форме запечатления есть свой «приводной ремень»: Самовлюблённость (нарциссизм) или критическая Саморефлексия – в запечатлении с собой, Любовь или Дружба – в запечатлении на конкретном Другом, Родина – в запечатлении со своей страной, Правда – в запечатлении с обществом-государством, Вера – в запечатлении со Вселенной. Ещё раз повторяю: Самовлюблённость/Саморефлексивность, Любовь/Дружба, Родина, Правда и Вера. Именно они составляют экзистенциальное содержание жизненного мира всякого разумного существа.

В-третьих, могу предположить, что для самоутверждения нужны совершенно другие механизмы и формы («складывание»). Например, в науке такой движущей силой является Истина, связанная, как правило, с научным открытием, в профессии – Карьера, в бизнесе – Деньги, а в политике – Власть. Последние относятся к тому, что Ю. Хабермас называл системным миром.

Кузя: Значит ли это, что запечатления ты относишь к подлинной, настоящей жизни, а самоутверждения – к искусственной?

Я: Не совсем так. На мой взгляд, это – просто разные измерения бытия – экзистенциальное, обращённое непосредственно к жизненным мирам конкретных существ (сумма запечатлений), и, условно говоря, институциональное, опосредованное нормами и интересами анонимных структур (сумма самоутверждений). Поэтому там, где реализуются интересы и функционируют институты, механизмы запечатления не работают. Это относится к сфере самоутверждений, в которой отношения между социальными существами складываются и регулируются нормами или договорённостями. В его основе лежит социальное признание или не признание. Запечатления же фиксируют наш экзистенциальный выбор. Их фундамент – глубокое доверие к иному и стремление породниться с ним, стать одним целым. Поэтому они, как правило, случаются, а не складываются.

Но пора нам заканчивать разговор. А то мы с вами ещё придуемаем массу других благоглупостей.

Кузя: Больше благоглупостей, чем ты уже наговорил, трудно себе представить. Жаль, что ты так и не понял до конца разницы между случающимся и складывающимся, породнённостью и приобщённостью, укоренённостью и поверхностностью.

Я: Да, мы любим свою жизнь, прежде всего, потому, что нам дано в ней запечатлеться. Самоутверждаясь, мы рассчитываем лишь на признание, в т.ч. на подкрепление нашего желания стать значимыми со стороны влиятельных референтов. Но каждый человек на исходе своей жизни вспоминает именно моменты запечатления. Можно сделать прекрасную карьеру, но не испытать чувства любви и других житейских радостей.

Рыжик: А по мне так запечатление ничуть не хуже и не лучше самоутверждения. Обе формы встроены в социальный мир и выполняют в нём свою роль. Например, Истина (в науке) и Правда (в общественном мнении) не противоречат друг другу, а взаимодополняются. Очень жаль, что в наше трудное время всё реже прибегают к механизмам запечатления, предпочитая силовые методы решения конфликтов. Кроме того, человеческое общество расколото не только по политическим мотивам, но и по отношению к проблемам войны и мира. Сегодня эта линия раскола проходит внутри многих семей, а это значит, что прежние формы запечатления уже «не работают», уступая место самоутверждению (национализму, имперскому величию и пр.). Жаль, что люди так и не научились мирному общежитию. Мы, коты, несмотря на схватки за контроль над территорией, редко доводим дело до братоубийства.

Черныш: Увы, последние события свидетельствуют о том, что Любовь зачастую уступает место грубой Силе, а Правда – тотальной Лжи. Самоутверждаются не только отдельные люди, но и целые страны и государства. Увы, люди переступили черту дозволенного, размывая созданные ими правовые и нравственные нормы общежития.

Кузя: Релятивизация морали и права – свидетельство девальвации так называемых универсальных ценностей. В последние десятилетия выяснилось, что их попросту отменили или поставили в зависимость от политических и экономических интересов власть имущих. Человеческое сообщество возвращается к состоянию «борьбы всех против всех», при котором каждая из сторон не только утверждает свою Правду и свою Веру, но и присваивает себе

право на насилие. А значит запечатление между ними недостижимо в ближайшей перспективе.

Рыжик: Увы, сегодня, как и много веков назад, одним из главных способов самоутверждения между государствами выступает война. Ты как-то приводил слова Карла Клаузевица: «Война есть продолжение политики другими средствами». И человечество пока не избавилось от насилия. Напротив, запечатление чуждо насилию и принуждению (даже «принуждению к миру»). Исключением является братание противников во время боевых действий или народная дипломатия. Мир же как состояние общества достигается преимущественно посредством запечатления.

Я: Давайте лучше пожелаем нашим читателям запечатлеться с тем, что (или кто) им, действительно дорого, и что они выстрадали всем своим сердцем. Именно это даст им возможность быть счастливыми уже сейчас, а не в отдалённой перспективе. Если пока трудно запечатлеться с обществом-государством, то не следует отказываться от запечатления с Другим (другими), со страной и даже с целой Вселенной. Поверьте, это («быть в гармонии с миром и самим собой») стоит того, чтобы сделать над собой усилие и перестать слыть, казаться или иметь.

С Днем космонавтики, друзья! Увы, не всем дано полететь в Космос, несмотря на детские мечты. Но пусть каждый из вас найдёт свой путь к запечатлению со Вселенной и поверит в её божественную гармонию!

08.09.2021 г.; 05.03.2022 г.; 12.04.2022 г.

Раздел V. ФИЛОСОФСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ

5.1. Жил-был Борис Васильевич (к 75-летию Б.В. Маркова)

Дорогие коллеги! Мы с моим воображаемым собеседником, котом Кузей, продолжаем диалоги о наших друзьях. В этот раз мы выбрали для обсуждения персону доктора философских наук, профессора Маркова Бориса Васильевича. Борис Васильевич – человек, известный в отечественной философии и не нуждающийся в представлении. Кроме того, он близок нам по своим жизненным установкам. Вот мы и решили «зацепить» его, что называется, за живое. Однако мы действуем отнюдь не по принципу «бей своих, чтобы чужие боялись». Ко всем мы относимся бережно и стараемся не переходить границу личного пространства. Поэтому мы не стремимся «расколоть» нашего визави по личностным основаниям. К тому же Борис Васильевич уж больно непростым оказался человеком. Одним словом, «крепкий орешек». Но чему удивляться, других среди наших друзей практически не бывает.

Еще раз подчёркиваю, материалы обсуждения той или иной персоны публикуются только с её согласия. Предварительная версия диалога уже опубликована в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» [1].

Знакомьтесь, Борис Васильевич Марков

Я: Кузя, ты уже слышал от меня о Борисе Васильевиче.

Кузя: Да уж наслышан об этом человеке. Но почему ты предложил в качестве названия формулировку «Жил-был Борис Васильевич»?

Я: Потому что так пишут обычно в сказках о разных героях. В этой связи я часто вспоминаю мультфильмы «Жил-был кот» (1987 г.), «Жил-был пёс» (1982 г.) и др.

Кузя: Но сказки, как правило, начинаются так: «Жил-был Иван. И была у него красавица жена по имени Мария» или что-то в этом же роде. А что есть у нашего героя?

Я: У него была и есть его любимая философия, которой он отдаёт всего себя без остатка.

Кузя: Сочувствую. Лучше бы у него была молодая девица или симпатичная студентка, как и подобает нормальному профессору.

Я: Кузя, ну это же просто неприлично получается. Разве так можно говорить о нашем друге и уважаемом человеке?

Кузя: Тебе не угодишь. То ты просишь, чтобы я создавал неформальную обстановку и шутил. А то призываешь к соблюдению формальных приличий. Ты уж определись, пожалуйста, со стилем нашего разговора. Потом, в таком зрелом возрасте, как у вас с Борисом Васильевичем, студентками, наверное, уже не увлекаются?

Я: Опять ты говоришь оскорбительные слова. Можно ведь любить профессора за его ум и талант (например, платоническая любовь). Давай лучше перейдём к знакомству читателей с Борисом Васильевичем.

А помнишь, Кузя, я тебе рассказывал, что мы с женой гостили у него на родине в Вологодской области. Было холодное лето 2019 г. Мы остановились в его родительском доме недалеко от реки. Классический деревенский дом с печкой, которую пришлось затопить, так как было довольно-таки прохладно.

Кузя: Да, я вспоминаю эту памятную поездку. Ты ещё мне говорил, что там дороги напоминают «стиральную доску».

Я: Для подвески автомобиля – это нелегкое испытание. Но так уж у нас в России заведено. Дороги, дураки и пр. Зато места там удивительные. Деревня Бориса Васильевича находится на берегу красивого водохранилища и в окружении православных храмов, имеющих древнюю историю. Рядом расположен известный Кирилло-Белозерский монастырь, а недалеко – знаменитый монастырь в Ферапонтово. Вот в таком культурно-природном заповеднике обычно проводит свой летний отпуск Борис Васильевич.

Кузя: А сам Борис Васильевич, наверное, напоминает деревенского мужичка в фуфайке? А где же лошадь и телега – обязательные атрибуты крестьянской жизни?

Я: Наверное, твои образы деревенского образа жизни заимствованы из какого-то глубокого прошлого, хотя откуда тебе это известно? А вот лошадь у него тяжеловес и стоит в гараже – Volvo XC 90.

Кузя: А во что ещё может одеваться питерский профессор, оказавшийся в российской глубинке, где не нужно красоваться перед студентами. Лошадь-то у него тоже, оказывается, непростая.

Я: Лошадь соответствует хозяину и его внешнему виду. Кстати, Борис Васильевич работает в Санкт-Петербургском университете с 1974 года, как только закончил аспирантуру философского факультета. За период своей научно-педагогической деятельности он руководил двумя кафедрами 25 лет (с 1989 г. по 2014 г.). А ещё он – заслуженный деятель науки РФ с 2007 г.

Кузя: Да, большой человек. Ничего не скажешь. Но так долго не живут... в науке. Просто вундеркинд какой-то.

Я: Кстати, кроме шуток, он защитил кандидатскую диссертацию в 28 лет, а докторскую в 41 год. По тем временам это было очень круто.

Кузя: А ещё на фотографии он похож на молодого Ленина. Та же бородка и улыбка с прищуром. Да и строение черепа...

Я: Хватит, Кузя, издеваться над уважаемым человеком. Ведь нас будут читать коллеги, которые хорошо знают Бориса Васильевича. И мне будет неудобно как перед ним, так и перед коллегами.

Кузя: Многие из них знают его академические заслуги и добрый нрав, но мы-то можем подметить и некоторые особенные черты. Со стороны часто бывает виднее.

Я: Тебя хлебом не корми, лишь бы найти слабости у другого. Зачем же нам ставить такого человека в неловкое положение?

Кузя: Думаю, что то место, в котором уже находится всякий человек, в т.ч. Борис Васильевич, вряд ли можно назвать ловким и удобным. Я не понимаю, как вообще можно ходить или стоять на двух ногах. Лучше уж стоять на голове, чем передвигаться двумя ногами.

Я: Что тут поделаешь. Это наша биологическая особенность.

Кузя: А вот если бы Борис Васильевич ходил на четырёх конечностях, он был бы куда симпатичнее.

Я: Не стоит уподоблять человека животному.

Кузя: А что, если объединить в одном теле хозяина и его лошадь? Ты мне сам как-то рассказывал о кентаврах. Это гораздо оригинальнее.

Я: А ещё бывают минотавры, химеры, сфинксы и пр. Но при чём тут Борис Васильевич? И его лошадь на самом деле состоит из металла и других материалов. Ты что же предлагаешь сделать из него человека-машину или киборга?

Кузя: В том то и дело, что Борис Васильевич тут совершенно ни при чём. А очень жаль. Из него бы мог получиться такой чудес-

ный кентавр или на худой случай – сфинкс. А вот образ киборга ему совсем не подходит.

Я: А разве в этом есть какой-либо смысл, кроме мифического?

Кузя: Смысл есть во всём. Представь, если бы в студенческую аудиторию вдруг вошел профессор Марков в облике кентавра. Какой бы был переполох и вместе с тем такой неожиданный эффект. И восприятие материала студентами повысилось бы в разы. О профессоре Маркове стали бы слагать легенды.

Я: Что-то это мне напоминает фильм «Люди X» или подобную фантастику.

Кузя: Ты слишком много смотришь фантастики. Пора научиться жить в реальном мире. На мой взгляд, образ кентавра гораздо реальнее, чем твои люди X. Полагаю, что витание в облаках – это у вас общая черта с Борисом Васильевичем.

Я: Твой кентавр отнюдь не из реального мира. И думаю, что Борис Васильевич твёрдо стоит на ногах.

Кузя: Как вообще можно твёрдо стоять на двух ногах? Не понимаю. Ты же не случайно приобрёл себе трость, чтобы иметь ещё одну точку опоры. И ездить ты предпочитаешь на автомобиле с четырьмя колесами.

Я: Что же ты нам с Борисом Васильевичем предлагаешь, завести ещё две длинные конечности?

Кузя: Не знаю, как Борису Васильевичу, а тебе они точно не помешали бы. Тебя порой не дождёшься в самый важный момент (приём пищи). Пока ты спустишься по лестнице со второго этажа, чтобы нас покормить, я уже три раза мог бы сбежать вниз и подняться вверх.

Я: Тебе не кажется, что твоя ирония граничит с отсутствием вкуса?

Кузя: Зато мой вкус не граничит с отсутствием тонкой иронии, как у тебя. Твоя ирония напоминает мне зубодробительную машину.

Борис Васильевич как профессор

Я: Борис Васильевич сделал многое в философии. Он специалист по философской антропологии, онтологии и теории познания. Более 10 монографий и сотни научных статей. Его любят студенты и уважают коллеги.

Кузя: Скажи ещё, что он хороший семьянин и любящий отец.

Я: Несомненно. А что же в этом странного?

Кузя: В том и дело, что ничего. Стандартный профессорский (и не только) набор.

Я: Зато Борис Васильевич – нестандартный философ. У него есть авторитет в философском сообществе.

Кузя: А что делает твой Борис Васильевич, когда приходит домой и закуривает сигарету на кухне, приоткрыв форточку? Он что, снимает свой авторитет, вешает его на специальный крючок и становится самым обыкновенным обывателем? Или он и в быту действует нестандартно, как и подобает, с твоей точки зрения, профессору?

Я: Думаю, что профессор – это образ жизни. Даже в домашнем халате Борис Васильевич не теряет свой профессорский стиль.

Кузя: Каждому месту свой внешний вид. В деревне профессор носит фуфайку, а в городской квартире байковый или атласный халат. Но давай всё-таки различать образ жизни типичного профессора и образ самого профессора Маркова.

Я: Типичного профессора не бывает. И мне нравится образ профессора Маркова, а о его образе жизни я, к сожалению, мало что знаю.

Кузя: Зачем же Борису Васильевичу культивировать в себе образ типичного профессора, если это должно происходить естественным образом? Или он забывает иногда, что он – профессор? И в повседневной жизни ведёт себя как вполне обычный человек?

Я: Так поступают все люди. Борис Васильевич прост в быту и доступен в общении. Его отличает скромность и обаяние.

Кузя: И он, наверное, носит накрахмаленные рубашки и костюм на галстук в официальном присутствии. От него также пахнет французскими духами, а в левом верхнем кармане костюма непременно выглядывает чистый платочек. Так, что ли?

Я: Ты всё иронизируешь, мой друг. А между тем Борис Васильевич умеет одеваться и у него есть свой индивидуальный стиль.

Кузя: Послушать тебя, так профессор Марков – просто образец вкуса и стиля. Может быть, у него и карманные часы с цепочкой имеются?

Я: Не знаю. Но к его имиджу это не имеет прямого отношения.

Кузя: Тогда у него должен быть хотя бы серебряный портсигар.

Я: Возможно. Но почему обязательно серебряный?

Кузя: Ну как же? Это у студента может быть дешёвая зажигалка. А у курящего профессора обязательно должен быть изящный портсигар или оригинальная, желательна позолоченная, зажигалка.

Я: Где ты набрался, Кузя, всей этой ерунды? Ты обращаешь внимание на не существенные детали образа человека, которые могут лишь подчеркивать стиль человека. А у него есть ещё его внутренние черты.

Кузя: К сожалению, я не знаю, что у Бориса Васильевича внутри. Могу лишь предположить, что у него, как и у тебя, в силу зрелого возраста, сидячего образа жизни и большого стажа курильщика имеется порядком изношенное сердце, не очень здоровые легкие и масса хронических заболеваний.

Я: Ещё раз спрашиваю, какое отношение всё это имеет к профессорскому образу жизни? Настоящего профессора отличают не здоровые легкие, а внутренняя интеллигентность, яркая манера держаться, логическое и оригинальное мышление, высокая культура речи, глубокое знание предмета, уважительное отношение к окружающим. И всем этим в полной мере обладает Борис Васильевич.

Кузя: Ты нарисовал образ мифического персонажа, витающего в облаках как бабочка, поднятая на высоту потоками воздуха. Где ты видел таких людей сегодня? Они давно вымерли как мамонты. А наш Борис Васильевич вовсе не мамонт. Он живой человек. А значит ему не чуждо всё человеческое.

Я: Что, например?

Кузя: Я не настолько хорошо знаю Бориса Васильевича, чтобы представить весь список его слабостей и недостатков, переходящих в достоинства.

Я: Послушать тебя, так любого человека отличают не сильные стороны, а слабые. Мне кажется, что у него нет серьезных недостатков.

Кузя: Сильные стороны не так интересны, как слабые. К тому же это у меня нет человеческих недостатков, а у каждого из вас их имеется целая коллекция – лень, инертность, слабоволие, пассивность, тщеславие и т.д.

Я: Зачем же мы будем обсуждать здесь недостатки Бориса Васильевича? Лучше давай скажем о нём что-то хорошее, жизнеутверждающее, как и подобает в таких случаях юбиляру.

Кузя: Затем, чтобы узнать о нём получше. Это о покойниках говорят либо хорошо, либо ничего не говорят. А Борис Васильевич живой человек и ему не чужды слабости, в т.ч., возможно, профессорский снобизм и высокомерное отношение к людям.

Я: Нет, это несколько не похоже на Бориса Васильевича. Он ведёт себя одинаково и с простыми людьми, и с коллегами.

Кузя: Конечно, если послушать тебя, то «он прост, как правда», и «живее всех живых». Мы говорим – Борис Васильевич, и подразумеваем – профессор философии. И наоборот, когда мы думаем о профессоре, то сразу же всплывает знакомый нам до боли образ Бориса Васильевича.

Я: Ты снова и снова иронизируешь. А Борис Васильевич между прочим – человек высокой культуры.

Кузя: Ещё он, наверное, птица высокого полёта и «самый человечный человек». Это вы из Ленина сделали бога, а зачем тебе из Бориса Васильевича лепить идеал? Подумай. Разве можно работать в философии более 50 лет (с 1971 г. по н.в.) и при этом не превратиться в бронзовую статую?

О том, что Борис Васильевич никогда не менял профессию философа

Я: Давай лучше поговорим немного о профессиональной грани нашего юбиляра. Может быть, Иван Васильевич из известной комедии и менял профессию, но Борис Васильевич служит образцом многолетнего и бескорыстного служения философии. Последняя и есть, на мой взгляд, истинный смысл его личностного и профессионального существования.

Кузя: Сними розовые очки, мой пафосный друг. И лучше бы ты не говорил этих слов. А то у наших читателей может сложиться впечатление, что Борис Васильевич – ходячий памятник философии или кладовая философской мысли. Наверное, он, как и полагается бронзовой статуе, которая время от времени разговаривает сама с собой (особенно на кухне за чашкой чая или сигаретой), не замечая того, что происходит вокруг, или рисуя в своём воображении понятную только ей самой картину мира живому памятнику, время от времени. Или вытаскивает из своей кладовой (из-под пьедестала) чьи-то мысли и пускает их в словесный оборот, разбавляя своими комментариями.

Я: Не надо злой иронии. Борису Васильевичу, как и мне, уже поздно что-либо радикально менять в своей жизни, которая целиком и полностью связана с философией.

Кузя: Жаль, что об этом не догадывается сама философия. Она даже не подозревает о вашем существовании и о своей непорочной связи с вами. То, что вы уже давно выбрали философию, ещё не означает, что она выбрала вас. Возможно, это – не чистая и взаимная любовь, а любовь по расчёту. Она позволила вам себя любить. Надо же кому-то морочить голову студентам.

Я: И хотя в твоих словах снова сквозит ирония, я могу ответить за нас двоих. Любовь к философии может быть только бескорыстной и без стремления ею обладать. Нельзя присвоить себе то, что принадлежит всему человечеству как всеобщая сокровищница мысли.

Кузя: Почему же? Очень даже можно. Каждый философ считает себя центром философской Вселенной и, как любой коллекционер, наполняет свою кладовую подходящими образцами (набором идей или смыслов). Наверное, и вы с Борисом Васильевичем не являетесь исключением из этого правила. Вопрос заключается лишь в том, относитесь ли вы к заурядным кладовщикам или всё же к профессиональным коллекционерам. Тебе об этом, наверное, лучше известно, чем мне.

Я: Думаю, что твоя типология для нас не подходит. Борис Васильевич – оригинальный мыслитель и мастер лекционного дела. За ним стоят десятилетия самоотверженной работы. Я знаком с его трудами и могу сказать, что наряду с философской эрудицией он обладает несомненным концептуальным видением самых разных проблем.

Кузя: Ты мне говорил, что у него недавно вышла книга «Политическая иммунология». С каких это пор медицинская проблематика стала проникать в философский дискурс? У вас уже и так активно используются в гуманитарных науках травматология, вирусология и пр. Какие же вы после этого философы? Остаётся только перенести всю медицинскую терминологию в философию и забыть о своей профессии.

Я: Думаю, что такой перенос объясняется междисциплинарными связями между гуманитарными и естественными науками.

Кузя: Ты тоже в 1990-е гг. увлекался сопряжением гуманитарии и инженерии, обратившись к так называемой человеческой или со-

циальной инженерии. А теперь ты сам её критикуешь. Мне кажется, что все эти переносы – всего лишь ваше оригинальничание или, что ещё хуже, попугайничание. По-видимому, вам, философам, уже нечего дать обществу, вот вы и извращаетесь, как можете, предлагая либо компот из идей философов прошлого (как ваши истории философии), либо заимствуя чужую (чаще всего – западную) терминологию. А ещё вы любите имитировать поиск истины, составляя заявки на всевозможные гранты и подгоняя полученные результаты под стандарты научных отчётов, придуманные чиновниками или грантодателями.

Я: Ещё раз повторяю, мы с Борисом Васильевичем не меняли своё призвание и честно занимаемся поиском решений философских проблем. И нечего нам присваивать ярлыки «кладовщики», «попугаи», «имитаторы» и пр. Это оскорбительно по отношению к нам.

Кузя: А с чего ты взял, что твой Борис Васильевич какой-то особенный человек. Он так же, как и ты, вписан в существующие институты науки и образования, которые производят зачастую псевдонаучные результаты и псевдоспециалистов, в т.ч. в области философии.

Я: Думаю, что к нам с Борисом Васильевичем это не относится. Мы честно работаем.

Кузя: А вы что, из другого теста вылеплены, чем остальная профессура?

Я: Не стоит, Кузя, говорить о том, в чём ты плохо разбираешься. Если ты и знаешь что-то, то только с моих слов. А я тебе разве не говорил, что не вся наша институциональная философия насквозь пропахла нафталином? И что мы с Борисом Васильевичем делаем всё возможное, чтобы привнести в неё живой дух.

Борис, ты всё-таки прав в целом, несмотря на то, что ты не прав в частности

Кузя: Не знаю зачем, но ты почему-то упорно придерживаешься официальной версии в оценке ситуации в вашей философии. Наверное, в тебе говорит дух корпоративной культуры, а не тот самый живой дух, к которому ты апеллируешь.

Я: Поверь мне, у нас нет необходимости сейчас обсуждать эту ситуацию. Лучше давай скажем хорошие слова в адрес Бориса Васильевича. Убеждён, что он их заслуживает, как никто другой.

Кузя: Хорошо. Я не буду комментировать крылатую фразу «Борис, ты не прав». Пусть её авторство навсегда останется Е.К. Лигачёву. И пусть твой Борис будет всегда или почти всегда прав в главном, даже если ему придётся быть неправым в частных случаях.

Я: Я думаю, что это не очень удачное сравнение. А в чём же Борис Васильевич может быть не прав, если он честно жил и всю свою жизнь без остатка посвятил философии?

Кузя: Ты призываешь меня к позитивным утверждениям? Хорошо, «их есть у меня». Так вот, наш Борис прав, потому что он, в отличие от многих других, «неправых» Борисов:

- хорошо относится к нам, котам, и, возможно, потому что больше не к кому всерьёз относиться (это раз);

- радуется той жизни, которая есть, и опять же, потому что радоваться больше нечему (это два);

- делает иногда зарядку по утрам, когда ему хочется, т.е. изредка, а не потому что так надо (это три);

- курит только те сигареты, которые покупает, а не те, которые ему нравятся (это четыре);

- не обижает людей, потому что обиженных судьбой обидеть уже невозможно, а других – себе дороже, хотя порой и стоило бы (это пять);

- не подсматривает за другими в замочную скважину, потому что у него нет замка со скважиной (это шесть);

- не делает из пустого порожнее или из простого сложное, потому что с молодых лет увлечён усложнением сложного (это семь);

- не живёт так, как все, на улице, потому что в его жизни все уже давно находятся дома (это восемь);

- не присваивает себе больше чужое и не отбирает у других «ихнее», потому что у него уже есть «своё чужое» или «своё ихнее» (это девять);

- не отдаёт другим самое последнее, потому уже отдал предпоследнее (это десять).

- не обещает никому лишнее, потому что уже выполняет обещанное (это одиннадцать);

- не ходит смотреть футбольные матчи, потому что футбола в вашей стране уже давно нет, а, может быть, никогда и не было (это двенадцать).

Ну и так далее.

Я: Хватит. Остановись, Кузя. Ты слишком увлекся своими котофизмами, от которых за версту отдаёт котопофигизмом.

Кузя: Хватит, так хватит. Меня долго уговаривать не надо. А ещё я хочу пожелать Борису Васильевичу быть не в тренде, а оставаться по возможности в своём мире, если, конечно, ему позволят жизненные обстоятельства. Но лучше всего тренд подчинить себе. Тогда не нужно будет чему-то соответствовать – писать плановые статьи, читать лекции равнодушным студентам, составлять отчеты, которые никто не читает, сидеть на скучных совещаниях, общаться с теми, кто тебе неприятен. Но как это сделать, я не знаю. У меня ведь нет опыта человеческого существования.

Я: Вот именно. Советовать легко, но только кто живёт по чужим советам? Кроме того, советовать может только тот, кто, как правило, сам редко прислушивается к советам.

Кузя: Но не стоит верить тем, кто обещает бескорыстную помощь перед тем, как проглотить тебя. И, как известно, бесплатные советы, как и сыр в мышеловке, бывают лишь в безвыходных ситуациях, когда тебе уже никто не поможет. К тому же бессмысленно помогать советом утопающему.

Я: Опять тебя занесло. Борису Васильевичу помогать нужно делом, а не только словом.

Кузя: Но ведь хорошее слово в кармане не валяется. Его ещё придумать нужно, чтобы было ко времени и к месту. А дело Борис Васильевич и сам свершит. Напоследок остаётся пожелать: «Марков, держи свою марку». Пусть ваш эталон качества никогда не снижается.

Я: Давай пожелаем Борису Васильевичу в это нелёгкое время крепкого здоровья и обычных житейских радостей. Пусть он продолжает, как и прежде, творить и писать книги к нашему всеобщему удовольствию.

02-03.02.2021 г.

Реплика читателя:

В.Н. Шевченко: Прочитал внимательно диалог «Я» и Кузи о Маркове. Написан живо, изобретательно, по форме очень и очень неплохо смотрится. А вот что касается содержательной части. Оппонент-критик оказался сильнее, условно говоря, защитника Мар-

кова. Дело не в том, что критик проверяет на прочность те или иные стороны характера Б.В.

Сегодня вообще почти невозможно говорить о светлой стороне человеческого существования – о честности, доброте, стремлении к совершенству, вере в светлое будущее. Буржуазная массовая идеология сплошь построена на негативе – на смаковании порока, низменных сторон человеческой жизни и т.д. Она убивает главное – доверие и любовь. Ирония здесь самое мощное орудие. Но хорошо известен афоризм, увы – справедливый, по сути: ирония убивает любовь. Это орудие Кузи.

Поэтому «Я» как защитник Маркова проигрывает начисто Кузе, как яркому и талантливому представителю того повседневного мировоззрения, основанного на вседозволенности, каким Кузя на первый взгляд является. Причем, хотя в материале этого нет, высокая идеология поощряет такой стиль отношения к человеку. Этот материал для меня очень показательный в том, как одинокий порядочный интеллигент пытается защитить Добро, противостоять массовой пропаганде пофигизма, за которым скрывается inferнальное Зло.

Но Кузя не так прост, он ведь сам порою сомневается в своих оценках, прислушивается к Я. Его ещё может спасти автор диалога, но уже во второй встрече с Марковым или с другим нашим братом-философом. Главное, мне кажется, все персонажи в «Персоналиях» хорошо бы связывать друг с другом именно сквозь призму разных аспектов противоборства добра и зла. Такая внутренняя, незримая и не афишируемая связь была бы очень интересна для читателя-философа. Жаль, что Марков представлен совсем как не боец за торжество позитивных начал в жизни, а ведь мы говорим часто о практической философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Жил-был Борис Васильевич (к юбилею Б.В. Маркова) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVIII. – Вып. 2. – 2021. – С. 10-15.

04.02.2021 г.

5.2. Илья Игоревич такой, каким мы его не знаем (к 50-летию И.И. Докучаева)

Дорогие коллеги! Представляем вам ещё одного замечательного человека – доктора философских наук, профессора, известного философа и культуролога Илью Игоревича Докучаева. Автор многих книг, научных статей и переводов. Заведующий кафедрой теории и истории культуры. Создатель и директор Российского культурологического общества. Член Президиума Российского философского общества. Главный редактор и член редколлегии многих научных журналов. Его послужной список настолько велик, что не уместится на одной странице. Ему только 50, а он уже столько всего успел сделать. Нам даже трудно представить, что ему удастся сделать в следующие 50.

В этот раз разговор пойдёт о том, о чём мы можем судить лишь приблизительно и в меру своего воображения. Мы будем размышлять о совершенно неизвестном нам Илье Игоревиче, таком, каким мы его не знаем. Материалы публикуются с согласия героя нашего обсуждения. Предварительная версия данного диалога уже опубликована в журнале «Вопросы культурологии» [1].

Знакомый незнакомец

Я: Кузя, ты дважды видел Илью Игоревича у нас дома и имел возможность составить о нём представление. Что ты можешь сказать о нём?

Кузя: Не толстый и не худой. Одним словом, в меру упитанный мужчина. Рост – выше среднего. Возраст – зрелый. Интеллект – выдающийся. Характер – сдержанный. Стиль общения – доброжелательно-вежливый. Любит котов. Женат, имеет несколько детей.

Я: А почему несколько? У нас так не принято говорить.

Кузя: Ну откуда я знаю, сколько у него детей? Судя по его научной плодовитости, у него должно быть больше одного ребёнка, но явно меньше десяти. А значит несколько.

Я: И что же ты ещё можешь сказать о нём?

Кузя: То, что он известен за пределами узкого круга специалистов по культурологии и обладает недюжинными способностями к научному творчеству. Ученый, организатор науки и приятный во всех отношениях человек. Даже в комбинации букв его Ф.И.О.

имеется смысл: ДИИ – виртуальная программа, ИДИ – призыв к действию, ИИД – «интернационализированные имена доменов». Но это – небольшой каламбур. Предлагаю дальше называть его просто ИИ, что будет для нас обозначать, кроме всего прочего, «интересную индивидуальность».

***О том, кем и каким Илья Игоревич,
скорее всего, не является***

Я: Немного же у тебя сведений об ИИ. Вот ты и упражняешься игрой в комбинировании букв. А как ты думаешь, Кузя, кем он точно не является?

Кузя: Ну это как раз просто. Судя по моим с ним встречам, он:

- точно не относится к занудам, которые иногда встречаются среди твоих знакомых;

- не говорит о том, чего не знает, и не всегда знает о том, что ему говорят;

- не любит людей, которые считают себя умнее его, и не старается показаться умнее тех, кто его не любит;

- не шутит с теми, кто напрочь лишён чувства юмора, и иногда считает смешным то, что таковым для многих не является;

- не всегда делает то, что хочет, а не хочет, как правило, то, что не может;

- не скрывает то, чего у него нет и никогда не было;

- не морочит голову тем, у кого она напрочь отсутствует;

- не собирает мысли в пучок перед тем, как что-то сказать, и не говорит тогда, когда мысли разбегаются в разные стороны;

- не сообщает обычно лишнее тому, кого сам считает лишним;

- не падает в объятия женщинам тогда, когда их рядом нет;

- не спит в одиночку, когда можно спать вдвоём;

- не ищет мелочь в чужом кармане, когда её достаточно в своём;

- не пробует на вкус блюдо в чужой тарелке и не даёт попробовать его из своей;

- не обижает маленьких, но и больших не очень-то побаивается;

- не раздражает котов излишним приставанием и нелепым мяуканьем, а мяукает лишь тогда, когда люди становятся невыносимыми;

- не ест жареный шоколад и не запивает его теплым пивом.

Могу продолжить...

Я: Не стоит. Похоже ты пытался быть остроумным и местами у тебя это получалось. А каким тебе представляется образ незнакомого ИИ?

Кузя: А у тебя получается задавать местами умные вопросы. ИИ – человек, которого трудно не заметить в тёмной комнате и даже в чёрном костюме. Его знакомый силуэт проступает сквозь стены, а его профиль запоминается навсегда и отображается на многочисленных фотографиях во многих учреждениях и информационных ресурсах. Мне нравится его манера держаться так, чтобы сразу расположить к себе собеседника, особенно в тех случаях, когда тот отсутствует. ИИ не смотрит в других людей как в своё искривленное зеркало, а предпочитает видеть в них то, что они чаще всего в себе не замечают. Думаю, что любимым занятием незнакомого и неизвестного мне ИИ является изучение слабостей этих людей. А в общении с котами он предпочитает наслаждаться их сильными сторонами.

Я: Не стоит тешить своё самолюбие. И всё же, чего ты никогда не узнаешь об ИИ?

Кузя: Я не узнаю о том, что он делает в данный момент времени, поскольку нахожусь от него на большом расстоянии. Но если серьёзно, то я не смогу разгадать тайну его успеха. Он успевает буквально всё – писать научные труды, читать лекции в разных местах, ездить в командировки, общаться с друзьями, решать домашние проблемы и пр. И при этом у него всё это хорошо получается.

Я: А ещё каким ты не узнаешь ИИ?

Кузя: Ну что ты пристал ко мне как банный лист. Я никогда не узнаю то, что даёт ему силы быть таким, каким он есть, т.е. целеустремленным, собранным, энергичным, заинтересованным и полностью погружённым в своё дело. Мне не дано раскрыть секрет его потрясающей работоспособности и невероятной творческой активности. И всё же я могу предположить, что всё это доступно только очень одарённому и вместе с тем ленивому человеку, которому приходится всё время занимать себя делами, чтобы не впасть в уныние и не ощутить внутреннюю пустоту. Так часто поступают люди, убегающие от самих себя.

Я: Не суди об ИИ по себе. Тебе лишь бы расслабиться и поспать побольше.

Кузя: Я-то как раз не бегу от себя, а делаю то, что мне приятно в данный момент. Ещё я не знаю ИИ в кругу близких людей. Мне трудно представить, каким он может быть любящим и нежным человеком.

Я: Ну ты, Кузя, не переходи запретную черту. Всему есть предел.

Кузя: У вас, людей, везде размечены красные линии: сюда не ходи, здесь не стой, там не ложись и т.д.

Я: Во всём нужна мера. И мы не можем по своему желанию вторгаться в личное пространство человека.

Кузя: Скучно с вами, людьми. Вы так предсказуемы.

Кем и каким Илья Игоревич мог бы быть

Я: А что ты скажешь, Кузя, о нераскрытых возможностях ИИ? Давай начнём с карьерного роста.

Кузя: ИИ легко мог быть министром науки и образования или, на худой конец, – министром культуры. У него есть необходимые профессиональные качества и опыт организационно-управленческой работы.

Я: И зачем это ему нужно? Он и так имеет всё, что ему надо – звание профессора, интересную работу и пригородный дом.

Кузя: Но мы же с тобой рассуждаем о том, что могло бы случиться с ИИ при определённых обстоятельствах.

Я: Если бы, да кабы...

Кузя: «Кабы» да, но точно уж не «если бы». Для меня очевидно, что ИИ мог бы стать великим руководителем или чиновником высшего ранга.

Я: А почему бы ему не стать сразу Президентом России? Что ему для этого не хватает?

Кузя: Думаю, что ему хватает как раз инстинкта самосохранения. Это раз. Во-вторых, он достаточно самоироничен и, в то же самое время, критичен к нашей политической жизни, чтобы понимать, что ему это абсолютно не нужно, да и не по силам. А вот министром он мог бы вполне быть.

Я: Ну что может изменить в обществе один министр, даже если у него имеется хорошая команда? Он ведь вписан в систему власти, которая не всегда руководствуется критериями эффективности и целесообразности. Чаще всего побеждают дух корпоративной со-

лидарности и интересы сильного, находящегося на верхней ступеньке пищевой цепочки. Было бы иначе – мы давно уже жили бы при коммунизме или хотя бы в обществе всеобщего благоденствия. Кроме того, тот, кто сопротивляется системе, недолго задерживается у власти.

Кузя: Сложись всё по-другому, ИИ мог бы стать для начала ректором университета, потом дослужился бы до начальника департамента министерства, а там недалеко и до министерского поста. Но, видимо, он с кем-то не сошёлся характером или не пришёлся ко двору, раз его управленческая карьера оборвалась.

Я: Откуда нам знать. Что было, то было. А потом, ещё не вечер. Может быть, в планах самого Ильи никакой министерской карьеры никогда и не было. Но у него ещё есть шанс стать академиком, а это в иерархии ценностных предпочтений ученого куда выше должности министра. А ты можешь представить ИИ смешным или нелепым, ходячим посмешищем?

Кузя: Я помню, как ты рассказывал мне, что на одной конференции, когда объявили твой доклад, ты дойдя до трибуны, споткнулся, упал на колени и выпустил листки со своим докладом. Пока собирал и поднимался, все ждали и наблюдали за тобой. Многие не смогли скрыть улыбки. Поскольку листки перепутались, то тебе пришлось выступать экспромтом, что у тебя всегда получается лучше, чем по бумажке. Вот ты действительно смешной, а своей нелепой походкой и плохой координацией движений чем-то похож на мишку косолапого. А про ИИ такого не скажешь. Он всегда собран и сконцентрирован, за исключением тех моментов, когда разобран и невнимателен.

Я: И что же в нём тогда смешного?

Кузя: Смешное в нём то, что он серьезно относится к себе и своей работе. Да, с небольшой иронией, но очень упорно и с завидной методичностью проходит шаг за шагом все ступеньки карьерной лестницы ученого и руководителя научного коллектива.

Я: Ну а как ещё прикажешь ему зарабатывать на жизнь и содержать семью, дом, помогать детям?

Кузя: Ну мы же говорим о смешном образе ИИ. Смешно в нём как раз то, что на первый взгляд кажется серьезным. Он сооружает вокруг себя замок, который призван стать, в конце концов, его памятником. А разве ты не так живешь? Скажи мне, например, за-

чем тебе в твои зрелые годы заниматься оргработой в РФО, тратить свои последние силы и нервы? Ты мог бы спокойно работать в науке, писать статьи и книги, получая от своего труда моральное удовлетворение. А ты водрузил на себя машину, которая подпитывается твоей же энергией и при первой же возможности заменит тебя на другого как износившуюся деталь. Тем же самым занимается ИИ на своих многочисленных «строительных площадках». Вот так и уходит в никуда ваша жизнь. Вы расходуете её как ненужный материал.

Я: Ну что же здесь смешного? Это скорее грустно, чем весело. К тому же это – наш образ жизни.

Кузя: Смешна сама по себе ваша с ИИ суета. Вы – крупные суетологи. С незавидным упорством вы продолжаете работать на воспроизводство социальной химеры, не понимая, что перед вами, как и у древних греков, по-прежнему огнедышащее чудовище, образованное из генетически разных частей. И вам в ней отведена роль мелких механизмов.

Я: Ну а причём тут тема «Кем бы ИИ мог стать?». Неужели ты думаешь, что по одному из жизненных сценариев ему предстоит стать таким механизмом? А на смешного человека он точно не похож.

Кузя: Смешон тот, над кем смеются. Но есть смешные люди, которые образом своей жизни вызывают сострадание. Ведь по вашей мифологии, хотя юродивый смешон и нелеп, он не вызывает у большинства людей смех.

Я: Что же ты предлагаешь, нам с ИИ стать юродивыми в философии и намеренно изображать безумие, подчёркивая тем самым бессмысленность многих общепризнанных идей и социальных установлений?

Кузя: А как было бы забавно посмотреть, если бы два юродивых профессора (ЮМ и ИИ) вышли на трибуну философского конгресса и стали кривляться и всех дразнить, выкрикивая странные и бессмысленные фразы. Хотел бы я посмотреть в это время на вашу публику. Наверняка, многие из ваших знакомых с презрением смотрели бы на двух бывших учёных и крутили пальцем у виска. Но нашлись бы обязательно и сердобольные женщины, которые бы вас пожалели и даже стали бы защищать, когда вас со свистом и тыгыканьем прогоняли из зала. А ты можешь представить ИИ или

себя со склоченными волосами, грязного и неухоженного, которого как прокаженного выталкивают охранники из приличных мест?

Я: Тебя, Кузя, хлебом не корми, лишь бы поиздеваться над бедной профессурой. Как у нас говорят, от сумы и тюрьмы не зарекайся. Надеюсь, нас с ИИ минует сия участь, и мы закончим свою жизнь глубокими стариками, хотя и уставшими от бытийных тягот, но, тем не менее, окруженными заботой близких. Но, кроме «большого начальника» или философа-юродивого, у тебя есть другие образы неизвестного нам ИИ?

Кузя: Пожалуй, есть ещё и не один. Он мог бы стать, например, артистом театра, а не каким-нибудь там театральным критиком. Посмотри, какая у него фактурная внешность. Ты мне как-то показывал его фото в Википедии. На нём он изображен с копной черных волос и покладистой бородой. Мне он чем-то напоминает многих артистов, а ещё революционера анархического толка. Самый близким к нему по образу мне представляется главный герой «Угрюм-реки» Прохор Громов. Его играет в телесериале 2020 г. Александр Горбатов. Но больше всего он похож на Георгия Епифанцева, который исполняет эту роль в одноименном советском фильме (1968).

Я: Неужели у ИИ такой же бурный темперамент, как и у Прохора Громова? Что-то не замечал. Удивительно, но в том же 1968 г. вышел ещё один фильм – «Братья Карамазовы», где роль Ивана Карамазова играет Кирилл Лавров. Вот на него он больше похож. Внешне спокойный, уравновешенный и даже расчётливый, а внутри всё кипит, как в вулкане. Иван – философ по натуре, и его мог сыграть только такой философствующий человек, как ИИ.

Кузя: Совсем не смешно.

Я: А что, в образе ИИ должно быть обязательно что-то смешное или гротескное? По мне, так ему больше подходят драматические, а не комедийные роли. Посмотри, какой у него взгляд на этой фотографии. Глубокий и пронзительный. Таким взглядом можно другого человека насквозь пригвоздить или сердце женщины навсегда пленить. Я бы на месте режиссера сразу бы дал ему главную роль.

Кузя: Да, но, скорее всего, в художественно-исторической драме «Гибель русской интеллигенции», где наш ИИ сыграл бы роль последнего, оставшегося в живых интеллигента, профессора культурологии, затерявшегося в толпе людей, которые спасаются от социальной катастрофы.

Я: Что тебе, Кузя, не дает покоя наше с ИИ профессорское звание? Это же не титул какой-нибудь, который передается по наследству. Звание профессора можно заслужить лишь упорным трудом. Ты, Кузя, тоже не королевских кровей. Так, лишь наполовину британец. Вот Хотя у нас – чистокровный серо-голубой британец, хоть на выставку отправляй. Зато ты своё звание неординарного профессора по философии заслужил. Думаю, вряд ли наши читатели будут против.

Кузя: Ну, что же, подведём черту. ИИ мог бы быть большим начальником (по меньшей мере министром), но пока им не стал. При определённых обстоятельствах у него был шанс превратиться в философа-юродивого, разгуливающего по Невскому и бросающего вдогонку прохожим странные фразы. Но вряд ли ему это грозит в ближайшее время. Такие, как он, не пропадут. Он прочно укоренился и обустроился в Питере. Опять же, ИИ смог бы стать народным артистом и запечатлеть свой образ в классических спектаклях и художественных фильмах. Но он предпочёл актёрской карьере роль художественного критика и теоретика культурологии.

Я: Это всё могло быть, но... ИИ распорядился своей жизнью по-своему, и это его законное право.

Кузя: А жаль. Из него бы получился замечательный актёр или в крайнем случае – министр. Теперь же ему грозит беспросветная жизнь академического червя и, вполне вероятно, карьера одного из многих академиков, которых и так пруд пруди.

Кем и каким Илья Игоревич уже никогда не будет

Я: Что же плохого в том, чтобы быть академиком. Уважаемая позиция в сообществе. Но вот интересно, кем при всём желании ИИ не сможет стать никогда?

Кузя: Наверное, ему не грозит быть капитаном огромного пассажирского лайнера. Ведь для этого нужна специальная подготовка.

Я: Капитаном, может быть, и нет, но вот начальником большого философского парохода вполне.

Кузя: Вряд ли у вас в России наберётся такое количество инакомыслящих и столь же известных философов, как в 1922 г. По мне, так либеральную профессуру, морочащую голову студентов, неплохо было бы выслать из страны. Но я себе не представляю ИИ в роли куратора или сопровождающего такой пароход. Боюсь, что на этом его карьера как философа закончится.

Я: Почему, а мне эта идея нравится. Можно же организовать мирный философский паролод, как это сделало в своё время РФО. В 2003 г. на теплоходе «Мария Ермолова» российская делегация отправилась на Всемирный философский конгресс в Стамбул, а потом вернулась на нём же обратно. Почему бы не повторить это мирное путешествие?

Кузя: Это вряд ли получится. Не случайно Гегель отмечал, что «история и люди повторяются дважды – один раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса». Все эти ваши символические паролоды – это сплошная трагикомедия. Не стоит спекулировать на памяти великих философов или примаазываться к их славе. И не думаю, что ИИ согласится играть в этом дешёвом театральном действе главную роль. Звучит привлекательно, а по сути – обыкновенная интеллигентская пьянка. Это относится и к другим видам философского транспорта – поездом, самолётам и пр. Вам бы симпозиумы и сопутствующее им распитие спиртных напитков везде организовывать. Но для этого не обязательно фрахтовать паролод и назначать ИИ его начальником. Можно и дома напиться.

Я: Ты слишком категоричен, Кузя, и критически относишься к нашему брату-философу, которому ничто человеческое не чуждо. Должна же быть у философов какая-то своя романтика. Не всё же им сидеть в кабинетах. Да и ИИ человек достаточно мобильный. Пока мы с тобой о нём размышляем, он уже оказался в Ташкенте. И пишет оттуда: «В Ташкенте зимой холодно и сухо. Светит, но не греет Солнце, суровые лица наводят уныние и страх... Вчера меня не встретили в 4 утра в аэропорту, и я не знал, куда ехать. Сегодня полдня провел в полиции, регистрируясь и сдавая отпечатки пальцев. Пока всё относительно хорошо – 21 год назад меня здесь арестовали менты и ограбили. Что-то ещё впереди?» (см. прим. 1).

Как видишь, он полон оптимизма и энтузиазма. Вот его слова: «Но в филиале Герценовского университета молодость и наука берут своё и возвращают ощущение жизни, полной приключений» (см. прим. 1). Так что трудно чем-либо огорчить ИИ, и думаю, что ему вполне по силам совершить кругосветное путешествие. А вот кем ещё он не сможет стать?

Кузя: Судя по тому, что ты сказал, на его пути нет преград. В полиции он уже был, т.е. роль задержанного ему знакома. А это может пригодиться в дальнейших путешествиях. Россию-матушку

объездил вдоль и поперёк. За рубежом не раз отметился. Ведь явно человеку не сидится на одном месте. Это ты у нас домосед и уже давно никуда не едешь. А ИИ, несмотря на изоляцию, продолжает колесить по миру. Ему всё нипочём.

Я: И всё-таки, кем он точно уже не станет?

Кузя: Ты же сам говорил, что «от сумы да от тюрьмы не зарекайся». А в остальном пути господни неисповедимы. Трудно предвидеть все повороты судьбы ИИ. Конечно, он явно не из тех, кто бросается во все тяжкие. Но дух искателя приключений ему явно не чужд. Наверное, ещё не испытал себя до конца. Вот и бороздит, как космический корабль, просторы Вселенной.

Я: ИИ, наверное, уже не сможет переквалифицироваться в инженера-строителя или освоить другие негуманитарные профессии.

Кузя: Но зачем нам знать, кем ещё не будет ИИ? Разве это позволит нам его лучше узнать? Мы что, должны с тобой отсечь все сферы жизни, как комнаты в коммунальной квартире, куда вход для ИИ запрещён или недоступен? Что это даст, в конце концов?

Я: Нет, конечно. Но я, например, знаю, почему ИИ не может быть бухгалтером, несмотря на то, что ему приходится делать финансовые отчёты по грантам и вести бухгалтерию Российского культурологического общества. Просто ему это не интересно.

Кузя: Вам часто приходится заниматься тем, что вам претит. Но это сопутствующая издержка вашего образа жизни. Нужно ли соответствовать чему-то или кому-то? Вот и вы с ИИ, похоже, живёте отчасти чужой жизнью, следуя путём, который за вас давно определили другие люди или обстоятельства. С этой точки зрения, не человек, а место имеет значение. Поэтому ты всё время себя спрашиваешь: то ли место я занимаю, и кем я должен или могу (не могу) стать?

И с этими вопросами ты пристаёшь к другим, в т.ч. к ИИ. А разве это важно? Будь ты философом или бухгалтером, ты, прежде всего, остаёшься человеком. Попробуй абстрагироваться от своего места или рода занятий и ответь на другой вопрос: кто я как человек? Задай этот вопрос и ИИ. Но, боюсь, он, как и ты, на него не ответит. Потому что без места (должности, звания) и профессиональных занятий от вас мало что остаётся. Вот и получается, что человек – это место, которое он занимает, и работа, которую он делает. Всё остальное в нём – оболочка, которую время от времени

наполняют «старшие братья», подбрасывая ему стандартные желания (например, путешествовать, купить автомобиль и пр.).

А значит ИИ, как и ты, пока не может быть тем, кем он сам хочет. Впрочем, вы давно утратили способность быть самими собой. Теперь это для вас слишком большая роскошь. Нет, вы не плывете по течению, вы и есть само это течение. А те, кто управляет течением, находятся, подобно Луне, слишком далеко.

Я: Ну вот, снова ты нам ставишь диагноз и выносишь окончательный приговор.

Кузя: Просто я отвечаю на вопрос: кем ИИ не может быть в принципе?

ИИ как бытие его Я-места

Я: И что же, ИИ, по-твоему, не способен быть самим собой, составляя лишь течение или материал для бытия? Но ведь у этого бытия есть своё «вот» и есть тот, кто делает его «для себя». Не так ли?

Кузя: Так. Поэтому вам так важно обозначить своё место присутствия, «пометить» бытие своей индивидуальностью и даже попытаться выразить его через себя. Этим занимается каждый человек, в т.ч. и ИИ.

Я: И что же в этом плохого? Человек есть говорящее с собой (и о себе) бытие. ИИ разговаривает с миром от имени своего бытия.

Кузя: Нет, это его местобытие разговаривает с миром, а не он сам. Субстанция (человеческая индивидуальность) здесь не так важна, как место. Оно неизменно, а субстанция взаимозаменяема и существует постольку, поскольку она нужна бытию как материал. О вашем присутствии знает лишь одно бытие. Через него или посредством него вы пытаетесь достучаться до других людей и напомнить им о своём существовании. Смерть субстанции условна. Ты как-то говорил мне, что узнал о кончине знакомого человека спустя год. Всё это время ты вел себя так, как будто тот был жив. Ты мысленно общался и даже спорил не лично с ним, отвечая на его вопросы и т.д. Другими словами, ты разговаривал не с его Я, а с местом, которое продолжало существовать после того, как субстанция исчезла. И это место формирует образ Я, а не наоборот.

Я: Не могу поверить. Ты договорился уже до того, что ИИ – не «интересная индивидуальность», а всего лишь местобытие и не более того. Разве можно так говорить о живом человеке?

Кузя: Но ведь я не отказываю ему в живости, равно как и в наличии у него животного и духовного начала (субстанции). Всё, что я предлагаю, это лишь указание на место вашего Я, которое есть не что иное как Я-место. Место приложимо к человеку, и лишь в этом случае он имеет значение. И здесь ИИ прилагается к месту и всё, что нам о нём известно, мы получаем благодаря знанию о его месте. Последнее первично. ИИ, как и ты, есть лишь дорогое и изысканное приложение к месту (к должности, занятию и пр.).

Я: Вот так ты нас определил. Спасибо тебе за откровенность. Честно говоря, не ожидал услышать от тебя такое в свой адрес и в адрес ИИ.

Кузя: Тут нет ничего обидного для вас. Давай лишь зададимся вопросом: что мы на самом деле знаем о личности ИИ? Практически ничего или почти ничего. А что мы знаем о нём, как о местодержателе? Достаточно много (авторство на книги, статьи, семейное положение, должности и пр.). Причём большая часть этой информации находится в интернете. С её помощью можно практически по дням восстановить профессиональный путь ИИ. Конечно, индивидуальность ИИ накладывает свой отпечаток на его местобытие, но не более того.

Я: И что это нам, в конечном счёте, даёт? Разве мы сможем лучше узнать об ИИ, используя концепт «местобытие»?

Кузя: Мы можем узнать о существовании того, что мы не знаем об ИИ и, возможно, никогда не узнаем. Не это ли цель нашей сегодняшней беседы?

Я: Тогда каков итог разговора об ИИ? Мы начали с того, что ничего не знаем об ИИ и, похоже, заканчиваем тем же самым выводом.

Кузя: Совсем не так. Мы ещё больше узнали о том, чего мы о нём не знали и не знаем. А это значит, что наше незнание об ИИ увеличилось не только в объёме, но и по содержанию.

Я: Ты хочешь сказать, что по мере того, как мы нечто узнавали о неизвестном нам ИИ, зона знания о нём сокращалась, а зона незнания постепенно расширялась?

Кузя: Можно и так сказать. Но мой вывод заключается в другом. Предмет нашего разговора – ИИ, такой, каким мы его не знаем. И наши допущения о том, чем он не является, а также чем может

(или не может) быть, лишь усилили сомнения. Так, ИИ оставил в публичном пространстве много следов своего присутствия, которые характеризуют его разные Я-места. Он предстаёт буквально как «Фигаро здесь, Фигаро там...».

Я: А ты уверен, что мы имеем дело с его Я-местами, а не с разного рода мистификациями, которые разворачиваются его сторонниками или противниками? Вряд ли он сам является их режиссёром.

Кузя: Это для меня слишком сложно. Могу лишь предположить, что в социальном мире людей имеются не только мистификации, но и манифестации, фальсификации и пр. При этом манифестации ИИ разбросаны в его текстах, публичных выступлениях, лекциях и т.д. Это – то, во что он верит (или думает, что верит), соглашаясь или не соглашаясь с общепризнанными представлениями о разных феноменах мира. Так что неизвестный ИИ не станет для нас более известным, если мы познакомимся с контентом всех его манифестаций. Ведь в большинстве случаев в нём (или за него) «говорит» его Я-место.

Я: Мне кажется, что ты слишком упрощаешь образ человека и ИИ, в частности. По-твоему получается, что: скажи мне, каково твоё Я-место, и я скажу тебе, кто ты.

Кузя: Не совсем так. Я-место – это всего лишь привязка Я к месту или местобытию. Как правило, Я-место человека обозначается именем или фамилией. Само по себе Я не свободно и зависит от разных обстоятельств. Следовательно, человек, в т.ч. ИИ, живёт не своей жизнью, а той, которая определяется его местобытием. На обустройство последнего (например, жильё, рабочее место и другие формы жизнеобеспечения) уходит много сил и энергии. Жизнь же самого Я обесценивается и выхолащивается, теряя, в конце концов, свою автономию, т.е. становясь Я-местом. На самом деле, всё, что мы не знаем об ИИ, относится к его самости, которая неуловима и непостижима имеющимися у нас средствами. А значит неизвестный ИИ всё ещё остаётся в игре. Пусть никого не вводят в заблуждение мистификации и манифестации, связанные так или иначе с его именем.

Я: Убежден в правдивости поговорки, что не место красит человека, а человек место. Надеюсь, ИИ будет хотя бы немного интересно то, что мы с тобой здесь наговорили.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник Ю.М. Илья Игоревич такой, каким мы его не знаем (ироническое поздравление профессору И.И. Докучаеву с 50-летием) // Вопросы культурологии. – 2022. – № 1. – С. 7-17.

Примечания

См.: <https://www.facebook.com/profile.php?id=100000932760512> (дата обращения – 17.12.21).

17-19.12.2021 г.

5.3. «Большой брат» из Рязани (новогодние фантазии о взглядах Н.А. Степанова)

Дорогие коллеги! Сегодня 1 января 2022 г. Пока сознание не принимает эту реальность. Такой же зимний день, как и вчера, 31 декабря 2021 г. Но что-то уже не так. Хотя Солнце продолжает светить по-прежнему, а Земля вертится, как и прежде, но с нами всё же что-то произошло. Может быть, то, что мы неожиданно стали старше на один год. Время новогодних поздравлений подходит к концу. А что мы можем сделать ещё хорошего, как не вспомнить в эти дни добрым словом нашего друга.

Представляем вашему вниманию диалог о кандидате философских наук, доценте, руководителе научного центра Рязанского государственного радиотехнического университета, председателе Рязанского отделения РФО Степанове Николае Александровиче. Лично я знаком и дружу с ним более 30 лет. Кот Кузя с ним виделся несколько лет назад. Но этого оказалось достаточно, чтобы запомнить его навсегда. Слова Кузи – главная рекомендация. Ведь в каждом из нас сидит свой Кузя, который, как и подобает альтер-эго, нашёптывает нам свои слова.

Публикация диалога согласована, по традиции, с нашим героем.

Какой он, Николай Александрович?

Я: Кузя, а каким ты запомнил Николая Александрович (далее – Н.А.) во время нашей последней встречи с ним?

Кузя: Надеюсь, что та встреча была не самой последней. Н.А. – большой человек в прямом и переносном смысле. Сложение богатырское, стать молодецкая, поступь уверенная. Мне он сразу

понравился. Его огромное тело излучает доброту, а каждый жест располагает к нему. Ему почему-то хочется верить и с ним особенно приятно дружить. При этом чувствуешь себя за ним как за каменной стеной или как на ветвях огромного дуба, куда не достанет ни одна собака.

Я: Неужели ты с присущей тебе иронией не нашел ни одного изъяна в нём?

Кузя: Почему же, конечно, нашёл. Но всего лишь один недостаток, который, как вы, люди, говорите, является продолжением его достоинств.

Я: Интересно, какой?

Кузя: Н.А. слишком большой, а потому несколько медлительный и степенный. Он похож на большого брата, который не успева-ет следить за своими младшими братьями-сорванцами.

Я: А разве это недостаток? Ты же не с динозавром или жирафом имеешь дело, а с человеком.

Кузя: С моей точки зрения, это смешно. В его манере двигаться и общаться есть что-то от великана, который не знает, куда стать или сесть, чтобы не разломать мебель.

Я: А это значит, что он и к людям так же бережно относится, опасаясь их «разломать». Люди ведь хрупкие создания, их легко поранить или повредить. А ты хочешь, чтобы Н.А. вёл себя как-то иначе?

Кузя: Да ничего я не хочу. «Люди как люди, не хорошие и не плохие, и все, как один, боятся умереть». Так, кажется, называется наш диалог, опубликованный в первой части книжки «Философия кота». Н.А. таков, каков есть, а есть он благодаря тому, что родители и близкие его воспитали таким. Да и сам он приложил немало усилий, чтобы избежать встречи со злом. В результате получился Большой человек с Большой душой.

Я: И всё же, судя по твоему тону, тебя что-то в нём не устраивает.

Кузя: Лишь одно: у него нет, к сожалению, грации кота. Он больше похож на медведя.

Я: Ну разве, Кузя, все люди должны походить на котов и кошек? Или ты считаешь это качество единственным достоинством человека? Я, например, тоже не похож на кота.

Кузя: Ты, скорее, похож на нелепого кота, который ходит на двух лапах. Тебе бы в цирке выступать, где зрителями будут коты.

Я: Ну хватит издеваться над нами. Ты лучше скажи, что тебе больше всего нравится в физическом и моральном облике Н.А.

Кузя: В физическом плане мне нравится, как я отмечал, его богатырская внешность, а в моральном – доброта и благородство. Именно так пристало себя вести сильным и уверенным в себе мужчиной. Одним словом, он полностью соответствует образу Большого брата.

Я: Не узнаю тебя сегодня. Обычно ты ищешь недостатки и иронизируешь... Неужели в Н.А. нет ничего смешного?

Кузя: У каждого богатыря есть свои недостатки. Вот, например, в известном мультфильме русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович беспощадно разбивают всех врагов, но пасуют перед властью своих жен. Послушать их, так просто подкаблучники какие-то...

Я: Ты, Кузя, не понимаешь сути брачных игр среди людей. Мужская сила всегда отступает перед женской слабостью. А причём тут Н.А.? Ты что, знаешь о его личной и семейной жизни?

Кузя: Нет, конечно. Но мне кажется, что Н.А. в силу своей доброты и мягкосердечности предпочитает решать любой конфликт миром, выступая в роли Большого брата. А смешное в нём то, что он при всей своей богатырской силе мне показался беззащитным. Больше всего из ваших русских богатырей он напоминает мне Добрыню Никитича.

Я: Мне не очень нравится обращение «Большой брат». Сразу вспоминается знаменитая цитата из романа Дж. Оруэлла «1984»: «Большой брат следит за тобой». Там это означает, что никому не скрыться от всевидящих глаз системы госбезопасности. Всё и все находятся под её тотальным контролем. Н.А. вовсе не таков. А что смешного в его беззащитности? Каждый человек по-своему беззащитен и раним. И мало ли что тебе там кажется.

Кузя: Моя интуиция мне подсказывает, что такой человек, как Н.А., не сможет просто ударить другого человека в лицо. На то он и Большой брат. Он – защитник, а не надзиратель. И ему из Рязани виднее, что тут у нас в Московии творится. Ведь чем ближе к столице, тем больше бессмыслицы. Вам, москвичам и жителям Подмосковья, нужен присмотр, а то вы дров наломаете и совсем забудете, за счёт кого живёте.

Я: И что же смешного в том, чтобы не бить человека по лицу? Это свидетельствует как раз о мужском благородстве Н.А.

Кузя: А почему это должно быть смешно? Скорее, забавно. Мне он напоминает великана, который размахивает многопудовыми ги-рями, боясь задеть своих противников.

Я: Когда обладаешь такой силой, как у Н.А., то можно не рас-считать и ненароком зашибить. А чего ты, Кузя, придираешься к его телосложению?

Кузя: Меня как раз забавляет несоответствие между его врож-дённой силой и щадящей реакцией на возможных противников.

Я: Но ты же не знаешь наверняка, как он распоряжается своей силой. Просто ты до сих пор не попадался ему под руку.

Кузя: Любопытно представить, как Н.А. гонится за мной, что-бы преподнести урок. Думаю, что со своими котами он обращается деликатно, как и подобает добропорядочному хозяину. Чуть не вы-рвалось: «Не то, что ты...». Но это я так, к слову.

Возможные представления Николая Александровича о мире

Я: Поговорим теперь о том, как Н.А. представляет свой мир, и что он намеревается в нём сохранить или изменить. Что ты можешь сказать о его возможных устремлениях?

Кузя: Я о них мало что знаю. Разве только то, что слышал от тебя или от него во время личных встреч. Но я готов предложить свою возможную версию.

Я: И что же ты узнал о мировоззрении Н.А.?

Кузя: Н.А. мне показался таким «воином света», который находится в тёмной комнате и размышляет о том, как открыть окно и впустить свет. При этом всем давно известно, что окна в этой комнате никогда не было. Оно существует лишь в представлении Н.А., а точнее – в нашем с тобой воображении. А ещё я слышал, что он очень любит стро-ить планы или проекты. На каждый случай у него имеется свой проект.

Я: Что же в этом плохого? Все мы время от времени строим планы.

Кузя: Плохого ничего нет. Мы же размышляем с тобой о пред-ставлениях Н.А. об идеальном мире, который, возможно, далек от реальности. Я вполне допускаю, что реальный мир Н.А. находится в другом измерении (там, где ему комфортно жить), чем тот, который он построил в своём воображении, и достижение которого предпо-лагает изменения всего уклада повседневной жизни.

Я: Что же ты хочешь сказать, что комфортное существование Н.А. предпочитает своему же идеальному миру? Неужели ему

чужды представления о свободе и справедливости, свойственные большинству людей?

Кузя: Для начала выскажу несколько тезисов о том, как многие из вас заблуждаются в отношении свободы. Ориентация на неё ведёт как раз к комфортному существованию.

- Свобода есть иллюзия человека о безответственном существовании. Только тот из вас полностью свободен, кто ни за что не отвечает.

- Свобода есть порождение эгоистического сознания человека, желающего получить во что бы то ни стало моральные или правовые гарантии для проявления своей алчности и своекорыстия.

- Свобода есть право одних («сильных») безнаказанно угнетать других («слабых»), отбирая у них не только собственность, но и личное достоинство. Наибольшей свободой обладают как раз те, кто находится на самой вершине социальной иерархии.

- Свобода есть извращенное представление об обществе, которое подчинено индивидуальным или корпоративным интересам немногих.

Я: Но какое отношение твои тезисы имеют к Н.А.?

Кузя: Ну хотя бы такое, что Н.А. знает об этом и поэтому не рассуждает о свободе. Возможно, для него лучшим социальным порядком является тот, который соответствует представлениям большинства людей о справедливости.

Я: Откуда такая категоричность? А разве ты что-то знаешь о его понимании справедливости? Даже у меня имеются на этот счёт лишь смутные догадки.

Кузя: Могу предположить, что справедливость для Н.А. – должное состояние общества, при котором выгодоприобретателем оказывается большинство граждан.

Я: Откуда опять же у тебя уверенность в том, что Н.А. именно так и думает? Что ты вообще понимаешь под справедливостью?

Кузя: Представлю, опять же, в тезисной форме, своё понимание.

- Справедливость – это форма социального согласия и равновесного существования между людьми, располагающими сопоставимыми возможностями в получении и использовании жизненно необходимых благ.

- Справедливость есть свободное и добровольное самоограничение каждого, обусловленное правами всех остальных людей.

Быть справедливым означает действовать во имя блага своего общества, группы или семьи, сознательно ограничивая свои потребности и интересы. При этом только тот достоин называться справедливым, кто считается с нуждами других людей.

- Справедливым является то, что способствует равенству жизненных шансов всех людей.

Я: А тебе не кажется, что справедливость такая же иллюзия, как и свобода. В американском сериале «Йеллоустоун» главный герой Джон Даттон сказал: «Справедливость – это когда одна сторона делает всё что хочет, а второй – некому пожаловаться. Справедливость – это выдумка».

Кузя: Интересно это слышать от владельца земли в десятки тысяч гектаров в штате, где национальный заповедник вынужден ютиться между территориями, занятыми крупными землевладельцами. Как ты прочитал на страницах интернета, он присвоил себе земли, принадлежавшие когда-то четырём племенам индейцев («вороны», «черноногие», «баннокс» и «шошоны»), которые к концу XIX в. были полностью вытеснены белыми колонизаторами. Ему ли, наследнику этих колонизаторов, рассуждать о справедливости. Правильно говорит ему родная дочь: «Ты ищешь справедливости повсюду, кроме зеркала». А надо почаще смотреть в зеркало, а не пенять на извечную несправедливость окружающего мира.

Справедливость начинается с правильного обустройства своего внутреннего мира, в котором имеется безусловный датчик. Вы называете его совестью, а мы, коты, – интуицией. Действовать по справедливости означает для нас, котов, стремиться к сбалансированному взаимодействию, с одной стороны, между популяциями, а с другой, между ними и окружающей средой. Каждый заслуживает право на достойную жизнь. Поэтому справедливо то, что способствует утверждению жизни. Вы же придаёте справедливости сакральный смысл, перенося право решать, кто имеет право жить достойно, а кто нет, с земли на небеса.

Я: Неужели ты наивно полагаешь, что так думает и Н.А.? В твоих тезисах есть весьма спорные высказывания.

Кузя: Он может, конечно, думать по-другому и по-своему интерпретировать справедливость, но я убеждён, что его общественным идеалом является как раз справедливый порядок. Это вытекает из его слов и действий.

Я: Откуда тебе известно о его действиях?

Кузя: Ты же мне сам много раз рассказывал о том, что Н.А. на любой руководящей работе предпочитал выстраивать справедливые отношения в коллективе и всегда отстаивал право каждого из своих сотрудников по кафедре или факультету на справедливое вознаграждение. Этому же он учил и своих студентов. Разве не так?

Я: Конечно, это близко к правде, но...

Кузя: У тебя остаются сомнения?

Я: Не совсем так. Меня смущает твоя категоричность. Ты не настолько хорошо знаешь Н.А., чтобы делать подобные выводы.

Кузя: Я могу лишь предполагать, что он так хочет, но я не утверждаю того, что ему это всегда удаётся сделать на практике. Как ты любишь говорить, жизнь сложнее наших представлений о ней.

Я: Так каково же, в конечном счёте, представление о мире Н.А.?

Кузя: Если кратко, то это – мир справедливого и гармоничного устройства жизни на всех уровнях ее организации (глобальном, страновом, групповом и индивидуальном).

Я: Что-то мы с тобой увлеклись и успели приписать Н.А. множество представлений, далёких, скорее всего, от его истинных убеждений.

Кузя: Легко выдавать желаемое за действительное, особенно в том случае, когда само желаемое столь абстрактно, что подходит многим людям. Но наша с тобой задача как раз и состоит в том, чтобы реконструировать представления Н.А. о мире. Причём мы ограничились обсуждением его возможного понимания социального мира. Подчёркиваю, возможного. Ответственность за домыслы и искажения его позиции целиком лежит на нас с тобой. Пусть Н.А. спит спокойно. Мы заранее позаботились о его личной безопасности и целиком снимаем с него подозрения в тех взглядах, которые мы ему приписали.

Я: А значит, мы имеем дело с вымышленным, а не с настоящим Н.А.?

Кузя: Ну, кто тебе сказал, что он сам знает, какой он настоящий, а какой нет? Мы искренне считаем или можем считать, что он так думает или может думать. А он вправе так же искренне заявлять о том, что мы заблуждаемся на его счёт. В любом случае ни Н.А., ни мы не знаем, каким настоящим он может быть при тех или иных обстоятельствах. Настоящестъ есть переменный признак. Она подобна блуждающему призраку. Сегодня он здесь, а завтра

там. Каждый из нас знает о себе лишь то, каким настоящим он был вчера. И то, что мы можем заблуждаться или путаться в представлениях о себе настоящих. Наверное, это относится и к Н.А.

Я: Ты хочешь сказать, что Н.А. не всегда отдаёт себе отчёт в том, где и когда он был настоящим?

Кузя: Я лишь хотел сказать, что судить о его настоящести трудно не только нам, но и ему. Процесс самоидентификации подобен постоянно отодвигающемуся горизонту. Чем ближе ты подходишь к прежней линии горизонта, тем дальше ускользает точка самоидентичности. Я вчерашнее совсем не похоже на Я сегодняшнее. При этом, чтобы понять себя настоящего, я должен учитывать каждый раз образ себя будущего. Вот и мы с тобой строим свои допущения о настоящем или воображаемом Н.А., исходя из собственного понимания точек его самоидентификации на протяжении длительно-го периода жизни.

Я: Скорее всего, мы придумали себе «настоящего» Н.А. и приписали ему свои же представления о мире.

Кузя: Даже, если это так, как ты говоришь, то у нас получился весьма интересный и привлекательный образ Н.А. Эдакий богатырь, сражающийся с собственными иллюзиями и отстаивающий справедливость в социальном мире. Мне за такой образ несколько не стыдно. А вот согласится ли с ним сам Н.А., это уже не так и важно. Пусть думает, что мы так и не подобрались к нему настоящему. И пусть носит эту тайну с собой.

Я: Остаётся надеяться на то, что мы не обидели Н.А., а лишь побудили его к дальнейшим размышлениям, в т.ч. к поиску новых точек сборки и к выработке на этой основе представлений о социальном мире.

Кузя: Почему бы ему не допустить, что основной конструкцией сборки социального выступает справедливость или, точнее, – представления о ней. Сам же социальный мир складывается как область взаимопересечения жизненных миров отдельных групп и индивидов вместе с их представлениями о справедливости.

О возможной концепции социальных изменений

Николая Александровича

Я: И здесь мы переходим к следующему пункту нашего диалога – реконструкции его практической концепции социальных измене-

ний. Я знаю от Н.А., что ему интересна социально-теоретическая проблематика. И здесь важно понять подход, которого придерживается Н.А. Может быть, это социальная феноменология?

Кузя: Феноменологией среди нас балуешься ты. Думаю, что он, скорее всего, является «скрытым» марксистом и развивает постмарксистскую концепцию социальных изменений.

Я: Откуда тебе известно? Ты же не читал ни одной работы Н.А.

Кузя: Зато я умею хорошо слушать. И знаю от тебя, чем отличается постмарксизм от ортодоксального марксизма. Постмарксисты отказываются от требований мировой социальной революции и ведущей роли рабочего класса. Но критика буржуазно-либеральной идеологии, оправдывающей незыблемость капиталистического строя, остаётся одним из ключевых направлений постмарксистской теории.

Я: Я знаю, что Н.А. придаёт серьёзное значение проектному подходу в социальной теории и близок к моей онтопроектной концепции. Его, скорее, можно назвать социальным проектировщиком или конструктивистом.

Кузя: Не буду вдаваться в ваши теоретические изыскания. Могу лишь сказать, что твоя дружба с Н.А. имела под собой и идейную близость. Вас сближает с ним представление о справедливом обществе. Правда, последнее время ты стал эволюционировать в сторону экоинтегрального подхода.

Я: А на какой идейной платформе стоит, с твоей точки зрения, Н.А.?

Кузя: Я уже сказал. Могу предположить, что он разрабатывает одну из версий постмарксизма. Какую именно, мне трудно судить. Как ты уже сказал, я не читал его работ.

Я: Удивительно, что ты при этом делаешь подобное заявление.

Кузя: Это не так трудно. Я же был свидетелем ваших разговоров.

Я: Мы делаем с тобой одно допущение за другим. Сначала мы проецируем на Н.А. наши представления о справедливом мире, а затем приписываем ему постмарксистскую концепцию социальных изменений, якобы открывающей путь к другому миру (новой цивилизации). Поскольку постмарксизм не отменяет классовый подход, то тогда между кем и кем разворачивается классовая борьба в современной России?

Кузя: Как между кем? Между новым пролетариатом и новейшей буржуазией, а также прислуживающей ей буржуазной бюрократией.

Я: И ты полагаешь, что именно так размышляет Н.А.? Кто же в данной ситуации может претендовать у него на роль нового пролетариата?

Кузя: Тот класс, который отвечает за воспроизводство и развитие культуры. А это – группы, которые вы называли до недавнего времени интеллигенцией, т.е. деятели науки, образования и искусства, работники информационно-цифровой сферы, рабочие-интеллектуалы, одним словом, новый интеллектуальный класс. Против него выступает единым фронтом плутократия вместе с её прислужниками (политическими пропагандистами и технологами, журналистами и агентами сферы потребления и пр.).

Я: Но ведь, насколько мне известно, интеллектуальный класс в современной России не представляет собой единого целого. Он раздроблен, и в нём ещё сильны либеральные и западнические настроения. Как ты собираешься превратить его в субъекта построения нового общества в России с учётом её социокультурной специфики?

Кузя: Не я, а вы с Н.А. Вам виднее.

Я: Вот как ты, значит, устроился. Придумываешь разные мифы, а затем перекалываешь ответственность за них на других людей. За это могут и привлечь...

Кузя: Ну кто будет привлекать меня, твоего кота? И кто поверит, что у тебя не только говорящий, но и мыслящий кот, который выдвигает бредовые и даже социально опасные идеи. Вот и получается, всё, что я тут наговорил якобы от своего имени и приписал Н.А., на самом деле придумал ты. Одним словом, отвечать опять же придётся тебе.

Я: Это я уже понял, мой хитроумный кот. Мне бы и в голову не пришло что-нибудь подобное. Зная давно Н.А., я бы не стал придумывать за него разные схемы. Он и сам способен предложить авторские концепции.

Кузя: Но у меня это получилось не хуже. Зачем ждать, пока Н.А. систематизирует свои взгляды и создаст целостную концепцию. Могу сразу ему предложить некоторые из её положений.

Согласно возможной постмарксистской концепции Н.А.:

- российское общество развивается по объективным законам и в соответствии с логикой своей культуры;

- развитие государственного капитализма в России определяется не только противоречиями между производительными силами и средствами производства, но и противоречиями между обществом и природой, среди которых особое значение приобретают кризис потребления и экологические факторы;

- классовая борьба не прекращалась с тех пор, как зародился капитализм; она лишь перешла в другую, эволюционную фазу развития, разделяя по разные стороны баррикад, с одной стороны, класс плутократии, объединяющий олигархическую буржуазию, а с другой, новый интеллектуальный класс, выдвигающийся на историческую арену;

- цивилизационные изменения направлены на справедливое распределение произведённых ценностей, освобождение людей труда, добровольное ассоциирование производителей и утверждение коллективных форм собственности;

- одной из главных целей является критический анализ идеологических оснований капиталистического способа производства, выявление причин социального отчуждения и определение путей раскрепощения сознания людей;

- социальные изменения необходимо осуществлять поэтапно, переходя постепенно от частичных реформ к более глубоким и масштабным реформам.

Я: А ты уверен, что Н.А. всё это понравится? И что он готов будет принять твои положения?

Кузя: Это и не нужно. Важно, чтобы он увидел, как можно интерпретировать его возможную концепцию социальных изменений. Более того, я готов подарить ему эту схему.

Я: Да ты просто классик социальной философии. Уже концепциями начинаешь делиться. А что же будет дальше?

Кузя: Ну, если серьёзно, то Н.А. мог бы так (или примерно так) мыслить. Мы же с тобой сделали реконструкцию его возможной концепции. И почему бы ей не быть именно такой? Ведь Н.А. ещё не опроверг её. А значит у нас остаётся надежда, что он её сможет принять, хотя и с некоторыми дополнениями.

Вместо заключения

Я: Н.А. – философ по жизни, как немногие из тех, с кем ты дружишь. Мне нравится его жизненная философия. Она состоит, в

частности, в том, чтобы никогда не сдаваться и всегда находить конструктивный выход даже из самой безнадёжной ситуации.

Кузя: А что же тут философского? Мне кажется, что философия Н.А. заключается в его отношении к жизни как к непреходящей ценности, в умении радоваться малому и успехам своих близких.

Я: Но так можно сказать практически о каждом...

Кузя: Но только Н.А. присуща способность видеть мир в позитивном свете, безошибочно выделяя в нём то, что может помочь в разрешении проблемных ситуаций. Я бы назвал такую философию жизни оптимистическим и конструктивным реализмом.

Я: А мне кажется, что Н.А. не нужны наши с тобой оценки. Ему достаточно того, что он сам знает о себе и о мире.

Кузя: Но мы же говорили о нём искренне. Пусть он остаётся со своей правдой, а мы со своей.

Я: Давай лучше пожелаем Н.А. провести новогодние каникулы в раздумьях о бытийных проблемах. Как поёт Александр Розенбаум в альбоме «Рубашка нараспашку»: «Ах, как хочется мне выйти из образа... и побыть самим собой лишь раз».

Кузя: Он ещё поёт в этой песне: «Ах, как хочется выйти в форточку, на свидание с силой небесною...». А ещё ему хочется «выйти навстречу грозе... и махнуть стопаря за здоровье друзей». И много чего ещё автору этой песни хочется. Сразу видно, что он, в отличие от Н.А., ещё не определился со своими жизненными приоритетами. У него слишком противоречивые, порой исключаящие друг друга желания или хотения.

Я: Пусть наш Н.А. сохранит свои «мысли для любви и света». Большинство людей или котов просто не умеют распорядиться временем своей жизни. Им почему-то становится наедине с собой грустно и одиноко, чего не скажешь об Н.А. Удачи ему в Новом году!

Кузя: Большому брату большое плаванье! Новая жизнь только начинается.

01-02.01.2022 г.

5.4. Константин Семёнович Пигров как эпикуреец нашего времени (к 85-летию со дня рождения)

Дорогие коллеги! Представляем вашему вниманию беседу о замечательном человеке, докторе философских наук, профессоре Пигрове Константине Семёновиче. Почти полвека он проработал в Санкт-Петербургском университете на философском факультете (ныне – Институте философии СПбГУ). Мне уже приходилось брать у него интервью («Философия творчества и творчество в философии: интервью с профессором К.С. Пигровым, июль 2010 г.»; [8]) и публиковать очерк о нём (см. «Штрихи к философии жизни и творчества К.С. Пигрова»; [5]). Недавно Константину Семёновичу исполнилось 85 лет и это послужило поводом для актуального разговора о нём с моим воображаемым собеседником котом Кузей.

Конечно, Кузя помогает автору создать более объёмную проекцию К.С. Пигрова на экране рефлексии. Предварительная версия данного диалога будет опубликована в журнале «Вопросы культурологии». Подобные беседы с коллегами из Института философии СПбГУ (И.И. Докучаев, Б.В. Марков) уже публиковались в российских научных журналах [6; 7].

Представление

Я: Кузя, я хочу тебе рассказать о Пигрове Константине Семёновиче. Начну с краткой биографической справки. Он родился в 1938 г. в г. Белогорск Амурской области СССР. Окончил Ленинградский государственный кораблестроительный институт (1963). Учился в аспирантуре Ленинградского госуниверситета и там же защитил кандидатскую диссертацию. В 1985 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Научно-техническое творчество (социально-философский анализ)». С 1992 по 2012 г. – заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В настоящее время работает профессором на той же кафедре.

А теперь приведу слова поздравления, которые я ему написал в день рождения, 19 мая.

«Дорогой Константин Семенович! От всего сердца поздравляю Вас с очередным этапом Вашей жизни – 85-летием! Вы подошли

к нему на пике своих духовных возможностей. Знаю Вас с начала 1990-х и дорожу нашей дружбой. Вспоминаю Ваши яркие выступления на конференциях и наши душевные беседы за кружкой чая в Санкт-Петербурге, Москве, Иваново и Рязани.

Для меня Вы – не только человек, оказавший значительное влияние на социальную философию и философию творчества, но и философ повседневности, способный разглядеть за будничными делами глубокие смыслы. Ваши философские опыты нашли отражение в рукописном журнале «Сто страниц», дневнике «Шепот демона», многочисленных книгах и творческих семинарах. Возможно, благодаря им Вам удалось понять природу философского откровения.

Для меня Вы были и остаётесь примером вдумчивого погружения в философские и художественные тексты. Где-то прочитал, что Ваш девиз «*Hostinato rigore* – упорная строгость». Мне кажется, он в полной мере соответствует Вашему образу мышления и жизненному стилю. Но это строгость, прежде всего, по отношению к самому себе. Вы всегда были требовательны к себе и доброжелательны к окружающим, прежде всего, к студентам.

Кто-то из древних сказал, что «всегда быть хорошим глупо, а быть злым – скучно». Наверное, лучше всего быть тем, кем ты себе можешь позволить при данных обстоятельствах. И это Вам удалось как никому другому. Как известно, каждый сам определяет меру содеянного и сотворённого им в жизни. Уверен, что Вам есть что припомнить из собственного богатейшего опыта. И что самое важное, есть что предложить своим коллегам и ученикам. Ждём с нетерпением Ваши новые статьи и книги.

Зная Вас без малого тридцать лет, не раз задумывался о том, к какой к категории людей относитесь Вы. И до сих пор остаюсь в неведении. Но одно могу сказать точно, Вы – человек удивительно тонкого обаяния, притягивающий к себе подобно магниту. С Вами интересно не только разговаривать, но и молчать, обдумывая сказанное или услышанное. А ещё я всегда восхищался Вашим даром открывать талантливых людей.

Желаю Вам новых философских свершений и творческого долголетия!

С глубочайшим почтением, Ю.М. Резник».

К.С. Пигров – практикующий мудрец

Кузя: Ну что я могу сказать? Человек, судя по твоим словам, действительно, выдающийся. Вот только я не совсем понимаю, что такое «пик духовных возможностей»? Не хочешь ли ты сказать, что Константин Семёнович, наконец-то стал мудрецом? Неужели надо было дожить до 85 лет, чтобы достичь такого положения? А нельзя ли как-то сократить дистанцию и прослыть мудрецом раньше, чтобы успеть этим насладиться?

Я: Несмотря на твою нескрываемую иронию, могу сказать, что Константин Семёнович состоялся как мудрец много лет назад. Ведь ему присуще не только философское отношение к жизни, но и глубокое понимание происходящего, а также видение будущего. А ещё Константин Семёнович умеет видеть большое в малом. В обыденных делах ему удаётся найти потаённые смыслы. Чего стоят только его конференции по философии пира и философии пива (см. прим. 1). Кроме того, в отличие от большинства академических философов, он без предвзятости относится к поискам так называемых самодетельных философов (см. прим. 2).

Поэтому я считаю Константина Семёновича практикующим мудрецом. Впрочем, других мудрецов, наверное, и не бывает. Не зря же ещё в древности выделяли три типа деятельного существования человека: чувственный, практический и созерцательный. Пигров – не созерцатель, а философствующий практик. Для него благополучие как отдельных людей, так общества в целом является ценностью. В «Очерках социальной философии» он пишет о роли персональности, активизме и творческом характере человеческого бытия. Именно в творчестве человек не только производит значимые новые идеи, но и реализует свой личностный потенциал, самореализуется как индивидуальность [3]. В дальнейшем Константин Семёнович развивает деятельностьную модель человеческой и социальной реальности (см. его учебник «Социальная философия» [4]).

Пигров как настоящий эпикуреец

Кузя: Да, да. Я где-то это уже слышал. Наверное, от тебя. Ты часто вспоминаешь о К.С. Пигрове. А по-моему не надо ничего усложнять: «Пигров – то (такой), Пигров – это (этакий)». Не кажется ли тебе, что дорогой тебе Константин Семёнович просто любит жизнь и умеет получать удовольствие от неё? А чем он там занима-

ется, не так уж и важно. Не хотелось бы присваивать ему ещё один ярлык, но можно допустить, что он в какой-то мере эпикуреец. Во всяком случае у меня сложилось такое впечатление из твоего словесного портрета.

Я: Не нужно, Кузя, столь фривольно отзываться о моём друге и коллеге. Но в том, что в нём есть что-то от эпикурейца, я с тобой согласен. Поэтому отвечу словами, которые приписывают обычно Эпикуру: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устаёт заниматься философией: ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перезрелым для здоровья души» [1, 354]. Мне кажется, что Константин Семёнович, как и Эпикур, занимается философией для души, демонстрируя нам духовную зрелость и совмещая это с профессиональными обязанностями. Согласно совету Эпикура, сделанному им в письме к Менекею, Пигров постоянно размышляет о том, что делает, и о том, насколько сделанное или делаемое им соответствует принципам прекрасной жизни. Однако, он – не какой-нибудь эстет. Он просто любит прекрасное в мире и умеет наслаждаться им. Тяга к возвышенному не превращает его в безнадёжного романтика. Константин Семёнович, как и его великий предшественник Эпикур, был и остаётся реалистом.

Кузя: Не преувеличивай, пожалуйста, вашу с Пигровым роль в философии. Не надо подменять философию обыкновенным гедонизмом. Даже в своих философских занятиях вы ищете наслаждение.

Я: Что б ты ещё понимал в гедонизме. Тебе, мой дорогой кот, неизвестно то, что называют наслаждением духа. Ведь Эпикур стремился показать людям путь к счастью, а не просто призывал их к получению удовольствий. По его мнению, цель человека – достижение эвдемонической жизни посредством преодоления страха и избегания страданий. «Бог не внушает страха; смерть не внушает опасения; благо легко достижимо; зло легко преодолеваемо» [9, 448]. Эпикур говорил о «чистых» или возвышенных наслаждениях, а не об удовлетворении прихотей физической плоти. В иерархии удовольствий он ставил на первое место высшие (духовные), а не низшие (телесные) удовольствия. Благо и его достижение есть нравственное деяние. Благоразумие же рассматривается в свою очередь как главная добродетель человека.

Кузя: Неужели ты сам веришь в то, что говоришь, полагая, что Пигров придерживается такого же мнения, что и Эпикур? Думаю, его образ мира и самого себя гораздо сложнее, чем твоя характеристика.

Я: Что думает Пигров, остаётся только догадываться. Но в том, что ему не чужд эвдемонизм, я практически уверен. Разве может кто-то из нас возражать против необходимых и доступных человеку возвышенных наслаждений души (атараксии, творчества, дружбы и пр.)? Можно предположить, что счастье для Константина Семёновича и есть не что иное как *подлинно человеческое* бытие, наполненное творчеством. Быть счастливыми – это, если хочешь, наш долг перед самими собой и другими людьми.

Об отношении Пигрова к смерти

Кузя: Быть счастливым ты должен. Что за чушь? Никому я ничего не должен. В конце концов, это моё личное дело – быть счастливым или ещё каким-то. Может быть, мне нравится быть несчастным. Взывая к жалости, можно быстрее получить желаемое. Я не раз тебе говорил, что вы, люди, слишком озабочены своей моральной значимостью и социальной ответственностью. Мне кажется, ничто человеческое не чуждо и Константину Семёновичу. А ещё все люди сделаны из одного теста и все, как один, боятся смерти.

Я: Мы говорили с Константином Семёновичем и об этом. Сейчас мне трудно воспроизвести наш диалог о смерти, но в целом он близок к философии Эпикура, который, как известно, писал: «Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь всё хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения... Смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют... А мудрец не уклоняется от жизни, но и не боится не-жизни, потому жизнь ему не мешает, а не-жизнь не представляется каким-нибудь злом» [1, 356].

Таким я вижу и отношение мудреца К.С. Пигрова к смерти, хотя у него могут быть и свои нюансы, о которых я могу не знать. Например, в его размышлениях о философии старости нет утверждений об угасающей жизни, её конце, который надо, мол, пережить достойно и т.п. (см. прим. 3). Напротив, настоящая старость, по Пигрову, наполнена экзистенциальным смыслом. В ней нет низко-

го страха (например, боязни смерти как физического страдания). Жизнь настоящих стариков «захвачена» высоким страхом (страхом Божьим). Они посредством практики аскезы достигают состояния разотождествления с телом.

Кузя: Наверное, душа «настоящих стариков», расставаясь со своим телом, улетает в Космос ещё до своей кончины, а их телесная оболочка продолжает земное существование. Слышал, что таких людей называют «божьими одуванчиками».

Я: Не совсем так. Божьи одуванчики в обыденной речи – это дряхлые, беспомощные и выжившие из ума старики. А Пигров как раз полагает, что настоящие старики не «улетают в Космос», а занимаются вполне земными делами. При этом они идентифицируются не только с другими телами, но и с артефактами культуры, со всем человечеством, Вселенной в целом, Абсолютом.

Кузя: Они что же, «переселяются» в них при жизни, чтобы успеть приготовить или зарезервировать там себе место до того, как душа окончательно покинет тело?

Я: Опять иронизируешь. Они продолжают вести земную жизнь и даже занимаются творчеством. Но их творчество, по словам К.С. Пигрова, акцентировано не на новизне, а на значимости. «Старик – не инициатор нового, но он хранитель значимого, он хранитель культуры, её “упорядочиватель” и систематизатор» (см. прим. 3).

Кузя: Неужели Пигров пытается найти способ преодолеть смерть и проложить свой путь в бессмертие? А это как-то не вяжется с отношением к смерти Эпикура.

Я: Полагаю, что «настоящий старик» Пигрова не совсем таков, каким ты его себе представляешь. «Он выходит из своего пока ещё живого тела в мертвую жизнь вещей. Определенное в вещах – фундаментальная процедура старости. Артефакты изымают бытие из времени, представляя собой способ достижения бессмертия» (см. прим. 3). Речь идёт здесь буквально не о бессмертии, а об особом способе опредмечивания и в какой-то мере о растворении в артефактах. Жизнь не уходит бесследно. Она находит другие носители, кроме собственного тела человека.

Кузя: Что-то я запутался в трактовке старости Пигрова. Не мёртвый, но уже и не совсем живой, старик, цепляясь из последних сил за жизнь, находит источник её продления в том, чтобы воплотиться в других телах (вещах или артефактах). Где же здесь

«сбалансированность желаний и возможностей»? Это же настоящий крик отчаяния и стремление во что бы то ни стало преодолеть неминуемое приближение к смерти. Цепляться за жизнь, чтобы отдавать последнее, что у него есть (наверное, опыт) и быть до конца полезным и нужным – разве это не свидетельство агонии старости, не желающей примириться с мыслью о неизбежной смерти. А молодость порой жестока и не нуждается в подаяниях или подношениях со стороны поколения стариков. Она сторонится их навязчивых советов и не желает окунаться в уходящий и несколько мрачноватый мир.

Я: Не стоит сгущать краски и подменять или передегеривать значения понятий. Пигров ведь пишет не о желании стариков выжить любой ценой. Для настоящих из них смерть не страшна. Они её не боятся, поскольку дух уже вышел за пределы тела и воплотился в артефактах культуры. А это и есть «жизнь после жизни», т.е. подлинная духовная жизнь. Причём Пигров понимает старость не как нисходящее движение (от жизни к смерти), а как «восходящее движение к мистическому отождествлению с мировым целым, с Абсолютом, Богом» (см. прим. 3).

Счастье как нравственное кредо К.С. Пигрова

Кузя: Ну хватит об этом. Так мы дойдём с тобой и до идеи переселения душ. Ты как-то говорил мне, что Эпикур делил все желания человека на естественные и необходимые. Причём одни необходимые желания нужны для счастья, другие – для спокойствия тела, третьи – для самой жизни. Как ты считаешь, Константин Семёнович сумел воплотить эти желания? Ведь для Эпикура, насколько я знаю, цель жизни состоит в достижении счастья посредством исполнения желаний и получения удовольствий.

Я: Не могу ответить на твой вопрос со всей определённой. Здесь лучше спросить самого Константина Семёновича. Думаю, что всякий человек достоин счастья. Счастье предполагает гармонию духа, души и тела. Но не всякий, как Эпикур, считает удовольствие благом. Мыслитель ставил на первый план благоразумие и правильный образ жизни. А поведение Константина Семёновича в большинстве случаев можно назвать благоразумным, хотя он, как и любой творческий человек, часто действует по наитию души: увлекается, восхищается, влюбляется, «плывёт против течения». Одним

словом, он научился совмещать благоразумие с приятной жизнью. И это значит, что жить разумно, нравственно и справедливо, можно, не лишая себя удовольствий, а, напротив, находя в этом высший смысл.

Возможно, именно Ленинград, переименованный в Санкт-Петербург, – город, который помог Константину Семёновичу стать счастливым. С ним связана его судьба. Здесь он учился, начал работать, создал семью, вырастил детей, обрёл друзей, состоялся в профессии философа.

Мне кажется, что быть счастливым для Константина Семёновича означает, помимо прочего, вести благоразумный образ жизни и укреплять веру в себя и других. Ведь у каждого из нас имеется множество причин для разочарования в других людях. Пигров же – эвдемонист особого типа. Для него человечность возникает не в телах, а «между» ними. Поэтому он думает о счастье близких ему людей, окружая их заботой и оберегая от жизненных невзгод. Конечно, следуя некоторым установкам Эпикура, Константин Семёнович обязан также заботиться о спокойствии собственной души. И ему удаётся находить гармонию между собственным счастьем и счастьем близких людей. Таким я, во всяком случае, его знаю.

Пигров как смеющийся философ

Кузя: По-моему, ты идеализируешь философию Эпикура, да и самого Пигрова тоже. Как можно одновременно быть благоразумным, следуя установленному порядку, и увлекающейся натурой, выходящей за рамки общепринятого? Другими словами, разве можно предаваться веселью и в то же время философствовать о благоразумии как праведном образе жизни?

Я: Благоразумие несколько не исключает увлечений и радостей жизни. Сам Эпикур считал, что «следует смеяться и философствовать и в то же время заниматься хозяйством и пользоваться всеми остальными способностями и никогда не переставать изрекать глаголы истинной философии» [1, 359]. Смеяться, т.е. радоваться жизни, можно и в процессе философских занятий. Знаю, что темы смеха и праздника является важнейшим направлением философского творчества Константина Семёновича (см. прим. 1). И в этом плане он следует установке Эпикура, прибегая в теории и на практике к активным удовольствиям, т.е. к радости и веселью. Полагаю,

что Пигрову свойственны не только упорная строгость, но и смеющийся ум.

Кузя: А что, разве бывают смеющиеся философы? Над чем же они смеются – над собой, уродливыми явлениями действительности или над тем и другим?

Я: Думаю, что они смеются не над чем, а, потому что радуются и удивляются бытию, его открытости и вместе с тем загадочности.

Кузя: Хорошо, пусть смеются себе на здоровье. Но как быть с распространённым мнением о том, что философ-эпикурец – это человек, ценящий превыше всего чувственные наслаждения и удовольствия, в т.ч. изысканные блюда и напитки (например, хорошее пиво)?

Я: У Эпикура есть ответ на этот вопрос. «...Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые... Мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные... рождают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания, и изгоняющие [лживые] мнения, которые производят в душе величайшие смятения» [1, 357]. Конечно, Константин Семёнович не свободен от телесных страданий и душевных тревог. Но я не думаю, что он является изысканным гурманом и ставит чувственные наслаждения на первый план. Насколько я знаю, для него гораздо важнее дух свободного общения. Его влечёт пиршество для умов, а не банальная попойка.

Пигров сам неоднократно устраивал разные конференции и семинары. Полагаю, что это вполне соответствует излюбленной им форме дискуссий – симпозиуму (от лат. *symposium* от др.-греч. *συμπόσιον* – «пиршество», где *συμ-* – приставка со значением совместности действия, соучастия, *λόσις* – питьё, напиток). Совместное питание в ходе интеллектуальной беседы не следует смешивать с элементарной пьянкой. Насколько я помню, любимым напитком самого Константина Семёновича является кофе. Но изредка в ходе душевной беседы он мог позволить себе побаловаться пивом. Как пишет один из сторонников эпикуреизма, «допустим, пиво повышает настроение, но мы должны знать свою норму» [2, 131]. А это значит, что пиво и другие напитки нужно употреблять умеренно, чтобы сохранить связность мысли и ясность ума.

Кузя: Запутался я что-то в ваших симпозиумах, да и с пивом не всё так просто. Что-то мне подсказывает, что философы специально придумали симпозиумы для того, чтобы употреблять увеселительные напитки. Ведь не зря древние греки любили во время встреч пить разбавленное вино. Наверное, без этого трудно быть смеющимся философом. По-видимому, только так вы, философы, можете ощутить зов бытия и радость жизни.

Я: Не стоит снова иронизировать, мой пушистый друг. Согласно этике Эпикура человек рождается один раз, и у него одна жизнь. И прожить её надо приятно и счастливо, не нарушая, разумеется, канона (законов природы) и этики (искусства жизни). Человек наделён не только разумом, но и чувствами. Для него естественно стремиться к чувственным удовольствиям как к условиям счастливой жизни. Но это не значит, что он не должен откладывать удовлетворение некоторых удовольствий. Ради высших удовольствий (познания и дружбы) стоит пренебречь низшими.

Кузя: Складывается впечатление, что ты во что бы то ни стало оправдываешь употребление легких спиртных напитков, видя в нём скорее достоинство, чем порок.

К.С. Пигров и круг его друзей

Я: Дело здесь не в напитках, а в приятном общении, которому несколько не помешает их умеренное употребление. Для Эпикура дружба является священной. А именно она есть цель всякого общения, способного доставить наивысшее удовольствие человеку. Думаю, что в этом взгляды Эпикура и Константина Семёновича близки. С настоящими друзьями безопасная дистанция в общении сводится к минимуму, тогда как с ложными друзьями надо держаться на значительном расстоянии. Наверное, это не у всех, в т.ч. у Пигрова, получается. Но нужно стремиться к образованию круга друзей, поддерживая с ними систематические контакты и ведя регулярные беседы. Как известно, некоторые из бесед между друзьями продолжаются десятилетиями. Так, например, я испытываю постоянную потребность в разговоре с Константином Семёновичем. Мне не хватает его ёмких и точных зарисовок как сложных философских проблем, так и обычных жизненных ситуаций.

Кузя: Как у вас, людей, говорится: «Дружба дружбой, а денежки врозь». Вы живёте в разных городах и вам сложно поддерживать

регулярное общение. И как быть с теми, кто не желает с вами дружить и находится в стане противников и недоброжелателей?

Я: Что касается К.С. Пигрова, то ему удалось реализовать принцип концентрического круга Эпикура и создать свой круг друзей, к числу которых я смею отнести и себя. И благодаря этому у него получается устраивать многие десятилетия в Санкт-Петербурге (прежде всего, в СПбГУ) настоящие пиры разума. Ведь философию лучше всего осваивать среди друзей и единомышленников.

Кузя: И что же, Пигров собирает друзей для того, чтобы предаваться пиршеству разума или ума? А причём здесь смех и шутки, сопровождаемые или стимулируемые бодрящими напитками?

Я: Одно без другого не бывает. Какое интеллектуальное пиршество обходится без смеха и шуток? Пигров как настоящий эпикуреец (а не просто старик) обладает способностями к самоиронии и искромётным шуткам. Именно так, по Эпикуру, нужно заниматься «истинной» философией.

Кузя: А что бы сказал об этом сам Пигров? Согласен ли он с таким подходом к оценке его стиля философствования?

«Пигров нам ещё покажет». Вместо заключения

Я: Без него мы вряд ли сможем ответить на этот вопрос. А пока следует подвести предварительный итог нашей беседе о человеке, который мне чрезвычайно дорог.

Кузя: А что тут подводить? Ты пытаешься приписать Пигрову систему взглядов и этическую позицию Эпикура. С таким же успехом он может быть стоиком, экзистенциалистом или ещё кем-то.

Я: Но ты же сам высказал предположение о том, что Константин Семёнович – эпикуреец.

Кузя: Это всего лишь догадка, не более того. Я сказал, что он может быть им в какой-то мере. Но может и не быть, или быть в незначительной степени.

Я: Софист ты несчастный. Быть или не быть эпикурейцем – решать самому Константину Семёновичу. Мы лишь предполагаем, а он располагает. Но мы можем предложить ему своё видение, с которым он волен соглашаться или нет.

Кузя: Ты слишком серьёзно относишься к тому, кого же сам называешь смеющимся философом.

Я: Смеяться над тем, кто сам смеётся, бросая вызов бытию, бессмысленно. Пигров как философ-эпикурец неуязвим. Он самоироничен и саморефлективен до предела. Его нельзя осмеять, не будучи самому осмеянным, в т.ч. в своих же собственных глазах. Не шутите, да не шутимы будете. Или шутите так, чтобы другие улыбались и радовались вашему присутствию. Именно таким человеком является для меня Константин Семёнович. Я радуюсь, когда он находится рядом со мной, и у меня почему-то пропадает желание шутить.

Кузя: И всё же нельзя на этом заканчивать наш разговор о К.С. Пигрове. Неужели у него нет недостатков?

Я: Я уже говорил, что тебя, Кузя, хлебом не корми, лишь бы позволить найти какие-то изъяны в человеке. Лично я вижу в Константине Семёновиче лишь один недостаток – инертность. Но это в то же самое время есть его достоинство. Быть инертным вовсе не означает плыть по течению. Скорее всего, инертность можно отнести к естественному образу жизни Пигрова, к его органической встроенности в мироздание. Он не пытается изменить мир под себя, предпочитая изменяться самому. В этом и заключается его практическая жизненная философия. Ведь не случайно он говорит о себе как о настоящем старике, а по сути, как о состоявшемся и самореализовавшемся человеке, человеке-в-себе-и-для-себя.

Кузя: А я вижу здесь ещё один недостаток Пигрова, который роднит его с тобой. Вы оба уходите от реальности, подменяя её симулякрами. Причем речь идёт не о идентифицированности с телом, а о том, что вы называете опредмечиванием в вещах, артефактах. На самом деле это то, что вы сами себе придумали. Не зря же симулякрами выступают изображения или копии того, что на самом деле не существует. Вам нравится быть «настоящими стариками», не боящимися смерти и обречёнными на «вечную» духовную жизнь, но пока вы не можете расстаться со своими социальными и культурными телами (обязательствами, должностями, научными и издательскими проектами) и продолжаете держаться за них. А значит, вы остаётесь по-прежнему стариками-симулякрами, как бы вам ни хотелось слыть иными.

Так вот, твой Пигров придумал себе свой мир симулякров и купается в нём, как в тёплой ванне. А ты, например, растворился в своём журнале и философском обществе, находя всё новые

оправдания и не желая окончательно освободиться от этого тяжкого бремени. По-видимому, ты ещё не созрел для геронтоσοфии, которую разрабатывает в последние годы Константин Семёнович. Ты находишься на этапе постижения экософии, проявляя заботу о бытии в целом и конкретном местобытии, в частности. Получается, что каждому поколению философов соответствует своя «софия». Так что у тебя, мой друг, всё ещё впереди, в т.ч. геронтософия. Я вспоминаю твой рассказ о профессоре В.Л. Рабиновиче, который в последние годы своей жизни занимался изучением танатологии (науки о причинах наступления смерти). Он умер, так и не раскрыв тайны смерти. А может её нельзя познать, будучи человеческим, т.е. конечным существом?

Вам почему-то кажется, что мир без вас остановится, перестанет идти вперёд. Но, как известно, незаменимых людей не бывает. Обязательно найдутся приблизительные копии или образцы тех, кто придёт вам на смену и продолжит вашу деятельность по производству симулякров. Вечная гонка за симулякрами возобновится на новом витке человеческой эволюции. Так уж устроены вы, люди. С этим ничего не поделаешь.

Я: Не стоит, Кузя, выносить нам преждевременный приговор. Мы ещё поборемся за право жить достойно. Дело в том, что философия в России перестала быть комплексной дисциплиной и утратила своё идеологическое и воспитательное значение. Она превратилась не без идейного влияния Запада в созерцательную и аналитическую дисциплину. Не обошлось также без участия тогдашних властей. Об этом писал К.С. Пигров ещё в «Очерках» 1998 г. «Философия, по представлениям нынешних правителей, почти совершенно лишилась своей идеологической роли. За ней остались лишь просветительская и, возможно, в какой-то мере (совершенно несравнимая по значимости с религией или телевидением) социально-стабилизирующая функции» [3, 287].

По мнению К.С. Пигрова, у нынешней социальной философии, в отличие от теоретической социологии, остался интерес не только к существу общества, но и к его должному. Но с могуществом истмата её уже не сравнить. Теперь же философское сообщество разделилось на две части. Одна часть занялась «ученичеством», в т.ч. переводами и освоением западного наследия, признав тем самым поражение в конкуренции с западной философией. Ей не удалось избежать эклектики.

Как считает К.С. Пигров, вторая, основная часть философского сообщества до сих пор не приняла новых парадигм, оказавшись не в состоянии преодолеть импринтинг в философском образовании (см.: [3, 288]). Добавлю от себя, что комплементарность в сосуществовании различных философских концепций не позволяет выстроить целостное философское знание на базе национальной культуры. И здесь одного терпения, к которому призывал в конце 1990-х гг. К.С. Пигров, уже недостаточно. Необходимо выстраивать философское знание на собственных культурных основаниях, перерабатывая зарубежный опыт философствования в собственной логике развития.

Кузя: Своими словами ты лишь подтвердил мой тезис о том, что вашим философам не хватает новых симулякров, в т.ч. возникающих на вашей культурной почве. Так вы пытаетесь преодолеть теоретическую эклектику в своей философии и избавиться от её идейной зависимости от Запада.

Я: Не согласен. Симулякры замещают реальность вымышленными образами, а речь идёт об обновлении концептуального аппарата отечественной философии и приведении его в соответствии с социокультурными реалиями России как особой цивилизации.

Кузя: А причем тут тогда наш общий друг Эпикур? Вы и его намерены превратить постфактум в служителя русской философии или в выразителя чаяний народов России? Или то, что не соответствует новым требованиям философствования, придётся пропустить через процедуру цензурирования.

Я: Ничего подобного. Эпикур относится к первопроходцам многотысячелетнего философского процесса. И его учение невозможно подвергнуть цензуре, не потеряв при этом оригинальность идей мыслителя. А вот здесь нам как раз нужны философы, свободно ориентирующиеся в зарубежных и отечественных концепциях, а также способные совершать новый теоретический синтез. Пришло время собирать камни. Убеждён в том, что Константин Семёнович ещё себя покажет, и не только в качестве «настоящего старика», но и как самобытный мыслитель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философия Древности и Средневековья. Часть 1. – М.: Мысль, 1969. – 576 с.
2. Жить хорошо. Модели личной философии от буддизма до светского гуманизма / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 336 с.

3. Очерки социальной философии: Учеб. пособие / Под ред. К.С. Пигрова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 292 с.

4. *Пигров К.С.* Социальная философия: Учебник. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 296 с.

5. *Резник Ю.М.* Штрихи к философии жизни и творчества К.С. Пигрова (очерк) // *Личность. Культура. Общество.* – 2008. – Т. X. – Вып. 3-4 (№№ 42-43). – С. 427-451.

6. *Резник Ю.М.* Жил-был Борис Васильевич (к юбилею Б.В. Маркова) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* Т. XVIII. – Вып. 2. – 2021. – С. 10-15.

7. *Резник Ю.М.* Илья Игоревич такой, каким мы его не знаем (ироническое поздравление профессору И.И. Докучаеву с 50-летием) // *Вопросы культурологии.* 2022. – № 1. – С. 7-17.

8. Философия творчества и творчество в философии (интервью Ю.М. Резника с профессором К.С. Пигровым, июль 2010 г.) // *Личность. Культура. Общество.* – 2011. – Том XIII. – Вып. 1 (№№ 61-62). – С. 304-320.

9. Эпикур // *Новая философская энциклопедия.* В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – С. 448-449.

Примечания

1. См.: Философия пира. Опыт тематизации / Под ред. К. С. Пигрова. – СПб.: Летний сад, 1999. – 131 с.

2. См.: *Пигров К.С.* Профессионалы и самодеятельные философы: к развитию рецептивной философии. Феномен самодеятельного философствования. Сборник статей / Гл. ред. К.С. Пигров; Российское философское общество. – СПб, 2005. – С 11-29; *Пигров К.С.* Любители философии и профессионалы: альтернативы в горизонтах XXI в. Альтернативное образование в поисках своего качества. Сб. материалов конференций по проблемам альтернативного образования. – СПб., 2006. – С. 69-80.

3. *Пигров К.С.* Экзистенциальный смысл настоящей старости // Серия “Symposium”. Философия старости: геронтология. Выпуск 24. Сборник материалов конференции. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 3-6 (см.: (<http://anthropology.ru/ru/text/pigrov-ks/ekzistencialnyy-smysl-nastoyashchey-starosti>; дата обращения – 20.05.23).

25-26.05.2023 г.

Шевченко В.Н. О ФИЛОСОФИИ КУЗИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Можно только порадоваться за автора настоящей книги. В этом году вновь переиздана на русском языке «Кошачья философия» известного британского философа Джона Николса Грея, которого мы больше знаем по русскому изданию его книги «Поминки по просвещению», оставшейся, к сожалению, малозамеченной читателями.

Если британца переиздают уже в третий раз у нас в стране (2005, 2008), то этот вызов нужно воспринимать уже серьёзно. Мы

не должны оставаться вечными учениками западной философской мысли. В этом ученичестве когда-то должен был наступить решительный перелом. И он наступил. Мне кажется, что Ю.М. Резник сделал серьёзную заявку на создание отечественной кошачьей философии, написав три части «Философии кота Кузи». По сути дела, он открыл новое направление в развитии отечественной общественной мысли. Мы оказались ничуть не хуже британцев и у нас есть своя, национальная философия кошек или котов.

Надеюсь, читателю понравились оригинальность стиля работы, простота, доступность, а также ирония, постоянно чередующаяся с серьёзной аналитикой, которая требует основательного напряжения мысли. У меня нет никакой возможности подвести некоторый итог тому, что удалось сделать Ю.М. Резнику в этой книге больше, а что меньше. Да и нет в этом никакой необходимости. Тут всё зависит от философской позиции и внутренней установки читателя.

Из книги становится очевидным то, что существует кошачья цивилизация. Кошки обладают конкретным разумом. Они изучают нас. Особенно, когда мы живем с ними под одной крышей и настолько становимся необходимыми друг другу, что кот (или кошка) – почти настоящие и естественные члены семьи. Они предложили человеку помощь и в обмен на неё получили еду и жилище. Они могут нас любить. И все же мы остаёмся чужими для них. Кошка одомашнилась лишь наполовину. Она продолжает гулять сама по себе и потому выступает каким-то важным и непонятым для нас посредником между двумя мирами.

История отношений человеческой цивилизации с кошачьей насчитывает много тысячелетий. Заметим, что кошке человек приписывал самые различные роли и смыслы её пребывания на земле вблизи людей. В Древнем Египте кошка – священное животное. Египетская богиня Баст изображалась с головой кошки. В Средние века в Европе к кошкам была открытая враждебность, особенно к черным кошкам, которые считались орудиями дьявола. Но за всеми этими ролями скрывается самое важное – реальность кошачьего мира, хотя открывается она далеко не каждому.

Юрий Михайлович обсуждает со своим котом Кузей сегодняшние проблемы нашей цивилизации, нелёгкую жизнь в России. Их интересуют бесконечные поиски человеком смысла жизни и то, по-

чему именно с кошками мы ведем философские беседы. Доверие – важнейшее условие такого диалога. И оценивает полноту доверия не человек, а его собеседник.

Юрий Михайлович сделал большой, но только первый шаг к пониманию мира кошачьей жизни. Б.В. Марков, один из верных друзей Юрия Михайловича, предложил, я бы так сказал, вполне ожидаемое понимание диалога об искусстве жизни между котом и человеком как диалога двух философов. Кот изначально является философом, а человек им становится в процессе жизни. Только тогда диалог между ними возможен. Борис Васильевич в зазеркалье этого диалога видит другое, более глубокое начало.

Всем содержанием книги Ю.М. Резник говорит о необходимости возвращения к фигуре философа-интеллектуала и об устарелости сегодняшнего представления о философе как о специалисте, эксперте. Это всё очень правильно, но мне кажется мысль автора идёт гораздо дальше, свидетельствуя о его желании найти философские пути к балансу между стремлением человека к абсолюту, к абсолютным ценностям и к вечности на фоне несовершенства повседневной жизни человека.

Участники диалога пытаются ответить на вопрос, как достичь примирения в самом себе вечности и конечности человеческого существования. «Через кота, овеянного тайной, мы стремимся установить подлинный контакт с трансцендентным». Разговор с кошкой, зрительный контакт с ней, острое желание заглянуть по ту сторону кошачьего взгляда становится для философа мощным побудительным импульсом к появлению идей, образов и мыслей. При этом создаётся устойчивое ощущение, будто они перетекают к нам из глубин сознания нашего собеседника.

Для меня, как и для участников диалогов, очевидно то, что существует кошачья цивилизация со своим особым порядком. И философ Кузя – посланец из другого мира. Это – яркий выразитель практической философии со всеми её плюсами и минусами, которой сегодня так не хватает людям, ищущим ответы на вечные вопросы бытия. Возможно, ответы на эти вопросы мы найдем в следующей книге Ю.М. Резника, которая, как мне кажется, может называться «Сталкер, или моё путешествие с Кузей к абсолюту». С эпиграфом: «Ещё через минуту Алиса оказалась по ту сторону зеркала» (Л. Кэрролл).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Арендт Х. – 31; 32.
Аристотель – 23.
Батищев Г.С. – 35.
Бахтин М.М. – 62; 136; 273.
Бердяев Н.А. – 273.
Бибихин В.В. – 35.
Богатырев Д.К. – 6; 16.
Вегетий Ф. – 133.
Гегель Г. – 23; 24; 309.
Гобозов И.А. – 202.
Гоулднер А. – 264.
Деррида – 31.
Докинз Р. – 198.
Докучаев И.И. – 4; 6; 14; 301-314; 326; 340.
Дудник С.И. – 15.
Зиновьев А.А. – 34; 41.
Камю А. – 31; 32.
Кант И. – 30; 148; 175.
Карамзин Н.М. – 17.
Конфуций – 31.
Коэн Г. – 33; 36; 111.
Кропоткин П.А. – 194.
Кузнецов Н.В. – 6; 16.
Кутырёв В.А. – 159; 160; 161; 162; 163; 164; 165; 168; 169; 170; 173.
Ленин В.И. – 274; 291; 295.
Марков Б.В. – 4; 6; 7; 14; 20; 21; 289-300; 326; 340; 342.
Маркс К. – 81; 82; 230.
Миллс Ч. – 264.
Моисеев Н.Н. – 148.
Момджян К.Х. – 24.
Николаев В.Г. – 21; 140.
Ницше – 30; 31; 195; 230.
Оруэлл Дж. – 83; 316.
Пелипенко А.А. – 64; 174.
Пигров К.С. – 4; 6; 15; 326-340.
Платон – 24; 36; 80; 174.

Путин В.В. – 60; 118; 124; 129; 130; 136; 263; 271; 277; 279.
Рабинович В.Л. – 338.
Сенека Л.А. – 251; 261.
Смирнов А.В. – 103.
Смирнов С.А. – 39; 41.
Сократ – 30; 37.
Соловьёв В.С. – 36; 273.
Солонин Ю.Н. – 15.
Сталин И.В. – 46; 84; 118.
Степанов Н.А. – 4; 314-325.
Толстой Л.Н. – 30; 31; 123.
Фёдоров Н.Ф. – 178; 181; 273.
Фромм Э. – 230; 264.
Хабермас Ю. – 286.
Хайдеггер М. – 11; 12; 28; 29; 31; 35.
Харрис Т. – 21.
Швейцер А. – 178.
Шевченко В.Н. – 4; 7; 21; 75; 184; 241; 299; 340.
Шопенгауэр А. – 25.
Шохин В.К. – 119.
Шютц А. – 140.
Щедровицкий Г.П. – 35.
Щербина В.В. – 21; 250.
Эпикур – 152; 329-336; 339; 340.
Ясперс К. – 12; 40.

*Dedicated to our friends-philosophers
from the glorious Peter's city*

CONTENTS

Content	3
About our friends and about time in which we live. Time to live or survive (instead of preface) (27.09.20; 05.06.23)	5
Section I. Philosophy for humans and cats	
1.1. Why do we need philosophy and why does philosophy need us? (07-08.12.21)	22
1.2. Images of philosophers in modern cinema: from the real to the desired (29.11.20)	30
Section II. Current issues	
2.1. "In short, damn." A little about the slang and communication culture of young virtuals (01.01.20)	41
2.2. On what or on whom is Russia "holding on" nowadays? (10.10.20)	54
2.3. Who divides people into groups and why? From formal separation to compulsory (part 1) (04-05.02.21)	68
2.4. Who divides people into groups and why? From formal separation to compulsory (part 2) (06-07.02.21)	90
2.5. "Games of democracy" and what it is that one sacrifices himself for (13-14.02.21)	110
2.6. About War and Peace (Russian Context) (21-22.01.22)	123
Section III. Man and his morals	
3.1. Is the Other of "one's own" or is he alien (16.01.20)	136
3.2. Paths to good that we do not always choose (26.11.20)	145
3.3. Human pro. Alternative versions of the "expanded" or "full" human (03.12.20)	159
3.4. Nothing or Other? (08.01.21)	174
3.5. Human as a victim. Once again about why and what for it is worth sacrificing (13.02.21; 08.04.21)	182
3.6. About trust (13.03.21; 08.05.21)	202
3.7. Friend to foes, foe to friends (05-07.01.22)	210

Section IV. What does it mean to be imprinted?

4.1. What is imprinting? (29.05.21)	231
4.2. Imprinting with yourself and your social circle (12.06.21)	241
4.3. Imprinting with Other (others) (15.06.21; 23.10.21; 27.10.21)	250
4.4. Imprinting with the country and the state (15.07.21; 08.09.21; 09.11.21; 14.12.21; 14.02.22)	261
4.5. Imprinting with the Universe (08.09.21; 05.03.22; 12.04.22)	280

Section V. Philosophical personalities

5.1. Once upon a time there was Boris Vasilyevich (for the 75th anniversary of B.V. Markov) (02-04.02.21)	289
5.2. Ilya Igorevich as we do not know him (for the 50th anniversary of I.I. Dokuchaev) (17-19.12.21)	301
5.3. “Big Brother” from Ryazan (New Year’s fantasies about the views of N.A. Stepanov) (01-02.01.22)	314
5.4. Konstantin Semyonovich Pigrov as an Epicurean of our time (to the 85th anniversary) (25-26.05.23)	326
Shevchenko V.N. Philosophy of Kuzya (instead of conclusion)	340
Index	343
Content in English	345

ISBN 5-901493-21-4

Научно-популярное издание

Резник Ю.М. ФИЛОСОФИЯ КОТА КУЗИ (ДИАЛОГИ). Часть 3. – М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2023. – 348 с.

Reznik Yu.M. PHILOSOPHY OF THE CAT NAMED KUZYA (DIALOGUES). Part. 3. – М.: Publishing House of the Independent Institute of Civil Society, 2023. – 348 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48892 от 12 марта 2012 г. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

*Компьютерная верстка – М.В. Николаев
Художественное оформление обложки – В.В. Щербина*

Сдано в набор: 25.05.2023. Подписано в печать: 05.06.2023. Формат 60/90 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. – 21,75. Тираж 300 экз.
Заказ № 12543

Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист» 109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5. «Технополис Москва». www.onebook.ru

Для заметок